

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

*By means of prearranged
Subscription Museum
Dr. Kyrle 1889's Decays*

Harvard College Library

THE GIFT OF

FRIENDS OF THE LIBRARY

**TRANSFERRED TO
FINE ARTS LIBRARY**

Кн. кн. Терещинъ Моты

ЗАПИСКИ

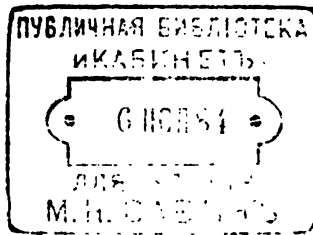
БЕНВЕНУТО ЧЕЛЛИНИ

ЗАПИСКИ БЕНВЕНУТО ЧЕЛЛИНИ

ФЛОРЕНТИЙСКАГО ЗОЛОТЫХЪ ДВЪ МАСТРА И СКУЛЬТОРА

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 9

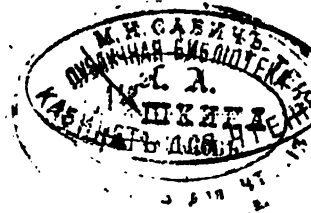
9 (Voir page 156.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭДУАРДА ПРАСА

1848

FA 1001.6.15

✓ [faded text]

HERMANN HULKE & CO. LTD.
PRINTERS
15, ABchurch Lane, LONDON, E.C. 4, ENGLAND
No. 12 1026

C

[faded text]

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по намечаваніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ указанное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, декабря 31-го дня 1847 года.

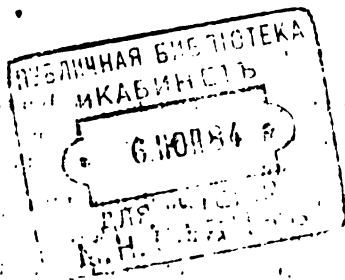
Ценсоръ С. Кутуря.
Ценсоръ Н. Срезневскій.

[faded text]

[faded text]

[faded text]

[faded text]

ЗАПИСКИ

БЕНВЕНУТО, СЫНА ДЖИОВАННИ ЧЕЛЛИНИ, ФЛОРЕНТИНЦА,
СОСТАВЛЕННЫЯ ИМЪ САМИМЪ, ВО ФЛОРЕНЦІИ.

Волюю, кто произвелъ что-нибудь замѣчательное, непременно
долженъ самъ описывать жизнь свою, разумеется, если такой чело-
вѣкъ добросовѣтенъ и правдивъ. Но такое благое предпріятіе должно
начинать не рано, какъ достигнувъ уже лѣтъ сорока; эту истину
созналъ я теперь, когда уезжалъ во Флоренцію, мою отчизну, на датъ
десять восьмью году моей жизни; теперь, когда, разсуждая о непосто-
янности и великомъ развратѣ людей, я чувствую, что въ настоящее
время менѣе, чѣмъ когда-либо, обремененъ всѣмъ, что такъ печа-
литъ человеческій родъ, теперь-то я только и надеюсь насладиться
душевными спокоествіемъ, хорошимъ здоровьемъ. Вспомнивъ о на-
сколькихъ счастливыхъ минутахъ и множествѣ невообразимыхъ
блестѣній, рѣшительно удивляюсь и не постигаю, какъ могъ я до-
жить до пятидесяти восьми лѣтъ, — возраста, въ которомъ, благодаря
Богу, я еще довольно счастливо вду себя впередъ.

Для людей, которые сдѣлались извѣстны свѣту своими замѣча-
тельными произведеніями, кажется достаточно было бы приобрести
знаменитость и показать себя людьми порлочными; но надо жить какъ
живутъ все на этомъ свѣтѣ, гдѣ есть-таки некоторая доля житей-
скаго тщеславія. Оно имѣетъ много источниковъ. Первый — желаніе по-
казать, что мы происходимъ отъ людей знаменитыхъ и весьма древ-

нихъ. На этомъ основаніи я скажу, что меня зовутъ Бенвенуто Челлини, что я сынъ маэстро Джіованни, отецъ котораго назывался Андреємъ, а дядя Христофано Челлини; мать моя, Марія Елисавета, была дочь Стефана Гранацца; оба были изъ Флоренціи. Въ хроникахъ, писанныхъ древними флорентинцами, людьми, достойными доверія, какъ говорятъ объ этомъ Джіованни Виллани, сказано, что городъ Флоренція былъ построенъ по примѣру чуднаго города Рима. Дѣйствительно, у Санта-Кроче видны слѣды Колизея и теплицъ. Капитолій былъ тамъ, гдѣ теперь Меркато-Веккіо. Ротонда, которая держится довольно крѣпко о сию пору, была храмомъ, воздвигнутымъ въ честь Марса: теперь это церковь св. Іоанна. Ясно, что все это было дѣйствительно такъ; но должно замѣтить, что эти строенія гораздо меньше римскихъ. Говорятъ, что они были построены Юліемъ Цезаремъ и некоторыми изъ римскихъ патриціевъ, которые, покоривъ и овладѣвъ Физолой, основали въ этомъ мѣстѣ городъ, и каждый изъ нихъ взялъ на себя построеніе одного изъ этихъ замѣчательныхъ зданій.

У Юлія Цезаря былъ храбрый капитанъ, по имени Фіоринно. Онъ родомъ былъ изъ Челлини, крѣпости въ двухъ миляхъ отъ Монте-Фіасконе. Фіоринно, для того, чтобы войско находилось ближе отъ Арно, расположился квартирами ниже Физолы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ наше время стоитъ Флоренція. Солдаты и вообще всѣ, кто имѣлъ до него надобность, обыкновенно говорили: «пойдемъ въ Фіоринцу». Такъ называли они это мѣсто, по имени ли капитана, или потому, что въ мѣстѣ росло множество цвѣтовъ? неизвѣстно. Это случайное имъ понравилось Юлію Цезарю, а какъ цвѣты притомъ считались хорошимъ предзнаменованіемъ, то, основывая городъ, онъ и далъ ему названіе *Fioranze* (Флоренція), думая въ то же время почтить этимъ и своего капитана, къ которому онъ тамъ болѣе благоволялъ, что и увлекъ его изъ бѣдной деревушки, и въ особенности, что самъ образовалъ изъ него достойнаго человека. Ученые, приискивающіе и придумывающіе этимологию словъ, утверждаютъ, будто Флоренція получила имя отъ *Fluentia*, потому-что Арно протекаетъ черезъ городъ (*). Мы этого не думаемъ: Римъ тоже перерезается Тибромъ, Феррара — рѣкою По, Ліонъ — Соною, Парижъ — Сеною, и однакожь эти города имѣютъ названія различныя съ Флоренціей и совсѣмъ другого происхожденія. Итакъ, согласимся же съ нашимъ назаніемъ и признаемъ, что дѣйствительно Флоренція получила названіе отъ заслуженнаго человека. Даже, въ Равеннѣ, самомъ древнейшемъ изъ италійскихъ городовъ, встрѣчается благородная, извѣстная фамилія

(*) *Протекать по-италійски fluidò.*

Челлини; встречается она и въ Швейцаріи и въ другихъ христіанскихъ мѣстахъ. Даже въ этой странѣ остались еще нѣкоторые члены изъ фамиліи Челлини, поступившіе въ военную службу, и недавно еще одинъ изъ нихъ, известный Лука Челлини, молодой безбородый мальчикъ, дрался съ однимъ опытнымъ и мужественнымъ воиномъ, по имени Франческо ди Векорати, который не разъ оставался побѣдителемъ на поединкахъ. Съ оружіемъ въ рукахъ Луна побѣдилъ его и убилъ съ такимъ удалствомъ и ловкостію, что удивилъ всѣхъ, ожидавшихъ совершенно противоположнаго. Могу ли же я гордиться тѣмъ, что происхожу отъ этихъ доблестныхъ мужей?

Въ свое время я узнаю, сколько и самъ сдѣлалъ чести моей фамиліи.

Я болѣе могу тщеславиться тѣмъ, что, будучи незнатнаго происхожденія, съ честью и славою утвердилъ домъ мой, нежели, еслибъ, потомокъ знатнаго рода, я своими перонами занятнѣе или увѣнчалъ бы его. Затѣмъ расскажу, какъ Богу угодно было дѣровать мою жизнь.

Мои предки жили въ домикѣ Д'Амбра; они удалились сюда по причинѣ смутъ, обладали здѣсь большими помѣстьями и жили маленькими князьками; все они были люди вольные и все были очень храбры. Въ это время одинъ изъ сыновей ихъ, самый младшій, по имени Христофано, завелъ жаркую ссору съ нѣкоторыми изъ своихъ соседей и друзей. Дѣло дошло до стариковъ, и когда увидѣли, что обѣ стороны такъ разгорячились, что фамиліямъ угрожаетъ рѣшительное паденіе, старшіе изъ нихъ положили удалить Христофано и другого молодого человека, зачинщика ссоры. Родители этого молодого человека отправили его въ Сиенну, а наши послали Христофано во Флоренцію, гдѣ купили ему небольшой домикъ на Віа-Кіара, близъ монастыря Сантъ-Ореола, и прекрасную землю при мостѣ Рифреді.

Во Флоренціи Христофано женился, и у него родилось нѣсколько мальчиковъ и девочекъ. Дочерямъ дано было приданое, а сыновья, по смерти отца, раздѣлили между собою оставшееся наслѣдство. На часть одного изъ нихъ, Андреа, пришелся домъ на Віа-Кіара и еще что-то вовсе не важное. Отъ брака Андреа родилось четыре сына: старшаго звали Джироламо, втораго Бартоломео, третьяго (моего отца) Джіованни, четвертаго Франческо.

Андреа Челлини былъ искусный архитекторъ своего времени, и архитектура доставляла ему средства къ пропитанію. Джіованни, отецъ мой, занимался ею болѣе другихъ братьевъ, а такъ какъ, по словамъ Витрувія, для того, чтобы превзойти въ архитектурѣ всѣхъ соперниковъ, необходимо быть отчасти и музыкантомъ и хорошо

рисовать, то онъ и сдѣлался хорошимъ живописцемъ и сталъ преимущественно заниматься музыкою. Онъ очень хорошо игралъ на виолѣ и на флейтѣ. Отецъ мой такъ любилъ занятія, что рѣдко выходилъ изъ дому. У сосѣда его, Стефано Граначчи, были дочери красавицы. Богу угодно было, чтобы Джіованни увидалъ одну изъ нихъ, по имени Елизабетту, которая до того ему приглянулась, что онъ просилъ ея руки. Благодаря сосѣдству, отцы прекрасно знали другъ друга, почему препятствій къ браку не было, и каждый изъ нихъ думалъ, что прекрасно обдѣлалъ свои дѣла. Отпраздновали свадьбу, и тогда только старики начали говорить о приданомъ; между ними завязался дружескій споръ. — «Сынъ мой Джіованни—говорилъ Андреа Стефано — лучший молодой человекъ во Флоренціи, да и въ цѣлой Италіи, и еслибъ я вздумалъ раньше женить его, то у меня было бы одно изъ лучшихъ приданыхъ, какія даются людямъ нашего состоянія.» А Стефано возражалъ ему: «Ты совершенно справедливъ, да вѣдь у меня пять дочерей и столько же сыновей; такъ-что, какъ свести концы съ концами, такъ и выйдетъ, что больше я ничего не могу дать». Джіованни, котораго они не видали, слышалъ ихъ разговоръ, неожиданно явился передъ ними и сказалъ: «Батюшка, я хотѣлъ жениться на этой дѣвушкѣ и любилъ ее, а не ихъ золото. Горе тому, кто хочетъ поправить собственное состояніе приданымъ жены! Вы еще сейчасъ хвалили мое искусство: ужели же я не въ состояніи поддержать свой домъ и удовлетворить потребностямъ жены, получивъ сумму меньше той, какую вы требуете? На это я вамъ скажу, что жена—моя, а приданое пусть будетъ принадлежать вамъ». Такъ какъ эти слова раздразжили Андреа Челлини, нѣсколько сердитаго отъ природы, то Джіованни ужалъ съ своею женою и не говорилъ болѣе о приданомъ.

Супруги, въ продолженіи восемнадцати лѣтъ пользовались своею молодостью и взаимной любовью и сильно хотѣли имѣть дѣтей. Въ вѣскодѣ восемнадцатаго года жена Джіованни, отъ неловкости докторовъ, выкинула двухъ близнецовъ. Потомъ снова забеременѣла и родила дѣвочку, которую назвали Козо, въ память матери моего отца. Спустя два года, она опять сдѣлалась тяжела; во время беременности обнаружилась у нея прихоти, совершенно подобныя тѣмъ, которыя сопровождали предъидущую беременность. Такъ какъ на эти прихоти обращаютъ большое вниманіе, то всѣ были увѣрены, что родится дочь, которую и рѣшили назвать Репарата. Она разрѣшилась ночью, на-канунъ дня Всесвятыхъ, въ четыре часа съ половиной, ровно въ 1300 году. Повивальная бабушка знала, что ожидала дочери. Обмывъ ребенка и обернувъ его въ превосходныя бѣлыя пеленки, она безъ шума подошла къ отцу и сказала: «Я принесла вамъ прекрасный по-

дарокъ, какого вы и не ожидали». Отецъ мой, истинный философъ, въ это время гулялъ. «Что бы вы послали мнѣ Господь—отвѣчалъ онъ— мнѣ все дорого.» И, отбросивъ пеленки, онъ собственными глазами увидалъ сына, чего никакъ не ожидалъ. Старикъ сложилъ руки, поднялъ глаза къ небу и сказалъ: «Господи! благодарю Тебя отъ всего сердца! Мнѣ дорогъ этотъ ребенокъ: онъ мой желанный». Присутствовавшіе спрашивали Джіованни, какъ назвать новорожденнаго. «Пусть будетъ онъ *Бенвенуто*» (*), отвѣчалъ отецъ. Такъ вотъ имя, данное мнѣ при святомъ крещеніи, подъ этимъ именемъ я и жилъ, благодаря Бога.

Когда мнѣ было около трехъ лѣтъ, Андреа Челлини еще жилъ и ему было уже сто лѣтъ. Однажды, когда перемѣняли сточный жолобъ, оттуда выпалъ огромный скорпионъ такъ, что его никто не заметилъ. Онъ спустился на землю и скрылся подъ скамью. Увидѣвъ это животное, я ползъ къ нему и схватилъ его рукою. Скорпионъ былъ такъ великъ, что хвостъ его торчалъ по одну сторону руки, а пара клещей по другую. Мнѣ рассказывали впоследствии, что я, въ радости, подскочилъ къ Андреа Челлини и сказалъ ему: — «дядюшка, посмотри какой у меня хорошенькій рачекъ». Дядь, увидѣвъ, что это скорпионъ, чуть не умеръ со страху (онъ крѣпко меня любилъ). Онъ сталъ ласкать меня и убѣждалъ выпустить моего рака, но я только крѣпче сжималъ животное въ рукѣ, пазкалъ и рѣшительно не хотѣлъ никому отдать его. На крикъ мой прибѣжалъ отецъ, который еще былъ дома; въ страхъ и изумленіи онъ сначала не могъ найтись, какъ бы спасти меня отъ вѣрной смерти, ослѣбъ скорпионъ успѣлъ выпустить ядъ; примѣтивъ вдругъ ножницы, онъ схватилъ ихъ и, лаская меня, отрѣзалъ у скорпіона хвостъ и клещи. Отецъ мой смотрѣлъ на это происшествіе, какъ на добрый знакъ.

Когда мнѣ было около пяти лѣтъ, отецъ мой находился однажды въ комнатѣ, гдѣ процѣживали щолокъ; онъ игралъ на віолѣ и пѣлъ, сидя близь огня (на дворѣ стоялъ сильный холодъ). Вдругъ онъ заметилъ случайно, что въ пламени рѣзвилось какое-то животное, въ родѣ ящерицы. Батюшка, тотчасъ смѣкнувъ, что это такое, позвалъ мою сестру и меня, показалъ на змѣвившееся животное и далъ мнѣ сильную пощочину, застѣвившую меня горько заплакать. Отецъ съ нѣжностію обтеръ мои слезы и сказалъ: — «Другъ мой, я ударилъ тебя не для того, чтобы за что-нибудь наказать, но лишь для того, чтобы ты помнилъ, что ящерица, которую ты видишь въ огнѣ, саламандра, животное, котораго не выдалъ еще ни одинъ человекъ».

(* *Benvenuto* означаетъ по-итальянски человекъ, котораго хотятъ видѣть, по-торому рады, человекъ-желаннаго.

Послѣ этихъ словъ онъ меня поцаловалъ и далъ нѣсколько квантранн (*).

Батюшка сталъ меня учить вокальной музыкѣ и игрѣ на флейтѣ. Хотя я былъ въ томъ возрастѣ, когда ребята забавляются еще свисткомъ или какой-нибудь игрушкой въ этомъ родѣ, уроки музыки доставляли мнѣ невыразимую непріятность; следовательно я пѣлъ и игралъ единственно изъ повиновенія.

Въ это время отецъ мой дѣлалъ чудные органы изъ дерева, лучшіе и красивѣйшіе клавишныя, какія я когда-либо видывалъ, віолы, лютии и арфы, рѣдкія по красотѣ и совершенству. Онъ былъ инженеръ: превосходно строилъ мосты, валяльныя машины, однимъ словомъ, всевозможные инструменты и машины. Онъ первый сталъ прекрасно обрабатывать слоновую кость. Но такъ какъ талантъ его играть на флейтѣ былъ можетъ быть первою причиною его связи съ матушкою, то онъ и занимался имъ съ такимъ рвеніемъ, что флейщики просили его играть съ ними. Сначала онъ дѣлалъ это изъ собственнаго удовольствія; потомъ, уступая настоятельнымъ просьбамъ, согласился вступить въ ихъ общество. Лоренцо Медичи и Піетро сынъ его, желавшіе добра отцу моему, вида, что для флейты покинулъ онъ и талантъ свой и искусство, лишили его этого мѣста. Это сильно оскорбило отца; онъ снова обратился къ своему искусству и сдѣлалъ изъ обыкновенной кости и изъ слоновой зеркало около 6 футовъ въ діаметрѣ, украшенное фигурами и листьями; отдалка и рисунокъ были удивительны. Зеркало представляло колесо; въ серединѣ находилось самое стекло, около котораго въ семи кругахъ расположены семь добродѣтелей, выдѣланныхъ изъ черной и слоновой кости. Зеркало и добродѣтели такъ были расположены, что когда колесо вертѣлось, добродѣтели всегда стояли прямо при помощи противодайствовавшей тяжести, находившейся подъ ихъ ногами. Отецъ, смысла не много по-латынѣ, вырѣзалъ вокругъ зеркала латинскій стихъ, смыслъ котораго былъ слѣдующій: на какую бы сторону ни повернулось колесо фортуны, Добродѣтель всегда будетъ стоять прямо.

Rota sum, semper, quoquo me verto, stat Virtus.

Спустя нѣсколько времени онъ опять получилъ прежнее мѣсто. Въ то время музыканты были весьма уважаемы, многіе изъ нихъ принадлежали даже къ благороднымъ корпораціямъ шолка и шерсти, поэтому-то отцу моему и не противно было вступить въ это состоявіе. Батюшка пламенно желалъ сдѣлать изъ меня превосходнаго флей-

(*) Мелкая монета.

щива; и какъ было мнѣ непріятно, когда онъ касался этого предмета и говорилъ мнѣ, что я могу сдѣлаться первымъ человекомъ во всемъ свѣтѣ, если только захочу употребить въ дѣло свои способности.

Отецъ мой, какъ я уже сказалъ выше, былъ совершенно преданъ фамиліи Медичи. Великолепный Піетро Содерини, достигнувъ власти, взялъ къ себѣ въ службу музыкантомъ; признавъ потомъ удивительную его гениальность, онъ поручилъ ему, въ качествѣ инженера, управленіе немаловажными работами. И вообще, пока Содерини былъ во Флоренціи, онъ желалъ отцу моему всякаго добра:

Въ это время отецъ отправлялъ меня на плечахъ слуги передъ Севьорію, чтобы тамъ играть на флейтѣ съ дворцовыми музыкантами. Во время концерта, въ которомъ я исполнялъ партитуру со-крано, меня держали на рукахъ. Хоругвоносецъ любилъ мою болтовню, давалъ мнѣ разныхъ сладостей и говорилъ батюшкѣ: — «послушай, маэстро Джіованни, музыка музыкой, а ты научи его и другихъ искусству, которыми обладаешь». На что отецъ отвѣчалъ ему: — «все мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы онъ игралъ на флейтѣ и сочинялъ, потому-что, если Богу угодно будетъ продать дни его, то я надюсь сдѣлать изъ него, въ этомъ отношеніи, перваго человека въ свѣтѣ». — Маэстро Джіованни, сказалъ ему на это одинъ изъ бывшихъ тутъ старыхъ савьоровъ: — советую дѣлать то, что тебѣ говорилъ хоругвоносецъ; отчего же бы ребенку не сдѣлаться чѣмъ другимъ, какъ только хорошимъ флейщикомъ?

Такъ прошло несколько времени до тѣхъ поръ, пока не вызваны были Медичи. Когда они возвратились, кардиналъ, вошедшій въ послѣдствіи на папскій престолъ подъ именемъ Льва X, ласкалъ батюшку. Во время изгнанія Медичи сняты были гербы, украшавшіе ихъ дворецъ, а на мѣсто ихъ нарисовано было оружіе общины — большой красный крестъ. Когда же Медичи возвратились, крестъ былъ уничтоженъ и восстановлены гербы на золотомъ полѣ, съ превосходными украшеніями. Батюшка, отъ природы поэтъ и даже въ некоторомъ родѣ пророкъ, что безъ сомнѣнія даю ему было отъ Бога, написалъ подъ этими гербами четыре стиха:

Quest'arme che sepolta è stata tanto
Sotto la santa croce mansueta,
Mostra or la faccia gloriosa e lieta,
Aspettando di Pietro il sacro ammantò.

Все Флоренція читала эту эпиграмму. Спустя несколько дней умеръ папа Юлій II. Кардиналъ Медичи отправился въ Римъ и, противъ всеобщаго ожиданія, избранъ былъ въ папы подъ именемъ

Льва Х. Левъ, прочитавъ четыре стиха, которые батюшка послала къ нему, звалъ отца къ своему двору, увѣрялъ, что ему тамъ будетъ хорошо. Батюшка не хотѣлъ оставить Флоренцію и вмѣсто того, чтобы получить вознагражденіе, лишень былъ мѣста Жакопо Сальвиати, сдѣлавшимся хоругвоносцемъ. По этой причинѣ я сталъ учиться мастерству золотыхъ дѣлъ; одну часть времени проводилъ я въ изученіи этого искусства, другую — игралъ противъ воли на флейтѣ.... (*)

Выслушавъ эти слова, я попросилъ у него позволенія рисовать нѣсколько часовъ въ день, обязываясь все остальное время посвящать флейтѣ. «Такъ ты не находишь ни малѣйшаго удовольствія играть на этомъ инструментѣ?» сказалъ отецъ. — Нисколько, отвѣчалъ я ему, потому-что должность музыканта казалась мнѣ гораздо меньше того, о чемъ я мечталъ.

Въ отчаяніи батюшка отдалъ меня въ мастерскую отца кавалера Бандиннели, по имени Микельанжоло. Не успѣлъ я провести у него нѣсколькихъ дней, какъ отецъ, соскучась безъ меня, снова взялъ меня къ себѣ, и снова, къ величайшей моей горести, я принужденъ былъ приняться за флейту и не оставилъ ее до пятнадцати лѣтъ. Еслибы я вздумалъ рассказывать необыкновенныя происшествія, ознаменовавшія жизнь мою до этого возраста, то читатель пораженъ бы былъ удивленіемъ; но я не хочу распространяться, къ тому же мнѣ столько еще надо рассказать, что оставляю это въ сторонѣ.

Пятнадцати лѣтъ вступилъ я, противъ воли отца, къ золотыхъ дѣлъ мастеру Антонио ди Савдро, прованному Марке. Антонио прекрасно зналъ свое дѣло, былъ добръ, благороденъ и чистосердеченъ во всѣхъ своихъ поступкахъ. Отцу моему не хотѣлось, чтобы Антонио давалъ мнѣ жалованье, какъ другимъ ученикамъ, потому-что я занимался этимъ искусствомъ по собственной охотѣ: ему хотѣлось, чтобы я могъ рисовать, когда мнѣ вздумается. Я исполнялъ это очень хорошо, и достойный мой учитель былъ въ восхищеніи отъ моихъ рисунковъ. У него былъ единственный сынъ, которому онъ часто приказывалъ помогать мнѣ. Благодаря желанію усовершенствоваться и своимъ способностямъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ я могъ соперничать съ хорошими, даже съ лучшими работниками и сталъ пользоваться плодами отъ своихъ трудовъ. Изъ угожденія отцу я иногда игралъ-таки на флейтѣ и трубилъ въ рогъ, и онъ всегда слушалъ меня со слезами на глазахъ, по временамъ глубоко вздыхая. Наконецъ, чтобы осчастливить батюшку, я старался даже увѣрить его, что занимаюсь этимъ съ большимъ удовольствіемъ!

(*) Этотъ пропускъ находится въ оригинальной рукописи.

II.

Въ это время брату моему, сделавшемуся по своей храбрости и отважности однимъ изъ лучшихъ воиновъ дивнаго Юанна Медичи, отца герцога Косьмы, было около четырнадцати лѣтъ. Однажды въ воскресенье, находясь между воротами Санъ-Галло и Пинти, онъ поведорилъ, со шпикомъ въ руцѣ, съ однимъ молодымъ человѣкомъ лѣтъ двадцати. Онъ такъ разгорячился, что, нанеся опасную рану, казался не хотѣть остановиться. Между многочисленными свидѣтелями (бывъ) было много родственниковъ раненаго; увидавъ, что дѣло приняло дурной оборотъ, они вооружились камнями и стали бросать ими въ брата, такъ-что одинъ попалъ ему въ голову, и несчастный зашвертво упалъ на землю. У меня, по несчастію, не было тутъ ни друзей, ни оружія; я кричалъ брату изо всѣхъ силъ, чтобы онъ удалился, что уже онъ и то остался побѣдителемъ; но, увидавъ, что онъ увязъ, я схватилъ его шпагу и сталъ надъ нимъ: ни камни, ни шпаги противниковъ меня не утрашили. Я не отходилъ отъ него ни на шагъ до тѣхъ поръ, пока не прибыло отъ воротъ Санъ-Галло нѣсколько храбрыхъ солдатъ; они вырвали насъ изъ руцъ раздраженныхъ неприятелей и не мало удивлялись, видя столько отваги въ такъ еще молодыхъ людяхъ. Я отнесъ полумертваго брата домой; онъ съ большимъ трудомъ пришелъ въ себя. Когда онъ оправился, съвѣтъ Восьми, осудивъ нашихъ противниковъ на нѣсколько лѣтъ изгнанія, повелѣлъ и намъ удалиться изъ города на шесть мѣсяцовъ, на разстояніе десяти миль. «Пойдемъ со мною», сказалъ я брату. — Мы простились съ бѣднымъ батюшкою, который, за невнятнымъ дѣломъ, далъ намъ свое благословеніе.

Въ Сиеннѣ я отыскалъ мастера Франческо Касторо. Во время моего вторичнаго бѣгства изъ родительскаго дома, я уже жилъ нѣсколько лѣтъ у этого честнаго золотыхъ дѣлъ мастера, къ которому отецъ прислалъ за мною; Франческо узналъ меня, тотчасъ употребилъ меня въ дѣло и далъ мнѣ на все время моего пребыванія въ Сиеннѣ домъ, гдѣ я и поселился съ братомъ и работалъ нѣсколько мѣсяцовъ. Братъ мой смыслилъ нѣсколько по-латынѣ, но онъ былъ такъ молодъ, что любви къ занятію еще не имѣлъ, а думалъ только объ удовольствіяхъ.

По просьбѣ моего отца, кардиналъ Медичи, впоследствии вступившій на папскій престолъ подъ именемъ Климента VII, выпросилъ намъ позволеніе возвратиться во Флоренцію. Одинъ изъ батюшкиныхъ учениковъ, давнишній злобою, присоветовалъ кардиналу от-

править меня въ Болонію, для усовершенствованія въ игрѣ на флейтѣ, въ школу великаго маэстро Антоніо. Кардиналъ сказалъ батюшкѣ, что если онъ на это согласенъ, то онъ дастъ мнѣ рекомендательныя и кредитныя письма. Батюшка до смерти хотѣлось видѣть исполненіе этого предложенія, а такъ какъ мнѣ самому хотѣлось морыскать по бѣлому свѣту, то я вскорѣ и отправился.

По прибытіи въ Болонію, сталъ я работать у Эркола-дель-Пиццери и началъ получать деньги. Несмотря на то, всею душою бралъ музыкальный урокъ, и въ несколько недѣль сдѣлалъ большіе успѣхи въ проклятой игрѣ на флейтѣ, но еще больше въ золотыхъ дѣль мастерствѣ, потому-что, не получая никакой помощи отъ кардинала, я поступилъ къ одному миниатюрному живописцу, болонцу, по имени Сципиону Кавалетти. Здѣсь я учился работать и работалъ для одного еврея, Грація-Діо, и отъ него получалъ много денегъ.

Черезъ шесть мѣсяцовъ я возвратился во Флоренцію, что сальмо не понравилось Піеррино Пиццери, бывшему ученику моего отца; но чтобы угодить послѣднему, я ходилъ къ Піеррино трубить въ рогъ и играть на флейтѣ съ братомъ его, Джироламо, который былъ въ сколькихъ годахъ моложе. Онъ былъ славный, добрый мальчуганъ и въ сколько не походилъ на своего брата. Однажды батюшка пришелъ къ Піеррино насъ послушать; ему чрезвычайно понравилась моя игра и онъ сказалъ: «я такъ сдѣлаю изъ него великаго музыканта, несмотря на то, что многіе желаютъ воспрепятствовать этому». Піеррино отвѣчалъ: «а я думаю, что вашъ Бенвенуто получитъ больше славы и денегъ отъ мастерства золотыхъ дѣль, чѣмъ отъ этой дулки». При этихъ словахъ, отецъ мой, видя, что я раздѣляю это мнѣніе, вышелъ изъ себя и сказалъ съ гнѣвомъ: «я знаю, что ты всегда препятствовалъ моему заветному желанію, ты лишилъ меня должности при дворѣ, заплативъ такимъ образомъ черною неблагодарностію за мои благодѣянія. Я тебя далъ мѣсто, а ты постарался отнять у меня мое; я же тебя выучилъ музыкѣ и всему, что ты знаешь, а ты препятствуешь моему сыну исполнить волю отца!.. Но вспомни пророческія слова: не пройдетъ не только года или мѣсяца, не пройдетъ несколько недѣль, какъ ты погибнешь, въ награду за твою безстыдную неблагодарность». Піеррино отвѣчалъ: «Мастеръ Джіованни! люди, старясь, теряютъ умъ, какъ это я вижу на васъ. Не удивляюсь теперь, почему вы такъ щедро расточаете свое имущество, не подумавъ, что дѣти ваши имѣютъ въ немъ большую нужду! Я такъ поступилъ иначе: постараюсь прицѣпить кое-что для своихъ, чтобы они, при случаѣ, могли помочь и вамъ». — «Никогда дурное дерево», возразилъ отецъ: — «не принесетъ хорошаго плода! Ты золъ, и дѣти твои будутъ глухи и бѣдны. Они приаутъ

просить милостыни у monks, которые, поварь, будут съдуши и богаты». Потомъ отецъ ушелъ, манясь угрозами и ругательствами. Я всталъ его сторону и тоже ушелъ отъ Пьерино, обещаясь отцу отомстить этому презрѣнному человеку, за оскорбленіе. «Но съ условіемъ», прибавилъ я: — если вы мнѣ позволите заниматься рисованіемъ.» — «Милый сынъ», произнесъ отецъ: — съ вознагражденіе, обещай мнѣ заниматься иногда олейтой и рожкомъ, и дѣлай это съ охотой.» Я отвѣчалъ ему утвердительно. «Величайшее мщеніе, прибавилъ онъ: — какое ты можешь нанести моимъ врагамъ за ихъ обиды, будетъ состоять въ усовершенствованіи талантовъ». Не прошло еще мѣсяца, когда Пьерино, перестроивъ сводъ въ своемъ домѣ, находился со многими своими товарищами въ комнатѣ нижняго этажа, надъ этимъ сводомъ. Онъ сталъ рассказывать о моемъ отцѣ, своемъ старомъ учителѣ, и повторялъ слова его, въ которыхъ тотъ предсказывалъ ему блазую погибель. Вдругъ, потому ли, что сводъ былъ дурно устроенъ, или единымъ всемогуществомъ Бога, который для кары своей не ждетъ суднаго дня, Пьерино былъ задавленъ. Камни и кирпичи, упавшіе въ тоже время, разможили ему ноги. Бывшіе съ нимъ, удержась на краяхъ свода, остались невредимы; они были удушены и поражены, тѣмъ болѣе, что за минуту Пьерино говорилъ объ этомъ съ провісію.

Узнавъ объ этомъ, батюшка тотчасъ одѣлся, пошелъ къ Пьерино и въ присутствіи его отца, сказалъ: «любезный Пьерино, очень сожалѣю о твоёмъ несчастіи; но вспомни, что я некоторымъ образомъ предостерегалъ тебя.... Такъ же точно исполнятся и то, что я пророчилъ о нашихъ дѣтяхъ.» Нѣсколько времени спустя, неблагодарный Пьерино умеръ отъ ранъ, оставивъ развратную жену, которая въ послѣдствіи, въ Римѣ, приходила ко мнѣ просить милостыню. По врожденной мнѣ добротѣ, я оказалъ ей помощь, и со слезами вспоминалъ о бывшемъ богатствѣ Пьерино.... Но довольно объ этомъ! Пусть никто и никогда не смеется надъ предсказаніемъ добраго человека, оскорбленнаго несправедливо; ибо въ то время говорить его устами Богъ!!!

Я работалъ надъ золотыми вещами, что давало мнѣ иногда средства помогать моему доброму отцу. Младшій братъ мой, Чеккино, какъ я уже замѣтилъ, зналъ нѣкоторыя первоначальныя основанія латинскаго языка, потому-что изъ него хотѣли сдѣлать великаго юриконоульга, какъ изъ меня великаго музыканта; но въ насъ не могли обладать природныхъ талантовъ, такъ-что я занимался рисованіемъ, а мой братъ, который былъ хорошо сложенъ, имѣлъ прекрасный станъ, вполне соответствовавшій военному званію, отправился подъ знамена знаменитаго Іоанна Медичи. Онъ возвра-

тился домой въ мое отсутствіе , и такъ какъ у него платья было гораздо меньше , чѣмъ у меня , то сестры , тайно отъ отца , отдали ему мой плащъ и кафтанъ , совершенно новые (несмотря на то , что я давалъ деньги моему отцу и моимъ добрымъ и милымъ сестрамъ , я имѣлъ еще столько въ остаткѣ , что могъ купить эти вещи). Видя себя обманутымъ и лишеннымъ платья , и не найдя брата , чтобъ отнять у него взятое , я сталъ упрекать отца , что онъ позволяетъ дѣлать мнѣ такіа оскорбленія , онъ , который очень хорошо видитъ , какъ я стараюсь работать изо всѣхъ силъ , чтобъ помочь ему. Отецъ отвѣчалъ , что я всегда былъ его любимымъ сыномъ и что , находясь со мною , онъ считаетъ себя вознагражденнымъ за всѣ потери; но что впрочемъ обязанность требуетъ слѣдовать божественному ученію — дѣлаться съ немущимъ , и что если я , изъ любви къ Богу , перенесу эту несправедливость , то Онъ наградитъ меня всѣми благами. Я отвѣчалъ моему бѣдному , огорченному отцу , какъ неопытный и своевольный мальчикъ ; потомъ , взявъ съ собою несколько денегъ , пошелъ къ первымъ городскимъ воротамъ , не зная , какія изъ нихъ ведутъ въ Римъ , и очутился въ Луккѣ , откуда пошелъ въ Пизу. Пришедши въ городъ (мнѣ было тогда 16 лѣтъ) , я остановился передъ мастерской одного золотыхъ дѣлъ мастера , у моста Меццо , на мѣстѣ *Pietra del Pesce* , и сталъ со вниманіемъ смотреть на его работу. Замѣтивъ это , онъ спросилъ меня , кто я таковъ и чѣмъ занимаюсь ? я отвѣчалъ , что немножко свѣдущъ въ его искусствѣ. Тогда этотъ славный человекъ позвалъ меня къ себѣ , далъ мнѣ работу и сказалъ : « доброе выраженіе твоего лица заставляетъ меня думать , что ты хорошій и честный мальчикъ. » Онъ ввѣрилъ мнѣ золото , серебро и драгоценныя каменья , и когда окончился день , вечеромъ повелъ меня въ свой домъ , гдѣ онъ жилъ въ довольствѣ съ красавицею женой и дѣтьми. Я вспомнилъ о томъ , какъ можетъ огорчить отца мой поступокъ , и написалъ къ нему , что живу у добраго человека , по имени мастера Уливіери делла Кіостра и тружусь надъ большими и важными работами , что онъ охотно согласенъ учить меня , и что я надѣюсь скоро возвратиться домой съ честью и пользой. Мой бѣдный отецъ отвѣчалъ тотчасъ же : « Сынъ мой ! я люблю тебя столько , что если бъ не приличіе , которое ставлю выше всего , то сію же минутою отправился бы обнять тебя. Мнѣ кажется , я лишенъ свѣта съ тѣхъ поръ , какъ не вижу тебя каждый день , какъ бывало прежде. Чтѣ до меня касается , то я постараюсь съ честью поддержать домъ нашъ до конца жизни. А ты учись и совершенствуйся и слѣдуй правилу: для того , чтобы удержаться въ чьемъ либо домѣ , должно быть честнымъ. » Это письмо попало въ руки мастера Уливіери ; онъ прочиталъ его тихонько и потомъ , призна-

валъ мнѣ въ этомъ , сказалъ : « Бенвенуто , твоя фязіономія не обманула меня ; я въ этомъ еще больше увѣрился письмомъ твоего почтеннаго отца , который долженъ быть человекъ отличныхъ праяилъ . Распоряжайся у меня какъ дома » .

Во время моего пребыванія въ Пизѣ , я посетилъ *Campo Santo* ⁽¹⁾ и нашелъ тамъ множество превосходныхъ древностей . Я изучалъ ихъ , какъ только выдавалось свободное время .

Между тѣмъ отецъ убѣдительно просилъ меня прійхать къ нему . Во всѣхъ своихъ письмахъ онъ напоминалъ , чтобъ я не покидалъ музыки , которая стоила ему столькихъ трудовъ ; это родило во мнѣ намѣреніе не возвращаться : такъ ненавидѣлъ я проклятую флейту . Въ самомъ дѣлѣ , годъ , который я прожилъ безъ нея въ Пизѣ , казался мнѣ раемъ . Къ концу этого времени Кіостро нужно было ѣхать во Флоренцію ; я былъ боленъ лихорадкой и отправился вмѣстѣ съ нимъ . Болезнь моя продолжалась около двухъ мѣсяцовъ ; во все это время отецъ ухаживалъ за мной съ изъясною попечительностію и непрерывно повторялъ , что ему кажется , будто онъ ждетъ моего выздоровленія тысячу лѣтъ : такъ хотѣлось ему услышать скорый игру мою на флейтѣ . Говоря это , онъ держалъ меня за пульсъ (отецъ мой зналъ латинскій языкъ и имѣлъ кой-какія познанія въ медицинѣ) , и по его ускоренію чувствовалъ , какъ тревожили меня эти слова . Смущеніе мое бывало столь сильно , что часто въ отчаяніи отецъ мой уходилъ отъ меня со слезами на глазахъ . Разъ , приметя это , я взялъ флейту и заигралъ съ такою ловкостію и такъ удачно , что отецъ , прибѣжавъ мигомъ , сталъ благословлять меня тысячекратно и замѣтилъ , что ему кажется , будто въ отсутствіе мое я много усовершенствовался . По выздоровленіи я тотчасъ же отправился къ ювелиру Марконе , который доставилъ мнѣ средство получить деньги и поддерживать мою семью .

III.

Въ это время прибылъ во Флоренцію одинъ скульпторъ , по имени Піетро Торриджіани . Онъ прійхалъ изъ Англіи , гдѣ прожилъ много лѣтъ . Такъ какъ онъ былъ другомъ моего хозяина , то и по-

⁽¹⁾ *Campo Santo* , одна изъ примѣчательностей Пизы ; кладбище это окружено обширнымъ портикомъ и наполнено множествомъ ираморныхъ и бронзовыхъ памятниковъ . Здѣсь находятся произведенія Чинчабю , Джіотто и другихъ древнихъ живописцевъ . Известно , что пизанцы такъ много заботились о своихъ могилкахъ , что въ 1189 году отправили множество кораблей въ Палестину за святой землей для *Campo Santo* .

сѣщалъ его домъ каждый день. Увидѣвъ мою работу и рисунки, онъ сказалъ: «я прѣхалъ во Флоренцію, чтобъ взять отсюда самаго лучшаго молодого человека, какого только могу найти; у меня весьма важная работа для короля, но я хочу, чтобъ мнѣ помогали флорентинцы. Твои рисунки годятся скорее для скульптора, чѣмъ для ювелира; а мнѣ нужно дѣлать значительныя бронзовыя работы; поэтому, если хочешь ѣхать со мной, то я и научу тебя и обогачу въ одно и то же время».

Торреджіани былъ красивый, лихой мужчина и походилъ скорее на стараго солдата, чѣмъ на скульптора, особенно по своимъ приметамъ, по зычному голосу и нахмуриванію бровей, что могло устрашить и самихъ храбрецовъ. Онъ непрерывно рассказывалъ о своихъ подвигахъ *со скотами англичанами*. Однажды, по поводу моего рисунка, который я списывалъ съ картона божественнаго Микель-Анджело Буонарроти ⁽¹⁾, Торреджіани началъ говорить о немъ. Этотъ картонъ былъ первымъ замѣчательнымъ произведеніемъ, гдѣ Микель-Анджело показалъ свой удивительный талантъ. Онъ дѣлалъ его вмѣстѣ съ Леонардомъ да-Винчи. Картины назначались для дворцовой залы. Они изображали взятіе Пизы флорентинцами. Леонардъ да-Винчи писалъ кавалерію и взятіе нѣкоторыхъ мѣстъ и выполнилъ это такъ хорошо, какъ только можно вообразить; а Микель-Анджело копировалъ нѣсколько пѣхотныхъ солдатъ. Представлено льво; солдаты кунаются въ рѣкъ Арно; вдругъ бьютъ на приступъ; всѣ толпятся и спѣшатъ къ оружію съ такими прекрасными жестами, съ такими тѣлодвиженіями, что ни древніе, ни новѣйшіе не имѣютъ у себя въ этомъ родѣ ничего подобнаго. Одинъ изъ картоновъ былъ помѣщенъ во дворецъ Медичи, а другой въ залу папы. Хотя Микель-Анджело впоследствии и отдѣлалъ часовню папы Юлія ⁽²⁾, однакожь онъ не употребилъ здѣсь и половины своего таланта и не воз-

⁽¹⁾ Микель-Анджело Буонарроти, т. е. старшій, для отличія отъ другого Микель-Анджело, его племянника, автора *Tancia de la Fiera, etc.*, родился въ 1478 г. Въ училищѣ Бертольда онъ показалъ уже свою наклонность къ художествамъ. Лаврентій Великолѣпный, учредившій это заведеніе въ своемъ дворцѣ, хотѣлъ удержать Буонарроти, какъ превосходнаго ученика, при себѣ, и назначалъ пенсію его отцу. Здѣсь-то Микель-Анджело получалъ самыя лучшія начала и возможность изучать древніе памятники, собираемые Лаврентіемъ съ такою заботливостію. Когда Медичи были изгнаны, Буонарроти перѣхалъ въ Римъ, гдѣ продолжалъ предаваться своей наклонности — изучать древніе образцы и вскорѣ произвелъ такіа драгоцѣннаго произведенія скульптуры, которыя сѣло могли соперничать съ ними. Буонарроти дышалъ искусствомъ, отличался въ живописи, скульптурѣ и архитектурѣ и не безъ успѣха занимался поэзіей. Онъ былъ въ числѣ главныхъ строителей церкви св. Петра. Умеръ въ 1564 г.

⁽²⁾ Она болѣе извѣстна подъ именемъ Сикстинской Часовни.

вышелъ до степени черныхъ своихъ произведеній. Но возвратимся къ Торреджіани. Онъ, держа въ рука мой рисунокъ, продолжалъ: «мы съ Буэнаррети, будучи еще детьми, ходили учиться въ часовню Массачіо (1), при церкви *del Carmine*. Онъ имѣлъ обыкновеніе смѣяться надо всеми, кто рисовалъ. Однажды онъ этимъ вывелъ и меня изъ терпѣнія, и я его такъ сильно ударилъ кулакомъ по носу, что самъ почувствовалъ, что кость и крайцъ раздробился, какъ облатка. Я думаю, память моя останется съ нимъ на цѣлую жизнь». Эти слова возбуждали во мнѣ такую ненависть, что я не только не принялъ предложенія Торреджіани идти съ нимъ въ Англію, но даже не могъ его видѣть (2). Я продолжалъ во Флоренціи прилежно изучать стиль Микель-Анджело и никогда не уклонялся отъ него. Въ это время я познакомился и подружился съ однимъ прекраснымъ молодымъ человекомъ, мнѣ лѣтъ, тоже шведиромъ. Онъ назывался Франческо, былъ сынъ Филиппа Липпи и вѣнокъ Фра Филиппа Липпи (3), превосходнаго живописца. Живя вмѣстѣ, мы подружился до того, что не разлучались ни днемъ, ни ночью. Домъ его былъ полонъ отличныхъ произведеній его отца. Это были различныя книги

(1) Томасъ Гвида, прозванный Массачіо, родился 1402. Онъ учился во Флоренціи у лучшихъ художниковъ, потомъ былъ въ Римѣ, а оттуда отправился въ Римъ, гдѣ усовершенствовалъ себя такъ, что, по словамъ Вазари, былъ первымъ, который далъ живую природу и благородство живописи. Часовня, о которой здѣсь говорится, служила моделью Леонарду да-Винчи, Микель-Анджело и Раффаю. Умеръ въ 1443 г.

(2) Торреджіани началъ заниматься рисованіемъ во Флоренціи, своей родинѣ, у Вергольдо, и вскорѣ отличился искусствомъ въ скульптурѣ и пластикѣ; но по несчастію, столько былъ гордъ и завистливъ, что разбивалъ произведенія своихъ товарищей, если они были лучше его. Эти поступки, въ особенности съ Микель-Анджело, заставили его покинуть Флоренцію. Въ Римѣ онъ работалъ для Александра VI, потомъ вступилъ въ военное званіе и служилъ герцогу Валентину, Павлу Виллели и Петру Медичи. Потомъ снова принялся за скульптуру и уѣхалъ въ Англію, гдѣ приобрѣлъ большую славу. Отсюда онъ отправился въ Испанію и сдѣлалъ такъ статую св. Іакова, превосходное произведеніе, сохранившееся и понынѣ въ одномъ монастырѣ близъ Севильи. Еще онъ сдѣлалъ статую Пречистой Дѣвы, по заказу одного графа, — чудная работа, за которую Торреджіани надѣялся получить много; но ему предложили всего 30 дукатовъ. Это такъ его возбѣсило, что онъ разбилъ статую адробезги. Оскорбленный испанецъ, въ отпущеніе, обвинилъ художника въ самовѣстствѣ; инквизиція присудила его къ заточенію, и онъ умеръ съ голоду, 1552 г. Остатки этой статуи, въ особенности рука, сохранились въ Испаніи и служатъ лучшими образцами для художниковъ.

(3) Липпи, прозванный Фра-Филиппомъ, былъ лучший учитель Массачіо. Въ его произведеніяхъ замѣтно выдѣленіе фигуръ и величіе ихъ. Онъ умеръ 1469 г. Филиппо, сынъ его, первымъ сталъ изучать памятники древнихъ и воспроизводить въ своихъ картинахъ вазы, троны и другія вещи.

съ рисунками римскихъ антиковъ, которые восхищали меня цѣлыхъ два года, прожитыхъ вмѣстѣ съ Франческо.

Въ это время сдѣлалъ я серебряный барельефъ, величиною въ датскую ладонь. Это былъ фермуаръ къ мужскому поясу. Я вырѣзалъ на немъ листья, въ древнемъ вкусѣ, со множествомъ датскихъ фигуръ, съ весьма красивыми масками. Я работалъ это въ мастерской Франческо Салимбене. Многие ювелиры видѣли мое произведеніе, хвалили его и говорили, что я у мастера былъ первый ученикъ.

Нѣкто, по имени Джіанъ Баттиста Тассо ⁽¹⁾ граверъ на деревѣ, молодой человекъ однихъ со мною лѣтъ, сказалъ мнѣ, что если я поѣду въ Римъ, то онъ охотно станетъ мнѣ *сопутствовать*. Это было послѣ обѣда; въ это время я опять поссорился съ отцомъ все за ту же проклятую флейту; желая подстрекнуть Тассо, я сказалъ ему: «ты, чай, только на словахъ, а не на дѣлѣ.....». Я тоже въ ссорѣ съ моею матерью; подхватилъ онъ: — «еслибъ только были у меня деньги, то убѣжалъ бы въ Римъ, не подумавъ даже запретить мою маленькую лавчонку. «Если за этимъ дѣло», сказалъ я: — «у меня денегъ довольно — на двоихъ станеть». Говоря такимъ образомъ, мы все шли да шли и очутились у воротъ Санъ-Піетро Готтолини. «Тассо», сказалъ я своему спутнику: — «самъ Богъ привелъ насъ къ этимъ воротамъ, тогда какъ мы объ этомъ и не думали; мнѣ кажется, будто ужъ мы на половинѣ пути». Такимъ образомъ отправляясь мы въ дорогу. Часто случалось, что глубоко вздыхая, мы оба говорили: «что скажутъ теперь наши старики?» Но потомъ положили не говорить о нихъ до самого Рима. Мы привязали наши передники на спяну и шли молча до Сиенны. Здѣсь Тассо сказалъ, что у него ужасно болятъ ноги, что онъ не хочетъ итти далѣе, и просилъ у меня денегъ, чтобъ возвратиться. Я отвѣчалъ, что у меня ихъ остается не много, что онъ долженъ былъ подумать прежде объ этомъ, но что если у него болятъ ноги, то можно вайти лошадь, и тогда ему не чѣмъ будетъ отговариваться. Видя, что онъ не отвѣчаетъ, я нанялъ лошадь и направилъ свой путь къ Риму. Замѣтивъ мою рѣшимость, Тассо послѣдовалъ за мною, какъ могъ, но издали, и все ворчалъ. Когда я подъѣхалъ къ воротамъ, мнѣ стало жаль моего товарища; я его подождалъ, взялъ къ себѣ на лошадь и сказалъ: «Помилуй, что скажутъ друзья наши, когда, вмѣсто того, чтобъ быть въ Римѣ, мыг не имеемъ силы выбраться за Сиенну!» Добрый Тассо по-

(1) Тассо постоянно былъ другомъ Челлини. Онъ много усовершенствовалъ себя въ ювелирномъ искусствѣ и, благодаря своимъ пріятнымъ манерамъ, попалъ въ большую милость при дворѣ Косьми. Онъ разбиралъ всѣ новыя произведенія искусства, соперничалъ съ Ириболо и Вазари, и оставилъ по себѣ дурное имя за то, что толковалъ объ архитектурѣ, ничего въ ней не смысла.

вѣлъ, что я говорю правду; веселый отъ природы, онъ началъ смѣяться и пѣть; и такимъ образомъ, смѣясь и напѣвая, мы прибыли въ Римъ. Мнѣ было тогда девятнадцать лѣтъ. Я тотчасъ отправился въ мастерскую ювелира, по имени Фиренцуоло. Настоящее имя его было Джіованни; а Фиренцуоло звали его въ Ломбардіи. Это былъ весьма искусный мастеръ въ дѣланіи посуды и другихъ крупныхъ вещей. Я ему показалъ модель фермуара, сдѣланнаго во Флоренціи у Салімбене, онъ былъ очарованъ и сказалъ, обратясь къ одному флорентинцу, который былъ у него съ давняго времени и назывался Джіаннотто Джіаннотти: «Вотъ одинъ изъ тѣхъ флорентинцовъ, которые умѣютъ, а ты изъ тѣхъ, которые ничего не умѣютъ дѣлать». Я узналъ Джіаннотто и хотѣлъ съ нимъ заговорить, потому-что прежде мы часто рисовали вмѣстѣ и были довольно дружны, но слова хозяина до того задѣли его за-живое, что онъ отвѣчалъ, что меня не знаетъ. Въ негодованіи и я скачалъ: «Джіаннотто, мой задушевный пріятель, съ которымъ я тамъ-то и тамъ рисовалъ, ѣлъ, пилъ и спалъ; я не забочусь о твоёмъ рекомендательствѣ предъ этимъ добрымъ человекомъ, твоимъ хозяиномъ, надѣюсь, что мои руки и безъ твоей помощи покажутъ, кто я». Фиренцуоло обратился къ Джіаннотто и воскликнулъ: «ахъ ты, негодяй! и тебѣ не совѣстно поступать такъ съ однимъ изъ своихъ близкихъ пріятелей! Войди въ мою лавку,—прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—и пусть руки твои покажутъ, кто ты». Онъ далъ мнѣ отличную работу, назначенную для одного кардинала. Это была гробница, въ массивномъ видѣ, копія съ гробницы изъ порфира, которая находится у дверей ротонды. Кроме того, что я вѣрно снялъ ее по модели, я еще украсилъ ее прехорошенькими головками моего изобрѣтенія; хозяинъ мой показывалъ работу всѣмъ и говорилъ, что такое отличное произведение вышло изъ его мастерской. Гробница была величиной въ полъ-брассы ⁽¹⁾ и такъ устроена, что ее можно было употреблять на столѣ вмѣсто содонки. Это была первая работа, за которую я получилъ плату въ Римѣ; часть денегъ я отправилъ къ отцу, а другую оставилъ у себя для необходимыхъ издержекъ, въ особенности на изученіе древностей. Когда всѣ деньги вышли, я опять принужденъ былъ работать въ мастерской. Тассо оставался въ Римѣ очень не долго и возвратился во Флоренцію. Я началъ новую работу, по окончаніи которой вздумалъ переменить хозяина, тѣмъ болѣе, что меня пригласилъ къ себѣ одинъ миланецъ, мастеръ Паголо Арзаго. Фиренцуоло завелъ съ нимъ жаркую ссору и въ моемъ присутствіи началъ говорить ему такіа дерзости, что это заставило меня взять сторону моего

(1) Тосканская брасса равняется нашимъ 13 вершк.

новаго хозяина; я замѣтилъ Фиренцуоло, что родился свободнымъ и на свободу хочу и жить, — что онъ не можетъ имѣть претензій на Арзаго, а еще меньше на меня, потому-что еще долженъ мнѣ въсколко экию, — что, какъ свободный человекъ, я могу идти, куда хочу. Новый мой хозяинъ говорилъ въ томъ же родѣ; онъ сказалъ, что меня не зазывалъ; и прибавилъ, что я слышалъ бы ему удовольствію, еслибъ возвратился къ Фиренцуоло. Я отвѣчалъ, что, окончивъ начатую работу, я не могу ему теперь быть помѣхой, что хочу зависть самъ отъ себя, и если кто имѣетъ во мнѣ нужду, пусть тотъ обращается лично ко мнѣ. «А я», возразилъ Фиренцуоло: — «я не хочу просить тебя; не смѣй являться ко мнѣ на глаза». Я напомнилъ ему о долгѣ, онъ отвѣчалъ насмѣшкой. Тогда я сказалъ: «ты кажется замѣтилъ, что я хорошо владею своими инструментами; такъ знай же, что я также ловко могу употребить и шпагу, чтобъ возвратити мнѣ должное». При этихъ словахъ почтенный старикъ, мастеръ Антонио де-Санъ-Марино, проходившій мимо, остановился; онъ былъ учителемъ Фиренцуоло и считался первымъ ювелиромъ въ Римѣ. Услышавъ наши толки (а я говорилъ и кричалъ такъ громко, чтобъ вся слышала), онъ также принялъ мою сторону и совѣтовалъ Фиренцуоло заплатить долгъ. Споръ сдѣлался еще сильнее, потому-что Фиренцуоло отлично владелъ оружіемъ, гораздо лучше, чѣмъ инструментомъ ювелира; но какъ истина была на моей сторонѣ, я настаивалъ всею силой и получилъ-таки деньги.

Я сталъ заниматься у мастера Паголо Арзаго и выработывалъ много денегъ, большую половину которыхъ отправлялъ къ отцу. Уступая его просьбамъ, я, по прошествіи двухъ лѣтъ, возвратился во Флоренцію и вступилъ опять къ Франческо Салимбене, у котораго также много получалъ. Въ это время я сдѣлалъ барельефный серебряный *chiavascioge*, родъ пояса, шириною пальца въ три, который носили тогда новобрачные. Эту работу заказалъ мнѣ некто Рафаэль Лапаччини; заплатилъ-то онъ мнѣ не щедро; но честь, какую я приобрѣлъ чрезъ нее, была дороже платы. — Я работалъ у многихъ мастеровъ Флоренціи; но некоторые изъ нихъ обкрадывали меня безстыдно. Замѣтивъ это, я ихъ покидалъ, третируя вездѣ какъ жалкихъ мошенниковъ. — Одинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, Джіованъ Батиста Солиани, былъ столько добръ, что уступилъ мнѣ часть своей мастерской, на углу Новаго Рынка. Я сдѣлалъ здѣсь много вещей и зарабатывалъ хорошія деньги, такъ-что легко могъ содержать семейство. — Это возбудило зависть въ двухъ плохихъ мастерахъ: Салваторъ и Гуасконти. У нихъ было три большихъ мастерскихъ; какъ я замѣтилъ, они старались всячески вредить мнѣ; я рассказалъ это

одному моему знакомому, прибавить, что они могли бы довольствоваться тѣмъ, что обирадываютъ меня.

Это было имъ передано; бездѣльники хвалились, что заставятъ меня горько раскаиваться. Я не зналъ, что такое страхъ, и потому мало обращалъ вниманія на ихъ угрозы. Однажды случилось мнѣ проходить мимо мастерской одного изъ нихъ; онъ подозвалъ меня, сталъ упрекать и грозиться. Я отвѣчалъ, что, какъ безчестные люди, они должны во всемъ винить себя, а не меня. Въ это время проходилъ мимо меня мулъ, завьюченный кирпичами; братъ Гуасконте, Герардо, вѣроятно съ намѣреніемъ, толкнулъ его и больно ушибъ меня. Я повернулся мгновенно и, видя, что онъ еще смеется, хватилъ его въ високъ такъ ловко и сильно, что онъ потерялъ память и упалъ за-мертво. Обращаясь тогда къ братьямъ, я сказалъ: «вотъ какъ надо поступать съ ворами, подобными вамъ». Ихъ было много; они хотѣли заступиться за брата; гнѣвъ увлекъ меня: я схватилъ ножъ, который носилъ при себѣ, и закричалъ: — «если хоть одинъ изъ васъ осмѣлится тронуться съ мѣста, то пусть другой идетъ за попомъ: кажуся, мѣдику нечего здѣсь будетъ дѣлать». Эти слова такъ ихъ отуманили, что никто не осмѣлился подать помощи брату. Только-что я ушелъ, они со всеми родственниками отправились въ Советъ Восьми и жаловались, что я началъ на нихъ вооруженною рукою въ ихъ собственномъ жилищѣ; члены совета позвали меня и стали обвинять, потому ли, что я былъ въ плащѣ съ капюшономъ (*), тогда какъ мои противники явились просто въ плащахъ, потому ли, что успѣла побывать у каждого изъ судей, а я, опираясь на мою правоту и не зная обычая, не былъ ни у кого. Я отвѣчалъ, что поступокъ Герардо вывелъ меня изъ терпѣнія, что, несмотря на то, я далъ ему только пощечину, и что поэтому не заслуживаю такихъ строгихъ обвиненій. Принципалле дела Стуфа, который былъ въ числѣ Восьми, едва далъ мнѣ выговорить слово: пощечина. «Ты не далъ ему пощечины», сказалъ онъ: — «ты ударилъ его кулакомъ». Намъ приказали выйти. Принципалле, желая меня оправдать, сказалъ своимъ товарищамъ: «замѣйте, господа, простоту этого бѣднаго молодого чловека: онъ говоритъ, что далъ пощечину и думаетъ, что это не такъ важно, какъ ударить кулакомъ (за нанесеніе пощечины виновный подвергался пеня въ 25 эки, тогда какъ за ударъ кулакомъ штрафъ былъ гораздо меньше); «этотъ юноша обладаетъ большими талантами — продолжалъ онъ — и поддерживаетъ семейство своими трудами. Дай Богъ, чтобъ во Флоренціи было побольше такихъ молодыхъ людей».

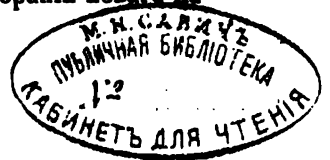
(*) По увѣренію Варки, однимъ военнымъ позволено было носить капюшоны.

.. Меня присудили къ легкой пени въ четыре мѣры муки, въ пользу мюратскаго монастыря. Насъ опять позвали ; Советъ Восьми приказалъ мнѣ молчать о томъ, что происходило, и покориться приговору, подъ страхомъ навлечь его немилость, потомъ сдѣлалъ мнѣ порядочный выговоръ и отправилъ къ канцлеру. Я продолжалъ ворчать и наставлять, что далъ пощечину, а не что другое; члены смѣялись. Канцлеръ потребовалъ отъ насъ обещанія не ссориться болѣе. — Итакъ, только я былъ присужденъ къ наказанію, я, который считалъ себя жертвою умышленнаго оскорбленія. — Я послалъ за однимъ изъ моихъ родственниковъ, хирургомъ Аннибаломъ, чтобъ взять его въ поруки, но онъ отказался ; это меня взбѣсило. Я находился въ такомъ раздраженіи, что былъ способенъ на всякое злое дѣло. — Выждавъ время, когда члены совета разошлись объѣдать, и видя, что сбирь не присматриваютъ за мной, я ушелъ изъ дворца, побѣждалъ къ себѣ въ мастерскую, схватилъ маленькій кинжалъ и устремился въ домъ моихъ непріятелей. Они сидѣли за столомъ. Молодой Герардо, причина нашей ссоры, бросился на меня. — Я его ударилъ въ грудь кинжаломъ, который пробилъ насквозь фуфайку, манжеты и рубашку, но до тѣла не дошелъ и не нанесъ ни малѣйшей раны. Однакожъ по легкости, съ какою вонзилось желѣзо и по шуму проколотаго платья, я думалъ, что будетъ порядочная рана ; да и самъ онъ, испугавшись, упалъ на полъ. «Подлецы!» закричалъ я: — «пришло время, когда я васъ всѣхъ перебью». Отцу, матери и сестрамъ казалось, что наступилъ ужъ страшный судъ, — они упали на колѣны, умоляли о пощады и кричали во все горло. Видя, что они не защищаются, а Герардо валется по полу, я призвалъ за низость трогать ихъ и пустился внизъ по лѣстницѣ. Но едва вышелъ на улицу, какъ встрѣтилъ и остальныхъ членовъ семейства. Ихъ было больше дюжины; одинъ ташилъ желѣзный шестъ, другой длинный стволъ, третій держалъ молотокъ, а кто палку. Я бросился на нихъ какъ разъяренный быкъ, свалилъ на полъ человекъ четырехъ, самъ упалъ и все махалъ ножомъ вправо и влево. Оставшіеся на ногахъ бросились на меня, повалили и стали бить молотками и палками; но, благодаря Бога, такъ часто являющаго свое милосердіе, никто изъ насъ не претерпѣлъ особеннаго вреда.

Я направилъ шаги къ Санта-Марія-Новелла, гдѣ встрѣтилъ Алессо Стропци. Хотя я и не зналъ этого достойнаго монаха, однако же признался ему во всемъ со мною случившемся, и просилъ его, во имя Бога, спасти мнѣ жизнь. Онъ успокоилъ меня, сказавъ, что я буду въ совершенной безопасности въ его кельѣ.

Советъ Восьми приговорилъ меня къ ссылке и объявилъ, что тотъ, кто меня скроетъ или не донесетъ о мѣстѣ моего убѣжища, будетъ строго наказанъ.

Несчастный отец мой вошелъ въ залу Совѣта Восьми, бросился на колѣни и просилъ помилованія своему юному, злополучному сыну. «Вонъ отсюда!» сказалъ одинъ изъ раздраженныхъ судей. «Завтра мы его отправимъ въ ссылку подлѣ присмотромъ нашихъ аллебардшиковъ». Батюшка, отговаривалъ ему съ увѣренностью: «вы конечно исполните волю Божию.» — Безъ сомнѣнія это угодно будетъ Богу. — «А мнѣ такъ кажется, что вамъ невѣстна воля Господня», возразилъ отецъ и вышелъ изъ Совѣта. Съ пріятелемъ своимъ Піетро, сыномъ Джіованни Ланди, батюшка пришелъ ко мнѣ. Піетро принесъ подлѣ плащомъ превосходную шпагу и кольчугу. Разказавъ, въ какомъ положеніи были мои дѣла, батюшка надѣлъ на меня кольчугу, прикрѣпилъ шпагу и сказалъ: «сынъ мой, съ этимъ оружіемъ ты долженъ жить или умереть!» Алессо надѣлъ на меня монашескую одежду и поручилъ послушнику проводить меня. Ночью мы прибыли въ Сиенну, гдѣ я дождался эстафеты и отправился съ нею. На дорогѣ встрѣтили мы курьера, который вѣдалъ съ извѣстіемъ объ избраніи новаго папы — Клементя VII.

IV.

Въ Римѣ я сталъ работать въ лавкѣ мастера Санти и сдѣлалъ для одного испанца, саламанскаго епископа, шпандалы, такъ богато украшенные, какъ только позволяло произведеніе подобнаго рода. Джіан-Франческо, по прозванію Фатторе, хорошій живописецъ, ученикъ Рафаэля Урбино, былъ въ тѣсной дружбѣ съ епископомъ. Онъ-то и былъ причиною тому, что я попалъ въ милость къ этому вельможѣ и получалъ много выгодныхъ заказовъ.

Я ходилъ рисовать то въ часовню Микель-Анджело ⁽¹⁾, то въ домъ Агостино Киджи ⁽²⁾, въ которомъ было много прекрасныхъ картинъ знаменитаго Рафаэля. Но я могъ посѣщать этотъ домъ только по праздничнымъ днямъ, потому-что въ немъ жилъ братъ Агостино, мессиръ Джисмондо Киджи. Жена его, женщина необыкновенной красоты, очень часто навѣщала меня во время моихъ занятій. Однажды, смотря на мои рисунки, она спросила, скульпторъ я или живописецъ? Я отвѣчалъ, что я мастеръ золотыхъ дѣлъ. Донна Порція сказала, что я слишкомъ хорошо рисую для мастера золотыхъ дѣлъ,

(1) Сикстинская часовня, въ которой находится Страшный Судъ Микель-Анджело.

(2) Нынѣ дворецъ Фарнезина, принадлежавшій королю неаполитанскому. Агостино Киджи былъ богатый негодяицъ, страстный любитель искусства. Домъ его былъ украшенъ произведеніями лучшихъ художниковъ того времени.

приказала девушке принести свою бриллиантовую ладью, оправленную въ золото, показала ее мнѣ и просила оцѣнить. Я оцѣнилъ въ 800 эку. Она отвѣчала, что оцѣнка моя верна, и потому спросила, могу ли я хорошо отдалать эту вещь. Я отвѣчалъ утвердительно и тутъ же сталъ дѣлать рисунокъ, къ которому тамъ охотникъ приложилъ все стараніе, что мнѣ пріятно было разговаривать съ этой очаровательной и граціозной женщиной. Когда я кончилъ, вошла другая праславя, благородная римлянка и спросила у Порціи, что она тутъ дѣлаетъ? та отвѣчала съ улыбкой: «я восхищаюсь рисунками молодого человека, который кажется очень искусенъ въ своемъ дѣлѣ.» Скрывшая робость вставила меня покраснать, но я пробормоталъ: «снисьора, я весь къ вашимъ услугамъ». Прекрасная снисьора тоже покраснѣла и отвѣчала: «да, я уже сказала, что желаю имѣть твою работу», и, подавая мнѣ ладью, приказала взять ее съ собою; потому она вынула изъ кошелька двадцать эку и подала мнѣ.

— Если бы я была на мѣстѣ этого молодого человека, сказала другая дама: — я бы охотно скрылась съ этимъ сокровищемъ.

— Порокъ рѣдко гвздается тамъ, гдѣ живетъ талантъ, возразила донна Порція.

— Прощай, Бенвенуто, сказала мнѣ Порція съ пріятною улыбкой, уходя вмѣстѣ съ своею подругою.

Я сдѣлалъ маленькую модель изъ воску, чтобъ посмотреть, какова будетъ работа, и отнесъ ее къ Порціи. Она опять была съ тою же дамой. Обѣ онѣ были очень довольны и наговорили мнѣ столько комплиментовъ, что я обѣщалъ сдѣлать самую вещь вдвое лучше модели. Потомъ съ жаромъ я принялся за дѣло, и въ 12 дней работа была окончена. Ладья была украшена маленькими масками, фигурками дѣтей и животныхъ, отлично расписана эмалью, такъ-что превосходные алмазы получили еще лучший видъ. Видя, что я занимаюсь ладіею, Луканьоло, этотъ искусный мастеръ, о которомъ я упоминалъ выше, сердился на меня за то, что я не продолжаю помогать ему въ большой серебряной работѣ, которую началъ. Я отвѣчалъ, что всегда найду случай дѣлать большія вазы; а такая работа, какъ теперь, представляется не всегда, — что она столько же принесетъ мнѣ чести, какъ и серебряныя вазы, и что я получу за нее очень много. Луканьоло смѣялся. «Увидимъ, увидимъ, Бенвенуто; когда ты ее сдѣлаешь, я успѣю окончить вазу, которую началъ въ одно время. Посмотримъ, сколько-то ты получишь за свою бездѣлку и сколько я». Такимъ образомъ, желая скорее окончить дѣло, оба мы принялись за работу, улыбаясь съ гордостью и презрѣніемъ. Спустя 10 дней, мы ее кончили. Произведеніе Луканьоло была очень большая ваза, назначенная къ столу папы Климента.

Туда обыкновенно плались монетки и остатки плодовъ. Это было скорѣе украшеніе стола, чѣмъ вещь необходимая. Ваза имѣла двѣ прекрасныя ручки, множество большихъ и малыхъ масонъ и ластылей, написанныхъ и вымолоченныхъ съ такимъ совершенствомъ, какое только можно вообразить. Я замѣтилъ, что это была отличнѣйшая ваза, какую мнѣ когда-либо случалось видѣть. Луканьолю, думая, что я хотѣлъ потрунить надъ нимъ, сказалъ: «твоя боседька, какъ кажется мнѣ, не хуже, однако же мы скоро увидимъ различіе между твоимъ произведеніемъ и моимъ». Онъ взялъ свою вазу и отнесъ ее мнѣ, который остался очень доволенъ и велѣлъ тотчасъ же замѣнить Луканьолю стѣкло, сколько обыкновенно платятъ за подобныя работы.

Я отнесъ лилію доннѣ Порціи; она была въ восторгѣ и сказала, что я далеко превзошелъ обѣщанное, и могу просить за работу все, чего хочу, — что замкомъ — вотъ цѣна моей работѣ. «Но такъ какъ я не въ состояніи наградить тебя замкомъ», прибавила она съ очеровательнымъ смѣхомъ: — «такъ ужь требуй чего-нибудь другого, что въ моей власти». Я отвѣчалъ, что лучшая награда, какую я могъ желать за мои труды, была возможность угодить ея особѣ, и потомъ, поклонившись, прибавилъ, что не хочу другой платы. — Любезный Бенвенуто, сказала Порція: — слышалъ ли ты поговорку: когда бѣдный даетъ богаче, то чортъ въ это время улыбается? «Ахъ, снѣбора», отвѣчалъ я: — «у чорта столько горя: я хочу нѣсколько развеселить его.» — «На этотъ разъ я лишу его твоихъ милостей» сказала Порція, и я ушелъ домой.

«Сравнижь-ка — сказалъ мнѣ Луканьолю, когда я пришелъ домой — сколько ты получалъ за свою игрушку и сколько я.»

Я просилъ его подождать до завтра и не трогать свертковъ. На другой день донна Порція прислала въ мастерскую своего мотродола. Онъ вынулъ меня и вручилъ свертокъ отъ имени своей госпожи, которая, въ избранныхъ выраженіяхъ, приказала сказать, что это еще далеко не полная плата за мои труды. Луканьолю горѣлъ нетерпѣніемъ сравнить скорѣе сумму. Я вошелъ въ мастерскую; тамъ были все ученики и нѣкоторые сосѣди; споръ интересовалъ всѣхъ. Луканьолю съ насмѣшливымъ видомъ взялъ свой свертокъ и съ грохотомъ разсыпалъ по столу деньги, крича съ торжествомъ: у! у! уеъ! уеъ! Тамъ было 25 сереб. зку; онъ думалъ, что у меня гораздо меньше, четыре или пять. Я былъ оглушенъ криками и уничтоженъ взглядомъ и хохотомъ присутствующихъ. Но, заглянувъ въ свой свертокъ, увидѣлъ, что онъ былъ наполненъ золотомъ; тогда, не дѣлая много шума, я поднулъ его вверхъ и рассыпалъ монеты по столу. Вся смотравшія на меня до сихъ поръ съ презрѣніемъ обратились къ Луканьолю:

«Что», сказали они: — «деньги Бенвенуто пріятнее какъ-то для глаза, вѣдь они изъ золота, да еще вдвое болѣе!» Я думалъ, что зависть и стыдъ совсѣмъ убьютъ Луканьоло; хотя онъ имѣлъ право на третью часть моихъ денегъ, потому-что я былъ ученикъ (было обыкновеніе, что ученики получали только двѣ трети изъ выработаннаго, а треть — шла хозяину), однакожъ зависть имѣла надъ нимъ больше вліянія, чѣмъ жадность. Онъ началъ проклинать свое искусство и тѣхъ, кто его научилъ ему, говоря, что отныня броситъ свои большія работы и займется такими же ничтожными бездѣлушками, потому-что за нихъ лучше платятъ. Раздосадованный, я отвѣчалъ, что онъ говоритъ какъ мужикъ, что мнѣ не трудно дѣлать вещи, подобныя его работамъ, а что если онъ вѣдущаетъ заняться монни бездѣлушками, толку мало будетъ; продолжая болѣе и болѣе гордиться, я прибавилъ, что скоро докажу это.

На другой день, благодаря донну Порцію, я сказалъ, что она сдѣлала противное тому, чего я желалъ: я хотѣлъ повеселить чорта, а она заставила его снова отречься отъ Бога. Мы оба много смеялись; потомъ она заказала мнѣ другія, весьма прибыльныя работы. Между тѣмъ чрезъ посредство ученика Рафаэля д'Урбино я добился того, что епископъ саламанкскій заказалъ мнѣ большую умывальницу, какую обыкновенно ставили надъ буфетами для украшенія. Прелать хотѣлъ имѣть ихъ двѣ одинакой величины и заказалъ одну Луканьоло, другую мнѣ.

Я принялся за эту вазу съ большою охотою. Одинъ мальцецъ, но имена Джіованніетро делла Такка уступилъ мнѣ часть своей мастерской. Я привелъ дѣла свои въ порядокъ, оставилъ у себя столько денегъ, сколько было нужно, а остальные отправилъ къ моему дядю отцу.

Мнѣ помогать тогда одинъ только мальчикъ, сынъ римскаго гражданина, котораго я принималъ единственно изъ уваженія къ желанію и просьбамъ моихъ друзей. Ему было лѣтъ 14 отъ роду; онъ назывался Паулино, — это было прекрасное, благородное и милое дитя. Его манеры, тихій нравъ и рѣдкая красота внушили мнѣ такую привязанность, къ какой только способно сердце человека. Эта-то привязанность была причиною, что, желая нѣсколько оживить его прекрасное лицо, которое отъ природы было всегда меланхолически-печально, я иногда игралъ на рожкѣ. Тогда появлялась у него улыбка, и въ ней было столько привлекательности и кротости, что мнѣ стали понятны тѣ шалости древнихъ боговъ, о которыхъ повѣствуютъ намъ греки, и еслибъ Паулино жилъ въ ихъ время, конечно они надѣлали бы ихъ еще больше. У Паулино была сестра, Фаустина, такая красавица, что не думаю, чтобъ Фаустина, о которой столько писали древніе, могла

сравниться съ немъ (*). Отецъ вхъ часто водилъ меня въ свой виноградникъ.. Сколько я могъ догадаться, онъ хотѣлъ женить меня на своей дочери, и это было причиною, что я занимался музыкой гораздо чаще, чѣмъ прежде. .

Въ это время случилось, что Джіаніакомо, извѣстный превосходный флейтистъ, служившій у папы, предложилъ мнѣ, не захочу ли я перваго августа (**) играть съ ними на рожкѣ предъ его святѣйшествомъ партіцію сопрано во многихъ превосходныхъ пьесахъ. Хотя мнѣ сильно хотѣлось скорѣе окончить вазу, которую началъ, но какъ и музыка вещь превосходная сама по себѣ, да и къ тому же мнѣ хотѣлось утѣшить батюшку, то я и принялъ предложеніе съ восторгомъ. Въ продолженіи послѣдней недели іюля мѣсяца мы каждый день по два часа дѣлали ренетацию; а въ день праздника, по утрамъ, отправлялись въ Бельведеръ и играли выученныя пьесы за столомъ папы Климента. Его святѣйшество замѣтилъ, что никогда еще не слышалъ музыки пріятнѣе и исполненной съ такимъ согласіемъ. Потомъ, подозвавши къ себѣ Джіаніакомо, папа спросилъ, гдѣ онъ добылъ себѣ такой отличный рожокъ для сопрано? Джіаніакомо сказалъ моему. «Этотъ сынъ мастера Джіованни?» спросилъ папа. Ему отвѣчали утвердительно. Его святѣйшество пожелалъ, чтобъ я остался у него въ числѣ прочихъ музыкантовъ. Джіаніакомо отвѣчалъ: «святѣйшій отецъ! я не смѣю похвастать, что могу привлечь его къ особѣ вашего святѣйшества, потому-что настоящее его занятіе есть золотыхъ дѣлъ мастерство; онъ въ немъ очень искусенъ и получаетъ столько, сколько не можетъ дать ему музыка. Папа возразилъ: «тѣмъ болѣе я хочу имѣть его при себѣ. Прикажите давать ему тоже жалованье, какое получаете сами, и скажите отъ моего имени, чтобъ онъ остался при мнѣ; я и для другой его профессіи найду много работы». И, говоря это, папа протянулъ руку и отдалъ въ платкѣ сто золотыхъ эску, прибавивъ: «раздѣлите это такъ, чтобъ я онъ имѣлъ здѣсь свою долю». Джіаніакомо, выйдя отъ папы, пришелъ къ намъ и въ подробности рассказалъ все, что говорилъ его святѣйшество. — Онъ раздѣлилъ деньги на 8 человекъ и сказалъ мнѣ: «я запишу тебя въ число нашихъ товарищей». — «Погодите», отвѣчалъ я: — «дайте мнѣ одинъ день на размышленіе». Я вхъ оставилъ и ушелъ, разсуждая могу ли принять предложеніе, которое должно столько повредить мнѣ, отвлекая отъ дорогихъ занятій мастерствомъ золотыхъ дѣлъ? Въ слѣдующую ночь отецъ явился мнѣ во снѣ. Онъ вѣжно, со слезами на глазахъ, ради самого Бога, умо-

(*) Челлани вѣроятно говоритъ о Фаустинѣ — женѣ Марка Антонина.

(**) Одинъ изъ большихъ годовыхъ праздниковъ въ Римѣ.

лалъ принять предложеніе; я какъ-будто отвѣчалъ ему, что рашительно не хочу; тогда онъ принималъ страшный выль, началъ гресить мнѣ и сказалъ: «если ты откажешься, тебѣ ожидаетъ отцовское проклятiе; а если согласишься, то да будетъ надъ тобой мое вѣчное благословеніе». Пробудась въ сильномъ страхѣ, я побѣждалъ записаться въ число музыкантовъ, и обо всемъ уведомилъ отца. Онъ былъ такъ обрадованъ новостью, что получилъ расположеніе къ апплексiи, которая впоследствии свела-таки его въ могилу. Нѣсколько времени спустя онъ писалъ ко мнѣ, что выдалъ подобный же сонъ. Исполнивъ желаніе отца, я думалъ, что все мои предпріятiя должны вѣдать банштательный и славный поощръ.

Между тѣмъ я вслѣдствіи старался скорѣе окончить вазу, начатую для епископа саламанскаго. Епископъ былъ очень богатъ и взыскателенъ; онъ каждый день присылалъ ко мнѣ узнать, много ли сделано. Всякой разъ, какъ посланный не заставлялъ меня дома, епископъ приходилъ въ башенство, говоря, что отыметъ у меня работу и отдастъ ее другому. Проклятая музыка была всему причиною. Однакожь, зашнисясь день и ночь, я привелъ вазу въ такое положеніе, что могъ вторичъ представить ее епископу. Спустя три мѣсяца я ее окончилъ совершенно. Ваза была украшена безчисленнымъ множествомъ красивыхъ животныхъ, листьевъ и масокъ. Я послалъ Паулино, моего ученика, показать ее Луканьоло. Мой красавецъ Паулино со всею прелестью своихъ граціозныхъ манеръ сказалъ: «Луканьоло, Бенвенуто проситъ васъ взглянуть на его бездѣлку; онъ надеется, что вы пришлете ему показать что-нибудь изъ вашихъ работъ». Луканьоло взялъ вазу въ руки и, рассмотрѣвъ ее внимательно, отвѣчалъ: «Милое дитя мое, скажи своему хозяину, что онъ великій мастеръ. Прошу его возобновить старую дружбу, а о прошедшемъ ни слова». Паулино былъ очень доволенъ уснахомъ и отнесъ вазу къ епископу, который захотѣлъ одѣвнуть ее. Луканьоло былъ въ числѣ одѣвщиковъ. Онъ очень хвалилъ работу и одѣвлялъ ее такъ высоко, какъ я и не ожидалъ. Епископъ разсматривая вазу, сказалъ съ своею обычной испанскою манерою: «Клянусь Богомъ, я заставляю Бенвенуто дожидаться платы столько времени, сколько онъ заставлялъ ждать меня». Узнавши объ этомъ, я проклинаю Испанію, и всякъ, кто ее любитъ. Въ числѣ прекрасныхъ украшеній вазы было одно цѣльное ушко, сделанное весьма нѣжно, оно посредствомъ пружины выскакивало прямо поверхъ отверстiя. Епископъ, желая жерельъ своими соотечественниками похвастать вещью, часто показывалъ мнѣ вазу. Однажды случилось, что кто-то изъ посѣтителей, во время отсутствiя саламанскаго епископа, какъ-то неловко схватилъ вазу за ушко: нѣжная пружина не

могла выдержать усиленной тяжести и лопнула. Желая какъ можно скорее поправить свою неосторожность, этотъ нечестный господинъ тотчасъ послалъ ко мнѣ вазу, обѣщая за скорую поправку какую угодно плату. Часа черезъ четыре посланный прибѣжалъ ко мнѣ запыхавшись и требовалъ вазы. «Скажи своему господину, что я требую платы за работу, безъ чего эта вещь не выйдетъ изъ моихъ рукъ». Дворецкій саламанскаго епископа началъ грозить мнѣ, потомъ заклиналъ всеми святыми, и наконецъ, отчаявшись въ успѣхъ, поклялся привести съ собою толпу испанцевъ и изрубить меня въ куски. Предвидя возможность убійства, я обдумалъ дѣло и рѣшился защищаться храбро; приготовивъ превосходный карабинъ (который служилъ мнѣ во время охоты), я думалъ про себя: «долженъ ли я спастись жизнь того, кто силой отынаетъ у меня имущество и плоды моего труда?»

Въ это время показались испанцы. Дворецкій громко приказывалъ мнѣ ворваться ко мнѣ, взять вазу и отколотить меня палками. Я выставилъ заряженный карабинъ съ горящимъ фитилемъ и закричалъ: «Разбойники! воры! и вы смаете въ такомъ городѣ, какъ Римъ, нападать на дома и мастерскія? Только осмѣлись кто подступитъ къ моему порогу, клянусь, убью на-повалъ!» Потомъ, обращаясь къ дворецкому, я произнесъ: «А ты, негодяй, ты еще командуешь! Такъ заплатись же первый!» Дворецкій далъ шпоры своему коню и утѣлся стрѣлой. Между тѣмъ шумъ и крики вызвали всѣхъ сосѣдей. Многие изъ римскихъ гражданъ и дворянъ, проходя мимо, кричали: «Бей разбойниковъ! мы тебя поможемъ». Эти слова произвели свой эффектъ, и устрешенные испанцы разбѣжались. Узнавъ о происшедшемъ, епископъ възбѣсился, началъ бранить своихъ людей и офицеровъ за то, что они позволяютъ себѣ такіа крайности, а еще больше за то, что, начавъ дѣло, не умѣли окончить какъ надо. Онъ чрезъ одного живописца приказалъ сказать мнѣ, что если я не принесу вазы, то самый большой кусокъ, который останется отъ моего тѣла, будетъ ухо. Это меня нисколько не утѣшило; я отвѣчалъ, что нду рассказать обо всемъ папѣ. Наконецъ гнѣвъ епископа мало-помалу утихнулъ. Убѣдясь въ этомъ, я отправился къ нему за поручительствомъ многихъ римскихъ дворянъ, которые увѣрили, что со мною не случится ничего дурного и что я получу слѣдующія мнѣ деньги. Запасшись длиннымъ кинжаломъ и надѣвъ слезную кольчугу, я пошелъ къ саламанскому епископу, который между тѣмъ вооружилъ всѣхъ своихъ людей. Со мною былъ Паулино; онъ несъ вазу. Вошедши, я подумалъ, что нахожусь посреди зодіака: изъ окружающихъ мной казался мнѣ львомъ, другой сиріонцомъ, третій ракомъ. Наконецъ мы явились предъ проклятымъ прелатомъ: онъ разразился

въ ругательствахъ, достойныхъ испанскаго пона. Я не подымалъ головы и ничего не отвѣчалъ : это еще болѣе увеличивало гнѣвъ его. Между тѣмъ, когда принесли письменный приборъ, онъ сказалъ, чтобъ я собственною рукою расписался въ полученіи слѣдующей мнѣ суммы. Я подыалъ голову и отвѣчалъ, что охотно сдѣлаю это, когда онъ вручитъ мнѣ деньги. Епископъ пришелъ въ ярость; его угрозы и брань были ужасны; несмотря на то, я все-таки получилъ деньги, расписался и вышелъ оттуда совершенно удовлетвореннымъ.

Папа узналъ объ этомъ происшествіи и остался доволенъ его окончаніемъ; онъ чрезвычайно хвалилъ меня и сказалъ при всѣхъ, что меня любить: это заставило саламанкскаго епископа раскаться въ своихъ выходкахъ. Желая помириться со мной, онъ велѣлъ мнѣ передать, что намѣренъ заказать мнѣ много важныхъ работъ. Я отвѣчалъ, что приму охотно заказы, но съ условіемъ, чтобъ деньги выдавались мнѣ впередъ. Эти слова дошли до папы и заставили его много смѣяться.

Кардиналъ Чибо заказалъ мнѣ вазу, гораздо болѣе той, которую я сдѣлалъ для саламанкскаго епископа; другіе кардиналы, въ особенности Ридольфи и Сальвиати, ему послѣдовали, такъ-что я много заработалъ денегъ. Донна Порція, чрезъ которую талантъ мой сдѣлался извѣстенъ публикѣ, замѣтила, что мнѣ нужно открыть свою собственную мастерскую. Я послушался ея совѣта и не переставалъ работать для этой прелестной римлянки. Въ это же время я сблизился и подружился съ Габріелло Чезерино, римскимъ гонфалоньеромъ (хоругвеносцемъ), для котораго также работалъ не мало. Въ особенности замѣчательна большая золотая медаль, которую носятъ на шляпахъ. Въ серединѣ вырезана была Леда съ лебедемъ. Чезерино остался очень доволенъ работой, но денегъ не заплатилъ; и здѣсь опять повторилась та же исторія, которая случилась съ вазой епископа саламанкскаго.

V.

Во мнѣ родилось похвальное желаніе сдѣлать какую-нибудь работу, которая превзошла бы произведенія самого Луканьоло; несмотря на то, я не оставалъ занятій ювелирствомъ. Эти два прекрасныя искусства принесли мнѣ много славы и денегъ, и я успѣвалъ и въ томъ и въ другомъ. Въ это время жилъ въ Римѣ одинъ весьма искусный художникъ изъ Перуджіа, по имени Лаутиціо. Онъ занимался разбой печатей и считался въ этомъ родѣ первымъ. Извѣстно,

что каждый кардиналъ въ Римѣ имѣетъ свою печать, величиною почти въ ладонь двѣнадцатилѣтняго ребенка; на печати обыкновенно вырѣзывается кардинальскій гербъ съ украшеніями. За такую работу, если она хорошо сделана, платилось по сту и болѣе экио. Во мнѣ пробудилось благородное соревнованіе. Хотя успѣть въ этомъ искусствѣ, совершенно различномъ съ мастерствомъ золотыхъ дѣлъ, было очень трудно, однакожъ я сталъ прилежно заниматься, затрудненія меня не утратили, я безпрерывно упражнялся и совершенствовался. Былъ еще въ Римѣ одинъ весьма искусный милаецъ, прозванный Карадоссо; онъ вырѣзывалъ медали и чеканилъ монеты съ неподражаемымъ совершенствомъ; никому я столько не завидовалъ какъ ему.

Увидѣвъ эмальныя работы знаменитаго соотечественника моего, Америкго, я сталъ заниматься и этимъ искусствомъ, столько нѣжнымъ и труднымъ; все дѣло здесь въ огонь, съ помощію котораго оканчивается долгій процессъ эмальрованія. Но эти трудности только поддерживали мою энергію.

Мнѣ было въ это время около 23 лѣтъ. Страшная моровая язва опустошала Римъ; каждый день народъ умиралъ тысячами ⁽¹⁾. Я такъ побоялся этого несчастія и сталъ предаваться развлеченіямъ. По праздникамъ нѣмалъ я обыкновеніе посѣщать древности Рима, то срисовывалъ ихъ, то выльщивалъ изъ воску. Такъ какъ вся она были въ развалинахъ и множество голубей вили въ нихъ свои гнѣзда, мнѣ вздумалось добывать ихъ помощію карабина. Такимъ образомъ, избѣгая сношеній съ людьми, изъ страха заразиться, я вставлялъ ружье на плечи Паулино и уходилъ съ нимъ въ окрестности, откуда часто возвращался съ порядочной добычей. Благодаря охотѣ, я подружился съ нѣкоторыми изъ *искателей* древностей ⁽²⁾. Ломбардскіе крестьяне, въ это время обыкновенно приходившіе въ Римъ обрабатывать землю подъ виноградники, находили въ землѣ древніе медали, агаты, сердолики, хризопразы, камни, иногда и драгоценные камни: изумруды, сафиры, рубины и алмазы. Господа искатели караулили ихъ и часто за бездѣлицу приобретали дорогія находки. Я за тѣ же вещи предлагалъ искателямъ большую плату. Они были въ восторгѣ, а между тѣмъ прибыль, какую я самъ получалъ, отъ этого промысла, часто простиралась до 1000 на 100, и сверхъ того я чрезъ это вошелъ въ дружбу со всеми

(1) Въ теченіи 1522 и 1523 годовъ эта ужасная болѣзнь похитила въ Римѣ 18,000 жителей. Лѣтомъ 1524 г. она появилась снова, — въ Римѣ была слабѣе; Малая въ 4 мѣсяца потеряла 53,000 чел.

(2) *Cercatori*, особый классъ людей, занимающійся отысканіемъ и приобретеніемъ антиковъ.

римскими кардиналами. Между прочимъ мнѣ попалась голова дельфина, величиною въ бобъ. Она была прекрасно отглажена, природа казалось превзошла здесь самое искусство: то былъ изумрудъ, и такой превосходной воды, что тотъ, кто купилъ его у меня за нѣсколько десятковъ эку, выставлялъ его въ кольцо и продавалъ уже за нѣсколько сотенъ! Былъ у меня еще другой камень — топазъ, чудный, какой только можно вообразить! На немъ отлично выгравирована была Минерва. Я купилъ также камень, гдѣ былъ вырѣзанъ Гераклъ, связывающій трехглаваго Цербера. Работа доведена въ немъ до удивительнаго совершенства, и самъ великій Микель-Анджело сказалъ, что онъ не видалъ ничего подобнаго.

Въ Римъ пріѣхалъ знаменитый хирургъ, Джіакомо де Карпи ⁽¹⁾. Онъ, между прочимъ, началъ лечить и неаполитанскую болѣзнь ⁽²⁾, и притомъ самую застарѣлую и отчаянную. Какъ болѣзнь эта по большей части была у богатыхъ поповъ, Джіакомо скоро приобрѣлъ себя громкую репутацію *курениами* ⁽³⁾, которыя назалось помогали отлично. Прежде нежели приняться за леченіе, онъ назначалъ себя плату, которая простиралась иногда не до одной сотни эку! Джіакомо былъ отлично образованъ и превосходно рассуждалъ о медицинѣ. Однажды, проходя мимо моей мастерской, Джіакомо нечаянно увидѣлъ разные вскизы, между которыми было нѣсколько вазъ, нарисованныхъ мною по фантазіи. Вазы были различны одна отъ другой и нѣсколько не походила на извѣстныя до этого времени. Джіакомо пожелалъ, чтобъ я нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлалъ изъ серебра; я это исполнилъ тѣмъ охотнѣе, что онъ были по моему вкусу. Онъ заплатилъ мнѣ исправно; но слава, которую я чрезъ то приобрѣлъ, была во сто разъ больше: всѣ, даже самые искусные мастера золотыхъ дѣлъ, сказали, что они нѣкогда и ничего не видали, что было бы такъ хорошо задумано и такъ отлично выполнено. Не успѣлъ еще я окончить ихъ, какъ Джіакомо ужъ понесъ ихъ показывать папѣ, а на другой день ухалъ. Джіакомо увѣрилъ всѣхъ, что получилъ эти вазы отъ одного римскаго вельможи, которому будто бы сказалъ: если хотите, чтобъ я васъ вылечилъ, подарите мнѣ эти вазы. Тотъ отвѣчалъ: просите у меня все, что хотите, только ради Бога не вазы; это — древность, и я хочу сохранить ее у себя. Тогда Джіакомо показавъ видъ, что отказывается его пользоваться, и такимъ образомъ по-

⁽¹⁾ Въ своихъ запискахъ Челлини старается выставить этого медика шарлатаномъ; однакожъ извѣстно, что въ свое время онъ былъ отличный медикъ и хирургъ. Джіакомо воскресилъ анатомію и первый началъ употреблять въ лекарствахъ ртуть.

⁽²⁾ Сифилитическая болѣзнь.

⁽³⁾ Особенный родъ леченія этой болѣзни, вышъ отвергнутый медицинши.

лучалъ желанное. Это съ восторгомъ разсказывалъ мнѣ въ Феррарѣ одинъ господинъ, но имени Альберто Бсиадедіо, и показавъ глиняныя копія съ вазы. Я ничего не отвѣчалъ и началъ хохотать. «Ты смѣешься!» закричалъ Альберто съ гнѣвомъ: — «такъ знай же, что въ теченіи тысячъ лѣтъ, не нашлось никого, кто могъ бы даже скопировать эти вазы». Въ Римѣ также многіе говорили о нихъ и причисляли къ самымъ замѣчательнымъ древностямъ. Нѣкоторымъ изъ моихъ друзей я открылъ истину; они не хотѣли вѣрить. Я сослался на свѣдѣтелей; но какъ и этого было недостаточно, то, желая доказать свою правоту, я нарисовалъ новые рисунки, потому-что Джіакомо имѣлъ осторожность увезти съ собою прежніе. Это было для меня весьма полезно.

Чума не переставала свирѣпствовать. Многіе изъ моихъ товарищей погибли, я — уцѣлѣлъ. Однажды вечеромъ одинъ изъ моихъ друзей пришелъ ко мнѣ ужинать съ прекраснѣйшею женщиною — Фауставою, лѣтъ 30, родомъ изъ Болоньи. Съ ней была служанка лѣтъ 13 или 14. Когда они легли спать, я разбудилъ молоденькую служанку; она была наивна и предалась мнѣ охотно, несмотря на опасность, которой подвергалась, еслибъ Фаустина узнала о томъ. Съ нею я провелъ ночь гораздо пріятнѣе, чѣмъ могъ бы провести съ ея госпожею. Наступилъ часъ обѣда (я былъ въ изнеможеніи); вдругъ я почувствовалъ ужасную боль въ головѣ, въ лѣвой рукѣ судороги, а на правой показался прыщъ. Вся перепугалась; мой пріятель и обѣдницы убѣжали; я остался одинъ съ маленькимъ ученикомъ, который ни за что не захотѣлъ меня бросить; слабость увеличивалась все больше и больше, и наконецъ я готовъ былъ умереть. Отецъ этого ученика былъ медикъ и служилъ на жалованьи у одного изъ кардиналовъ. Случайно проходилъ онъ мимо моей квартиры. «Батюшка, зайдите сюда», закричалъ ему сынъ: — «Бенвенуто немного нездоровъ и лежитъ въ постели». Отецъ, ничего не подозревая, вошелъ, пощупалъ пульсъ и тутъ только узналъ, въ чемъ дѣло. Обращаясь къ сыну, онъ закричалъ: «бездѣльникъ! ты погубилъ отца! какъ я могу показаться къ кардиналу?» — «Батюшка», отвѣчалъ сынъ: — «мой хозяинъ стоить больше, чѣмъ все кардиналы Рима!» После чего докторъ сказалъ мнѣ: «такъ какъ ужъ дѣло сдѣлано, то я васъ лечу; но предудвѣдлю, если вы имѣли сношеніе съ женщиною, вы погибли». Я разсказалъ, какъ провелъ ночь; докторъ одумался, замѣтилъ, что сказалъ глупость, и прибавилъ: такъ какъ она очень молода и въ такомъ возрастѣ, когда дыханіе не можетъ быть заразительнымъ, притомъ помощь подана скоро, то вы не бойтесь: я надѣюсь васъ непременно вылечить». Дѣйствительно, благодаря Бога, я началъ мало-по-малу поправляться, здоровье мое восстанавливалось, и вскорѣ я избавился

отъ страшной болѣзни. Ранка, которая образовалась на рукѣ, еще не совсѣмъ закрылась; несмотря на нее, я выѣхалъ изъ Рима на маленькой дикой лошади и посѣтилъ живописца Россо, жившаго за городомъ, недалеко отъ Чевита-Веккіа. Я провель у него почти цѣлый мѣсяцъ, былъ совершенно доволенъ и веселъ, отлично пилъ и превосходно ѣлъ. Всякой день, бывало, одинъ отправляюсь гулять по берегу моря, схожу съ лошади, и забавляюсь отыскиваніемъ мелкихъ камешковъ, улитокъ и раковинъ, самыхъ рѣдкихъ и красивыхъ. Въ послѣдній день моего тамъ пребыванія на меня напала толпа перодѣтыхъ людей, сошедшихъ съ варварійскаго судна. Они хотѣли окружить меня въ такомъ мѣстѣ, откуда трудно было бы уйти. Видя, что меня ожидаетъ плѣвъ или смерть, я рѣшился на все, предался волю провиданія, вскочилъ на лошадь — и отчаяннымъ прыжкомъ спасъ себя жизнь.

Чума почти кончилась; тѣ, которые остались въ живыхъ, начали собираться другъ у друга. Составилось общество живописцовъ, скульпторовъ и другихъ избранныхъ художниковъ Рима. Глава этого общества былъ сѣнискій скульпторъ, по имени Микель-Анджело, человекъ весьма искусный въ своемъ дѣлѣ, притомъ любезный въ обществѣ, вѣрный товарищъ и другъ. Старше всѣхъ насъ по лѣтамъ, онъ казался моложе всѣхъ по виду. Мы собирались очень часто, не менѣе двухъ разъ въ недѣлю. Въ нашей компаніи были Джуліо Романо ⁽¹⁾ и Джіанъ-Франческо, лучшіе ученики великаго Рафаэля д'Урбино. Однажды милый нашъ предводитель вздумалъ пригласить всю компанію къ себѣ на ужинъ, съ условіемъ, чтобы каждый привесъ съ собою свою *ворону* (такъ Микель-Анджело называлъ любовницъ), а въ противномъ случаѣ долженъ заплатить за весь ужинъ. Малосвѣдующіе въ подобныхъ дѣлшкахъ, боясь быть осмѣянными, принуждены были заняться этимъ предметомъ посерьезнѣе, не щадя трудовъ и издержекъ. У меня ужъ была въ запасъ одна прехорошенькая женщина, влюбленная въ меня по уши; имя ея — Пантазиля; но я принужденъ былъ уступить ее доброму моему пріятелю, Бакианка, который былъ въ нее влюбленъ. Это раздосадовало Пантазилю: она видѣла, что я уступилъ ее съ перваго слова, и не забыла этого оскор-

⁽¹⁾ Джуліо Липпи, извѣстный подъ именемъ Джуліо Романо, былъ любимѣйшимъ ученикомъ Рафаэля. Онъ болѣе другихъ приближается къ своему учителю по композиціи, рисунку и колориту. Одаренный силой и живостію воображенія, нѣсколькими чертами рѣзко и вѣрно изображалъ онъ предметъ; но отдѣлка тянулась у него долго, и потому часто предметъ лишался первоначальной своей красоты. Джуліо прославился также и въ архитектурѣ. По смерти Антоніо де-Санъ Галло, онъ занялъ мѣсто архитектора при церкви св. Петра. Умеръ въ Мантуѣ 1546.

бленія. Между тѣмъ часть представленія *corone* наступилъ, а у меня вороны еще не было. Казалось, какъ не найти такой бездѣлки! Но что болѣе всего меня затрудняло, такъ это то, что подъ своимъ покровительствомъ, и въ общество такихъ достойныхъ людей, я никакъ не хотѣлъ привести одну изъ тѣхъ мелкихъ воронъ, которыхъ мы называли общипанными. Вдругъ мнѣ пришла мысль отлить забавную штуку и поташить публику. Я вздумалъ привести съ собой мальчика, лѣтъ шестнадцати, жившаго со мной по соседству. То былъ сынъ одного испанскаго фабриканта. Его звали Діего; онъ прилежно учился и былъ чрезвычайно красивъ собой, станъ и формы нѣтъ превосходные, и я думаю, что фигура его далеко превосходила фигуру самого Антиноя. Діего никого не зналъ, нигдѣ не показывался, одѣвался очень бѣдно; платье его было сшито всегда не по мѣрѣ, потому что пріобрѣталось случайно. Онъ любилъ свои занятія, свой латинскій языкъ, до остальнаго ему мало было дѣла. Призвавши его, я попросилъ, чтобъ онъ надѣлъ на себя женскій нарядъ, который я приготовилъ. Онъ, ни мало не отказываясь, одѣлся. Чтобъ довершить его туалетъ и еще болѣе увеличить его красоту, я купилъ на уши большія кольца, украшенныя двумя огромными перлами (кольца раздвигались по срединѣ и, сжимая ухо, казались продѣтыми насквозь, какъ серьги), на шею надѣлъ отличное ожерелье, а прекрасныя его руки унизалъ перстнями. Потомъ, взявши Діего тихонько за ухо, я привелъ его къ большому зеркалу. «Боже!» вскричалъ мальчикъ, увидѣвъ до какой степени былъ онъ хорошъ: — «что это изъ меня вышло!» — Ничего! тотъ же самый Діего, отвѣчалъ я: — Діего, котораго я никогда ни о чемъ не просилъ, и котораго теперь умоляю сдѣлать мнѣ величайшее одолженіе: въ этомъ самомъ нарядѣ похваться со мною отужинать въ общество людей, столько извѣстныхъ тебѣ по именамъ рассказамъ. При этихъ словахъ, милый и умный юноша вдругъ потерялъ всю свою бодрость, опустилъ глаза и нѣсколько минутъ не говорилъ ни слова, потомъ смѣло поднялъ голову и сказалъ: «съ тобой пойду, куда хочешь». Я набросилъ на него большое легкое покрывало, какое обыкновенно носятъ въ Римѣ лѣтомъ. Вся ужъ собралась, когда мы вошли въ общество....

Когда я открылъ вуаль, скрывавшую прелестныя черты Діего, весь пришелъ въ изумленіе. «Ангельская красота!» воскликнулъ Микель-Анжело: — «смотрите, господа, смотрите!» Продолжая шутить, онъ провзнесъ, обращаясь къ Діего, слѣдующіе два стиха:

*O Angiol bella, o Agnol degna,
Tu mi salva, tu mi segna. (1)*

(1) О, ангелъ прекрасный, ангелъ достойный! ты меня спасаешь, меня благославляешь!

При этихъ словахъ, прелестный юноша, смѣясь, поднялъ правую руку вверхъ, благословилъ Микель-Анжело по-папски и сказалъ свое пріятное привѣтствіе. «У папъ цалуютъ ноги», сказалъ Микель-Анжело:— «у ангельчиковъ—щочки», и обнялъ его. Лицо Діега попрылосъ яркимъ румянцемъ, что еще болѣе придало ему красоты.

Въ гостиной хозяйки прочелъ наши сонеты. (Онъ читалъ ихъ съ большимъ искусствомъ, и придавалъ всякому выраженію замѣчательную красоту.) Когда столъ былъ готовъ, Джуліо (великій живописецъ) просилъ позволенія размѣстить насъ. Ему позволили. Онъ взялъ за руки дамъ и усадилъ ихъ, мою посадилъ въ серединѣ, мужчинъ—напротивъ, а мнѣ указалъ мѣсто также въ серединѣ стола, говоря, что я заслужилъ такую честь. — Поставлены были превосходные жасмины, которые обрѣзала чудную густую стѣну, по которой такъ изящно рисовались фигуры женщинъ, въ особенности моей. Ужинъ былъ роскошенъ и изобиленъ. Послѣ ужина пришло нѣсколько отличныхъ музыкантовъ; одни пѣли, другіе играли. Когда музыканты ушли, Авреліо Асколаво, который импровизировалъ съ такимъ отличнымъ успѣхомъ, началъ говорить дамамъ пышныя элегіи. Между тѣмъ тѣ изъ женщинъ, которыя сидѣли возлѣ моего Діега, не переставали съ нимъ болтать. Одна рассказывала, кто были ея друзья, давно ли она въ Римѣ, и тому подобныя пустяки. Разговоръ двухъ глупыхъ сосѣдокъ моего прекраснаго визави, котораго мы называли Помонной, ужасно ему надоѣлъ, и, не зная какъ отъ нихъ отдѣлаться, онъ сталъ вертѣться то въ одну, то въ другую сторону. Наконецъ ворона, которую привелъ Джуліо, спросила Діега, о причинѣ его безпокойства. — «Я беременна», отвѣчалъ Діега: — «и чувствую по временамъ боль.» — Тогда двѣ женщины, которыя сидѣли по сторонамъ, изъ состраданія къ Помонѣ, хотѣли ей помочь и осмотрѣть ее.... Но скоро онѣ увидѣли свою ошибку, мгновенно отошли отъ Діега и стали бранить его. Всѣ встали изъ-за стола при хохотѣ и крикахъ удивленія. — Микель-Анжело попросилъ позволенія наказатъ меня по своему; когда ему это предоставили, онъ схватилъ меня на руки и кричалъ: *Viva il signore! viva il signore!* (да здравствуетъ сядьоръ!) потомъ прибавилъ, что за такую прекрасную выдумку я не заслуживаю другого штрафа. — Такъ кончился день и этотъ веселый ужинъ.

Много пришлось бы мнѣ рассказывать, еслибъ я сталъ описывать подробно многочисленныя проиаведенія, сдѣланныя мною въ разномъ родѣ. Не имѣя возможности, въ настоящую пору, описать что-нибудь замѣчательное, положу приличнаго для этого времени, а оно будетъ скоро. Микель-Анжело, сіенискій скульпторъ, о которомъ я ужъ говорилъ, началъ тогда гробницу папы Адриана VI; Джуліо Романо, живописецъ, ухалъ къ маркизу мантуанскому; другіе мои

товарища разбрелись по разнымъ странамъ , куда призывали ихъ дѣла ; и такимъ образомъ пріятное наше общество совершенно разсѣялось .

Въ это время мнѣ попались въ руки маленькіе турецкіе книжалы , которыхъ рукоятки , лезвія и ножны были изъ стали ; на нихъ была турецкая насѣчка и листья , оправленные въ золото — все сделано было съ большимъ искусствомъ . Мнѣ страхъ захотѣлось попытаться успѣть и въ этомъ родѣ , столько отличномъ отъ всѣхъ другихъ . Видя , что начало удалось , я сделалъ нѣсколько подобныхъ вещей , только гораздо лучше и прочнее турецкихъ ; во-первыхъ я паръзывалъ на стали глубже , нежели какъ это дѣлается въ Турціи ; во-вторыхъ , турецкіе листья обыкновенно состоятъ изъ лепестковъ *колокви* и маленькихъ цвѣтковъ подсолнечника , которые хотя и не лишены пріятности , но не могутъ столько нравиться какъ наши .

Въ Италіи подражаютъ различнаго рода листьямъ . Ломбардцы превосходно изображаютъ листья плюща или дикаго винограда , съ ихъ стебельками и усиками , что чрезвычайно красиво . Выборъ тосканцевъ и жителей Рима еще лучше : они изображаютъ листья акаеи или медвѣжьей-вѣтви , со всеми ея отпрысками и цвѣтами , расположенными самымъ прихотливымъ образомъ . Сюда вмѣшараютъ они птицъ и маленькихъ животныхъ . И точно , можно сказать , что во всемъ этомъ есть вкусъ ! Иногда включаютъ сюда и зеленые цвѣты , напр. тѣ , которые называются львиное рыльце , и другіе , украшенные воображеніемъ искусныхъ артистовъ . — Люди , не свѣдущіе въ этомъ дѣлѣ , называютъ такіа украшенія *гротесками* ; это названіе новѣйшее и произошло оттого , что украшенія эти найдены первоначально въ пещерахъ около Рима , гдѣ прежде вѣроятно были комнаты , бани , залы для какихъ-нибудь упражненій , для гостей , и тому подобное ; но современемъ , такъ какъ пласты почвы все болѣе и болѣе увеличивались , то они и покрыли эти строенія . Такъ какъ въ Римѣ слово *grotte* употребляютъ для означенія этихъ мѣстъ , то и самыя произведенія получили названіе гротесковъ ; но это не настоящее ихъ имя , потому что древніе , дѣлая такъ называемые монстры изъ своихъ козъ , телицъ и кобылокъ , давали имъ и названіе монстровъ ; а если они употребляли ихъ въ украшенія между листьями , то и украшенія же слѣдуетъ называть монстрами , а не гротесками .

Въ это время , въ маленькихъ древнихъ урнахъ , наполненныхъ прахомъ , нашли желѣзные кольца , вырѣзанныя и оправленыя въ золото по древнему , а въ середину была вставлена раковина . По розысканіямъ ученыхъ оказалось , что эти кольца носились для того , чтобъ сохранить душевное спокойствіе во всѣхъ необыкновенныхъ

обстоятельствахъ жизни, дурныхъ и хорошихъ. Многіе, съ которыми я былъ близокъ, просили меня сделать нѣсколько подобнѣхъ колецъ. Я сделалъ ихъ изъ чистой стали, отлично выгравировалъ и оправилъ въ золото: они были прекрасны. Мнѣ платили иногда по 40 эку за одинъ только фасонъ ихъ! Дамы и кавалеры носили въ это время на шапочкахъ маленькія золотыя медали, на которыхъ вырѣзывался гербъ или девизъ. Эти бездѣлки весьма трудны для работы; я дѣлалъ ихъ множество. Карадоссо, некусный мастеръ, сделалъ нѣсколько такихъ медалей; такъ какъ онъ украшалъ ихъ многими фигурами, то бралъ за каждую не меньше ста эку. Не столько по дороговизнѣ, сколько по медленности его работы, многіе предпочитали меня. Такимъ образомъ мнѣ досталась одна медаль, гдѣ я долженъ былъ войти въ соперничество съ этимъ талантливымъ человѣкомъ. Медаль должна была состоять изъ четырехъ фигуръ и требовала много работы. Тѣ, которые ее заказали мнѣ, сравнивали ее съ работою Карадоссо и сказали, что моя была отдѣлана лучше, красивѣе, и что я за нее могу требовать чего хочу; довольные мной вполне, они хотѣли, чтобъ и я остался доволенъ ими. Я отвѣчалъ, что самая большая награда моихъ трудамъ, какою я могъ только желать, состоятъ въ томъ, чтобъ они поставлены были наравнѣ съ произведеніями такого великаго художника; а если это теперь дѣйствительно признано, то я вполне награжденъ. — Господа, заказавшіе мнѣ медаль, вышли отъ меня и потомъ прислали мнѣ столь щедрый подарокъ, что я былъ въ восторгѣ. Это внушило мнѣ рвеніе всякую вещь дѣлать съ возможнымъ стараніемъ.

Здѣсь на некоторое время я прерываю разсказъ о моихъ занятіяхъ, чтобъ описать одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ случаевъ, которые наполняли мою столь безпокойную жизнь.

Въ Римѣ пріѣхалъ одинъ молодой человѣкъ, по имени Луиджи Пульчи, сынъ того Пульчи, который былъ казненъ за преступную связь съ своею дочерью. Одаренный большимъ поэтическимъ талантомъ, Луиджи былъ весьма свѣдущъ въ латинской литературѣ, хорошо писалъ, движенія его были граціозны; онъ славился своею необыкновенною красотою. Между тѣмъ неаполитанская болѣзнь пожирала его. Будучи знакомъ съ нимъ еще во Флоренціи и уважая таланты, я, по врожденному мнѣ чувству состраданія, принялъ Луиджи къ себѣ и сталъ заботиться о его болѣзни. Здоровье его скоро поправилось. Понимая важность оказанныхъ мною услугъ, Луиджи часто благодарилъ меня со слезами на глазахъ и говорилъ, что если когда-нибудь представится ему случай, то онъ докажетъ, сколько мнѣ благодаренъ. Скоро молодой человѣкъ началъ посѣщать Дворъ, гдѣ потомъ и нашелъ себѣ мѣсто. Племянникъ епископа гуркского, вене-

діяльскій дворянинъ, по имени Джіованни, високо цѣнилъ таланты Луджи. У нихъ завязалась большая дружба, такъ-что оба они составляли какъ бы одно лицо. Однажды я давалъ маленькій вечеръ для Пантазилен и пригласилъ къ себѣ близкихъ друзей. Луджи и Джіованни пришли во время самаго ужина и послѣ нѣкоторыхъ церемоній сѣли за-столъ. Увидѣвъ Луджи, который, какъ я сказалъ, былъ необыкновенно хорошъ собой, безстыдная женщина тотчасъ возъимала на него виды; я это замѣтилъ, отвелъ Луджи въ сторону и вмѣнемъ всего, чѣмъ онъ почиталъ себя одолженнымъ мнѣ, просилъ не заводить никакихъ интригъ съ этой злою женщиной. «Помилуйте, любезный Бенвенуто», отвѣчалъ онъ мнѣ:—«да за кого же вы меня считаете?...» — Нѣтъ, нѣтъ, продолжалъ я: — вы очень молоды. И потомъ прибавилъ, что собственно о Пантазилен я мало забочусь; но что мнѣ было бы крайне прискорбно, еслибъ пришлось ему сколько-нибудь пострадать за нее. Луджи сталъ божиться и клясться: «пусть Богъ убьетъ меня, если я когда-нибудь заговорю съ ней!» Бѣдный молодой человекъ видно говорилъ отъ всей души, какъ это мы скоро увидимъ. — Между тѣмъ открылось, что Джіованни имѣлъ съ нѣмъ постыдную связь, и Луджи вполне предался пороку. Боясь моихъ наставленій, онъ показывалъ видъ, что не видитъ и не узнаетъ меня. Любезный его Джіованни подарилъ ему отличную вороную лошадь, хорошо выдрессированную, и Луджи красовался на ней предъ домомъ Пантазилен. Я это зналъ, но, право, мало заботился о томъ! Однажды Микель-Анджело, сѣнчскій скульпторъ, пригласилъ насъ къ себѣ на вечеръ. Баккіакка былъ въ томъ же числѣ. Онъ привезъ съ собою Пантазилену. Ее посадили за столъ между нами и мною. Въ самой среднѣ ужина она вдругъ встала, и сказала: «мнѣ дурно, я выйду и сейчасъ же возвращусь къ вамъ». Мы ѣли и весело болтали. Я однакожь замѣтилъ, что Пантазилен что-то долго не является; я сталъ прислушиваться и услышалъ на улицѣ тихій смѣхъ. Въ рукахъ у меня былъ столовый ножъ. Окно было такъ близко, что, приподнявшись не много, я увидѣлъ на улицѣ Луджи и Пантазилену. Луджи говорилъ ей: «ну, если этотъ чортъ Бенвенуто увидитъ насъ, мы пропали!» — Не бойся, отвѣчала она: — посмотри, какой у нихъ тамъ шумъ: они заняты совсѣмъ другамъ. При этихъ словахъ я выскочилъ въ окошко и схватилъ Луджи за плащъ; но онъ былъ на лошади, далъ ей шпоры и такимъ образомъ спасъ свою жизнь, оставивъ въ рукахъ моихъ плащъ. Пантазилену убѣжала въ соседнюю церковь. Не внимая убѣжденіямъ моихъ добрыхъ и благородныхъ товарищей, я взялъ шпагу и отправился къ Прати. Совсѣмъ уже стемнѣло, когда я вошелъ въ домъ къ Пантазилен, рѣшившись, если найду тамъ Луджи, раздѣ-

латься съ обонимъ ; но меня встрѣтила одна только служанка. Тогда я пошелъ домой, оставилъ плащъ и ножи отъ шпаги и снова отправился къ дому Пантазилен, расположенному на берегу Тибра. Протѣвъ этого дома былъ садъ Ромуло, содержателя таверны. Садъ окруженъ былъ заборомъ изъ густого терновника. Здѣсь я спрятался, выжидая, когда Пантазилен пойдетъ домой. Черезъ нѣсколько минутъ явился сюда другъ мой, Баккіакка. Самъ ли онъ догадался, что я здѣсь, или ему сказали, только онъ тихонько звалъ меня, говоря: *кумь! кумь!* (такъ мы въ шутку называли другъ друга), ради Бога, не дѣлайте ничего этой бѣдняжкѣ: она ни въ чемъ не виновата. — Если вы сію минуту отсюда не уйдете, отвѣчалъ я: — я раскрою вамъ голову. При этихъ словахъ бѣдный мой куманекъ такъ испугался, что почувствовалъ сильныя колики въ животѣ и не могъ тронуться съ мѣста. Небо было чрезвычайно звѣздно, ночь самая свѣтлая. Скоро послышался топотъ нѣсколькихъ лошадей; показались Лунджи и Пантазилен, сопровождаемые извѣстными Бенвенуто перувскимъ, камераріемъ папы Климента; за ними ѣхали четыре перуджинскихъ офицера и еще нѣсколько молодыхъ вояковъ, храбрыхъ и сильныхъ; всего шпагъ до двѣнадцати. Увидѣвъ такой поѣздъ и не зная на что рѣшиться, я спрятался въ терновникъ. Острыя иглы его начали колоть меня и до того раздражили, что я пришелъ въ крайнее бѣшенство. Въ эту минуту Лунджи, обнявъ рукою Пантазилену, произнесъ: «на зло этому бездѣльнику Бенвенуто я хочу еще разъ поцаловать тебя!» Я выхватилъ шпагу и со словами: «смерть вамъ!» бросился къ Лунджи и ударилъ его по плечу; но такъ-какъ онъ былъ обвѣшанъ со всѣхъ сторонъ железомъ, то шпага моя отскочила и вонзилась въ носъ и губы Пантазилен: оба они упали на землю. Баккіакка закричалъ и пустился бѣжать что есть мочи! Я смѣло обратился къ другимъ. Храбрый этотъ народъ, услышавъ въ тавернѣ большой шумъ, вообразилъ, что тамъ нашихъ цѣлая армія. Однако же всадники обнажили свои шпаги. Вдругъ двѣ лошади, испугавшись чего-то, произвели ужасное замѣшательство и опрокинули своихъ садюковъ; а остальные обратились въ бѣгство. Такъ спасся я отъ опасности. Рана Пантазилен зажила; Лунджи также выздоровѣлъ и по прежнему сталъ красоваться на своемъ ворономъ конѣ. Однажды, послѣ небольшого дождя, Лунджи галопировалъ предъ домомъ своей возлюбленной Пантазилен; вдругъ конь поскользнулся, упалъ и разбилъ Лунджи бокъ; черезъ нѣсколько дней онъ умеръ въ домѣ этой презрѣнной женщины. Такимъ образомъ Богъ, будучи надъ добрыми и злыми, воздаетъ каждому по заслугамъ....

VI.

«Вся вооружилась⁽¹⁾. Папа Климентъ послалъ просить у Иоанна Медичи вспомогательныхъ войскъ⁽²⁾. Они пришли и начали производить въ Римъ такіа своевольства, что опасно было оставаться въ лавкахъ и мастерскихъ. Папа Климентъ, по совету мессера Джакомо Сальвиати, распустилъ пять ротъ солдатъ, присланныхъ Иоанномъ, который умеръ въ Ломбардіи. Бурбонъ⁽³⁾, узнавъ, что въ Римъ нѣтъ войскъ, тотчасъ повелъ къ нему свою армію. Въ такихъ обстоятельствахъ всякой изъ насъ вооружился. Одинъ римскій дворянинъ, Александръ

(1) Чтобы лучше повѣсть слѣдующій рассказъ Челлини, необходимо припомнить нѣкоторые историческія событія этого времени. Извѣстно, что вся Италия приняла участіе въ войнѣ между Карломъ V и Францискомъ I, начавшейся съ 1541 г. Папа Левъ X и другіе владыки Италии, недовольные успѣхами французскости, которые, со времени мариньянской побѣды, въ другой разъ завладѣли владѣніи Франциска Сеорца, — вступили въ союзъ съ Карломъ V. При помощи ихъ, императоръ сталъ одерживать побѣды надъ французами, выгналъ ихъ изъ Италии и, проникнувъ въ Провансъ, началъ осаду Марсели.

Итальянцы избавились изъ-подъ одного ига; но ихъ ожидало другое, болѣе тяжкое. Маркъ V, мечта о всемирной монархіи, не думалъ о мирѣ, котораго такъ ждала вся Италия. Это было прониной, что еденъ Францискъ I, собравъ новое войско, перешелъ Альпы, папа Климентъ VII отдѣлился отъ испанцевъ и принялъ роль примирителя. Но Франція, послѣ сраженія при Пави (24 февр. 1525), опять пришла въ отчаянное положеніе; а императоръ, пользуясь этимъ, отвергнулъ мирныя предложенія папы. Тогда Климентъ VII, вѣсть съ венеціанцами и другими государствами Италии, принялъ сторону Франциска. Не помошь его была еденъ ничтожной. Онъ вскорѣ отервалъ свои войска, обезоружилъ Римъ, задаталъ большія контрибуціи имперскимъ генераламъ, и вообще, желая играть роль примирителя, онъ только навлекъ на свою землю новыя несчастія и сдѣлался жертвой жадности испанцевъ и вѣнцевъ, какъ это увидимъ далѣе.

(2) Войска Иоанна Медичи пришли въ Римъ въ октябрѣ 1526 г. Они состояли изъ 8000 пѣхотинцевъ и 200 ч. солдатъ Фредриха Гонзаго. Папа призвалъ ихъ для защиты Рима отъ взурядныхъ испанцевъ; но, обобъщенный предложеніи Карла V, распустилъ почти всѣ свои войска въ 1527 г., имено въ то время, когда ему по обстоятельствамъ болѣе всего слѣдовало вооружиться.

(3) Карлъ Бурбонъ, конетабль Франціи, вице-король Милана, братъ Франциска I и побѣдатель при Мариньянѣ. Извѣстно, что этотъ молодой, исполненный блистательныхъ дѣланій полководецъ, етолько мушій Франціи въ италическій періодъ еверничества ея съ Испаніей, въ 1523 г. перешелъ на сторону Карла V, единственно по интригамъ королевы-матери и несправедливостямъ Франциска. Онъ осаждалъ Марсель, сражался противъ французовъ при Биграссѣ и Пави и въ началѣ 1527 г. соединился съ герцогомъ Фронсбергомъ. Подъ свои знамена они собрали бандитовъ и всякую олочъ и, притворясь, что не могутъ удержатъ слодѣхъ подчиненныхъ въ повиновеніи, грабили вѣсть съ ними и простерли свои опустошенія въ самую средину Италии.

дель Бене, угрожаемый крайнею опасностію, просилъ меня взять на себя защиту его владній. Я собралъ человекъ пятьдесятъ надежныхъ и храбрыхъ молодыхъ людей и перешелъ съ ними въ его домъ. Войска Бурбона скоро показали у стѣнъ Рима. Мы отправились въ Кампо-Санто. Тамъ ужъ кипѣлъ ожесточенный бой. Испуганный этимъ зрѣлищемъ, Александръ дель Бене хотѣлъ бѣжать; но я сталъ упрекать его, говоря: «вы сами привели меня сюда; следовательно нужно сдѣлать что-нибудь достойное человека». И, направивши мое ружье въ то мѣсто, гдѣ была большая давка, я мѣтко прицѣлился въ одного воина, который былъ выше другихъ. Облако дыму не позволяло рассмотреть, былъ ли онъ пѣшій, или конный. Мы выстрѣлили по два раза; осторожно, я сталъ смотрѣть черезъ стѣну и увидѣлъ, что между осаждающими произошло необыкновенное замѣшательство. Одинъ изъ нашихъ выстрѣловъ убилъ Бурбона⁽¹⁾. Это былъ, какъ потомъ открылось, тотъ самый человекъ, который казался намъ выше другихъ. Оставивъ нашъ постъ, мы съ величайшимъ трудомъ пробрались въ замокъ св. Ангела, потому-что синьоръ Ріенцо де-Чери и Ораціо Бальони, стрѣляли по всѣмъ, кто бѣжалъ отъ сраженія подъ стѣнами. Когда мы подошли къ воротамъ замка, часть непріятелей ворвалась уже въ Римъ и преслѣдовала бѣгущихъ. Стража хотѣла опустить рѣшотку, но нѣсколько замедлила, и мы успѣли войти въ замокъ. Только-что я туда вошелъ, капитанъ Паллонъ Медичи принудилъ меня оставить Александра, потому-что я принадлежалъ къ дому папы. Въ это же самое время прибылъ въ замокъ и папа. Онъ не думалъ, чтобъ непріятель могъ овладѣть Римомъ, и потому не хотѣлъ было покидать Ватикана. Итакъ, меня заперли въ замкѣ. Я подошелъ къ пушкамъ, свареннымъ флорентинскому канониру, по имени Джуліано. Взглянувъ чрезъ зубцы крепости, онъ увидѣлъ, что непріятели разворвали его бѣдный домишко и бросились къ женѣ и дѣтямъ; изъ боязни ранить своихъ, у него не достало духу продолжать стрѣльбу; въ отчаяніи онъ бросилъ фитиль в, закрывъ лицо, сталъ горько плакать; другіе артиллеристы сдѣлали тоже. Я схватилъ брошенный фитиль и при помощи нѣкоторыхъ людей, здѣсь бывшихъ, направилъ выстрѣлы туда, гдѣ они были нужнее, и такимъ образомъ убилъ большое число непріятелей; а безъ того тѣ изъ нихъ, которые въ это утро вошли въ городъ, непременно направились бы къ замку и овладѣли имъ, потому-что артиллерія не дѣлала имъ никакого вреда. Я продолжалъ стрѣлять; на меня посыпались благословенія кардиналовъ и людей высшаго со-

(1) Всѣ исторіи утверждаютъ, что конетабль былъ убитъ изъ ружья при самомъ началѣ приступа. Онъ былъ одѣтъ въ бѣломъ, что давало возможность хорошо различить его.

словія, которые всѣ чрезвычайно меня одобряли. Довольно сказать, что въ это утро я сваясь замокъ: прочіе артиллеристы, ободренные мной, заняли свои мѣста. Я стрѣлялъ целый день. Наступилъ вечеръ, и въ то время, когда армія входила въ Римъ со стороны Трастеверо, папа назначилъ начальникомъ артиллеріи одного римскаго вельможу, по имени Антоніо Санта-Кроче. Первымъ дѣломъ Антоніо было подойти ко мнѣ, наговорить много лестнаго и отдать въ мое распоряженіе пять превосходныхъ пушекъ, поставленныхъ на самой высотѣ замка, и именно въ томъ мѣстѣ, которое называется Ангеломъ. Это мѣсто владычествуетъ надъ замкомъ и выходитъ на Прати и Римъ. Антоніо далъ мнѣ въ помощь нѣсколькихъ людей, необходимыхъ для маневровъ, выдалъ впередъ жалованье, принесъ мнѣ вина и хлѣба и просилъ продолжать дѣло такъ, какъ я началъ. Къ этому роду занятій я иногда чувствовалъ болѣе склонности, чѣмъ къ моему обыкновенному, и предавался ему съ такою охотой, что успѣвалъ гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ работахъ.

Наступила ночь; непріятель овладѣлъ Римомъ. Всѣ бывшіе въ замкѣ, и въ особенности я, который страстно любилъ все необыкновенное, — всѣ мы были свидѣтелями пожара, событія столь новаго и столь удивительнаго, что о немъ не могутъ имѣть ни малѣйшаго понятія тѣ, которые были внѣ.

Я командовалъ артиллеріей въ теченіи цѣлаго мѣсяца, т. е. во все время осады замка (1). Это доставило мнѣ возможность быть свидѣтелемъ множества предметовъ, достойныхъ описанія; но, чтобъ не впасть въ подробности и не удалиться отъ того, что собственно относится до моей профессіи, я болѣшую часть изъ нихъ опускаю, скажу только о тѣхъ, о которыхъ не могу умолчать и которые болѣе или менѣе замѣчательны. Однажды Антоніо Санта-Кроче приказалъ мнѣ оставить постъ, который я занималъ, чтобъ обстрѣливать домъ возлѣ самого замка, куда вошло много непріятелей. Въ то время, какъ я выстрѣлилъ, непріятельское ядро, направленное на меня, ударило въ зубецъ крѣпости и къ счастью отбило такую часть, которая не могла сдѣлать мнѣ особеннаго вреда: осколокъ упалъ мнѣ прямо на грудь, я упалъ за-мертво, однакожъ слышалъ все, что говорили присутствовавшіе. Антоніо душевно сожалѣлъ обо мнѣ и сказалъ: «Увы! мы лишились лучшаго нашего помощника!» Одинъ

(1) Осада замка и опустошеніе Рима продолжались съ 6 мая до 6 июня. Жадность, распухлость, безчеловѣчіе и святотатство имперцевъ были доведены до крайности. Когда събитые припасы истощались, Климентъ VII сдалъ непріятелямъ замокъ, а съ нимъ и всѣ свои богатства. Несмотря на то, его самого удерживали въ плѣну до 9 сентября. Здѣсь, переодѣвшись купцомъ, онъ, почти одинокъ, бѣжалъ въ Орвіето.

изъ моихъ товарищей приближалъ на этотъ шумъ; этотъ человекъ оказывалъ болѣе способностей въ медицину, чѣмъ въ игру на флейтѣ; онъ, плача, поспѣшилъ отыскать гдѣ-то стилияну съ превосходнѣйшъ греческимъ виномъ, нагрѣлъ сивородку и бросилъ туда породоchnую горсть полыни, поливая ее виномъ. Полынь напиталась, и онъ сталъ прикладывать ее къ тому мѣсту груди, гдѣ чувствительнѣе былъ ударъ. Дѣйствіе этой травы было такъ сильно, что оно тотчасъ возвратило мнѣ потеряныя силы. Я хотѣлъ говорить, но не могъ: проклятые солдаты набили мнѣ ротъ землею, воображая, что этимъ исполнять обрядъ причащенія. Эта земля сделала мнѣ болѣе вреда, чѣмъ самыя раны. Несмотря на то, при первой возможности, я снова съ яростію принялся за мою артиллерию и управлялъ ею со всею ловностію и скоростію, какую можно только вообразить. Папа Климентъ послалъ просить помощи у герцога урбинскаго, который командовалъ венеціанскою арміею. Онъ приказалъ своему посланнику сказать герцогу, что если въ замкѣ всякой вечеръ, на возвышенномъ мѣстѣ, будутъ горѣть три фанара и дѣлать три раза по три выстрѣла, то это значить, что замокъ не сдался. Мнѣ поручили замигать фанары и палить изъ пушекъ. Днемъ я размѣщалъ орудія по мѣстамъ, гдѣ находилъ удобнѣе и выгоднѣе. Папа былъ очень доволенъ и много благодарилъ меня, видя, что я исполняю обязанность свою со вниманіемъ, какого требовало дѣло. Помощь герцога не явилась.

Въ то время, какъ я занималъ этотъ дьявольскій постъ, меня посѣщали многіе кардиналы, бывшіе въ замкѣ. Частѣ всѣхъ приходили кардиналы равенскій и кардиналъ Галли. Я не разъ говорилъ имъ, чтобъ они не подходили ко мнѣ близко, потому-что ихъ красныя шапки видны издалека, а тамъ болѣе съ ближайшихъ зданій, напримеръ съ башни Бини; чрезъ это и я и они подвергались большой опасности. Они не слушались, и кончилось тамъ, что ихъ заперли (*). За что они меня возненавидѣли. Ораціо Бальони также навѣщалъ меня. Однажды, разговаривая со мною, онъ замѣтилъ некоторое движеніе въ гостиницѣ, стоявшей внѣ воротъ замка, на мѣстѣ, называемомъ Вакканелло. Гостиница была подъ вывѣскою «Красное Солнце»; вывѣска эта была нарисована межъ двухъ окошекъ. Ораціо примѣтилъ, что между этими окнами, позадн вывѣски, въ гостиницѣ былъ накрытъ столъ, за которымъ пировало множество военныхъ, и сказалъ мнѣ: «Бенвенуто, если ты можешь изъ пушки попасть хоть на нѣсколько футовъ ниже солнца, ты сделаешь славное дѣло: я слышу тамъ большой шумъ, следовательно тамъ должно

(*) Т. е. посадили подъ арестъ.

быть много народу». Я отвечалъ ему, что у меня глазъ столько вренъ, что я могу попасть и въ самую середину, но что сила выстрѣла и колебаніе воздуха могутъ разрушить туръ, наполненный камнями и находящійся у самого дула пушки. «Не дерай времени, Бенвенуто, возразилъ Ораціо: — во-первыхъ, туръ устроенъ такъ, что выстрѣлъ его не разрушить; да хоть бы и разрушилъ, папа не потерпитъ ничего, и повѣрь, вреда будетъ меньше, чѣмъ ты думаешь. Стрѣлай, стрѣлай!» Я не долго думалъ и хлопнулъ въ самую середину солнца, какъ сказалъ. Туръ упалъ и какъ разъ между кардиналомъ Фарнезе (*) и Джакомо Сальвиати. Онъ могъ ихъ задавить обомъ; однакожь не попалъ въ нихъ, и они остались невредимы. Услышавъ шумъ, который происходилъ внизу, на дворѣ замка, Ораціо тотчасъ побѣжалъ туда; я подошелъ поближе посмотреть, куда упали камни съ тура. Вдругъ услышалъ я, что нѣсколько голосовъ кричали, что меня не худо бы было убить. Я направилъ два фальконета внизъ до лѣстницы, которая вела къ мѣсту, гдѣ я находился, и рѣшился выстрѣлить въ перваго, кто появится на ней. Люди кардинала Фарнезе безъ сомнѣнія получили приказаніе сдѣлать мнѣ какое-нибудь зло; но я, схвативъ фитиль, подошелъ къ нимъ ближе и закричалъ: «Разбойники! прочь отсюда; осмѣлся-ка кто-нибудь ступить на лѣстницу, такъ я того уничтожу въ прахъ! не даромъ у меня заряжены два фальконета! Скажите кардиналу, что я исполнялъ приказаніе начальника, и все сдѣлано для защиты такихъ негодяевъ какъ вы, а не во вредъ имъ». Они удалились; ко мнѣ бѣжалъ Ораціо; я спросилъ его не подходить, въ противномъ случаѣ грозитъ убить, прибавивъ, что очень хорошо понимаю его намѣренія. Ораціо, не безъ страху, остановился и сказалъ: «Бенвенуто, я твой другъ». Я отвечалъ: «Синьоръ, взойдите одни, и тогда изъявляйте мнѣ, что вамъ угодно». Ораціо, который былъ очень гордъ, немного пріостановился и сказалъ оскорбленнымъ тономъ: «Нѣтъ, я не пойду, я постараюсь сдѣлать совсѣмъ не то, что хотѣлъ для тебя сдѣлать». На это я ему замѣтилъ, что если я принялъ на себя обязанность защищать другихъ, то буду умѣть защитить и себя. Онъ отвечалъ, что взойдетъ одинъ, и взошелъ. Лицо его страшно измѣнилось; я схватился за шпагу и устремилъ на него сверкающіе глаза. Но Ораціо началъ смѣяться, лицо его прояснилось, и онъ сказалъ мнѣ весело: «Любезный Бенвенуто, вѣдь я тебя желаю всякаго добра и докажу это, когда будетъ время. Слава Богу! а вѣдь ты могъ бы убить этихъ двухъ бездѣльниковъ, изъ которыхъ одинъ причиною велика-

(*) Александръ Фарнезе, деканъ священной коллегии и весьма ученый чело-вѣкъ, былъ избранъ папою и наследовалъ Клименту VII въ 1534 г. подъ именемъ Павла III.

го несчастія, насъ постигшаго, а другой — еще хуже.» Этотъ случай надѣлалъ много шуму и толковъ.

Я продолжалъ заниматься пальбою и каждый день дѣлалъ хоть одинъ замѣчательный выстрѣлъ, такъ-что чрезъ это приобрѣлъ самое благосклонное довѣріе и расположеніе папы. Не было дня, въ который я не убилъ бы нѣсколькихъ непріятелей. Однажды папа, прохаживаясь по бастиону, увидѣлъ въ Прати испанскаго полковника, котораго онъ по чему-то узналъ: полковникъ прежде служилъ у него. Я былъ у Ангела и ничего объ этомъ не зналъ; замѣтивъ вдали человека, оцѣтаго въ красное, который, держа въ рукахъ короткую шпагу, распоряжался работами траншей, я, взявшись за *соколъ*, который былъ близъ меня (родъ пушки, больше и длиннѣе обыкновенной), направилъ его, зарядивъ мелкимъ порошкомъ, смѣшаннымъ съ обыкновеннымъ; потомъ, прицѣлившись хорошенъко въ краснаго человека, разсмотрѣлъ дугу полета ядра съ удивительною ловкостію: предметъ былъ такъ далеко, что невозможно было, следуя принятымъ правиламъ, стрѣлять по прямой линіи изъ орудія этого калибра. Я приложилъ фитиль и выстрѣлъ, попалъ прямо въ краснаго человека, который, следуя обычаю испанцевъ, и молодечествуя, сдѣлалъ знакъ, будто хочетъ отпарировать выстрѣлъ своею шпагой. Ядро ударило по шпагѣ и въ минуту человекъ разлетѣлся на двое. Папа неожиданный этого, былъ очень доволенъ и притомъ удивленъ, потому ли, что ему казалось невозможнымъ попасть такъ далеко изъ такого орудія, или потому, что онъ не могъ понять, какимъ образомъ этотъ человекъ могъ быть разорванъ на двое. Онъ позвалъ меня къ себѣ и сталъ спрашивать.

Ни онъ, ни я не могли понять, какъ случилось, что полковникъ былъ разорванъ пополамъ. Ставъ на колѣни, я сталъ просить папу отпустить мнѣ это убійство, равно какъ и тѣ, которыя я сдѣлалъ въ замкѣ въ защиту апостольской церкви. При этихъ словахъ, папа поднялъ руку и, перекрестивъ меня, сказалъ, что благословляетъ меня и отпускаетъ мнѣ всѣ убійства, какъ прошедшія, такъ и будущія на служеніе апостольской церкви. Я удалился и взшелъ на платформу. Рисованье, прекрасныя занятія, музыка, — все было забыто для упражненій въ артиллеріи. День и ночь я думалъ о томъ, что мнѣ нужно дѣлать для защиты церкви. Однакожъ, если я стану украшать рассказы мойъ всѣми подвигами, которые я совершилъ, то кажется никогда не доведу до конца исторіи моей жизни.

На такомъ основаніи пропушу нѣсколько событій и расскажу, какъ папа Климентъ, желавшій сохранить свою тиару и драгоценности апостольской камеры, позвалъ меня и Кавальери-

но ⁽¹⁾ къ себѣ и заперся съ нами въ особой комнатѣ. Кавальерино былъ некогда конюхомъ у Филиппа Строщи ⁽²⁾ и происходилъ изъ самаго низкаго званія, но за привязанность свою къ папѣ былъ награжденъ отъ него богатствами и особеннымъ довѣріемъ. Его святѣйшество и Кавальерино, передали мнѣ тѣры со множествомъ драгоценныхъ камней и приказали ихъ вынуть, что я и сдѣлалъ. Потомъ, завернувъ каждый камень въ особую бумажку, мы зашили ихъ въ фуфайки, которыя были на папѣ и Кавальерино. Золото (котораго было двѣсти фунтовъ) они отдали мнѣ и приказали растопить его, сказавъ, чтобы все это дѣлалось тайно. Я удалился въ свою комнату, которую могъ запереть. Здѣсь устроилъ я изъ кирпичей раздувальную печь и приладилъ довольно плоскій зольникъ, куда капало мало-по-малу золото. Во время плавки золота при мнѣ всегда были двѣ заряженныхъ пушки. Однажды передъ вечерней я увидѣлъ какого-то офицера, который верхомъ на мулъ приближался къ траншеямъ и разговаривалъ съ рабочими. Мнѣ приказано было стрѣлять поспѣшнѣй, чтобы этотъ офицеръ не успѣлъ перейти на правую сторону. Я сдѣлалъ выстрѣлъ со всею точностію: офицеръ раненъ былъ въ лицо, мулъ упалъ мертвый. Въ траншеяхъ сдѣлалось большое замѣшательство; я выстрѣлилъ изъ другой пушки и тоже надѣлалъ много вреда. Офицеръ этотъ былъ принцъ оранскій ⁽³⁾. Его перенесли въ сосѣднюю гостиницу. Папа, узнавъ объ этомъ, позвалъ меня къ себѣ и спрашивалъ о томъ, какъ это случилось. Я рассказалъ ему все и прибавилъ, что этотъ офицеръ долженъ быть весьма важное лицо, потому-что, сколько можно судить, кажется все

⁽¹⁾ Вазари, описывая жизнь Юлія Романо, говоритъ, что этотъ артистъ, въ картинѣ «Крещенію Константина», подъ костюмомъ одного изъ служителей св. Сильвестра, изобразилъ Кавальерино, который управлялъ тогда Климентомъ VII. Безъ сомнѣнія это тотъ самый, о которомъ говоритъ здѣсь Челанни.

⁽²⁾ Одинъ изъ членовъ богатѣйшей флорентинской фамиліи. Онъ женился на дочери Петра Медичи, пользовался большимъ уваженіемъ соотечественниковъ и долгое время, въ качествѣ посланника Медичи, жилъ при дворахъ французскомъ и римскомъ. Въ 1535 г. Филиппъ соединился съ изгнанными соотечественниками и старался возстановить флорентинскую республику; но попытки его не удалась. Онъ попалъ въ руки герцога Космы, провѣлъ нѣкоторое время въ темницѣ и кончилъ жизнь какъ Катонъ, въ 1539.

⁽³⁾ Филибертъ де-Шалонъ, принцъ оранскій, недовольный Францискомъ I-мъ, перешелъ къ императору. Имущество его конфисковали. Франція никогда не имѣла врага болѣе неутомимаго. Андрей Доріа взялъ его въ плѣвъ и до надричнаго мира содержалъ въ замкѣ Лузиньянъ. Филибертъ угѣшалъ себя въ одиночествѣ тѣмъ, что писалъ на стѣнахъ тысячу ругательствъ противъ французовъ. Когда его выпустили, онъ опять вступилъ въ службу къ императору. Рана, о которой здѣсь говорится, подвергла его большой опасности; но онъ былъ убитъ при осадѣ Флоренціи въ 1530 г.

начальники собрались въ гостиницу. Его свѣтѣйшеству пришла въ голову счастливая мысль ; онъ позвалъ къ себѣ Антоніо Санта-Кроче и приказалъ ему распорядиться такъ , чтобъ вся канонеры направили пушки своя на гостиницу и выстрѣлили разомъ по первому сигналу. Въ самомъ дѣлѣ , еслибъ мы перебили всѣхъ непріятельскихъ полководцевъ , то армія , и безъ того уже недовольная , разбѣжалась бы ; Богъ конечно услышалъ бы наши молитвы. Мы поставили наши пушки по приказанію Санта-Кроче и ожидали сигнала ; но кардиналъ Орзино , узнавъ объ этомъ , возсталъ противъ папы , говоря , что никакъ не должно поступать такимъ образомъ тогда , когда договоръ почти заключенъ ; что , если мы уберемъ начальство , то армія возьметъ вѣнокъ силою и разрушитъ его въ конецъ. Въ отчаяніи бѣдный папа , видя , что ему измѣняютъ и въ замкѣ также , какъ и вѣзъ его , отвѣчалъ , что онъ соглашается съ мнѣніемъ кардиналовъ. Приказъ былъ отмененъ. Но я не могъ удержаться и выстрѣливши , сбилъ пилластру во дворъ того дома , куда вошли непріатели. Этотъ ударъ надѣлалъ имъ столько зла , что они уже готовы были оставить домъ. Кардиналъ Орзино добивался всеми силами , чтобъ меня повѣсили или убили , но папа въ этомъ случаѣ защищалъ меня съ жаромъ.

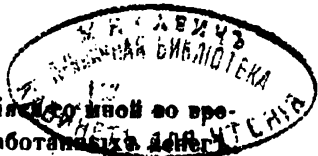
Когда золото было перелито , я отнесъ его къ папѣ ; онъ меня благодарилъ и приказалъ Кавальерино отсчитать мнѣ 25 эку , извиняясь , что не можетъ дать болѣе.

Нѣсколько дней спустя былъ заключенъ договоръ. Я отправился въ Перуджію вмѣстѣ съ Ораціо Бальони и тремястами другихъ молодыхъ людей. Онъ хотѣлъ мнѣ дать подъ команду цѣлую роту , но по некоторымъ обстоятельствамъ я принять ее не могъ и сказалъ Бальони , что хочу прежде навѣстить отца и выкупить мое изгнаніе изъ Флоренціи. Онъ отвѣчалъ , что назначаетъ меня капитаномъ флорентинской роты ⁽¹⁾.

VII.

Чума производила во Флоренціи ужасныя опустошенія. Я тотчасъ отправился къ отцу , который думалъ , что я или пропаду въ Римѣ , или возвращусь въ самомъ жалкомъ положеніи. Вышло напротивъ : я былъ совершенно здоровъ , выросъ , у меня были деньги и слуга. Когда отецъ меня увидѣлъ , онъ такъ обрадовался , такъ сталъ обнимать меня и целовать , что я думалъ , что онъ умретъ. Я раска-

(1) Ораціо Бальони командовалъ въ это время флорентинскимъ отрядомъ и въ нѣсколько дней до сдачи замка вышелъ изъ него.

залъ ему всѣ дьявольскія происшествія, случившіяся со мной во время осады замка, и вручилъ большую сумму выработанныхъ денегъ. Онъ тотчасъ отправился въ Советъ Восьми, чтобъ выкупить мое изгнаніе, и, обращаясь къ одному изъ членовъ, къ тому, который когда-то прочилъ меня на галеры, воспользовался случаемъ колкостями отплатить ему за старое оскорбленіе. Изъ Флоренціи я отправился въ Мантуу.

Италія была опустошаема войной и чумою; съ большими затрудненіями дохалъ я до Мантуи и по прибытіи тотчасъ началъ искать работы. Одинъ миланецъ, по имени Николло, герцогскій золотыхъ дѣлъ мастеръ, принялъ меня къ себѣ. Два дня спустя я навѣстилъ друга моего Джуліо Романо, превосходнаго живописца, о которомъ ужъ говорилъ. Онъ обласкалъ меня и оскорбился, что я не остановился у него. Романо, разговаривая съ герцогомъ, упомянулъ обо мнѣ и притомъ съ такою похвалою, что его святлость тотчасъ же заказалъ мнѣ модель раки для храненія нѣсколькихъ капель крови Іисуса Христа, которая, какъ говорятъ мантуанцы, была перенесена въ нѣхъ городъ Лонгиномъ. Потомъ, обращаясь къ Джуліо, онъ просилъ его сдѣлать для меня рисунокъ. «Ваша святлость», отвѣчалъ тотъ: — «Бенвенуто такой художникъ, который не нуждается въ чужихъ рисункахъ, что вы и сами изволите усмотрѣть изъ его модели.» — Я сдѣлалъ сначала эскизъ раки, а потомъ модель изъ воску; она представляла Христа: въ приподнятой лѣвой рукѣ онъ держалъ большой крестъ и какъ будто облокотился на него, а пальцами правой казался раскрывать рану на своей груди. — Модель такъ понравилась герцогу, что онъ не зналъ, какъ похвалить ее, и сказалъ, что оставить меня при себѣ на такихъ условіяхъ, чтобъ я могъ жить богато. Я представился брату его, кардиналу ⁽¹⁾, который убедительно просилъ герцога позволить мнѣ сдѣлать ему печать. Я началъ работу; въ это время у меня сдѣлались лихорадка и сильный бредъ. Тогда я проклялъ Мантуу, ея влестителя и всѣхъ, кто оставался въ ней добровольно. — Миланскій золотыхъ дѣлъ мастеръ, который видѣлъ, что герцогъ хочетъ меня оставить при себѣ, донесъ ему объ этомъ. Герцогъ сильно оскорбился, я тоже не мало былъ взбѣшенъ. Когда я окончилъ печать, на что требовалось четыре мѣсяца работы, и еще нѣсколько мелкихъ вещицъ для герцога, кардиналъ, щедро наградивъ меня, просилъ возвратиться въ Римъ — чудный городъ, гдѣ мы познакомились съ нимъ. Съ порядочной суммою денегъ выѣхалъ

(1) Ерколь Гонзаго, епископъ Мантуи и кардиналъ, былъ образованнѣйшимъ человекомъ своего времени; онъ очень любилъ, уважалъ и покровительствовалъ художникамъ.

я изъ Мантуи, и остановился въ Говерно (1), гдѣ былъ убитъ мужественный Іоаннъ. Лихорадка моя проходила; я продолжалъ путь и прибылъ во Флоренцію, надеясь найти тамъ отца. Стучусь у воротъ нашего дома: какая-то сумасшедшая горбуня показалась въ окошкѣ и стала гнать меня и ругать, уверяя, что я отравилъ ее. «Послушай, ты, вѣдьма», сказалъ я: — «развѣ въ домѣ никого больше вѣтъ, кромѣ твоей рожи?» Нѣтъ, — отвѣчала она: — чтобъ тебя черти взяли! — «Э! погоди, вотъ это исполнится надъ тобой сію минуту!» закричалъ я громкимъ голосомъ. Услыша нашу брань, вышла соседка и объявила, что мой отецъ и вся наша семья умерли. Я ожидалъ этого несчастія, и потому моя горестъ была тиха. Соседка прибавила, что сестра моя Липерата одна осталась въ живыхъ и принята одной благочестивой женщиной. Я направилъ путь свой въ гостиницу и случайно встрѣтился съ задушевнымъ другомъ моимъ Джіованни Ригольи. Вышедши отъ него, я пошелъ къ площади, гдѣ узналъ, что мой братъ живъ; я нашелъ его у одного изъ пріятелей, Бертино Альдо-Брандина. При нашей встрѣчѣ, мы осыпали другъ друга самыми важными ласками, тѣмъ болѣе, что почитали другъ друга умершими. Когда радость наша поутихла, братъ, взявъ меня за руку, сказалъ: «постой-ка, братъ, я поведу тебя куда ты не воображаешь, я вѣдь выдалъ за-мужъ нашу сестру Липерату, которая считаетъ тебя мертвымъ». Дорогою мы рассказали другъ другу все, что съ нами случилось. Неожиданное мое появленіе до того обрадовало и удивило сестру, что она безъ чувствъ упала въ мои объятія, не сказавъ ни одного слова; мужъ Липераты могъ подумать, что я пожалуй и не братъ ея; но по счастью тутъ былъ Чеккино. Наконецъ сестра пришла въ себя. Поплакавъ немного объ отцѣ, сестрѣ, мужѣ и маленькомъ сынѣ, отнятыхъ у нея чумою, Липерата стала готовить ужинъ, и уже въ этотъ вечеръ мы не говорили болѣе о мертвыхъ.

Я хотѣлъ возвратиться въ Римъ, но просьбы брата, сестры и друга моего Піетро Лавди удержали меня во Флоренціи.

Медальи были изгнаны изъ Флоренціи. Я говорю объ Ипполитѣ и Александрѣ, изъ которыхъ одинъ впоследствии былъ кардиналомъ, а другой герцогомъ флорентійскимъ; нужно было подождать, что изъ этого выйдетъ. Въ это время прибылъ во Флоренцію сѣненскій уроженецъ, Маретти, который былъ долгое время въ Турціи. Онъ заказалъ мнѣ золотую медаль для шляпы и желалъ, чтобъ я изобразилъ на ней Геркулеса, раздирающаго львиную пасть. Я принялся за работу, во время которой Микель-Анджело часто посещалъ меня. Я приложилъ къ работѣ все стараніе. Фигура Геркулеса, пре-

(1) Нынѣ Говерноло, деревушка въ 5 миляхъ отъ Мантуи.

*Hippolyte de Medicis,
Cardinal 1587.*

восходная отдыка животнаго, которому я далъ положеніе совершенно отличное отъ обыкновенно-принятаго, и наконецъ самый родъ мастерства, вовсе неизвѣстный Буаноротти, — все это было причиною, что онъ сильно хвалилъ мою работу и тѣмъ невѣроятно усилилъ мое стараніе. Скоро однако же у меня только и было работы, что обдѣлывать и вставлять камни; хотя это приносило мнѣ большія выгоды, но я былъ недоволенъ. Я жаждалъ произвести что-нибудь, что бы требовало не одного таланта ювелира. Въ это время Федерико Джинори, молодой человекъ, весьма образованный, жившій долгое время въ Неаполь, сильно влюбленный тамъ въ одну принцессу, хотѣлъ имѣть медаль съ изображеніемъ Атласа, несущаго міръ, и просилъ Микель-Анджело сдѣлать ему эскизъ. Тотъ отвѣчалъ: «видите къ молодому мастеру Бенвенуто; онъ вполне угодитъ вамъ и вовсе не имѣетъ нужды въ моей помощи. Но чтобы исполнить вашу просьбу, пожалуй я охотно сдѣлаю рисунокъ; а вы все-таки просите Бенвенуто сдѣлать модель; чья работа будетъ лучше, по той и выполнимъ». Эти слова великаго человека, переданныя мнѣ Джинори, вдохнули въ меня столько бодрости, что я тотчасъ принялся за модель. Когда я ее окончилъ, живописецъ, по имени Джульиано Бюджардини, товарищъ и другъ Микель-Анджело, принесъ мнѣ эскизъ великаго мастера. Я показалъ мою модель, которая была совсѣмъ въ другомъ родѣ. Бюджардини и Федерико приказали дѣлать по моей. Я началъ работу. Микель-Анджело увидѣлъ ее и хвалилъ чрезвычайно.

Папа Климентъ объявилъ войну Флоренціи; граждане приготовлялись къ защитѣ. Каждый домъ долженъ былъ снарядить воиновъ; меня присудили сдѣлать тоже и я запасаъ всѣмъ съ избыткомъ; я посѣщалъ высшее дворянство Флоренціи: всѣ, составлявшіе его, единодушно готовились къ оборонѣ. По всѣмъ улицамъ только объ этомъ и толковали. Однажды, подъ вечеръ, когда множество молодежи и почтенныхъ особъ города собрались у моей лавки, принесли письмо изъ Рима отъ мастера Джакопа дела Барка. Это былъ человекъ чрезвычайно остроумный, говорилъ красно и пріятно и въкогда занимался во Флоренціи приготовленіемъ машинъ для выдѣлки сукна. Онъ былъ преданъ папѣ, который очень любилъ слушать его рассказы. Однажды зашелъ у нихъ разговоръ объ осадѣ и защищеніи замка. Папа, вспомнивъ обо мнѣ, наговорилъ много хорошаго и прибавилъ, что еслибы онъ зналъ, гдѣ я, то постарался бы снова взять меня къ себѣ на службу. Джакопо сказалъ, что я во Флоренціи, и его святѣйшество поручилъ ему послать ко мнѣ письмо. Письмо это заключало въ себѣ приглашеніе вступить въ службу къ папѣ и уверенія, что мнѣ будетъ очень хорошо. Молодые люди очень желали

знать содержаніе письма, но я его припряталъ и просилъ потомъ Джакомо не писать ко мнѣ впередъ ничего подобнаго; несмотря на такой отвѣтъ, онъ послалъ мнѣ другое письмо, и такое, что мнѣ пришлось бы худо, еслибъ его увидѣли. Онъ, отъ имени его святѣйшества, говорилъ, чтобъ я вызжалъ въ ту же минуту, потому-что папа хочетъ мнѣ поручить весьма важныя дѣла, а что если я хочу поступить умно, то не долженъ терять времени и тотчасъ бросить безумцевъ, возстающихъ противъ папы. Получивъ это второе посланіе, я такъ испугался, что тотчасъ пошелъ отыскивать моего добраго друга Піетро Ланди. Взглянувъ на меня, онъ спросилъ, что со мной случилось и отчего я такъ разстроенъ? Я отвѣчалъ, что невозможно рассказать на словахъ моего состоянія, и просилъ принять ключи, которые я ему пришло, роздать мое золото и драгоценные камни тѣмъ, которыхъ имена онъ найдетъ въ моемъ реестрѣ, — сохранить у себя мое имущество и позаботиться о немъ. «Черезъ несколько дней», прибавилъ я: — «ты узнаешь, гдѣ я.» Этотъ умный молодой человекъ вѣроятно догадался въ чемъ было дѣло, и сказалъ: любезный другъ, уѣзжай безъ замедленія, пиши ко мнѣ и не заботься о своихъ дѣлахъ. Я такъ и сдѣлалъ. Этотъ человекъ былъ для меня другомъ, самымъ искреннимъ, самымъ благоразумнымъ, честнымъ, скромнымъ и больше всѣхъ любившимъ меня. Я оставилъ Флоренцію, отправился въ Римъ и написалъ къ нему.

VIII.

По приѣздѣ въ Римъ, я нашелъ нѣкоторыхъ изъ знакомыхъ, которые увидѣли и встрѣтили меня съ удовольствіемъ. Я тотчасъ принялся за работы, правда блестящія, но о которыхъ не стоить говорить. Одинъ старшій золотыхъ дѣлъ мастеръ, Рафаэль дель Моро, человекъ, пользовавшійся большою славой и исполнявшій разныя работы, приглашалъ меня вступить къ нему; я охотно согласился. Прошло болѣе 10 дней, я не показывался къ Джакомо. Онъ вострапился со мной печально, принялъ очень ласково и спросилъ, давно ли я приѣхалъ; я отвѣчалъ, что дней съ 15 назадъ. Онъ этимъ очень оскорбился и замѣтилъ, что я очень мало уважаю папу, который въ короткое время писалъ ко мнѣ три раза; но я, болѣе недовольный всѣмъ, что случилось, чѣмъ онъ моею холодностію, не отвѣчалъ ни слова, а только старался скрыть досаду. Джакомо былъ страшный болтунъ: онъ говорилъ безъ умолку; я не прерывалъ его; наконецъ, видя, что онъ уже утомился, я попросилъ его представить меня папѣ. Джакомо отвѣчалъ, что готовъ испол-

нить мое желаніе и мы отправились во дворецъ. Это было въ чистый четвергъ. Войдя въ покои его святѣйшества, мы были тотчасъ введены къ нему. Папа лежалъ въ постель и былъ немного нездоровъ; при немъ находились мессеръ Сальвиати и архіепископъ капуанскій. Онъ очень мнѣ обрадовался; я облобызаль его ноги и приблизился къ нему со всевозможнымъ почтеніемъ, давая ему замѣтить, что имѣю сказать нечто важное. Онъ сдѣлалъ знакъ рукой, и собесѣдники его тотчасъ удалились. Я началъ въ такихъ выраженіяхъ: «Святой отецъ, со времени осады Рима я не исповѣдывался и не приобщался, потому что не хотѣли дать мнѣ разршенія. Вотъ въ чемъ дѣло. Когда я плавилъ золото и вынималъ камни, ваше свят. приказали Кавальерино чѣмъ-нибудь вознаграждать меня; но онъ ничего не далъ, а напротивъ, только выругалъ меня. Я взошелъ къ себѣ на верхъ и, промывши золу, собралъ около полутора фунта золота въ зернахъ, чрезвычайно мелкихъ. Тогда у меня не было столько денегъ, чтобъ я могъ прилично воротиться домой, и потому я возымалъ намѣреніе воспользоваться этимъ сокровищемъ, въ намѣреніи возвратить его, когда будутъ средства. Теперь прошу ваше святѣйшество — истиннаго исповѣдника, прошу приказать меня исповѣдывать и приобщать, чтобы чрезъ ваше прошеніе я снова получилъ милость Божію.» Тогда папа, припоминая можетъ быть свои несчастія, сказалъ, подавляя вздохъ: «Бенвенуто, я увѣренъ въ истиннъ словъ твоихъ и могу разрешить тебя отъ всѣхъ сдѣланныхъ тобой прегрѣшеній, и кромѣ того хочу, чтобъ ты мнѣ открылся во всемъ, свободно и безъ боязни. Еслибъ ты утаилъ у себя сокровище равное цѣнѣ одной изъ моихъ тиаръ, я все-таки готовъ отпустить тебя грѣхъ.» — «Святѣйшій отецъ! отвѣчалъ я: — «у меня больше ничего не было; за это золото я получилъ изъ монетнаго двора сто сорокъ дукатовъ, которые употребилъ на помощь моему бѣдному отцу.» «Твой отецъ», сказалъ папа, «былъ также очень искусный, добрый и честный человекъ, и ты не уклонился отъ его пути. Мнѣ очень досадно, что сумма была слишкомъ мала; но я дарю тебѣ ее, и ты можешь успокоить твоего исповѣдника. Когда окончишь исповѣдь и приобщишься, приходи ко мнѣ; я увѣренъ, что ты останешься доволенъ мною.» Потомъ онъ приказалъ архіепископу разрешить меня отъ всѣхъ прегрѣшеній и обходиться со мной какъ можно лучше.

Послѣ двухъ праздниковъ я опять посѣтывалъ папу. Онъ привалъ меня еще ласковѣе и сказалъ: «еслибъ ты раньше пріѣхалъ въ Римъ, я бы поручилъ тебѣ передѣлать тѣ двѣ тиары, которыя были сломаны въ зѣмкѣ; но, исключая камней, это вещи ничтожныя; я употреблю тебя на одну весьма важную работу, гдѣ ты можешь показать свое искусство: сдѣлай мнѣ пуговицу къ шапкѣ. Она должна быть круглая,

величины и формы маленькой тарелки. Я хочу, чтобы тамъ былъ изображенъ Богъ Отецъ, въ полу-рельефъ, по срединѣ самый лучшій алмазъ, а по краямъ другіе дорогіе каменья. Карадоссо началъ было одну, да не кончилъ; поди и сдѣлай хорошенккую модельку.» И потомъ приказалъ показать мнѣ всѣ драгоценные камни.

Во время осады Флоренціи ⁽¹⁾ Федерико Джинори, которому я сдѣлалъ медаль съ изображеніемъ Атласа, умеръ отъ чахотки. Медаль перешла въ руки Аламанни, который, спустя нѣкоторое время, подарилъ ее, вмѣстѣ съ своими превосходными сочиненіями, Франциску I, королю Франціи. Королю медаль эта такъ понравилась, достойный Аламанни такъ расхваливалъ меня, что его величество пожелалъ меня видѣть. Я занимался моделью со всевозможнымъ стараніемъ; многіе изъ мастеровъ золотыхъ дѣлъ, почитая себя въ состояніи сдѣлать подобную работу, не могли скрыть своей зависти. Въ Римѣ жилъ тогда одинъ превосходный граверъ на сердоликовыхъ камняхъ, Микелотто. Это былъ человекъ пожилыхъ лѣтъ; онъ пріобрѣлъ громкую извѣстность и сверхъ того слылъ за очень хорошаго ювелира. Онъ занимался теперь двумя папскими тіарами, и очень удивился, что я, дѣлая извѣстную медаль, не отвѣсса къ нему (онъ, сверхъ своего искусства, пользовался еще и большимъ довѣріемъ папы). Видя, что я не явлюсь къ нему, онъ пришелъ ко мнѣ и спросилъ, что я дѣлаю. «То, что приказалъ папа», отвѣчалъ я. — «Папа», возразилъ онъ: — «поручилъ мнѣ надзирать за всѣмъ, что дѣлается для его святѣйшества». Я отвѣчалъ, что сначала спрошу объ этомъ у папы, и тогда ужъ буду знать, что и какъ отвѣчать. Микелотто погрозилъ мнѣ и ушелъ въ гнѣвъ. Сговорившись съ другимъ ювелиромъ, Помпео, который былъ родственникъ первому папскому камерарію, мессеру Траяно, и тоже пользовался благосклонностію папы, Микелотто сказалъ его святѣйшеству, что они видѣли мою модель и не знаютъ, въ состояніи ли я выполнить такую прекрасную работу. Папа отвѣчалъ, что увидитъ ее самъ и не хотѣлъ до тѣхъ поръ смотрѣть ихъ рисунковъ, которые Микелотто заказывалъ знакомымъ рисовальщикамъ. Въ назначенный день мы собрались. Микелотто и Помпео развернули свои эскизы. Рисовальщики, не смыслящіе въ ювелирномъ искусствѣ, совершенно не знаютъ, какимъ образомъ и гдѣ должно помѣщать драгоценные камни; оттого и вышло, что во всѣхъ своихъ рисункахъ они помѣстили чудесный брилліантъ какъ разъ на груди Бога отца. Папа, у котораго былъ изящный вкусъ, остался недоволенъ; пересмотрѣвъ штукъ десять, онъ остальные бросилъ на полъ. «Бенвенуто», сказалъ онъ: — «покажи-ка свою модель; посмот-

(1) Осада продолжалась съ 24 октября 1529 по 10 августа 1530.

ривъ , не сдѣлалъ ли ты той же самой ошибки , какъ эти господа». Приблизясь , я открылъ коробочку , и вдругъ , какъ будто яркій свѣтъ поравилъ папу. Онъ вскричалъ : «Ну , право , еслибъ ты даже былъ здѣсь , въ моей головѣ , и тогда бы не могъ сдѣлать ничего другого , кромѣ того , что я теперь вижу». Мои соперники смѣшались ; многія важныя особы , бывшія здѣсь , приблизились ; его святѣйшество показало мнѣ различіе между моделью и рисунками. Своими похвалами папа совершенно уничтожилъ Микелотто и Помпео. «Одно только обстоятельство , любезный Бенвенуто ,» сказалъ мнѣ папа : «меня затрудняетъ , но оно очень важно : изъ воску легко выдѣлывать , каково-то будетъ изъ золота !» Я отвѣчалъ ему съ увѣренностію : «святѣйшій отецъ ! если моя работа изъ золота не будетъ въ десять разъ лучше , не платите мнѣ ничего». При этихъ словахъ произошло волненіе ; вельможи замѣтили , ужъ не слишкомъ ли я много обещаю. Одинъ изъ нихъ , который былъ глубокомысленный философъ , взявъ мою сторону и сказалъ : «счастливая фізіономія этого молодого человека и соразмѣрность его тѣла заставляютъ меня вѣрить тому , что онъ исполнитъ свое обещаніе и даже сдѣлаетъ больше». — «Вотъ именно это-то самое и мнѣ внушаетъ довѣріе», отвѣчалъ папа и , позвавъ своего камерарія , Травио , приказалъ ему принести изъ шкапулки 500 зол. экю. Въ ожиданіи золота , его святѣйшество снова спокойно началъ разсматривать работу и то , какимъ образомъ я помѣстилъ въ ней алмазъ. Камень былъ по срединѣ , а изображеніе Бога я сдѣлалъ ниже : Онъ былъ въ сидячемъ положеніи , столь удобномъ , что это ни мало не скрывало драгоценнаго камня , а напротивъ , все удивительно гармонировало. Понизе я помѣстилъ трехъ ангеловъ , которые , поднимая руки , поддерживали фигуру Всеблагого. Средній изъ нихъ былъ кругло-выпуклый , два по сторонамъ въ полу-рельефъ ; кругомъ тоже много маленькихъ ангеловъ , всѣ съ дорогими камнями. Покровъ главной фигуры волновался , и оттуда выглядывали головки херувимовъ. Модель была изъ бѣлаго воску , фонъ — чернаго дерева. Когда привесли золото , папа отдалъ его мнѣ своими руками и убедительно просилъ скорѣе работать , обещая отличное вознагражденіе. Сгорая нетерпѣніемъ , я побѣжалъ домой и тотчасъ же принялся за дѣло. Спустя восемь дней , папа прислалъ за мной своего камерарія , одного болонскаго дворянина , который сказалъ , чтобъ я несъ все , что сдѣлалъ. На дорогѣ этотъ вельможа объяснилъ мнѣ , что папа не только желаетъ видѣть сдѣланное мной , но хочетъ еще заказать мнѣ другую очень важную работу , именно — гравированіе угловъ римской монеты. Пришедши я показалъ папѣ работу , гдѣ была еще вырѣзана одна только фигура Бога , что въ первоначальномъ видѣ . по такъ далеко превосходила въ совершенствѣ модель , что папа вскричалъ , какъ

пораженный: «впередъ и повѣрю всему, что ты ни скажешь». Потомъ, наговоривъ мнѣ похвалъ безъ мѣры, прибавилъ: «я хочу дать тебѣ еще другую работу; которая можетъ быть для меня дороже этой», и, объясняя въ чемъ дѣло, спросилъ, занимался ли я когда-нибудь подобными вещами и могу ли за нихъ взяться? Я отвѣчалъ, что чувствую себя къ тому способнымъ, что видѣлъ, какъ это дѣлается, но что самъ никогда не дѣлалъ. Известный вельможа, Томазо ди Прато, датаріи его свѣтѣйшества, другъ моихъ враговъ, сказалъ при этомъ папѣ: «Свѣтѣйшій отецъ! милости, которыми вы осыпаете этого молодого человека и его собственная самонадеянность заставляютъ его обещать создать новый міръ. Вы уже дали ему работу, весьма важную; если къ ней присоединить другую, большаго значенія, то изъ этого выйдетъ, что одна повредитъ другой.» Папа, раздосадованный, обратился къ нему и сказалъ, чтобы онъ не мѣшался въ чужія дѣла, потомъ просилъ меня сдѣлать модель плотнаго золотого дублона, на которомъ бы съ лицевой стороны былъ изображенъ Иисусъ Христосъ съ связанными руками, и подпись: *Ecce homo* ⁽¹⁾, а на оборотѣ папа и императоръ, подымающіе вмѣстѣ крестъ, готовый было упасть, и слова: *Unus spiritus et una fides erat in eis* ⁽²⁾. Едва папа заказалъ мнѣ эту славную работу, какъ вошелъ Бандиелло, скульпторъ: онъ не былъ еще тогда кавалеромъ. «Этимъ господамъ», сказалъ онъ въ съ своею обычною гордостью, которая еще болѣе увеличивала его невѣжество: — «этимъ господамъ мастерамъ золотыхъ дѣлъ нужно давать и рисунки, когда имъ заказываютъ такія важныя работы». Я обратился къ нему и отвѣчалъ, что въ томъ, что отнесется до моего искусства, я не нуждаюсь ни въ чьихъ рисункахъ, а надѣюсь въ короткое время доказать работою, какъ много повредятъ его таланту мои собственные. Папа былъ очарованъ моимъ отвѣтомъ и, продолжая говорить со мною, сказалъ: «ступай, мой любезный Бенвенуто, послужи мнѣ отъ всей души и не обращай вниманія на слова этихъ глупцовъ».

Я выгравировалъ два угла монеты очень скоро. вычеканилъ золотой дублонъ и въ воскресенье, послѣ обѣда, отвесъ ихъ къ папѣ. Увидѣвши работу, онъ очень обрадовался и удивлялся быстротѣ. Чтобы поразить его еще болѣе, я принесъ съ собою всѣ старыя монеты, гравированныя великими художниками временъ Юлія II и Льва X. Когда я замѣтилъ, что мои нравились ему больше, я вынулъ изъ кармана прошеніе, которымъ просилъ себя мѣста гравера монетъ, приносящее доходу 6 зол. зку въ мѣсяцъ, кромѣ того, что за

(1) Вотъ человекъ.

(2) Одинъ духъ и одна вѣра побуждали ихъ.

углы платилось директоромъ монетнаго дѣла по три дуката. Принявъ просьбу, папа передалъ ее датарію, приказывая тотчасъ же удовлетворить меня *toti proprio*; тотъ взялъ и показалъ видъ, что хочетъ положить ее въ карманъ; «святѣйшій отецъ!» сказалъ онъ: — «не спѣшите такъ; дѣла такого рода требуютъ размышленія». — «А! я тебя понимаю», отвѣчалъ папа: — «подай сюда прошеніе», и взявши, онъ помѣтилъ его въ ту же минуту. «Теперь, я думаю, нечего возражать. Исполнить сейчасъ, я такъ хочу: подошвы Бенвенуто стоятъ больше, чѣмъ головы всѣхъ этихъ невяждъ». Я поблагодарилъ его святѣйшество и, радостный, возвратился къ работѣ.

IX.

Братъ мой въ это время былъ въ Римѣ, на службѣ у герцога Александра, которому папа отдалъ герцогство Пенну. Герцогъ содержалъ на жалованья большое число воиновъ, людей хорошихъ и храбрыхъ, которые вышли изъ школы великаго Іоанна Медичи; братъ былъ изъ числа послѣднихъ, и герцогъ уважалъ его, какъ храбрѣйшаго воина. Однажды, послѣ обѣда, братъ уснулъ на стулѣ въ лавкѣ извѣстнаго Баккино дѣла Кроче (*Baccino della Croce*), гдѣ обыкновенно собирались его товарищи. Въ это время мимо проходила стража; она вела въ тюрьму одного ломбардца, по имени Чисти, капитана старыхъ войскъ знаменитаго Медичи. Чисти, увидѣвши капитана Каттиванца дельи Строцци, входившаго въ лавку Баккино, закричалъ: «я вамъ несъ небольшую сумму эки, которые долженъ; если хотите, ступайте возьмите ихъ; нето они уйдутъ со мной въ тюрьму». Каттиванца умѣлъ другихъ подвергать опасности, а самъ на нее не бросался; вотъ почему онъ сказалъ нѣкоторымъ изъ своихъ молодыхъ людей (болѣе храбрыхъ и болѣе способныхъ смѣло бросаться на отчаянныя предпріятія, чѣмъ искусно ихъ оканчивать), чтобъ они побѣжали за Чисти, взяли бы у него деньги, а еслибъ стража воспротивилась этому, то разогнали бы ее силой. Всего ихъ было четверо: Бертино Альдобранди, воспитывавшійся у моего брата, Ангвильотто да Лукка, имена другихъ забылъ, — все народъ безбородый. Вотъ они приближаются къ стражѣ, состоящей человекъ изъ 50, вооруженныхъ бердышами, пищалями и проч., и начинаютъ свалку. Короче, молодые люди такъ храбро наступали, что стоило только Каттиванца тронуться съ мѣста, не вынимая даже меча, чтобъ стража разбѣжалась; но она устояла на мѣстѣ, и въ то же время Ангвильетто и его товарищи, получивъ раны, бросили дѣло, а Альдобранди подняли тяжело раненаго.

Джіованни, младшій изъ насъ, услышавъ шумъ, вскочилъ, чтобъ итти смотрѣть на драку. Я убедительно просилъ его не дѣлать этого, потому-что въ такихъ случаяхъ только терлешь, ничего не выигрываешь; отецъ его тоже сказалъ — «не ходи», но онъ бросился по лѣстницѣ, не слушая насъ. Дойдя до мѣста, онъ увидѣлъ, что несутъ Бертино, и побѣжалъ назадъ; ему встрѣтился братъ мой Чекино, который спросилъ, что случилось; онъ разсказалъ, какъ стражи убили Альдобранди. Братъ, въ бѣшенствѣ, сталъ кричать такъ громко, что его можно было услышать за десять миль. «Любезный другъ!» сказалъ онъ Джіованни: — «не можешь ли ты указать мнѣ, кто именно изъ нихъ убилъ его?» Тотъ отвѣчалъ утвердительно и показалъ на одного, у котораго было голубое перо на берретѣ. Братъ, съ обычною своею запальчивостію и мужествомъ, бросился въ средину стражи, прямо на того, кого ему указали, прокололъ ему животъ насквозь, потомъ оборотился къ другимъ, съ такой силой и ловкостію, что конечно одинъ бы разогналъ конной, еслибы въ это время, кто-то изъ нихъ не выстрѣлилъ и не попалъ бы ему въ колено правой ноги. Несмотря на то, что онъ повалился, стража пустилась бѣжать во всю мочь, боясь, чтобъ откуда-нибудь не выскочилъ другой, ему подобный. Слыша, что шумъ продолжается, я тоже всталъ изъ-за стола, привязалъ мечъ (тогда все носили оружіе) и вышелъ. Подойдя къ мосту Святого Ангела, я увидѣлъ огромную толпу; многіе узнали меня, разступились, и открыли глазамъ моимъ то, чего я такъ страшился. Сначала я не узналъ брата, потому-что онъ былъ въ другомъ платьѣ. Примѣтивъ меня, онъ сказалъ: «милый братъ! не печалься; я, находясь въ военной службѣ, всегда долженъ былъ ожидать этого. Унесите меня отсюда; мнѣ остается жить не долго». Въ то время, какъ онъ говорилъ, мнѣ разсказывали, какимъ образомъ случилось это несчастіе. «Братъ», отвѣчалъ я ему: — «это величайшее несчастіе и величайшая горестъ, какую только имѣлъ я на свѣтѣ; но успокойся; хотя ты и не можешь видѣть того, кто навесъ тебѣ рану, повѣрь, я отмщу за тебя, какъ должно». Стража была въ 56 шагахъ отъ насъ; Маффео, ихъ начальникъ послалъ отрядъ, чтобъ поднять убитаго моимъ братомъ капрала. Пробывавъ это разстояніе очень скоро, я, завернувшись въ плащъ, подступилъ прямо къ Маффео, и конечно убилъ бы его. Народу собралось безчисленное множество. Я съ невѣроятною быстротою уже выхватилъ мечъ; но Берлингьери (*Berlinghieri*) бросился на меня сзади и удержалъ за руки. Это былъ одинъ изъ моихъ друзей, человекъ чрезвычайно храбрый; съ нимъ находилось еще четверо молодыхъ людей. Онъ закричалъ Маффео: «спасайся, иначе онъ тебя убьетъ; это братъ того, котораго ты тамъ видишь».

Тотъ не дожидаясь окончанія и опрометью пустился къ Башнъ ди Нона. «Это мы сдѣлали для твоего же блага», сказалъ мнѣ Берлингъ-ери : — «пойдемъ лучше помогать брату». Я велѣлъ перевести его въ сосѣдній домъ ; тотчасъ же собрали на консультацію хирурговъ , которые его перевязали ; отнять ногу — онъ не согласился, а это можетъ быть спасло бы его. Только-что оковчили перевязку, вошелъ герцогъ Александръ и осыпалъ брата самыми вѣжными ласками. Братъ былъ еще въ полномъ умѣ. «Государь», сказалъ онъ : — «объ одномъ сожалею : ваша святость лишается слуги. Можетъ быть вы найдете человека , божье свѣдущаго и искуснаго , но никогда не найдете человека, который служилъ бы вамъ съ такою любовью и вѣрностью, какъ я». Герцогъ утѣшалъ его, говорилъ, что онъ останется въ живыхъ, что онъ всегда его знаетъ за человека добраго, храбраго и благороднаго , и, относясь къ своей свить, прибавилъ : «употребите все, что можно, для спасенія этого юноши». Герцогъ ушелъ. Количество потерянной крови, которую трудно было остановить, причинило брату безпамятство ; онъ бредилъ цѣлую ночь, исключая , когда его хотѣли приобщить. «Вы хорошо сдѣлали», сказалъ онъ : — «что исповѣдывали меня заранѣе. Теперь невозможно совершать таинства при такомъ расстройствѣ тѣла. Дайте мнѣ вкусить его глазами ! да проникнетъ оно въ душу мою, которая молить о помилованіи». Онъ снова впалъ въ безпамятство. Это продолжалось до разсвѣта. Когда взошло солнце, онъ , оборотаясь ко мнѣ, сказалъ : «братъ, я не хочу здѣсь оставаться ; эти люди довели бы меня до чего-нибудь, что бы заставило ихъ раскаяться въ моихъ страданіяхъ». Потомъ, выскоблывъ свои ноги изъ лубка, онъ привсталъ, какъ бы для того, чтобы сѣсть на лошадь , а, смотря мнѣ въ лицо, повторилъ три раза : прощай ! прощай ! прощай ! и съ этими словами виновственная душа его покинула тѣло.

Я снова принялся за работу для папы. Онъ пламенно желалъ видѣть ея окончаніе, призывалъ меня съ нею раза по два и по три въ недѣлю, и всякой разъ восхищался все болѣе и болѣе. Часто онъ дѣлалъ мнѣ упреки и сердился за то, что по смерти брата я предавался печали. Однажды, когда горестъ моя была сильнѣе обыкновеннаго, онъ сказалъ : «Право, Бенвенуто, я не думалъ, чтобы ты былъ такой дуракъ ! Развѣ ты только теперь узналъ, что смерти не избѣжишь. Подумаютъ, что ты ее ищешь.» Я ушелъ отъ него и принялся за работу.

Любовникъ не преслѣдуетъ такъ свою возлюбленную, какъ я преслѣдовалъ убійцу брата. Этотъ человекъ еще хвастался и говорилъ : «не убей я этого храбреца, одна минута и онъ бы заставилъ насъ всѣхъ обратиться въ бѣгство!» Хвастовство его раздражало меня еще

силъзе. Желаніе увидать его часто лишало меня сна и аппетита; это меня разстроявало. Однажды вечеромъ, не заботясь о подвигъ мало-похвальному и честному, я рѣшился положить конецъ моему мученію. Этотъ человекъ квартировалъ возлѣ дома, въ которомъ жила тогда одна, бывшая въ большой молѣ, женщина, по имени сивьора Антея. Пробыло двадцать четыре часа ⁽¹⁾, когда я увидѣлъ, что онъ возвращался домой ужинать, съ мечомъ въ рукѣ, и былъ ужь у порога: я ловко полкрался къ нему, и кинжаломъ, длиннымъ какъ охотничій ножъ, хратилъ изъ-за руки, полагая навѣрное, что свесу голову; но онъ быстро обернулся. Ударъ пришелся по лѣвой рукѣ и разможилъ кость. Боль оглушила его, онъ бросилъ мечъ и пустился бѣжать. Я его настигнулъ шагахъ въ четырехъ измахнулъ кинжаломъ надъ головой; но онъ прыгнулъ такъ низко, что ударъ пришелся по шейной кости и кинжалъ пошелъ въ затылокъ такъ глубоко, что, несмотря на всѣ усилія мои вытащить его оттуда, я не могъ. Между тѣмъ изъ дома Антея выбѣжали четверо вооруженныхъ солдатъ, и я принужденъ былъ выхватить мою шпагу, чтобъ защищаться. Боясь быть узнаннымъ, я оставилъ кинжалъ на мѣстѣ и побѣжалъ прочь. Я отправился къ герцогу Александру; онъ увѣрилъ меня, что если я былъ одинъ, то мнѣ нечего опасаться, и совѣтовалъ завѣсть дома работою, которую папа ожидаетъ съ нетерпѣніемъ. Я работалъ въ продолженіи 8 дней. — Четыре человека, вышедшіе на помощь изъ дому Антея, рассказывали потомъ какъ было дѣло и говорили, какого труда стоило имъ вытащить кинжалъ изъ головы мертвого. Джіованъ Бандини ⁽²⁾ случившійся при этомъ, сказалъ: «Это кинжалъ мой, я ссудилъ имъ Бенвенуто, который хотѣлъ отмстить смерть брата.» Воины начали хвалить меня и извинялись предо мною, что неволью помѣшали исполненію моего предпріятія, хотя мщеніе мое было ужь удовметворено. Папа прислалъ за мной по прошествіи 8 дней, какъ это онъ всегда дѣлалъ. Посланный, дорогою, очень деликатно, далъ мнѣ замѣтить, что папа все знаетъ. Когда я вошелъ, папа бросилъ на меня взглядъ, который заставилъ меня задрожать. Онъ началъ разсматривать работу. Лицо его прояснилось; папа хвалилъ меня, говоря, что *въ короткое время сдѣлано много хорошаго*; потомъ, смотря мнѣ прямо въ глаза, прибавилъ: «Ну, Бенвенуто! теперь ты *вылечился*, — постарайся жить.» Я понялъ его и отвѣчалъ, что постараюсь. Спустя некоторое время я открылъ отличнѣйшую мастерскую противъ мастерской Рафаэля, и здѣсь окончилъ эту знаменитую работу.

(1) Въ Италіи считаютъ день въ 24 часа, безъ раздѣленія, и начиная съ захода солнца.

(2) Олицъ изъ знатныхъ воиновъ герцога Александра.

Папа прислалъ мнѣ всѣ дорогіе каменья, исключая алмаза, который, чтобъ удовлетворить нуждамъ его святѣйшества, я заложилъ генуэзскимъ банкирамъ. У меня было пять превосходныхъ работниковъ, мастерская наполнена разными дорогими вещами, каменьями, золотомъ и серебромъ. Герцогъ Александръ подарилъ мнѣ отличнѣйшаго пуделя, который былъ хорошъ и на охотѣ; сверхъ того домъ мой охранялся порядочной стражей. Случилось, что въ это время, — правда, возрастъ мой могъ быть извиненіемъ (мнѣ было 29 лѣтъ); — у меня жила молодая служанка, очень хорошо сложенная и пріятной наружности. Она служила мнѣ моделью, и, уступая влеченіямъ юности, я раздѣлялъ съ ней чувственныя удовольствія. Для этого была у меня отдѣльная комната, вдали отъ мастерской и рабочихъ; комната эта примыкала къ той, гдѣ жила служанка. Здѣсь мы часто предавались наслажденію. Надо замѣтить, что я спалъ очень чутко: однажды случилось, что я, утомленный любовью, заснулъ крѣпче обыкновеннаго. — Воръ, который прежде, подъ предлогомъ, что и онъ ювелиръ, рассмотрѣлъ у меня мастерскую, забрался въ эту ночь и крючкомъ отперъ двери. Золото и серебро были въ его рукахъ; но когда онъ вышелъ и остановился, чтобъ вынуть изъ шкатулки дорогіе каменья, моя собака бросилась на него. Онъ сталъ защищаться шпагой, какъ могъ, и это заставило собаку бѣгать въскольکو разъ въ домъ и въ комнаты работниковъ, которыя всѣ были открыты, потому что это было лѣтомъ. Несмотря на ея лай, они ничего не слышали; собака начала стаскивать съ нихъ одѣяла, хватала за руки то одного, то другого и, разбулавъ-таки ихъ, побѣжала впередъ, указывая путь и не переставая лаять ужаснымъ образомъ. Видя, что они не идутъ за ней, она къ нимъ пристала до того, что тѣ начали бросать въ нее палками и каменьями. Работники заперли двери. Потерявъ надежду на помощь этихъ бездѣльниковъ, она рѣшилась сдѣлать все сама; выскочила во всю прыть и, не видя вора въ мастерской, пустилась вслѣдъ. Схватившись съ нимъ, она разорвала уже на немъ плащъ, какъ вдругъ злодѣй сталъ звать портныхъ на помощь, прося ихъ защитить его отъ бѣшеной собаки; тѣ приняли это за истину, выбѣжали и съ большимъ трудомъ прогнали ее. На другой день, работники мои, войдя въ мастерскую, нашли ее отпертою, шкатулки всѣ разбитыми. «О Боже! сюда! сюда!» закричали они. Я проснулся и въ испугъ выбѣжалъ къ нимъ. Увидя меня, они продолжали вопить, еще сильнѣе: «ахъ, мы несчастные! насъ обокрали! все поломано, все унесено!» Эти слова такъ меня поразили, что у меня не стало силы пойти посмотреть, цѣла ли большая шкатулка съ папскими каменьями. Я почти потерялъ зрѣніе и приказалъ работникамъ справиться самимъ. Когда всѣ они, въ однихъ рубахахъ, открыли

штатулку и увидѣли, что работа и камни были цѣлы, то закричали въ одинъ голосъ: «Работа и вещи здѣсь! большаго несчастія нѣтъ, хотя воръ и оставилъ насъ въ однихъ рубахахъ! Вчера было крѣпко жарко; мы сняли платья и бросили все въ мастерской.» У меня отлегло отъ сердца: я сталъ благодарить Бога, а людямъ приказалъ одѣться въ новое платье, говоря, что все беру на свой счетъ.

Но что заставило меня потерять рассудокъ и испугаться, противъ моей природы? Единственно боязнь, чтобъ не подумали, что я притворился и самъ покралъ всѣ камни. Въ самомъ дѣлѣ, человекъ, пользовавшійся всею довѣрjemъ папы, именно Франческо дель Неро, также его исповѣдникъ, епископъ везонскій и многіе другіе говорили ужъ папѣ: «какъ, святой отецъ, можете вы вѣрять такія вещи человеку молодому, пылкому, который скорѣе созданъ для войны, чѣмъ для искусства: ему еще нѣтъ и 30 лѣтъ.» Въмѣсто отвѣта, папа спросилъ, развѣ кто-нибудь изъ нихъ знаетъ за мной что-нибудь, что можетъ подать поводъ къ подозрѣнію. Франческо дель Неро, его казначей, отвѣчалъ: «нѣтъ, святой отецъ, потому-что еще не представлялся ему случай». — Папа возразилъ: «я считаю его честнымъ человекомъ, а иначе не довѣрялъ бы». Эти слова тотчасъ пришли мнѣ въ голову, и вотъ почему я такъ испугался.

Приведа все въ порядокъ, я въ тужъ минуту отправился къ папѣ. Франческо дель Неро успѣлъ ужъ рассказать ему о происшествіи въ мастерской, и поселить недоверіе. Увидѣвъ меня, его святѣйшество, предполагая скорѣе худое, чѣмъ хорошее, бросилъ на меня страшный взглядъ и спросилъ строгимъ голосомъ: «Ну, что скажешь? что тамъ?»—«Вотъ всѣ ваши камни и золото; все цѣло» отвѣчалъ я. Лицо его прояснилось. «Когда такъ», продолжалъ онъ: — такъ добро пожаловать». И сталъ разсматривать работу, а я въ это время началъ рассказывать о воровствѣ, объяснилъ ему весь мой страхъ и причину его; папа вѣсколько разъ оборачивался и пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Франческо дель Неро былъ тоже здѣсь, и папа почти былъ недоволенъ, что не отгадалъ истины. Наконецъ онъ началъ смѣяться надо всѣмъ, что я ему наговорилъ, и прибавилъ: «ступай; я знаю, что ты честный человекъ; будь всегда такимъ».

Спустя вѣсколько времени шелъ я съ мовимъ пуделемъ по площади Навона и только-что поровнялся съ воротами караульни, какъ онъ сильно завизжалъ, бросился на одного молодого человека, котораго ювелиръ Доннино, тоже по подозрѣнію въ воровствѣ, въ это время остановилъ. Мой пудель, желая разорвать его въ клочки, до того остервенился, что десятскіе сжалились надъ молодымъ человекомъ, тѣмъ болѣе, что онъ ловко защищался предъ Доннино, который явнымъ на него уликъ не имѣлъ. Кромѣ того полицей-

скій напралъ, тоже генуэзецъ, былъ другомъ отца этого юноши; такъ или иначе, только его хотѣли отпустить. Когда я подошелъ къ нему, собака моя, не боясь болѣе ни палокъ, ни шпагъ, снова бросилась на него. Десятскіе сказали, что если я не удержу ея, они ее убьютъ: я отогналъ, какъ могъ; но этотъ несчастный, вальвая плащь, выронилъ нѣсколько маленькихъ пакетиковъ, въ которыхъ Доннино узналъ свои вещи. Я тоже замѣтилъ тамъ мое маленькое кольцо и закричалъ: «А, да это воръ, который разломалъ и обокралъ мою мастерскую. Моя собака узнала его». И я отпустилъ ее. Она съ яростью бросилась на вора, который, обещалъ возвратить мнѣ все вещи. И действительно онъ на дорогѣ еще отдалъ мнѣ все до чиста, прося сжалиться и помиловать его. Я отвѣчалъ, чтобъ онъ просилъ объ этомъ у Бога, а я не сделаю ему ни добра, ни зла. Нѣсколько дней спустя генуэзскій воръ былъ повѣшенъ у Кампо ди Фиоре... а я, больше чѣмъ когда-либо, приобрѣлъ репутацію честнаго человека.

Х.

Я кончалъ уже важную папскую работу, когда случилось великое наводненіе, потопившее весь Римъ ⁽¹⁾. День былъ на исходѣ; пробило 22 часа, и вода стала значительно прибывать. Фасадъ моего дома выходилъ къ Банку, задняя сторона, на нѣсколько саженей выше, упиралась на гору Джіордано. Первымъ моимъ дѣломъ было спасти свою жизнь, потомъ и честь; съ собою я вынесъ все камни; золотую работу поручилъ работникамъ и, снявъ обувь, выбрался въ окошко. Пробираясь по водѣ, я кое-какъ добрался до Монте-Ковалло, гдѣ нашелъ Гадаи и Бастіано, венеціянскаго живописца. Гадаи, которому я вѣрилъ все мои камни, поступилъ со мною какъ родной братъ. Спустя нѣсколько дней, когда ярость водъ стихла, я возвратился домой и окончилъ работу, благодаря Бога, такъ счастливо, что ее все считали за лучшую, какую когда-либо видѣли въ Римѣ ⁽²⁾. Я отнесъ ее къ папѣ; онъ меня чрезвычайно хвалилъ и сказалъ: «Еслибъ я былъ богатый императоръ, я подарилъ бы Бенвенуто столько земли, сколько взоръ его можетъ охватить; но нынче мы нѣчто иное,

(1) По сказанію Лодовико Комузіо, это было 23 наводненіе Тибра, 8 и 9 октября 1530 года. Оно случилось такъ неожиданно и было столь сильно, что многие не могли спастись. Въ нѣсколько часовъ мосты и заднія самыя крѣпкіе были смесены. Чтò еще болѣе поражало жителей, такъ это то, что наводненіе происходило при совершенно ясномъ небѣ; не выпало ни капли дождя.

(2) Эта пуговица папской шапки нынѣ находится въ замкѣ св. Ангела, и папымъ надѣваютъ ее только въ великіе праздники; она выносится изъ замка съ причетнымъ торжествомъ.

какъ жадіе обобранные вѣстители. Несмотря на то, мы дадимъ ему столько, чтобъ удовлетворить его скромныя желанія». Выждавъ окончанія изобильнаго и нелѣпаго потока словъ, я сталъ просить, чтобъ мнѣ дали вакантное мѣсто жезлоносца; его святѣйшество отвѣчалъ, что хочетъ наградить меня чѣмъ-нибудь получше. «Между тѣмъ», продолжалъ я: — «въ ожиданіи, оставьте его за мною въ видѣ залога»... Папа вскинулся и согласился, но не хотѣлъ, чтобъ я выполнялъ обязанности этого мѣста, а только бы сговорился съ маме товарищами, которымъ онъ приказалъ сказать, что за это исполнить ихъ просьбу (насчетъ права требовать жалованья на законномъ основаніи). Такъ было и сдѣлано. Должность эта принесла мнѣ въ годъ не менѣе 200 эку (1).

Прошло нѣсколько времени; я продолжалъ дѣлать разныя работы для папы; между прочимъ, онъ заказалъ мнѣ богатѣйшую чашу.

Время шло, а папа и не думалъ дать мнѣ другаго мѣста. Въ это время должность штемпельщика (2) была вакантною; однажды вечеромъ я напомнилъ объ этомъ его святѣйшеству. Почтенный папа забывъ восторгъ, которому предавался, когда я доставилъ ему новую мою работу, сказалъ: «Эта должность приноситъ въ годъ болѣе 800 эку. Если я тебя ее дамъ, ты ничего не будешь дѣлать, и прекрасный талантъ твой пропадетъ; а во всемъ этомъ буду виноватъ я.» — Кошки хорошей породы, отвѣчалъ я: — лучше ловить мышей тогда, когда они сыты, а не тогда, когда голодны; точно такъ и порядочные, талантливые люди работаютъ лучше въ изобиліи, чѣмъ въ недостаткѣ. Знайте, ваше святѣйшество, что монархи, доставляющіе этимъ людямъ довольство, такъ сказать, орошаютъ ихъ таланты и достоинства, которые безъ того были бы вялы и тощи. Хотя я и просилъ у васъ этого мѣста, однакожь не надѣялся получить его. Я довольно счастливъ и тѣмъ, что имѣю ничтожную должность жезлоносца; съ меня довольно. Ваше святѣйшество, отказавъ мнѣ, конечно сдѣлаете благо, когда наградите этимъ человека достойнаго, а не осла, который бы только поглаживалъ себя по животу; вы безъ сомнѣнія, послѣдуете славному примѣру папы Юлія, который отдалъ это мѣсто знаменитому архитектору Браманте (3). Сказавъ это, я рас-

(1) Жезлоносцы, или, какъ ихъ называли *sergenti d'armi apostolici*, на подобіе лѣкторовъ, носили передъ папой его палку.

(2) Должность прилагавшая санцпоный штемпель къ церковнымъ буллагамъ. Ко значила сначала одна только духовная, потомъ перешла она и къ свѣтскимъ.

(3) Донато Лаппарі, прозванный Браманте, былъ знаменитый архитекторъ своего вѣка. Въ папѣ Юлія II онъ имѣлъ себѣ реальнѣйшаго компаньона, который поручалъ ему множество важнѣйшихъ работъ. Ему суждено было создать самый великолѣпный храмъ въ мірѣ, котораго большую часть онъ и исполнилъ при своей жизни.

Клавьялся и ушелъ въ бѣшенствѣ. Бастіано, венеціанскій живописецъ, подошелъ къ папѣ и сказалъ: «Если вашему святѣйшеству угодно отдать должность человеку талантливому, какъ напримѣръ я, то удостоьте меня вашимъ назначеніемъ.» — «Этотъ чортъ Бенвенуто, отвѣчалъ папа; — не хочетъ слушать никакихъ доказательствъ! Я ужъ готовъ былъ уступить ему; но вѣдь не хорошо же показывать столько гордости передъ нами. Теперь я не знаю, что дѣлать!»

По совѣту везонскаго епископа, папа отдалъ-таки Бастіано место штемпельщика, а мнѣ приказалъ сказать чрезъ Бартоломео Валори (одного изъ своихъ приближенныхъ), что первое вакантное мѣсто останется за мною. На улицѣ, вечеромъ, я повстрѣчался съ Валори.

Передъ нимъ несли зажимные оакель; онъ спалилъ къ папѣ. Я ему поклонился. Онъ подзвалъ меня къ себѣ и сказалъ все то, что поручилъ ему папа. Я отвѣчалъ, что я бы занялся какъ можно скорее окончаніемъ той работы ⁽¹⁾ и постарался бы сдѣлать ее на славу, но не надѣюсь хотя что-нибудь получить отъ папы. Бартоломео сталъ упрекать меня, говоря, что не такъ должно отвѣчать на приказанія папы. Я возразилъ, что надо быть сумасшедшимъ, чтобъ отвѣчать иначе, и полагаться на слово, котораго не сдержатъ. Безъ сомнѣнія Бартоломео передалъ эти смѣлыя слова папѣ и можетъ быть прибавилъ еще что-нибудь, потому-что его святѣйшество не призываетъ меня къ себѣ по-крайней-мѣрѣ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. Въ это время я рѣшительно не хотѣлъ являться ко двору. Папа, сгорая нетерпѣніемъ видѣть работу, приказалъ Руберто Пуччи узнать, что сдѣлалось со мной. Этотъ прекрасный человекъ приходилъ ко мнѣ каждый день и говорилъ мнѣ много пріятныхъ вещей; я ему платилъ тѣмъ же. Наконецъ, пришло время, когда Климентъ VIII захотѣлъ ѣхать въ Болонію. Видя, что я неѣду ко двору по собственному желанію, онъ позвалъ меня и приказалъ принести работу. Я явился, показалъ ее и пояснилъ сколько она требовала издержекъ, просилъ дать мнѣ 500 эку какъ на работу, такъ и на золото. Папа отвѣчалъ только: «Оканчивай! оканчивай!» Я повторилъ, уходя, что окончу ее тогда, когда мнѣ дадутъ денегъ.

Папа уѣхалъ въ Болонію, оставивъ Сальвиаци кардиналъ-легатомъ Рима, которому приказалъ понуждать меня къ скорѣйшему окончанію работы. «Бенвенуто», говорилъ папа: «такой человекъ, который не заботится ни о своемъ искусствѣ, ни о насъ; смотрите, чтобъ я по возвращеніи нашелъ мою чашу оконченною». Этотъ невѣжда кардиналъ, восемь дней спустя, послалъ за мной и приказалъ принести

(1) Т. е. чаши, какъ по всему видно.

работу; я явился, но безъ чашы. «Ну, гдѣ твоѣ *cipolata*?» (*) закричалъ онъ, увидявъ меня: «окончилъ ты ее?» — Преподобный отецъ! отвѣчалъ я: — моя *cipolata* не кончена, и не будетъ окончена, если вы не дадите для этого луку. При этихъ словахъ, кардиналъ, у котораго голова была скорѣй ослиная, чѣмъ человѣчья, скривилъ ужасно лицо, и безъ того безобразное, и, желая повершить дѣло однимъ разомъ, вскричалъ: «я отправлю тебя на галеры, гдѣ ты почеешь за счастье, если будешь въ состояніи окончить свою работу». Онъ этою выходкою вывелъ меня изъ терпѣнія, и я возразилъ ему: «на галеры вы отправите меня тогда, когда я сдѣлаю преступленіе, за которое туда высылаютъ; а теперь я не боюсь галеръ. Скажу вамъ больше: вы причиною, что я не кончу моей работы. Не присылайте за мной; я не приду къ вамъ иначе, какъ развѣ съ помощію вашихъ сбировъ».

Кардиналъ нѣсколько разъ посылалъ за мною, но я не являлся, отвѣчая, что у меня нѣтъ луку. Папа возвратился изъ Боловн, кардиналъ все пересказалъ ему, и тотъ, възбѣшенный, тотчасъ приказалъ мнѣ явиться съ работой.

Я повиновался. Въ это время, какъ его святѣйшество былъ въ отсутствіи, у меня разболѣлись глаза до того, что я не могъ сносить свѣта. Вотъ первая причина, почему я не могъ окончить работы. Болѣзнь была столь серьезна, что я рѣшительно думалъ ослапнуть. Идя къ папѣ, я думалъ объ отговоркѣ, почему не исполнялъ его приказанія, и полагалъ, что въ то время, когда онъ станетъ разсматривать работу, я изъясню мои причины; но вышло не такъ. Только-что онъ завидѣлъ меня, какъ сказалъ строгимъ голосомъ: «Подай сюда работу! окончилъ?» И сталъ развертывать ее. Вотъ тутъ-то, прійдя въ ярость, онъ закричалъ: «Клянусь Богомъ, и говорю тебѣ, тебѣ, который никого знать не хочешь, что я только изъ уваженія къ людямъ не вею сейчасъ же вышвырнуть тебя и съ твоею чашкой за окошко!» Видя, что папа пришелъ въ бѣшенство какъ дикій зверь, я хотѣлъ бымо удалиться, и въ то время, какъ онъ сыпалъ свои угрозы, я спряталъ работу подъ плащъ и пробормоталъ: «Никто въ мірѣ не станетъ требовать отъ слѣпого, чтобъ онъ занимался такими работами». Его святѣйшество еще болѣе возвысилъ голосъ: «Чтѣ?» закричалъ онъ. «Вонъ отсюда!» Я было подумалъ — не лучше ли мнѣ пуститься внизъ по лѣстницѣ; но потомъ рѣшился; бросился на колѣни и сталъ тоже кричать, потому-что его святѣйшество еще не угомонился: «Если болѣзнь лишила меня зрѣнія, могъ ли я работать?» — Однакожъ, чтобъ прійти сюда, ты еще видишь хорошо! И я думаю, что все, что ни говоришь ты, все это ложь! Видя,

(*) Непереводимая игра словъ: *cipolata* значитъ и похлебка изъ луку.

что онъ позвалъ голосъ, я продолжалъ : «справьтесь, ваше святѣйшество, у вашего доктора : вы увидите, что я говорю правду». — Хорошо, увидите послѣ! Замѣтивъ, что папа былъ уже расположенъ выслушать меня, я сказалъ : «я полагаю, что кардиналъ Салвиаци причиной моей жестокой болѣзни ; онъ позвалъ меня къ себѣ, назвалъ мою работу *cipolata*, и сказалъ, что пошлетъ меня оканчивать ее на галеры. Эти слова и строгій тонъ, съ которыми произнесли ихъ, сдѣлали на меня такое впечатлѣнiе, что вся кровь брѣслась мнѣ въ лицо, и я почувствовалъ такой жаръ въ глазахъ, что не могъ найти дорогу домой. Спустя изсколькихъ дней у меня на обоихъ глазахъ появились катаракты ; я потерялъ зрѣнiе и потому, съ самого отъѣзда вашего святѣйшества не могъ ничего сдѣлать». Съ этимъ словомъ я всталъ и ушелъ. Послѣ мнѣ говорили, что папа сказалъ : «Я могу размазывать должности, но вмѣстѣ съ ними не могу дать благодѣтели. Я не приназывалъ кардиналу употребить такую строгость. Если справедливо, что Бенвенуто точно боленъ глазами, о чемъ я узнаю отъ медика, нужно бы имѣть къ нему болѣе состраданiя». Бывшiй при этомъ вельможа, лицо весьма достойное и преданное его святѣйшеству, спросилъ, кто я таковъ. «Святѣйшiй отецъ», сказалъ онъ : — «я потому спрашиваю, что мнѣ кажется, вы никогда еще не были столько сѣрдиты и видите столько милостивы. Если этотъ человекъ заслуживаетъ, чтобъ ему быть полезнымъ, я открою ему секретъ, который вылечитъ его отъ болѣзни». — Это величайшiй художникъ въ своемъ родѣ, отвѣчалъ папа : — на дняхъ я вамъ покажу его удивительныя работы ; вы его тогда узнаете. Признаюсь, я былъ бы очень радъ, еслибъ ему можно было чѣмъ-нибудь помочь.

По прошествiи трехъ дней папа прислалъ за мною. Вельможа былъ при немъ. Когда я показалъ работу, онъ пришелъ въ восторгъ. Посмотрѣвъ на меня, онъ сказалъ : «онъ еще очень молодъ и пойдетъ далеко. Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ. — Бенвенуто. «Ну, на этотъ разъ я буду для тебя *бенвенуто*. Возьми ты васильковъ, съ корнемъ, стеблемъ и цвѣтками, какъ есть ; подогрѣй ихъ въ водѣ и промывай глаза изсколькихъ разъ въ день ; все пройдетъ ; но прежде прими слабительнаго».

Папа сдѣлалъ мнѣ изсколькихъ дружескихъ привѣтствiй, и я вышелъ, почти довольный. Болѣзнь моя была не выдумка ; но мнѣ кажется, что я получилъ ее отъ поцалуевъ хорошенькой дѣвочки, во время воровства. Эта неаволиганская болѣзнь появилась у меня четыре мѣсяца спустя, и въ короткое время я былъ весь покрытъ ею. Она совсѣмъ не похожа была на обыкновенную ; по всему тѣлу были у меня красныя прыщи, величиной въ мелкую серебряную монету. Медики никакъ не хотѣли вѣрить, что она заразительна ; но я изъяс-

ннѣ имъ причиня), почему такъ думаю, и постоянно слѣдовалъ ихъ методъ, но это ничему не помогло. Наконецъ я рѣшился принять дерево (1), несмотря на сомнѣніе лучшихъ медиковъ Рима, и принималъ его во множествѣ. Въ нѣсколько дней мнѣ стало лучше, а чрезъ пятьдесятъ дней я совершенно вылечился и былъ здоровъ какъ рыба. Потомъ, чтобъ отдохнуть отъ этого продолжительнаго леченія (время подходило къ зимѣ), я ходилъ на охоту съ карабинами; это заставляло меня часто подвергаться дождю и вѣтрамъ, а иногда таскаться по белогамъ. Чрезъ нѣсколько дней болѣзнь опять показалась; но ужь гораздо хуже, чѣмъ въ первый разъ. Я вверился медикамъ, продолжалъ принимать лекарства, а болѣзнь только усиливалась. Меня скватила лихорадка; я опять рѣшился принять дерево, хотя медики очень противились этому, говоря, что если я приму его при лихорадкѣ, то могу умереть. Четыре дня я принималъ чудный настой этого дерева и ужь почувствовагъ удивительное облегченіе. Продолжая лечиться, я въ то же время занимался работою, сдѣлалъ много прекрасныхъ вещей и еще болѣе задумалъ. Чрезъ пятьдесятъ дней я совершенно вылечился и съ большою внимательностію сталъ заботиться о здоровьи.

Окончивъ продолжительную діету, я точно обновился, и сталъ прилежно заниматься работой, и въ особенности монетной. Кардиналъ Сальвиаци, столько ненавидѣвшій меня, былъ назначенъ въ это время легатомъ въ Парму. Тамъ поймали одного поддѣлывателя монеты, который назывался Тоббіа. Его приговорили повѣсить и смечь. Когда донесли объ этомъ кардиналу и сказали ему, что преступникъ человекъ съ большимъ талантомъ, онъ приказалъ оставить исполненіе приговора и написалъ папѣ Клименту, что нашелъ превосходнѣйшаго мастера золотыхъ дѣлъ, — что мастеръ этотъ за поддѣлку монеты присужденъ къ смертной казни, но что онъ человекъ славный и прямой, — что онъ спрашивалъ у своего исповѣдника, можно ли ему дѣлать фальшивую монету, и что тотъ отвѣчалъ — можно. Кардиналъ заключилъ такъ: «Если ваше святѣйшество потребуе къ себѣ этого человека, онъ понизитъ гордость вашего Бенвенуто, и я увѣренъ, что произведенія Тоббіа понравятся вамъ больше». Папа дѣйствительно велѣлъ Тоббіа явиться въ Римъ. Когда онъ прибылъ, его святѣйшество позвалъ насъ обоихъ и каждому изъ насъ велѣлъ сдѣлать рисунокъ для рога единорога (2), самаго лучшаго, какой когда-либо существовалъ. За него заплатили

(1) Безъ сомнѣнія гаякское дерево, которое съ того времени начали употреблять въ вѣтъхъ болѣзняхъ.

(2) Известно, что животное это бесполое: рогъ, о которомъ говоритъ Челлини, былъ безъ сомнѣнія съ варала.

17,000 дукатовъ. Желая подарить его королю Франциску I, Папа сначала хотѣлъ богато отделать его золотомъ, для того-то и заказалъ намъ рисунки. Когда эскизы были окончены, мы принесли ихъ къ папѣ. Рисунокъ Тоббиа представлялъ канделябръ; прекрасный рогъ вѣшавалъ тутъ мѣсто свѣчи; а подножіе канделябра обрамляло четыре очень немудренныя единороговыхъ головки, — такъ-что я не могъ про себя не усмѣхнуться. Папа замѣтилъ и сказалъ мнѣ: «Покажи-ка свой рисунокъ». У меня была представлена единорогова голова, соразмѣренная этому рогу. Голову сдѣлалъ я прекраснѣйшую, какую только вообразить можно: нѣкоторыя части взялъ съ лошадиной, другія съ оленьей головы. Она украшена была гривой, такъ-что съ перваго разу все предпочли ее. Однакожь, какъ соперничество наше происходило въ присутствіи весьма знатныхъ миланцевъ, они сказали папѣ: «святѣйшій отецъ, вы отправляете этотъ богатый подарокъ во Францію: французъ нарядъ грубый и не оцѣнитъ достоинства этого произведенія Бенвенуто, тогда какъ дароносца, который сдѣлана будетъ скорее, понравится нѣтъ больше. Бенвенуто займетъ вашей чашей, вы будете имѣть двѣ вещи, оконченыя въ одно время, и бѣдный человекъ, котораго вамъ святѣйшество призвало, не останется безъ дала». Папа, желавшій скорее получить чашу, очень охотно последовалъ совѣту миланцевъ: такимъ образомъ на другой день онъ поручилъ рогъ Тоббиа, а мнѣ прислалъ сказать чрезъ своего гардеробнейстера, чтобъ я окончивалъ чашу. Я отвѣчалъ, что самъ ничего такъ не желаю, какъ скорее сдѣлать эту прекрасную работу, и что еслибъ она была изъ другого матеріала, я охотѣе сдѣлалъ бы выдержка; но какъ она изъ золота, то необходимо, чтобъ его святѣйшество прислалъ мнѣ его, если хочеть имѣть чашу скорее. Услыша такой отвѣтъ, придворный, который впрочемъ происходилъ изъ черни, сказалъ: «ну, у папы-то золота не прѣси! иначе ты его такъ рассердишь, что горе, горе тебѣ!» — Мессеръ! отвѣчалъ я ему: — научите-ка вы меня пожалуйста, какъ бы сдѣлать хлѣбъ безъ муки; можетъ быть послѣ этого я и безъ золота окончу мою работу. — Гардеробнейстеръ замѣтилъ мнѣ, что я кажется смѣюсь надъ нимъ, и что онъ обо всемъ доложитъ его святѣйшеству. Такъ онъ и сдѣлалъ. Папа разсвирѣпѣлъ какъ зверь и сказалъ, что желеть видѣть, ужель я буду до того безуменъ, что не кончу чашу. Прошло два мѣсяца, въ продолженіи которыхъ я не сидѣлъ сложа руки, какъ сказалъ, а напротивъ, трудился надъ чашею безъ отдыха и даже съ увлеченіемъ. Видя, что я ничего не несу къ нему, папа лишилъ меня своей благосклонности и даже сказалъ, что накажетъ меня по-своему. Черезъ нѣсколько времени является ко мнѣ Помпео и

объявляеть, что его святѣйшество лишаетъ меня должности монетчика, а если я не доделаю чашу, то потеряю и другія мѣста.

«Скажите его святѣйшеству», отвѣчалъ я: «что вѣдь не я теряю, а онъ, и если бы ему вздумалось возвратитъ мнѣ должность монетчика, такъ я не приму ее ни подъ какимъ видомъ». Этотъ бездѣльникъ, Помпео, конечно не былъ бы покоенъ, еслибъ не передалъ намъ всего нашего разговора. Спустя восемь дней, его святѣйшество, чрезъ этого же человека, прислалъ мнѣ сказать, что онъ не хочетъ, чтобъ я оканчивалъ чашу и требуетъ ее въ томъ видѣ, какъ она есть. «Да вѣдь это не должность монетчика», отвѣчалъ я: «которую папа у меня отнял; онъ не имѣетъ права требовать отъ меня ничего кромѣ пятисотъ экю, которые я получилъ. Это действительно его; я тотчасъ ему ихъ и возвращаю; а ужъ съ чашею, принадлежащею мнѣ, я поступаю самъ, какъ захочу». Помпео побѣждалъ рассказывать намъ все это, съ прибавкою другихъ колкихъ выраженій, которыя я наговорилъ ему самому. Спустя три дня, — это было въ четвергъ, — пришли ко мнѣ два камерарія, пользовавшіеся большою милостію у папы. «Бенвенуто», сказали они мнѣ: — «такъ какъ ты не хотѣлъ покориться, то папа послалъ насъ къ тебѣ взять работу, ему принадлежащую; если же ты не отдашь, то мы отведемъ тебя въ тюрьму». Я посмотрѣлъ на нихъ очень покойно и отвѣчалъ: «Господа! еслибъ я и отдалъ эту работу намъ, то все-таки я отдалъ бы ему произведеніе, которое принадлежитъ мнѣ, а не ему; а я не хочу его отдавать и не отдамъ». Господа камераріи не переставали понуждать меня скорѣе распорядиться дѣлами. Я отвѣчалъ, что у меня все готово, взялъ плащъ, подошелъ весьма благоговѣйно къ образу Христа и сказалъ: «о, бессмертный, святой, праведный, всеблагій Господи! все, что ни творишь Ты, все согласно съ твоимъ безконечнымъ правосудіемъ. Тебѣ извѣстно, что я достигаю до тридцатаго года моей жизни, и что до сихъ поръ не былъ достоинъ тюрьмы ни за какое преступленіе. Но Ты повелѣваешь — я покорюсь твоей волѣ и благодарю Тебя отъ глубины души». Потомъ, обращаясь къ камераріямъ, «господа», сказалъ я съ гордостію: — «такой человекъ, какъ я, заслуживаетъ, чтобы стражами были у него такіе люди, какъ вы. Поставьте меня по срединѣ и ведите, куда хотите, какъ вашего плѣнника». Они засмѣялись и, разговаривая со мной дружески, привели къ губернатору Рима, Магалотто.

У губернатора нашли мы государственнаго прокурора, который ожидалъ меня. Господа камераріи, смѣясь, сказали губернатору: «вотъ вамъ арестантъ; просимъ беречь его; очень рады, что могли быть исполнителями вашихъ приказаній. Бенвенуто сказалъ, что его первый арестъ достоинъ такихъ стражей какъ мы».

Видя, что на меня не действуют ни убеждения, ни угрозы, губернаторъ и бывший при немъ государственный прокуроръ отправились къ папѣ. Вернувшись отъ него, они позвали меня, и губернаторъ сказалъ: «Бенвенуто, мнѣ очень прискорбно объявить тебѣ волю его святѣйшества; но какъ бы то ни было, ты долженъ или отдать намъ работу, или позаботиться объ устройствѣ своихъ дѣлъ.» Я отвѣчалъ, что до сихъ поръ никакъ не воображалъ, чтобъ святой намѣстникъ Христа могъ дѣлать несправедливости; что для этого я хочу увидѣться съ нимъ, и что тогда они могутъ дѣлать то, что имъ приказано. Губернаторъ прибавилъ: «Я долженъ сказать тебѣ по секрету два слова, послѣ чего приступаю къ исполненію данныхъ мнѣ приказаній. Его святѣйшество хочетъ, чтобъ ты принесъ свою работу ко мнѣ; я увижу ее; потомъ положимъ въ коробку, запечатаемъ, и я отнесу ее къ его святѣйшеству, который честию увѣряетъ, что распечатывать ее не станетъ и возвратитъ тебѣ въ прежнемъ видѣ; онъ этого требуетъ, чтобъ не уронить своего достоинства.»

— На такомъ условіи, отвѣчалъ я улыбаясь: — я съ охотою отдамъ вамъ работу: мнѣ хочется видѣть, какова-то честь его святѣйшества.

Я послалъ за чашею и запечатавъ, отдалъ губернатору, который отнесъ ее къ папѣ. Взявъ ее въ руки, папа произнесъ:

— Скажите Бенвенуто, что папы имеютъ право связывать и развязывать вещи гораздо важнѣе этой; и вслѣдъ за тѣмъ, разрывая съ досадою шнурки и печать, раскрылъ коробку.

Желая видѣть эту работу оконченною какъ можно скорѣе, Климентъ VII сначала хотѣлъ отдать ее додѣлать золотыхъ дѣлъ мастеру Тоббиа, потомъ приказалъ спросить у меня, хочу ли я окончить ее къ определенному сроку; въ такомъ случаѣ дадутся мнѣ всѣ средства, если же я на это не согласенъ, то пусть отдамъ немедленно пятьсотъ экю золотыхъ дѣлъ мастеру Помпео. Я тотчасъ заплатилъ деньги. Это привело папу въ совершенное отчаяніе. Онъ хотѣлъ совсемъ не того — онъ думалъ, что я не буду въ состояніи расплатиться такъ скоро, и следовательно по необходимости примусь за работу. Папа съ досадою прогналъ отъ себя Помпео.

— Ступай къ Бенвенуто, закричалъ онъ Помпео: — облажай его, какъ только твое глупое невѣжество можетъ, и скажи ему, что если онъ захочетъ окончить работу и придѣлать къ ней раку для храненія Тѣла Господня во время моихъ священнодѣйствій, то я доставлю ему все удобства, какія онъ только пожелаетъ, лишь бы работалъ.

Помпео, съ своимъ обликомъ рошею, передалъ мнѣ все это, и я отвѣчалъ ему, что величайшее благо міра, какое я могъ только приобрести, была для меня милость такого великаго папы, потерпѣвшая не по моей винѣ, но вслѣдствіе жестокой болѣзни и недоброжелательства завистливыхъ людей.

Баккино дѣла Кроче нѣсколько разъ вспоминалъ мнѣ о ракл; я отвѣчалъ, что умоляю его святѣйшество позволить мнѣ отдохнуть отъ жестокой болѣзни, отъ которой не совсѣмъ еще побавился. Между тѣмъ я началъ портретъ его святѣйшества и приготавливалъ ему въ тайнѣ медаль.

XI.

Въ это время завелась у меня интракка съ прекороненской дѣвочкою, сицилянкой. Такъ какъ мы любили другъ друга, то я рѣшился похитить ее и провести съ нею годъ во Флоренціи. Мать ея, смекнувъ въ чемъ дѣло, ввсвано, ночью, уѣхала изъ Рима, распустивъ слухъ, что отправляется въ Чивита-Веккіа, тогда какъ въ самомъ-то дѣлѣ она удалась въ Остіа. Я бросился въ Чивита-Веккіа, и чего-чего я не надѣлалъ, чтобы только отыскать мою сицилянку. Однимъ словомъ, я чуть-чуть не сошелъ съ ума. Спустя два мѣсяца получилъ я отъ моей возлюбленной письмо, въ которомъ она меня уведомляла, что она въ Сициліи и скучаетъ по мнѣ. А я, единственно для того только, чтобы излечиться отъ любви, завелъ новую любовишку и очерта голову кинулся въ омутъ наслажденій.

Во время этого страннаго образа жизни, я познакомился съ сицилійскимъ священникомъ, человѣкомъ очень, ученымъ, глубоко изучившимъ греческую и латинскую литературу. Однажды зашелъ у насъ разговоръ о некромантѣ; между прочимъ я сказалъ ему, что мнѣ чрезвычайно хочется узнать, что это за искусство, а еще болѣе увидать самья его дѣйствія.

— Для этого нужна душа твердая и предприимчивая, отвѣчалъ священникъ.

— Только бы представился мнѣ случай посвятить себя въ эти таинства, а твердости у меня хватить.

— Если такъ, я удовлетворю твоему желанію.

Вотъ мы и условились приступить къ дѣлу.

Вечеромъ священникъ сдѣлалъ необходимыя приготовленія и велѣлъ мнѣ взять съ собою одного или двухъ товарищей. Пригласивъ Винченціо Ромоли, мы отправились въ Колизей. Тамъ священникъ облекся въ одежду некромановъ и сталъ чертить на землѣ круги, съ

чуждыми церемоніями. Когда все было готово, онъ сдѣлалъ въ кругъ двѣ двери и перевелъ каждого изъ насъ туда. Потомъ распредѣлялъ между нами занятія: пріятелю своему Нистойа, приведшему съ нимъ, онъ отдалъ талисманъ, намъ поручилъ надзоръ за огнемъ и куреньями и началъ заклинанія. Эта исторія продолжалась часа полтора. Колізей наполнился легіонами адскихъ духовъ; видя, что ихъ набралось довольно много, священникъ обрелся ко мнѣ и сказалъ: «Бенвенуто, проси у нихъ, чего хочешь». Я отвѣчалъ, что прошу ихъ соединить меня съ сжигавшею Ангелкой. Въ эту ночь мы не получили отвѣта, тѣмъ не менѣе я былъ очень доволенъ всѣмъ тѣмъ, что видѣлъ.

— Надо притти вторично, сказалъ некромантъ: — и привести невѣжника еще мальчика.

Я избралъ одного изъ моихъ учениковъ, которому было около двѣнадцати лѣтъ, взялъ съ собою Винченціо Ромоли и еще Альолио Гадди, моего пріятеля. Въ Колізей начался всѣхъ преміи предѣика. Надсмотръ за огнемъ и куреньями порученъ былъ Винченціо и Альолио Гадди, а мнѣ данъ былъ талисманъ, съ приказаніемъ воротить его къ тому мѣсту, куда некромантъ укажетъ. Ученикъ стоялъ подъ талисманомъ.

Священникъ началъ свои ужасныя заклинанія, вызывая по именамъ множество демоновъ и именемъ Всенугошаго, несотвореннаго, живого и вѣчнаго Бога возмѣлвалъ имъ, употребляя еврейскій, греческій и латинскій языки. Скоро Колізей наполнился безчисленнымъ множествомъ демоновъ. По совѣту некромана, я снова спросилъ ихъ соединить меня съ Ангелкой.

— Слышишь? возразилъ некромантъ: — они отвѣчали, что черезъ мѣсяць ты съ вою увидишьса. Не робѣй, продолжалъ онъ: — стой тверже: легіоновъ гораздо болѣе тебя, сколько я вызывалъ, притомъ эти самыя опасныя. Такъ-какъ они отвѣтили на твой вопросъ, то надо обѣяться съ ними какъ можно ласковѣе.

Вдругъ мальчикъ, котораго и все держалъ подъ талисманомъ, сталъ въ ужасѣ кричать, что около насъ легіоны страшныхъ людей и четыре великана, порывающихся войти въ кругъ. Некромантъ, дрожа отъ страха, всевозможными ласками старался отъ нихъ освободиться. Я боялся не менѣе другихъ, но старался скрыть это и ободрять товарищей. Ученикъ, спрятавъ голову между своихъ колѣнъ, кричалъ, что онъ умираетъ. Священникъ велѣлъ закурить *assa-foetida*; но Альолио Гадди находился въ совершенномъ оцѣпенѣніи отъ ужаса: глаза у него были на выкатъ, онъ былъ ни живъ, ни мертвъ.

— Полно Альолио, сказалъ я: — страхъ тутъ не у мѣста; лучше помоги-ка намъ; насыпь поспорѣ *assa-foetida* на угли. Мальчикъ мой

рѣшился поднять голову; видя, что я сгибаюсь, онъ ободрился. Дорогой онъ увѣрялъ насъ, что два чертенка бѣжали передъ нами и прыгали то на крыши, то съ крышъ. Некроманъ клялся, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ занимается этимъ искусствомъ, съ нимъ никогда не случилось ничего подобнаго, уговаривалъ меня присоединиться къ нему, обѣщая отъ некромантѣнъ неисчислимыя богатства.

— Любовныя дѣла — пустяки, тщеславіе, говорилъ онъ: — и ни къ чему не ведутъ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы пришли домой. Ночью намъ только и снились, что демоны.

Некроманъ каждый день увѣждалъ меня заняться некромантѣю; убѣжденія его были такъ сильны, что я и въ самомъ дѣлѣ согласился было на его предложенія, сказавъ однако же, что хочу прежде окончить медали, начатыя мною для папы. Я, съ своей стороны, безпрестанно спрашивалъ некромана, увижу ли я Ангелику; время, назначенное демонами, уже приближалось къ концу, а я еще ничего не слышалъ о ней. Некроманъ отвѣчалъ, что свиданіе наше не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, потому-что демоны всегда исполняютъ торжественныя обѣщанія; онъ прибавлялъ однако же, что я долженъ быть на-сторожѣ и остерегаться угрожающаго мнѣ какого-то несчастія, — что я долженъ собрать всѣ силы, чтобы вынести какое-то раздраженіе, послѣдствія котораго весьма опасны; наконецъ онъ увѣрялъ меня, что если я рѣшусь заниматься съ нимъ таинственною наукою, то избѣгну великой опасности и кромѣ того сдѣлаю и себя и его счастливымъ. Я ему отвѣчалъ на это, что въ Римъ прибылъ мастеръ Джіованни, искусный граверъ, съ которымъ я пламенно желаю выдержать соперничество; потому-что если я выйду побѣдителемъ изъ этой борьбы, то надѣюсь обезоружить этимъ враговъ моихъ вѣрнѣе чѣмъ мечомъ.

Разъ случилось мнѣ пойти изъ дому въ лавку не въ обыкновенное время. Въ лавку ходилъ я довольно рѣдко, потому-что поручилъ всѣ дѣла Феличе, съ которымъ я вошелъ въ товарищество. Пробывъ съ минуту въ лавкѣ, вспомнилъ я, что мнѣ нужно переговорить съ Лессандро дель-Боне. Выйдя на улицу, я встрѣтилъ одного изъ моихъ пріятелей — Бенедетто, родомъ изъ Флоренціи, занимавшагося торговлею для сіенскихъ купцовъ. Мой товарищъ не разъ напоминалъ ему о деньгахъ за небольшіе перстеньки, которые онъ поручалъ ему продать. Въ этотъ самый день Феличе встрѣтилъ Бенедетто на улицѣ и, по своей привычкѣ, спросилъ у него деньги немного грубо. Бенедетто былъ съ своими патронами, которые, видя, въ чемъ дѣло, стали сильно бранить его и объявивъ, что не намѣрены болѣе быть свидѣтелями подобныхъ перебранокъ, почему и возьмутъ себя

другого комиссионера. Бенедетто сталъ защищаться и заявилъ, что заплатилъ деньги брильянщику.

— Не могу же я зажать ротъ дуракамъ, сказалъ онъ.

Кушцы приняли эту выходку на свой счетъ и прогнали Бенедетто. Оставивъ ихъ, онъ отправился ко мнѣ въ лавку, для того вѣроятно, чтобы поссориться съ Феличе. Вотъ въ это-то время я его и встрѣтилъ. Ничего не подозревая, я дружески поклонился ему, а онъ мнѣ на поклонъ отвѣчалъ ругательствами. Вспомнивъ о предостереженіи мекромана, я удержался отъ гнѣва и сказалъ: «Бенедетто, братъ мой, кажется я ничего не сдѣлалъ тебѣ худого, — за что же ты сердился? Если у тебя вышло что-нибудь съ Феличе, такъ поиди къ нему, съ нимъ и имѣй дѣло. Стыдно, братъ, тебѣ такъ обращаться со мною; ты же знаешь, въ моемъ ли характерѣ сносить оскорбленія».

— Неправда, возразилъ онъ: — тебѣ все извѣстно; я заставляю тебя раскаяться, пакостникъ!

Около насъ собралась уже толпа любопытныхъ. Выведенный изъ терпѣнія дерзостью противника, я поднялъ комокъ земли, смоченной дождемъ, и пустилъ въ него. Онъ нагнулъ голову такъ, что комокъ ударилъ его по черепу. Бенедетто упалъ замертво: дѣло въ томъ, что въ комкѣ былъ камень съ острымъ ребромъ. Въ это время проходилъ нѣкто брильянщикъ Помпео, шедшій къ папѣ. Помпео, увидавъ человека въ такомъ положеніи, спросилъ: кто это его такъ отбѣлалъ?

— Бенвенуто, отвѣчали ему: — впрочемъ и по дѣломъ этому животному.

Помпео тотчасъ бросился къ папѣ.

— Святѣйшій отецъ, сказалъ онъ: — Бенвенуто убилъ Тоббіа, я видѣлъ это собственными глазами.

Папа, придя въ совершенное бѣшенство, приказалъ губернатору схватить меня и немедленно повѣсить на мѣстѣ преступленія.

— Иначе ты мнѣ и не показывайся, прибавилъ папа. Зная злобу враговъ моихъ и опасаясь послѣдствій этого происшествія, я подумывалъ, какъ бы мнѣ спастись отъ бѣды.... Прежде всего я удалился къ Джіованни Гади, кларнику апостолической камеры. Узнавъ чрезъ него, какой оборотъ приняло дѣло, я рѣшился оставить Римъ.

— Душевно сожалею, что не могу спасти тебя, сказалъ мнѣ Гади, со слезами на глазахъ.

— Съ помощью Божіею я самъ спасу себя; дай мнѣ только лошадь.

Мнѣ уже давно былъ приготовленъ чудесный вороной арабскій конь, лучший во всемъ Римѣ. Подѣхавъ къ мосту Систо, я увидалъ,

что вся стража была на ногахъ. Дѣлать было нечего; я далъ шпоры лошади и, благодаря Бога, проѣхалъ свободно, никѣмъ не замѣченный. Я поспѣшилъ въ Паломбару, къ сеньору Джіованбаттиста Савелло, отсюда отправилъ лошадь къ Джіованни. Сеньоръ Джіованбаттиста, проведя со мною два дня, совѣтовалъ удалиться въ Неаполь и тамъ обождать, пока укротится гнѣвъ Климента. На дорогѣ мнѣ встрѣтился скульпторъ Солосмео, отиравшаяся въ Санъ-Джермано кончатъ мавзоль Петра Медичи. Онъ сказалъ мнѣ, что въ тотъ самый день, какъ у меня была исторія съ Бенедетто, папа, вечеромъ, послалъ одного изъ своихъ придворныхъ осведомиться о здоровье Тоббіа. Придворный донесъ его святѣйшеству, что онъ засталъ Тоббіа за работою, что съ нимъ не случилось никакой бѣды и что онъ ничего даже и не знаетъ.

— Ты презрѣнная тварь! сказалъ папа, обратясь къ Помпео. — Обязываю тебѣ, что ты ранилъ змѣю, которая тебя ужалила.

Между тѣмъ мы съ Солосмео шли къ горѣ Казино, рѣшившись вмѣстѣ отправиться въ Неаполь. Дѣйствительно, Солосмео осмотрѣвъ ожидавшія его работы на горѣ Казино, пошелъ вмѣстѣ со мною.

Въ полу-мили отъ Неаполя приблизился къ намъ трактирщикъ и приглашалъ остановиться у него. Онъ сказалъ намъ, что жилъ нѣсколько лѣтъ во Флоренціи у Карла Дживори и что, если мы примемъ его приглашеніе, то намъ, какъ флорентинцамъ, будетъ у него очень хорошо. Мы нѣсколько разъ отказывались; но трактирщикъ не отставалъ отъ насъ и пѣлъ все одну и ту же пѣсню. Наскучивъ его настойчивостью, я спросилъ, можетъ ли онъ мнѣ дать кое-какія свѣдѣнія о женщинѣ Беатриче и хорошенькой дѣвочкѣ Ангеликѣ. Я прибавилъ, что объ онѣ поведенія довольно вольнаго.

— Чтobъ чортъ побралъ всѣхъ такихъ тварей, да и тѣхъ, кто за ними гоняется! закричалъ трактирщикъ, полагая, что я надъ нимъ надѣваюсь; потомъ, рѣшившись кажется оставить насъ въ покоѣ, онъ пришипорилъ лошадь и ускакалъ. Я разговаривалъ съ Солосмео, какъ вдругъ мы увидали, что проклятый трактирщикъ скачетъ къ намъ навстрѣчу во весь опоръ.

— Два или три дня тому назадъ, сказалъ онъ, поровнявшись съ нами: — подлѣ моего трактира носелилась женщина и молодая дѣвушка — Беатриче и Ангелика; только я не знаю, изъ Сициліи онѣ или нѣтъ.

— Или Ангелики нѣтъ надо мною такую власть, что я рѣшаюсь принять твое предложеніе и остановлюсь у тебя.

Такимъ образомъ вошли мы въ городъ и остановились въ его трактирѣ. Минуты мнѣ казались вѣками; одѣвшись почище, отпра-

видя я въ соседній домъ и нашелъ въ немъ Ангелику; она осыпала меня самыми страстными ласками. Въ продолженіи двадцати двухъ часовъ я вкушалъ съ нею невъяснимыя наслажденія. Замѣчу, что это былъ послѣдній день мѣсяца, названнаго демонами. Пусть судятъ люди, къ нимъ прибѣгающіе, какіхъ несчастливыхъ опасностей я избавился!

Въ кошелекѣ у меня былъ брилліантъ, который я показалъ золотыхъ дѣлъ мастерамъ. Несмотря на молодость, въ Неаполѣ всѣ знали обо мнѣ, какъ о чедовѣкѣ тапантливомъ, такъ-что я вездѣ нашелъ ласковый пріемъ, а особенно обласкалъ меня славный брилліантщикъ Доменико Фонтана. Онъ, въ продолженіи трехъ дней, проведенныхъ мною въ Неаполѣ, показывалъ мнѣ древности города и его окрестности; мало того: онъ представилъ меня вице-королю, который изъявилъ желаніе видѣть меня. Брилліантъ ему очень понравился; онъ взялъ его въ руки, чтобы лучше рассмотреть.

— Если ты намѣренъ продать его, сказалъ вице-король: — то дайюдь, что продашь мнѣ?

— И камень и я къ вашимъ услугамъ, сказалъ я.

— Приобрѣсти камень мнѣ очень пріятно, а еще пріятнѣе, если ты останешься при моемъ дворѣ. Ну, скажи же настоящую цѣну?

— Двѣсти экю.

Вице-король замѣтилъ, что я не очень дорого цѣню его, и что онъ не блестялъ бы такъ, если бы не былъ вставленъ мною, лучшимъ ювелиромъ во всемъ свѣтѣ. Я возразилъ, что я не оправдалъ этого камня, что онъ оправленъ дурно, и что если онъ блестятъ, то единственно по природѣ. Въ тоже время я ногтемъ вынулъ камень изъ чашечки и, почистивъ его немного, подалъ вице-королю. Его удивленіе равнялось удовольствію; онъ тотчасъ велѣлъ дать записку на полученіе двухъ сотъ экю.

Возвратясь въ гостиницу, нашелъ я письмо отъ кардинала Медичи, приглашавшаго меня возвратиться въ Римъ какъ можно скорѣе. Когда я прочелъ это письмо Ангеликѣ, она со слезами любви стала просить меня остаться въ Неаполѣ или увезти ее съ собою.

— Если ты согласна ѣхать со мною, отвѣчалъ я: — то я тебѣ вѣрю двѣсти дукатовъ, которые получилъ отъ вице-короля.

Мать ея, подслушавъ нашъ разговоръ, подошла ко мнѣ и сказала: «Банвенуто, если ты намѣренъ увезти Ангелику въ Римъ, то оставь мнѣ дукатовъ пятнадцать: я бы родила въ Неаполѣ, а потомъ присоединилась къ вамъ». Я отвѣчалъ старой распутницѣ, что согласенъ дать ей хоть тридцать, только бы она оставила мнѣ Ангелику. Такъ мы и дорѣшились. Ангелика попросила меня купить ей бархатное черное платье, потому-что бархатъ, говорила она, въ Неапо-

лѣ очень дешево. Я послалъ за бархатомъ и заплатилъ за него. Старуха, вообразивъ, что я влюбленъ до безумія, попросила меня купить платье изъ тонкаго сукна для нея, бездну вещей для ея дѣтей и кромѣ того, хотѣла выманить у меня денегъ гораздо болѣе того, сколько я общалъ.

— Почтеннѣйшая Беатриче, сказалъ я очень покойно, обратясь къ старухѣ: — довольно ли тебѣ тридцати дукатовъ?

— Мало, отвѣчала она.

— Ну, если тебѣ мало, такъ для меня довольно.

За тѣмъ я поцаловалъ Ангелику; мы простившись — она со слезами на глазахъ, я съ улыбкой, и тотчасъ же уѣхалъ въ Римъ.

XII.

По возвращеніи домой, занялся я окончаніемъ медали, начатой для папы. На одной сторонѣ я изобразилъ Миръ въ видѣ молодой женщины, покрытой легкими тканями; въ одной рукѣ она держитъ факелъ, которымъ зажигаетъ груды оружія, связаннаго въ трофеи. Близъ Мира виднѣется храмъ, а въ храмѣ Ярость, скованная цѣпями; вокругъ надпись: *Clauduntur belli portae* (*Замораются двери войны*). Между тѣмъ человекъ, котораго я ранилъ камнемъ, вьдворовѣлъ; папа не разъ спрашивалъ обо мнѣ. Карнесекки, любимецъ его святѣйшества, искусно далъ мнѣ почувствовать, какъ хотелъ папѣ, чтобы я работалъ только для него. Я отвѣчалъ, что скоро докажу его святѣйшеству, что я никогда не переставалъ для него трудиться. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора медаль была окончена. Я показалъ ее Карнесекки; онъ тотчасъ повелъ меня къ папѣ. Это было въ апрѣлѣ, вечеръ былъ чудесный, и его святѣйшество находился на бельведерѣ. Разсмотрѣвъ медаль, папа сказалъ Карнесекки: «Даже у древнихъ никогда не было такой превосходной медали!»

Воспользовавшись этою минутой, я сталъ говорить со всевозможнымъ смиреніемъ: «Если бы злая звѣзда моя не встрѣтила сопротивленія въ другой, высшей силѣ, ваше святѣйшество потеряли бы вѣрнаго и преданнаго слугу. Раздраженные лживыми языками моихъ враговъ, ваше святѣйшество изволили дать приказаніе повѣсить Бенвенуто. Но, что же бы могло изъ этого произойти? Вы лишились бы слуги, котораго сами оцѣнили по достоинству, совѣсть стала бы упрекать васъ и предъ Богомъ и предъ людьми. Сердобольные отцы и правители не должны съ такою поспѣшностію разить дѣтей и слугъ своихъ: придетъ раскаяніе, но уже будетъ поздно! Такъ какъ Гос-

нодь удержалъ олобу звѣзды моей и сохранилъ меня для вашего святѣйшества, съблю молить васъ на будущее время не гнѣваться на меня такъ скоро».

Папа не разсматривалъ уже медали, а слушалъ меня съ величайшимъ вниманіемъ. Тутъ было много важныхъ лицъ, онъ покрасилъ. Не зная, какъ выйти изъ непріятнаго положенія, онъ сказалъ, что никогда не давалъ подобныхъ приказаній. Опасаясь вѣроятно новой проповѣди, онъ заговорилъ о медали и чрезвычайно хвалилъ ее.

— Миѣ бы хотѣлось, сказалъ онъ: — чтобы ты отдѣлалъ и другую сторону по моей идее, если только можно выбивать медаль съ двухъ сторонъ?

Я отвѣчалъ, что это очень легко. Тогда онъ приказалъ миѣ изобразить Моисея, ударявшаго жезломъ по скалѣ, и вырѣзать надпись: *Ut bibat populus*. (Пусть пьетъ народъ.)

Вскорѣ послѣ этого разговора папа занемогъ. Доктора объявили, что болѣзнь очень опасна. Окончивъ Моисея, я понесъ медаль къ папѣ и нашелъ его въ постелѣ безъ малѣйшей надежды. Онъ принялъ меня чрезвычайно ласково и велѣлъ подать огня и очки, чтобы разсмотрѣть мою работу; но зрѣніе уже отказалось служить ему. Спустя три дня онъ умеръ, и я ничего не получилъ за работу.

На престолъ вступилъ кардиналъ Фарнезе, подъ именемъ Павла III. Онъ былъ весьма благосклоненъ ко миѣ; но враги мои и завистники, которыхъ было очень много, не дремали; жизнь моя была безпрестанно въ опасности, такъ-что я принужденъ былъ удаляться во Флоренцію.

Прибывъ во Флоренцію, я отправился къ герцогу Александру; онъ принялъ меня благосклонно и наставлялъ, чтобы я остался у него. — Во Флоренціи жилъ въ это время скульпторъ Триболо, мой кумъ (я крестилъ одного изъ дѣтей его.) Однажды онъ сказалъ миѣ, что Джаккопо дель-Сансовино, его прежній хозяинъ; зоветъ его въ Венецію, куда онъ и ѣдетъ съ большимъ удовольствіемъ, какъ вотому, что ожидаетъ много выгодъ, такъ и потому, что никогда не видалъ этого города. Онъ спросилъ меня, знаю ли я Венецію?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я. — Ну, такъ поѣдемъ вмѣстѣ? — Я съ охотою принялъ его предложеніе. Вотъ почему я принужденъ былъ отвѣчать герцогу, что прежде, чѣмъ поступлю къ нему на службу, хотѣлось бы миѣ побывать въ Венеціи. Герцогъ ваялъ съ меня слово непремѣнно возвратиться, и не велѣлъ уѣзжать, не повидавшись съ нимъ. На другой день я приготовился къ путешествію и пошелъ съ нимъ проститься. Онъ находился во дворцѣ Папці, гдѣ въ то время жили жена и дочери савьора Лоренцо Чибо. Я послалъ сказать Александру, что пришелъ за его привязаніями. Онъ выслалъ ко миѣ Косьму

Медичи (нынѣ герцога Флорентинскаго), который велѣлъ мнѣ отправиться къ Николѣ де-Монте-Агуно и получить отъ него пятьдесятъ золотыхъ эку — подарокъ герцога. Взявъ деньги, я пошелъ къ Триболо, и мы отправились въ дорогу вмѣстѣ съ венеціанскимъ курьеромъ по имени Ламентоне. Прѣѣхавъ Болонію, прибыли мы вечеромъ въ Феррару и остановились въ трактирѣ. Ламентоне оставилъ насъ и понесъ къ изгнанникамъ письма и извѣстія отъ ихъ жонъ. Герцогъ дозволилъ разговаривать съ ними только курьеру; а если бы кто другой надумалъ заговорить съ ними, то подвергался изгнанію. Было еще около двадцати двухъ часовъ, и мы отправились съ Триболо посмотрѣть на феррарскаго герцога, возвращавшагося изъ Болѳіоре. Дорогой встрѣтили мы многихъ изгнанниковъ, которые какъ бы вызывали насъ на разговоръ. Триболо, ужасный трусъ, безпрестанно повторялъ мнѣ: «Если хочешь возвратиться во Флоренцію, то не смотри на нихъ и не говори съ ними ни слова». Посмотрѣвъ на герцога, мы возвратились въ трактиръ, гдѣ нашли Ламентоне.

Около часу вошли въ комнату Николѣ Беннинтени, братъ его Піетро, старикъ Джакомо Нарди и еще нѣсколько молодыхъ людей и спросили у курьера, что дѣлается во Флоренціи. Я и Триболо стояли въ сторонѣ и не вмѣшивались въ разговоръ.

— Я знаю этихъ двухъ молодцовъ, сказалъ Николѣ, показывая на насъ:— да что же они такъ ломаются, не хотятъ, что ли, съ нами говорить?— Триболо умолялъ меня не трогаться съ мѣста, а Ламентоне отвѣчалъ, что мы на то не имѣемъ позволенія.

— Вотъ ослы-то! возразилъ Беннинтени, посылая насъ ко всѣмъ чертямъ.

Тогда я поднялъ голову и сказалъ со всевозможною кротостію: «господа, вы можете надѣлать намъ много непріятностей, а мы вамъ ни на что не нужны; несмотря на то, что вы обратились къ намъ съ такими дерзостями, мы не имѣемъ завязывать ссоры». Старикъ Нарди замѣтилъ, что я отвѣчалъ очень умно.

— Ну васъ вмѣстѣ съ герцогомъ къ.... закричалъ Николѣ.

— Стыдно вамъ привязываться къ людямъ, не сдѣлавшимъ вамъ никакого зла, возразилъ я.

Нарди взялъ нашу сторону и сталъ усовѣщивать Николѣ; но Николѣ не унимался. Тогда я замѣтилъ ему, что если онъ не оставитъ насъ въ покоѣ, то я заговорю и поступлю такъ, что не знаю, понравится ли это ему.

— Вы ослы, возразилъ онъ: — убирайтесь къ....

Я выхватилъ шпагу.

Нарди, спѣша первый спуститься съ лѣстницы, упалъ, а на него упали и другіе. Я бросился впередъ и, ударя шпагою по стѣнѣ, кри-

чалъ : — «всѣхъ васъ уничтожу!» Однако же я старался не причинить имъ ни малѣйшаго вреда, потому-что рѣзня была бы ужасная. Услыхавъ шумъ, прибѣжалъ трактирщикъ и сталъ кричать; между тѣмъ Ламентоне умолялъ меня не буйнить.... Поднялась ужасная кутерманъ и сумятица, точно въ испуганномъ стадѣ свиней. Ламентоне обратилъ поведеніе Николо Беннинтенти, трактирщикъ съ своей стороны говорилъ этому буйну : «Вы знаете, что за обнаженіе шпаги—смерть. Чтѣ, если герцогъ узнаетъ о вашихъ дерзостяхъ? онъ васъ повѣситъ за горло. Не хочу только поступить съ вами, какъ вы того заслуживаете; въ другой разъ ко мнѣ на ноги, а то худо вамъ будетъ!» Когда хованнъ подошелъ ко мнѣ, я хотѣлъ извиниться, но онъ не далъ мнѣ слова выговорить, сказалъ, что я совершенно правъ, и совѣтовалъ мнѣ остерегаться этихъ людей во время дороги.

Послѣ ужина пришелъ къ намъ лодочникъ и предложилъ довезти насъ до Венеціи. Я спросилъ его, согласенъ ли онъ отдать намъ цѣлую барку? Онъ согласился и мы условились въ цѣнѣ. На другой день рано по утру взяли мы лошадей и отправились къ пристани, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Феррары. Тамъ мы увидали брата Николо Беннинтенти и троихъ изъ его друзей. Повидимому они ждали насъ. У нихъ было два дротика, а у меня былъ чудный партазанъ, купленный въ Феррарѣ. Триболо перепугался до смерти и только и дѣлалъ, что повторялъ : «они убьютъ насъ! Боже милосердый! спаси насъ и помилуй!»

— Послушай, Бенвенуто, сказалъ Ламентоне : — не лучше ли воротиться во Флоренцію? здѣсь опасно. Ради Бога, избѣгни ярости этихъ скотовъ.

— Стыдись, отвѣчалъ я : — Богъ не покинетъ того, кто правъ. Да впритомъ посмотри, какъ я буду защищаться. Вѣдь мы одни заняли эту лодку?

— Да.

— Ну, такъ одни и войдемъ въ нее, если это только зависитъ отъ моей храбрости.

И вслѣдъ за тѣмъ я прищипнулъ лошадь; шагахъ въ пятидесяти отъ противниковъ я слѣзъ съ нея и смѣло пошелъ впередъ съ партазаномъ въ рукѣ. Триболо остановился; онъ такъ съежился на сидѣ, что его можно было принять за олицетворенную стужу. Курьеръ Ламентоне, по привычкѣ, пыхтѣлъ какъ богъ вѣтровъ; никогда кажется не случалось ему вдыхать и выдыхать столько воздуха какъ теперь.

Когда я приблизился къ баркѣ, подошелъ ко мнѣ гребецъ и сказалъ, что флорентинскіе дворяне хотятъ ѣхать вмѣстѣ съ нами, если мы на это согласны.

— Барка, отвѣчалъ я: — нанята для насъ, а не для нихъ. Очень сожалѣю, что лишусь удовольствія быть въ сообществѣ этихъ господъ.

— Мы доставимъ тебѣ это удовольствіе, Бенвенуто, закричалъ храбрый молодой человекъ изъ фамиліи Магалотти.

— А я такъ думаю, что Богъ, мое право и руки не дозволитъ вамъ этого.

Въ то же время, вскочивъ въ барку, я прибавилъ, грозя имъ партазаномъ:

— Вотъ эта штука вамъ докажетъ.

Магалотти подошелъ ко мнѣ съ угрожающимъ видомъ и съ оружіемъ въ рукахъ. Но я нанесъ ему ударъ, и онъ упалъ навзничь. Друзья его, вмѣсто того, чтобы поспѣшить на помощь, обратились въ бѣгство. Я могъ бы убить его, но не хотѣлъ и сказалъ только:

— Вставай-ка, братъ, подыми свое оружіе и убирайся. Теперь ты знаешь, что я могу сдѣлать то, чего не хочу, и что я не хотѣлъ того, что могъ.

Мы уже проплыли по рѣкѣ По около десяти миль, когда нагнали насъ флорентинцы въ фузолерѣ (*). Поровнявшись съ нашею баркою, дьяволъ этотъ, Піетро Беннитсенди, закричалъ мнѣ:

— Слѣши, слѣши, Бенвенуто; мы увидимся въ Венеціи!

— Ступайте, ступайте, отвѣчалъ я: — я за вами; меня вездѣ можно видѣть.

Въ Венеціи я посоветовался съ братомъ кардинала Корнаро и просилъ его выхлопотать мнѣ позволеніе ходить съ оружіемъ. Онъ отвѣчалъ, что я свободно могу носить его, и что рискую только потерять шпагу.

Вооружившись хорошенько, пошли мы къ скульптору Джакопо дель-Сансовино. Онъ осыпалъ меня дружескими привѣтствіями и пригласилъ насъ обѣдать. Въ разговорѣ онъ сказалъ Триболо, что не намѣренъ дать ему теперь работу, а пусть онъ пріѣдетъ въ другой разъ. Я засмѣялся и, шутя, сказалъ Сансовино:

— Вы слишкомъ далеко живете, чтобы ему ѣхать къ вамъ вторично.

Несчастный Триболо былъ въ совершенномъ недоумѣніи; наконецъ и онъ сказалъ:

(*) Родъ лодки.

— Но вотъ письмо, въ которомъ вы пишете, чтобы я приѣхалъ.

— Люди богатые и талантливые, какъ я, отвѣчалъ Сансовино : — могутъ позволить себѣ подобныя шутки, да еще и гораздо больше.

Триболо пожалъ плечами, повторяя себѣ подъ носъ : « Терпѣніе ! терпѣніе ! »

Не смотря на роскошный обѣдъ, которымъ угощалъ меня Сансовино, я взялъ сторону Триболо. Во время стола у хозяина нашего только и было разговора, что объ его произведеніяхъ ; Микель-Анджело и другіе извѣстные артисты — все это было дрянъ въ его глазахъ ; онъ всѣхъ ругалъ и хвалилъ только себя ; неучтивость эта до того меня утомила, что я не могъ куска проглотить съ удовольствіемъ. Вотъ что я наконецъ сказалъ ему :

Мессеръ Джакомо, честные люди и ведутъ себя честно ; талантливые люди цѣнятся во сто разъ болѣе тогда, когда ихъ хвалятъ другіе, а не тогда, когда они сами себѣ поютъ похвалы съ такимъ нахальствомъ. Затѣмъ мы встали изъ-за стола.

Въ тотъ же день встрѣтилъ я, близъ Ріальто, Піетро Бенинтенди и нѣсколькихъ изъ друзей его. Сметнувъ, что они что-то замышляютъ, я зашелъ въ лавку аптекаря, чтобы дать миноваться буре. Такъ кончилась эта исторія безъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Черезъ нѣсколько дней мы отправились во Флоренцію и дорогою остановились въ трактирѣ, по ту сторону Кіоджа,halb, по феррарской дорогѣ. Хозяинъ хотѣлъ, чтобы мы заплатили ему за ночлегъ наканунѣ. Напрасно толковалъ я ему, что вездѣ принято платить по утру, передъ отъѣздомъ, онъ не хотѣлъ ничего слушать и повторялъ :

— А мое обыкновеніе таково, чтобы мнѣ платили съ-вечера.

Я началъ было съ нимъ спорить, но Триболо перепугался и толкалъ меня, чтобы заставить меня молчать. Мы заплатили трактирщику и отправились спать. Слѣдствіемъ этого было то, что намъ дали прекрасныя постели, совершенно новыя и очень, очень опрятныя. Тѣмъ не менѣе я не могъ ни на минуту сомкнуть глазъ и всю ночь думалъ, какъ бы отмстить трактирщику. Сперва пришло мнѣ въ голову поджечь домъ, потомъ перерѣзать четырехъ славныхъ хозяйскихъ лошадей. Исполнить это было очень не трудно; труднѣе было спастись. Наконецъ вотъ на чемъ я остановился : усадивъ товарищей и уложивъ поклажу въ лодку, я когда все было готово къ отъѣзду и впряжены лошади, не велѣлъ трогаться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не возвращусь изъ трактира, гдѣ я будто бы за-

бумажна деноу денару. Сце тана, по средину на гербу
вычайно умьренны, такъ что мнѣ всегда оставались что-нибудь
должны.

Я вычеканилъ для герцога монету — юлій, и изобразилъ на ней
Іоанна Крестителя съ кнвгою въ рукѣ, а на другой сторонѣ гербъ

герцога. По моему мнѣнію, лучше этой монеты я ничего не дѣлывалъ.

Потомъ выгравировалъ я голову Крестителя для полу-юлія. За мнѣчу, что это была первая голова, выгравированная на такой тоненькой серебряной пластинѣ не въ профиль; впрочемъ трудности эти можетъ понять только художникъ. Послѣ этого сдѣлалъ я золотыя эки: съ одной стороны былъ крестъ съ маленькими херувимами, съ другой гербъ его святости. Окончивъ эти четыре монеты, я снова попросилъ герцога назначить мнѣ жалованье и отвести квартиру на монетномъ дворѣ, если ему пріятно, чтобы я продолжалъ для него работать. Онъ отвѣчалъ мнѣ очень милостиво, что отласть на этотъ счетъ приказаніе. Во время нашего разговора герцогъ находился въ кладовой, гдѣ разсматривалъ удивительный ступеръ, присланный ему изъ Германіи. Замѣтивъ, что я смотрѣлъ на это оружіе съ большимъ вниманіемъ, его свѣтлость передалъ мнѣ ступеръ, сказавъ, что онъ знаетъ, что я охотникъ до оружія, и что, какъ бы въ задатокъ всего что мнѣ было обѣщано, онъ позволяетъ мнѣ выбрать лучшую пищаль, за исключеніемъ той, которая у меня въ рукахъ. Я воспользовался этимъ позволеніемъ и выбралъ чудесную пищаль, которую и унесъ къ себѣ домой. Спустя два дня я пошелъ показать герцогу нѣсколько эскизовъ для золотыхъ работъ, которыя герцогъ хотѣлъ послать въ Неаполь къ герцогинѣ, своей супругѣ. Я воспользовался этимъ случаемъ и напомнилъ объ обѣщанномъ. Онъ отвѣчалъ, что прежде долженъ я сдѣлать его портретъ, въ такомъ же родѣ, какъ медаль папы Климента. Вслѣдствіе чего я и началъ модель изъ воску. Герцогъ велѣлъ впускать меня, когда бы я ни пришелъ. Видя проводочку въ дѣлахъ, я взялъ къ себѣ Піетро Паголо, который еще въ дѣтствѣ работалъ у меня въ Римѣ. Теперь онъ находился у золотыхъ дѣлъ мастера Бернардоначчіо, обращавшимся съ нимъ не очень то хорошо. Итакъ, я взялъ его и выучилъ гравировать монеты. Между тѣмъ, я занимался портретомъ герцога, котораго не разъ заставалъ спящимъ съ Лоренцино, съ тѣмъ самымъ, который послѣ умертвилъ его. Не мало я удивлялся, какъ могъ герцогъ быть такъ доврчивъ.

Въ это время Оттавіано Медичи, который кажется всѣмъ распоряжался, приказалъ углы монетъ соединить съ углами стараго мастера — Бастіано Ченнини, челоуѣка стараго покроя, челоуѣка мало свѣдущаго, которому онъ протезировалъ, даже противъ желанія герцога. Я пожаловался его свѣтлости. Герцогъ, удостовѣрившись въ этомъ, пришелъ въ негодованіе и сказалъ мнѣ:— «Поди, скажи объ этомъ Оттавіано Медичи и покажи ему монеты». — Я тотчасъ отправился и показалъ ему, какъ онъ испортилъ мои прекрас-

ныя монеты; а онъ преглуно отвѣчалъ мнѣ : «Для насъ и это хорошо». — Я возразилъ ему, что для меня-то это вовсе не хорошо. — «А если такъ угодно герцогу?» сказалъ Оттавіано. — Такъ я вамъ говорю, что мнѣ этого не угодно : это безчестно, да и не умно.

Затѣмъ онъ велѣлъ мнѣ уйти, прибавивъ, что мнѣ не мѣшаетъ проглотить эту пилюлю, хотябъ я отъ нея лопнулъ. Я тотчасъ же возвратился къ герцогу Александру, рассказавъ ему непріятную спесу съ Оттавіано Медичи и умолялъ его не позволять портить мои монеты.

Въ тотъ же день (это было въ четвергъ) получилъ я изъ Рима полную охранную грамоту отъ папы, съ приказаніемъ немедленно возвратиться, чтобы въ праздникъ Богородицы получить прощеніе за совершенное мною смертоубійство. Я отправился къ герцогу. Мнѣ достаточно было двухъ часовъ, чтобы кончить восковую модель его медали. Онъ остался очень доволенъ. Потомъ показалъ я ему охранную грамоту и сказалъ ему, что возвращаюсь въ чудный городъ Римъ, куда меня зоветъ папа для разныхъ работъ. Впрочемъ, прибавилъ я, это мнѣ не помѣшаетъ сдѣлать медаль для вашей свѣтлости.

— Бенвенуто, сказалъ герцогъ нѣсколько разсерженный : — не уѣзжай : я дамъ тебѣ жалованье, дамъ квартиру на монетномъ дворѣ, дамъ тебѣ несравненно болѣе того, сколько ты просишь, потому-что всѣ твои требованія справедливы и умны. А кто же будетъ мнѣ чеканить прекрасную монету! — Синьоръ, отвѣчалъ я : — я уже думалъ объ этомъ. У меня есть молодой римлянинъ, мой ученикъ, котораго я самъ образовалъ. Онъ прекрасно будетъ служить вашей свѣтлости, до тѣхъ поръ, пока я навсегда поступлю къ вамъ на службу. Въ Римѣ у меня лавка, работники, есть разные дѣла. Лишь только я получу прощеніе, все оставлю одному изъ моихъ учениковъ, и тогда, если не противно вашей свѣтлости, возвратусь къ вамъ.

Единственнымъ свидѣтелемъ этого разговора былъ Лоренцино Медичи. Герцогъ не разъ показывалъ ему знакамъ, чтобы онъ съ своей стороны настаивалъ и уговаривалъ меня остаться; но Лоренцино довольствовался тѣмъ, что говорилъ : «Бенвенуто, лучше бы ты остался».

Однако же я оставался твердъ и отвѣчалъ, что рѣшился отправиться въ Римъ. Спрятавъ модель въ ящичекъ, я сказалъ герцогу : Синьоръ, вамъ не за-что сердаться : ваша модель будетъ гораздо лучше медали папы Климента, и это непрѣменно такъ должно быть, потому-что медаль папы была первымъ моимъ произведеніемъ въ этомъ родѣ.

Сказавъ это, я удалился. Герцогъ не думалъ однако же, чтобы я его оставилъ. Когда же онъ узналъ впоследствии о моемъ отъѣздѣ, онъ послалъ за мною гонца, который вручилъ мнѣ 50 золотыхъ эку отъ лица его свѣтлости.

XIII.

Отправляясь въ Римъ, я взялъ съ собою чудесную пищаль, подаренную мнѣ герцогомъ. Съ этимъ оружіемъ я дѣлалъ удивительныя, невѣроятныя вещи. — Въ Римѣ былъ у меня маленькій домикъ въ улицѣ Джуліа; такъ какъ онъ былъ въ безпорядкѣ, то я остановился у Джіованни Гадди, которому далъ на сохраненіе драгоценныя оружія и много другихъ вещей, которыя для меня были особенно дороги. Въ лавку свою я не хотѣлъ идти, почему и послалъ за товарищемъ моимъ Феличе и попросилъ его устроить мой домикъ въ улицѣ Джуліа. На другой день я отправился туда, въ намѣреніи провести тамъ ночь, и взялъ съ собою платье и все, что мнѣ было нужно, чтобы представиться его свѣтѣшеству. У меня было двое молодыхъ слугъ, за кухню же наблюдала прачка, моя есѣдка. Вечеромъ я далъ нѣкоторымъ изъ пріятелей веселый ужинъ, послѣ котораго легъ спать. Было еще довольно темно; до разсвѣта оставалось около часа, какъ вдругъ я услышалъ сильныя удары въ дверь. Я позвалъ старшаго изъ служителей — Ченціо (того самого, котораго я бралъ съ собою въ Крлизей) и велѣлъ узнать, что за болванъ стучится такъ неучтиво и въ такое время. Между тѣмъ я зажегъ другую свѣчку (ночью у меня всегда горѣла одна свѣча) и надѣлъ на рубашку прекрасную кольчугу и первое попавшееся платье.

— Мастеръ, мастеръ! закричалъ Ченціо: — это баргелло, со всеми своими сбирами. Онъ говоритъ, если ему не отворять, такъ онъ дверь выломаетъ. — «Скажи имъ, что я одѣваюсь и сейчасъ выйду къ нимъ».

Убѣдившись что это засада, я въ одну руку взялъ превосходный книжалъ, а въ другую охранную грамату, потомъ побѣжалъ къ окну, которое выходило въ садъ, но тутъ стояли тридцать сбировъ: бѣгство было невозможно. Я поставилъ передъ собою обоихъ молодыхъ людей и велѣлъ имъ ждать моего приказа, чтобы отворить двери. Наконецъ я сталъ въ оборонительную позицію отъ книжаломъ въ рукѣ и сказалъ: Ну, отворяйте и ничего не бойтесь! Тотчасъ вошелъ Витторіо (это былъ начальникъ) и съ нимъ двое изъ его аколитовъ, воображая, что имъ легко будетъ схватить меня; увидавъ однако же, какой я имъ готовилъ пріемъ, они попятились назадъ и скакали другъ дру-

гу: «Дѣло-то не шуточное». Тогда я бросилъ имъ охранную грамоту и закричалъ: — Прочтите это! вы не можете взять меня подъ стражу; не смѣйте до меня дотрогиваться!

Баргелло приказалъ своимъ людямъ схватить меня, прибавивъ, что охранную грамоту можно и послѣ прочесть. Я смѣло подвинулся впередъ и, потрясая книжалою, сказалъ: — Да защититъ меня Всевышній! Я уйду отъ васъ, а если не удастся, такъ достанусь вамъ въ руки не иначе, какъ мертвый. — Сбирь, наполнившіе всю комнату, кажется рѣшились наконецъ на насиліе; но я такъ встрѣтилъ ихъ, что начальникъ убѣдился въ невозможности захватить меня живого. Онъ позвалъ канцлера и, пока тотъ читалъ грамоту, нѣсколько разъ старался захватить меня врасплохъ; но я былъ всегда наготовѣ. Наконецъ противники мои бросили на полъ охранную грамоту и удалились—безъ меня. Я снова легъ въ постель; но не могъ уже заснуть, потому-что кровь моя была сильно взволнована.

Какъ только платье было готово, я отправился представиться папѣ. Онъ велѣлъ мнѣ поговорить съ мессеромъ Амброджіо, которому поручилъ заказать мнѣ большую золотую работу. Ему извѣстно было происшествіе съ баргелло, потому-что онъ стакнулся съ моими врагами, чтобъ заставить меня возвратиться изъ Флоренціи, и когда узналъ, что меня не арестовали, разбранилъ баргелло, который извинялся тѣмъ, что у меня была охранная грамота. Мессеръ Амброджіо сначала поговорилъ со мной о порученіи, которое далъ ему папа, потомъ велѣлъ сдѣлать рисунки.

Между тѣмъ приближался праздникъ Богородицы. Обыкновенно тѣхъ, которымъ въ этотъ день объявляется прощеніе, отводятъ въ тюрьму. Я пошелъ къ папѣ и сказалъ, что въ тюрьму мнѣ идти не хочется и умолялъ его святѣйшество уволить меня отъ этого. Папа отвѣчалъ, что таково обыкновеніе, и что я долженъ ему подчиниться. Тогда я папѣ на колѣни, благодарилъ его святѣйшество за охранную грамоту и объявилъ, что воспользуюсь ею, возвращаясь во Флоренцію, гдѣ меня съ нетерпѣніемъ ожидаетъ герцогъ. При этихъ словахъ папа обратился къ одному изъ своихъ любимцевъ и сказалъ: «Бенвенуто не нужно заключать въ тюрьму, — я его прощаю. Отдайте ему *toti-proprio*.»

Наконецъ, въ праздникъ Богородицы я послѣдовалъ за процессіею и получилъ полное прощеніе.

Спустя четыре дня у меня сдѣлалась жестокая лихорадка и ознобъ. Я слегъ въ постель и тотчасъ понялъ, что это можетъ кончиться смертію. Я позвалъ первыхъ докторовъ и между прочими Франческо *Норчіа*, давно уже занимавшагося практикою и пользовавшагося большимъ довѣріемъ въ Римѣ, сказалъ имъ свое мнѣніе о

причинѣ болѣзни, прибавилъ, что хотѣлъ нѣсколько дней тому назавать пустить кровь, но что меня отговорили, и просилъ ихъ, если еще есть время, отворить кровь. Франческо возразилъ, что теперь уже поздно; если же бы кровь была пущена ранѣе, то я бы былъ совершенно здоровъ, а теперь надо прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Несмотря на ихъ познанія и заботу, болѣзнь черезъ восемь дней такъ усилилась, что они отчаявались въ моемъ выздоровленіи и не приказали ни въ чемъ мнѣ отказывать, чего бы я ни спросилъ. Однако же Франческо сказалъ: «Пока въ немъ еще будетъ признакъ дыханія, вы призовите меня, въ какое бы время это ни было: мало ли чего можно ожидать отъ такого молодого организма. Если онъ лишится чувствъ, вы дайте ему вотъ эти пять лекарствъ одно за другимъ и пошлите за мною; я прибѣгу хоть ночью; мнѣ пріятнѣе снасти Бенвенуто, чѣмъ любого римскаго кардинала.»

Мессеръ Джіованни Гадди навѣщалъ меня всякой день раза по два, по три. Онъ только и дѣлалъ, что бралъ въ руки то мои прекрасныя пищали, кольчуги, шпаги, то модели, то другія вещи и безпрестанно повторялъ: — «Славная вещь, а вотъ эта еще лучше.» — Продѣлка эта мнѣ наскучила до-нельзя. Съ нимъ постоянно приходилъ нѣкто Маттіо Францези, который казалось съ нетерпѣніемъ ждалъ моей смерти, не для того, чтобы что-нибудь отъ меня наследовать, а нѣтъ удовольствія видѣть, какъ мессеръ Джіованни завладѣетъ всѣмъ, что ему такъ нравилось. Товарищъ мой Феличе заботился обо мнѣ такъ, какъ только можетъ заботиться человекъ о человекѣ.

Организмъ мой до того ослабъ, что я уже не могъ дышать; голова моя была однако же такъ свободна, такъ свѣжа, какъ будто я не былъ болѣнъ. Находясь въ полномъ разумѣ, я увидалъ вдругъ старика съ ужасною наружностію; онъ приближался къ моей постели и хотѣлъ увлечь меня въ огромную лодку. Тогда я подозвалъ Феличе и умолялъ его прогнать этого негодяя. Феличе, который былъ мнѣ преданъ всею душою, подбѣжалъ въ слезахъ и закричалъ: «Прочь, прочь, старій! Ты хочешь отнять у меня то, что мнѣ всего дороже.»

Мессеръ Джіованни Гадди, бывшій при этомъ, говорилъ: — «Малый-то бредитъ, ему осталось жить нѣсколько часовъ.» — Маттіо Францези, съ своей стороны говорилъ: «Онъ начитался Данта ⁽¹⁾ и бредитъ имъ въ болѣзни.» Потомъ онъ прибавлялъ съ усмѣшкой: «Убравайся ты, старій плутъ! оставь нашего Бенвенуто въ покоѣ.»

(1) *Ed ecco vesso noi venir per nave
Un vecchio bianco per antico pelo,
Gridando: Guai a voi, anime prave!...*

Данта, Алъ, III.

Видя, что надо мною гадѣваются, я обратился къ мессеру Джіованни Гади и сказалъ :

— Мессеръ, я не въ бреду : старикъ меня дѣйствительно преслѣдуетъ. Вы лучше бы сдѣлали, если бы избавили меня отъ этого презрѣннаго Маттіо, который смѣется надъ моими страданіями. Если вы удостоиваете меня посѣщеніемъ, то не лучше ли бы вамъ было притти съ Антоніо Аллегретти, Аннибаломъ Каро или съ другимъ съ кѣмънибудь изъ вашихъ ученыхъ друзей, которые не такъ болтливы и грубы, какъ это животное.»

Тогда Джіованни сказалъ шутя Маттіо, чтобы онъ удался навсегда съ глазъ его, Маттіо однако же не унимался, и дѣло приняло серьезный оборотъ; мессеръ Джіованни уже дѣйствительно никогда не хотѣлъ его видѣть и велѣлъ призвать мессера Антоніо Аллегретти и мессера Аннибала Каро. Лишь только они пришли, я почувствовалъ облегченіе и долго разговаривалъ съ ними въ полномъ разумѣ, но не переставалъ просить Феличе прогнать старика. Мессеръ Лудовико спросилъ меня, какой онъ собою на видъ. Пока я его описывалъ, онъ схватилъ меня за руку и сильно дернулъ къ себѣ. Я закричалъ и просилъ спасти меня, потому-что старикъ хотѣлъ бросить меня въ свою отвратительную лодку. Вслѣдъ за тѣмъ я лишился чувствъ, и мнѣ показалось, что меня впихнули въ лодку. Мнѣ рассказывали потомъ, что покуда продолжался обморокъ, я бился, кричалъ мессеру Джіованни Гади, что онъ не на помощь пришелъ ко мнѣ, а для того, чтобы меня обокрасть, и наговорилъ ему тысячу оскорбительныхъ вещей, такъ-что онъ совершенно переконфузился. Потомъ я лежалъ нѣсколько времени безъ малѣйшаго движенія. Спустя часъ я сталъ холодѣть; я умиралъ... Маттіо Франчези, узнавъ объ этомъ, написалъ во Флоренцію къ другу моему мессеру Бенедетто Варки, что въ такомъ-то часу я отдалъ душу Богу. Получивъ эту вѣсть, достойный Бенедетто написалъ на мою смерть прекрасный советъ, который я приведу въ своемъ мѣстѣ. Прошло по-крайней-мѣрѣ три часа, пока ко мнѣ возвратились чувства. Давъ мнѣ всѣ лекарства, прописанныя докторомъ Франческо, вѣрный мой Феличе, видя, что ничто не помогаетъ, побѣжалъ къ доктору и стучалъ въ его дверь до тѣхъ поръ, пока не разбудилъ его. Феличе умолялъ его, со слезами на глазахъ, поспѣшить ко мнѣ : онъ думалъ, что я уже умеръ.

— Ахъ, какой ты человекъ! сказалъ Франческо (онъ былъ очень вспыльчивъ), ужели же я могу воскресить его, если онъ умеръ? Смерть его мнѣ прискорбиѣе можетъ быть, чѣмъ тебѣ! Да, что же теперь дѣлать?... — Увидавъ, что бѣдный молодой человекъ удался, обливаясь слезами, Франческо позвалъ его и далъ ему какое-то масло, которымъ приказалъ натереть мнѣ пульсъ и сердце. Кромѣ

того велѣлъ сильно сжать мнѣ мизинцы на рукахъ и ногахъ, и если я приду въ себя, тотчасъ дать ему знать. Феличе исполнилъ все, что приказалъ докторъ. Вечеромъ потеряли уже всякую надежду, велѣли сдѣлать гробъ и обмыть мое тѣло. Вдругъ я пошевелился и позвалъ Феличе, чтобы онъ немедленно прогналъ старика, который мучилъ меня. Феличе хотѣлъ послать за Франческо, но я воспротивился и подозвалъ его къ себѣ, потому-что старикъ его боялся и тотчасъ бы удалился. Феличе подошелъ. Только-что я до него дотронулся, мнѣ показалось, что несносный старикъ убѣжалъ въ бѣшенствѣ. Тутъ пришелъ докторъ. Онъ сказалъ, что, во что бы то ни стало, а ужъ онъ меня спасетъ. — «Никогда не встрѣчалъ я такого крѣпкаго молодого человѣка», прибавилъ онъ.» Потомъ онъ сталъ писать рецепты, велѣлъ меня обкуривать, дѣлать ванны, тереть мази, поставить катапласмы и пр. и пр. Наконецъ, при помощи десятковъ двухъ пѣвковъ, поставленныхъ къ заднимъ частямъ, я пришелъ въ себя, но былъ утомленъ, разбитъ, измученъ. Друзья мои и многіе вельможи пришли посмотреть на мѣртваго, воскресшаго какимъ-то чудомъ. Въ ихъ присутствіи я объявилъ, что завѣщаю сестрѣ своей Липератѣ, бывшей во Флоренціи, всѣ деньги, золото и драгоценности: все это могло составить сумму около восьмисотъ эку. Милому Феличе я отказалъ оружіе и все остальное, кромѣ того далъ ему пятьдесятъ золотыхъ эку для покупки траурной одежды. Феличе бросился ко мнѣ на шею, говорилъ, что ему ничего не нужно, что его единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы я выздоровѣлъ.

— Если ты хочешь, чтобы я былъ живъ, отвѣчалъ я: — то не отходи отъ меня и прогони старика, который тебя боится.

При этихъ словахъ, ужасъ овладѣлъ нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ: они убѣдились, что я не въ бреду, но въ полномъ разсудкѣ.

Здоровье мое однакожь не поправлялось. Франческо приходилъ разъ по пяти въ день. Джіованни Гадам, пріестыженный мною, не являлся болѣе. Мужъ сестры моей Липераты пріѣхалъ въ Римъ, чтобы получить наслѣдство; но онъ былъ славный человѣкъ и отъ души радовался, видя, что я не умеръ.

Его присутствіе принесло мнѣ невыразимую пользу. Онъ осыпалъ меня ласками, говорилъ, что пріѣхалъ лишь для того, чтобы самому ухаживать за мною, что онъ дѣйствительно и дѣлалъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Наконецъ, когда выздоровленіе мое уже почти не подлежало никакому сомнѣнію, я отправилъ его домой. Онъ оставилъ мнѣ сонетъ, написанный Бенедетто Варки; вотъ онъ:

Chi ne consolerà, Mattio? chi fia
Che ne vieti il morir piangendo, poi
Che pur è vero, oimè, che venza noi
Così per tempo al ciel salita sia

Quella chiara alma amica, in cui fioria
Virtù cotal, che fino a'tempi suoi
Non vidde egual, nè vedrà, credo, poi
Il mondo, onde i miglior si fuggon pria.

Spirto gentil, se fuor del mortal velo
S'ama, mira dal ciel ch'in terra amasti,
Pianger non già'l tuo ben, ma'l proprio male.

Tu ten sei gito a contemplar su'n cielo
L'alto Fattore, e vivo il vedi or, quale
Con le tue dotte man quaggiù il formasti.

• *Маттио, кто насъ утѣшить? кто можетъ удержать насъ, проливающихъ слезы, отъ смерти, когда, увы! мы знаемъ, что прежде насъ, во цвѣтъ лѣтъ, душа эта — чистая и любящая, украшенная такими добродѣтелями, которыхъ свѣтъ, оставляемый набранными, никогда не видалъ и никогда не увидитъ, вознеслась къ небу?...*

• *Прекрасная душа! если еще есть любовь за гробомъ (въ смертной оболочкѣ), то воззри съ небесъ на тѣхъ, кого любилъ на землѣ и которые ошланиваютъ не твои доблести, но собственную потерю.*

• *Ты ихъ оставилъ для того, чтобы въ небесахъ совершать Верховнаго Творца, и теперь, Его живого, ты видишь такимъ, какимъ создалъ Его изображение здѣсь, на землѣ, своими гениальными руками.*

Болезнь моя была такъ опасна, что выздоровленіе казалось невозможнымъ. Достойный докторъ Франческо удвоилъ свои старанія: всякой день онъ приносилъ мнѣ новыхъ лекарствъ и искалъ средства укрѣпить мой разстроившійся организмъ; всѣ его усилія оставались безплодны. Меня постоянно мучила жажда, но по совѣту докторовъ, я удерживался отъ питья. Однажды Феличе долженъ былъ отлучиться; онъ поручилъ присмотрѣть за мною одному изъ моихъ учениковъ и служанкѣ — Беатриче, родомъ изъ Пистойя. Когда Феличе ушелъ, я позвалъ Беатриче и велѣлъ наполнить чистою водою огромную кружку, стоящую подлѣ меня. Она налила воды и поднесла кружку къ губамъ моимъ; я сказалъ ей, что если она позволитъ мнѣ выпить столько, сколько мнѣ хочется, то я подарю ей платокъ. А надо сказать, что эта служанка украла у меня нѣсколько довольно цѣнныхъ вещей; изъ опасенія, чтобы не открыли ея воровства, она рада была умер-

рить меня; я выпилъ болѣе бутылки! Потомъ завернулся какъ можно теплѣе, началъ потѣть и наконецъ заснулъ. Прошло съ часъ времени; Феличе воротился и спросилъ у ученика, что я дѣлалъ?

— Беатриче, отвѣчалъ онъ: — принесла ему цѣлую кружку воды и онъ выпилъ почти всю. Теперь я не знаю, живъ онъ или мертвъ.

Въ послѣдствіи мнѣ рассказывали, что, услыжавъ эту новость, бѣдный Феличе едва не лишился чувствъ. Потомъ онъ схватилъ палку и сталъ колотить служанку, приговаривая: «А, мерзавка! ты его уморила, уморила!» Въ то время, какъ Феличе управлялся съ служанкою посредствомъ палки, а служанка кричала благимъ матомъ, я видѣлъ во снѣ, что старикъ держалъ въ рукахъ веревки, которыми приказывалъ скрутить меня; но Феличе отгонялъ его топоромъ. Старикъ убѣгалъ, говоря, что онъ долго не прійдетъ.

Между тѣмъ Беатриче вбѣжала въ мою комнату. Ея крики меня разбудили. «Оставь ее, сказалъ я Феличе: — желая быть можетъ причинить мнѣ вредъ, она сдѣлала такую пользу, какую ты при всѣхъ стараніяхъ никогда бы не сдѣлалъ. Помогни мнѣ переимѣнить бѣлье. Поскорѣе.» Феличе ободрился, обтеръ меня и надѣлъ на меня рубашку. Я почувствовалъ сильное облегченіе и уже не сомнѣвался въ томъ, что выздоравлию.

Кардиналъ Корнаро, узнавъ, что мнѣ лучше, велѣлъ перевезти меня въ свой дворецъ на Монте-Кавалло. Только-что меня внесли въ новое жилище, меня начало рвать, и изъ меня вышелъ червякъ въ четверть брассы длиною. Свиду онъ былъ отвратителенъ: покрытъ щетинками и усіявъ зелеными, черными и красными пятнами. Пришелъ докторъ; ему показали червяка; докторъ отвѣчалъ, что не знаетъ, что это за животное, что никогда не видалъ ничего подобнаго. Обратясь къ Феличе, онъ сказалъ:

— Ну, присматривай же за Бенвенуто: теперь онъ спасенъ.

XIV.

Здоровье мое неправлялось медленно; я самому себѣ даже сталъ въ тягость, — прошло болѣе пятидесяти дней, какъ я постоянно мучился: это не шутка! Но наконецъ я рѣшился ухватъ, сдѣлалъ всѣ нужныя приготовленія, нанялъ носилки, одну для себя, другія для моего милго Феличе, и мы отправились во Флоренцію. Я не предварилъ о своемъ пріѣздѣ и сестра, которая меня не ожидала, встрѣтила меня слезами и смѣхомъ. Въ тотъ же день посѣтили

неся въкоторыя изъ пріятелей, пришелъ и Піетро Ланда, котораго я любилъ болѣе всего на свѣтѣ.

На другой день прибѣжалъ Никколѣ Монте-Агудо; онъ слышалъ, какъ герцогъ сказалъ :

— Бенвенуто поступилъ бы умнѣе, если бы умеръ; развѣ онъ пріѣхалъ сюда, чтобы найти веревку по своей шеѣ? я ему никогда не прощу его поступка.

Увидавъ меня, Никколѣ сказалъ отчаяннымъ голосомъ :

— Бенвенуто, другъ мой Бенвенуто! ну, къ чему ты пріѣхалъ? Развѣ забылъ, какъ ты оскорбилъ герцога? Вѣдь онъ тебя повѣсить хочетъ!

— Послушай, Никколѣ, отвѣчалъ я: — пусть-ка напомнятъ его свѣтлости, что и папа Климентъ хотѣлъ поступить со мною также несправедливо. Герцогъ за мною пускай присматриваетъ, да дастъ только выздоровѣть: тогда онъ и увидитъ, что въ жизни не встрѣчалъ болѣе ему преданнаго слуги. Мнѣ подрадовалъ у его свѣтлости одинъ изъ недруговъ. Ну, чтожь! Вотъ, когда соберусь съ силами, такъ и объясню ему свое поведеніе, да еще такъ объясню, что его свѣтлость удивится.

Шутку эту сыгралъ со мною живописецъ Джіорджетто Вазелларіо д'Ареццо, вѣроятно для того, чтобы отблагодарить за все добро, которое я ему сдѣлалъ. Въ самомъ дѣлѣ, я помѣстилъ его въ Римѣ и далъ ему содержаніе, а онъ у меня весь домъ вверхъ дномъ поставилъ. Его въ то время одолевала небольшая сухая проказа, и онъ безпрестанно скребъ тѣло. Однажды ночью онъ спалъ съ Манно, отличнымъ мальчикомъ, бывшимъ у меня въ услуженіи, и ободралъ ему ногу, полагая, что царапаетъ свою; ногтею онъ себѣ никогда не стригъ. Манно рѣшительно хотѣлъ его убить; я ихъ насилу помирилъ. Потомъ помѣстилъ я Джіорджетто къ кардиналу Медичи и не переставалъ оказывать ему различныя услуги. За все это онъ наставлялъ герцогу Александру, что я дурно говорю объ его свѣтлости и всѣмъ хвастаю, что первый, вмѣстѣ съ изгнанниками, его врагами, осаду стѣны Флоренціи. Но такъ какъ я былъ неповиненъ въ этихъ клеветахъ, то не чувствовалъ ни малѣйшаго страха.

Меня весьма искусно пользовалъ ученый врачъ Франческо, изъ Монтеварки, котораго рекомендовалъ мой пріятель Лука Мартини. Феличе я отправилъ въ Римъ, чтобы вести наши дѣла. Лишь только почувствовалъ я возможность стать не надолго съ постели (ходить впрочемъ я еще не могъ), какъ велѣлъ перенести себя на маленькую террасу дворца Медичи и сѣлъ тамъ, ожидая, когда пойдетъ герцогъ. Нѣсколько придворныхъ, изъ моихъ пріятелей, пришли поговорить со мною. Они толпились около меня и смотрѣли на меня, какъ на

чудо, не столько потому, что получили извѣстіе о моей смерти, сколько видя лицо мое, блѣдное и худое, подобное привидѣнію. Я рассказалъ имъ, какъ одинъ подлець оклеветалъ меня передъ герцогомъ.

— До тѣхъ поръ, пока я не смою этого позора, прибавилъ я: — и не узнаю дерзкаго негодяя, который меня оклеветалъ, до тѣхъ поръ я несколько не забочусь — умереть ли мнѣ суждено, или жить.

Между тѣмъ многіе придворные собрались около меня и изъявили живое участіе: одинъ говорилъ одно, другой другое; я рѣшительно объявилъ имъ, что до тѣхъ поръ не двинусь съ мѣста, пока не узнаю своего обвинителя. Услыхавъ это, мастеръ Агостино, портной герцога, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: — «если за этимъ только дѣло, то ты сейчасъ будешь удовлетворенъ».

Въ это время проходилъ мимо насъ Джіорджіо.

— Вотъ твой обвинитель, прибавилъ мастеръ Агостино, указывая на Джіорджіо.

Несмотря на то, что я не могъ пошевелиться, я гордо спросилъ Джіорджіо, правда ли это? Онъ отговаривался и утверждалъ, что ему въ голову не приходило ничего подобнаго.

— Ахъ ты всѣлѣнякъ этакой! кричалъ Агостино: — припомни, что вѣдь я это изъ вѣрныхъ источниковъ знаю.

Джіорджіо тотчасъ же удалился, повторяя, что все это неправда, что не зачѣмъ и впутывать его въ такую исторію. Скоро вышелъ герцогъ. Я велѣлъ приподнять себя передъ его свѣтлостію и сказалъ, что пришелъ единственно для того, чтобы оправдаться. Герцогъ взглянулъ на меня и удивился, видя меня въ живыхъ, потомъ совѣтовалъ мнѣ вести себя какъ прилично порядочному человѣку и выздоравливать скорѣе.

Не успѣлъ я возвратиться домой, какъ явился Никколô Монте-Агудо и объявилъ мнѣ, что, сверхъ всякаго чаянія, я избѣгъ величайшей опасности, что онъ самъ своими глазами видѣлъ мой приговоръ и самъ читалъ его.

— Ну, братъ, выздоравливай поскорѣе, да и уѣзжай-ка отсюда, сказалъ онъ: — недоброжелатель твой человѣкъ очень опасный. Да скажи намилость, что ты сдѣлалъ этой дряннѣ Оттавіано Медичи?

— Онъ отъ меня никогда не видалъ ничего дурнаго, а я-такъ отъ него много потерялъ.

И я рассказалъ всѣ неприятели, какія были у меня съ этимъ человѣкомъ.

— Ради Бога, уѣзжай скорѣе! возразилъ Никколô. Мщеніе можетъ прійти равнѣе, чѣмъ ты ожидаешь.

И действительно я возвратился въ Римъ , ни слова не сказавъ ни друзьямъ , ни герцогу Александру.

Первые дни посвятилъ я на то , чтобы хорошенько повеселиться съ друзьями , потомъ началъ медаль для герцога. Менѣе чѣмъ въ недѣлю выгравировалъ я на жести голову. Въ этомъ родѣ я никогда не дѣлалъ ничего лучше. Одна великолѣпная дрянь — Франческо Седерини , который приходилъ ко мнѣ по-крайней-мѣрѣ по разу въ день , разсмотрѣвъ мою работу , сказалъ : — «А , измѣнникъ! ты хочешь обезсмертить этого бѣшеннаго тирана : прекраснѣ этой головы ты еще никогда не дѣлалъ. Вотъ и видно , что ты нашъ замалтый врагъ и вредный другъ этому народу. Однако же вапа и твой герцогъ два раза хотѣли несправедливо тебя повѣсить. Такъ велъ себя отецъ и сынъ : теперь берегись третьего лица (полагали навѣрно , что герцогъ Александръ былъ сынъ папы Климента)».

— Еслибъ можно было , говорилъ мессаръ Франческо : — то я бы у тебя укралъ эту медаль.

— Благодарю , что предвѣрили ; теперь я ее буду прятать такъ , чтобы вы ее не видали.

Такъ какъ я еще не совершенно оправился отъ жестокой болѣзни , то часто забавлялся охотою вмѣстѣ съ милымъ Феличе. Феличе рѣшительно не умѣлъ стрѣлять , но такъ какъ его каждый день видѣли вмѣстѣ со мною , то всѣ были увѣрены , что онъ одинъ изъ самыхъ искусныхъ охотниковъ. Однажды мы охотились близъ Мальяны. Я убилъ много гусей и утокъ ; стало смеркаться ; я уже не намѣренъ былъ болѣе стрѣлять , и мы направились къ Риму. Вдругъ примѣтилъ я , что собаки моей Барукко передо мной нѣтъ. Я свиснулъ ее и , оборотась назадъ , увидѣлъ , что благородное животное дѣлаетъ стойку надъ гусями , усѣвшимися въ ямѣ. Я тотчасъ долой съ лошади , зарядилъ ступеръ , выстрѣлилъ и одною пулею хватилъ двухъ гусей ; стрѣлялъ я всегда этимъ манеромъ и цѣлился по болѣеи части въ двухъ-стахъ брассахъ разстоянiя : при другомъ зарядѣ это бы было невозможно. Одинъ гусь упалъ въ яму , другой , который былъ только раненъ , старался подняться на воздухъ ; собака моя погналась за послѣднимъ , а я пошелъ за тѣмъ , который былъ убитъ. Надѣясь на длинные сапоги , я занесъ ногу , но она ушла въ землю , такъ-что я могъ схватить гуся не иначе , какъ наполнивъ сапогъ водою. Воду я тотчасъ же отлилъ , сѣлъ на лошадь и мы быстро поскакали къ городу. Было очень холодно ; я почувствовалъ , что нога леденеетъ. «Надо принять какiя-нибудь мѣры , сказалъ я Феличе : — вѣдь просто невыносимо.» Добрый Феличе , неговора ни слова , сѣмелъ съ лошади и сталъ собирать хворосту , чтобы развести огонь. Между тѣмъ я положилъ руку на гусей и на-

шелъ, что пухъ ихъ и нерва чрезвычайно теплы; нащипавъ перья, я ихъ осушить въ сапогъ и тотчасъ же почувствовалъ облегченіе, которое возвратило меня къ жизни.

Настала совершенная ночь; взвѣхавъ на небольшой холмъ, мы взглянули печально въ ту сторону, гдѣ лежала Флоренція. Надъ нею стояло широкое зарево. «А завтра, сказалъ я Феличе: — мы узнаемъ, что во Флоренціи случилось что-нибудь необыкновенное.» Черная ночь уже давно окутала Римъ, когда мы въѣхали въ городскія ворота; подо мной былъ чудесный, небольшой иноходецъ. Близъ улицы Банки, недалеко отъ моего дома, на мостовой лежала куча штукатурки и кусковъ черепицы; ни я, ни лошадь моя этого не примѣтили; она быстро и легко поднялась на эту кучу, но когда стала спускаться, то оступилась и упала на заднія ноги. Я, благодаря Бога, нисколько не ушибся. Услыжавъ шумъ, сосѣди выскочили со свѣчами. Я уже всталъ на ноги, сѣлъ въ сѣдло и поспѣшилъ къ дому, радуясь, что вышелъ здоровъ и невредимъ изъ такого неприятнаго происшествія, гдѣ бы могъ сломить себѣ шею. У меня эндѣло нѣсколько пріятелей. Во время ужина я забавлялъ ихъ разказами объ охотѣ, а между прочимъ упоминалъ и о дьявольскомъ явленіи.

— Что-то мы завтра узнаемъ? сказали всѣ въ одинъ голосъ.

— Да, отвѣчалъ я: — во Флоренціи новость какая-нибудь.

На другой день вечеромъ пришло извѣстіе о смерти герцога Александра. Пріятели прибѣжали ко мнѣ и сказали:

— Вотъ, гдѣ ты предсказалъ, что во Флоренціи новость: — такъ и есть!

Скоро я встрѣтилъ мессера Франческо Содерини, ковылявшаго на длинномъ мулѣ. Онъ хохоталъ какъ сумасшедшій.

— Что, братъ? говорилъ онъ, обращая ко мнѣ свою глупую энциклопедію: — ты хотѣлъ обезсмертить герцога! а вотъ же мы не хотимъ больше герцоговъ!...

Затѣмъ онъ сталъ вадѣваться надо мною, какъ будто я былъ начальникомъ партіи возводящей герцоговъ. Тутъ подошелъ еще Баччіо Беттини — бессмысленная воронья голова, и тоже сталъ колотрушавать. Все это мнѣ крайне надоѣло.

— Эхъ, вы челюсти неповеротливныя! сказалъ я наконецъ: — я бѣдный серебрянникъ, служу тому, кто мнѣ платитъ, а вы меня осаждаете какъ какого-нибудь начальника заговора! Я не стану весь упрекать за ненасытную алчность, безуміе и низость вашихъ оборотовъ; на вашу неглупую хохотню скажу только одно: черезъ два, много-много черезъ три дни у васъ будетъ новый герцогъ, быть можетъ хуже послѣдняго.

На другой день Беттини пришел ко мнѣ въ лавку.

— Нечего было денегъ на курьеровъ тратить, сказалъ онъ: — ты, Бенвенуто, все знаешь, прежде чѣмъ что случится. Скажи же, какой демонъ открываетъ тебѣ будущее?

И онъ разсказалъ мнѣ, какъ Косма Медичи, сынъ сеньора Джюванни, былъ избранъ герцогомъ, правда на нѣкоторыхъ условіяхъ, которыя бы не позволяли ему дѣлать все, что вздумается. — «Теперь праздникъ на моей улицѣ, подумалъ я: теперь и я могу надъ ними посмѣяться».

— Флорентинцы, сказалъ я: — посадили молодого человѣка на чудную лошадь, придѣлали ему шпоры, дали узду въ руки и вывели его на средину великолѣпной поляны, усѣянной цвѣтами и плодами, запретили переступать извѣстныхъ границы! Отвѣчайте же мнѣ, кто запретить этому юношѣ выѣхать изъ положенныхъ предѣловъ, если ему захочется выѣхать?... Можно ли подчинить законамъ того, кто вами управляетъ?...

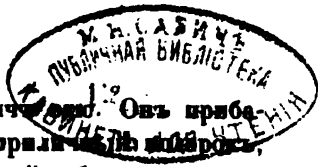
Послѣ этого они оставили меня навсегда въ покоѣ!

Въ это время императоръ Карлъ V съ торжествомъ возвращался изъ своей экспедиціи противъ Туниса. Папа прислалъ за мною и спросилъ, какой бы подарокъ сдѣлать императору? Всего приличнѣе, отвѣчалъ я — золотое распятіе, для котораго у меня почти окончено украшеніе: оно принесетъ много чести какъ вашему святѣйшеству, такъ и мнѣ. — А у меня въ самомъ дѣлѣ были сдѣланы три фигуры, назначавшіяся еще для чаши папы Климента. Онѣ изображали Вѣру, Надежду и Любовь. Я сдѣлалъ изъ воску модель прочихъ частей креста, выльпилъ Спасителя и различныя украшенія рѣдкой красоты и отнесъ къ папѣ. Его святѣйшество было чрезвычайно доволенъ; мы условились во всехъ подробностяхъ отдѣлки, украшеній и проч., а также и въ цѣнѣ; это было около четырехъ часовъ по полудни; на другой день я долженъ былъ явиться къ Латиню Джювенале, которому приказано было выдать мнѣ деньги. Я явился.

— Наше дѣло ввобрѣтать, ваше исполнять! сказалъ онъ мнѣ съ своимъ негнѣпнымъ высококомвріемъ. — Вчера вечеромъ мы придумали съ папой кое-что получше твоего креста.

— Ни вы, ни папа, перебилъ я его: — не можете ничего выдумать, что бы могло быть лучше вещи, изображающей Спасителя. Вытрясите изъ мѣшка, сколько вамъ угодно, всѣ ваши придворныя ахины.

Онъ не отвѣчалъ мнѣ ни слова, но сильно разсердился и старался отдать работу другому серебряннику. Папа не согласился на это, тотчасъ послалъ за мною и сказалъ, что съ моимъ мнѣніемъ онъ совершенно согласенъ, но что уже онъ рѣшился подарить книгу — *молебень Богородицы*, съ удивительными миниатюрами, сто-

вышним кардиналу Медичи болѣе двухъ тысячъ экю. Онъ приболѣ, что для императрицы это чрезвычайно прилично, и предложилъ, что потомъ надо будетъ заняться окончаніемъ той работы, которую я предложилъ для императора.

— Тыкъ болѣе, сказалъ папа: — что теперь и времени мало: императора ждутъ недѣль черезъ шесть.

Его святѣйшеству угодно было, чтобъ покрывка на книгу была золотая, съ богатою рѣзбою и драгоценными камнями (они стоили 6,000 экю). Въ нѣсколько дней я довелъ работу до такой степени красоты, что папа былъ удивленъ, осыпалъ меня похвалами и запретилъ этому животному Латиню заниматься мною. Когда прибылъ императоръ, работа моя была почти окончена. Для его приѣма приготовлены были великолѣпныя триумфальныя арки, и онъ съ изумительною пышностію вступилъ въ Римъ; но пусть объ этомъ пишутъ другіе, я же хочу говорить лишь о томъ, что до меня касается. Папа, получивъ въ подарокъ отъ императора брильянтъ (за который было заплачено двѣнадцать тысячъ экю), приказалъ мнѣ вдѣлать его въ кольцо, но прежде велѣлъ принести книгу въ такомъ состояніи, въ какомъ она находилась. Разсмотрѣвъ работу, папа остался ею крайне доволенъ; онъ спросилъ меня, какую бы представить приличную отговорку, что переплетъ еще не конченъ.

— Болѣзнь моя, отвѣчалъ я: — можетъ кажется служить достаточноымъ предлогомъ, и его величество легко повѣритъ этому, увиди мою бѣдность и худошавость.

— Превосходно! сказалъ папа: — только ты, Бенвенуто, выѣсть съ книгою предложи императору и свою собственную особу, отъ меня, конечно.

Потомъ онъ научилъ меня, какъ я долженъ держаться передъ императоромъ и что сказать. Я тотчасъ же повторилъ привѣтствіе и спросилъ папу, хорошо ли?

— Если у тебя достанетъ смѣлости также говорить съ императоромъ, какъ говорилъ со мною, то лучше и желать невозможно.

— Съ императоромъ, отвѣчалъ я: — я буду говорить съ большею увѣренностію, потому-что, видя человѣка, одѣтаго также какъ и я, я могу думать, что имѣю и дѣло съ такимъ же человѣкомъ какъ и я. Могу ли же я, ваше святѣйшество, сказать тоже самое о васъ? Вы, ваше святѣйшество, въ ореолѣ папскихъ украшеній, въ величинъ маститой старости, вы мнѣ кажетесь почти божественнымъ и внушаете болѣе уваженія, чѣмъ кто-либо другой.

— Бенвенуто, я знаю, ты достойный человѣкъ. Исполни же съ честью мое порученіе и повѣрь, что я съумѣю оцѣнить его.

Папа приказалъ привести пару турецкихъ лошадей, принадлежавшихъ папѣ Клименту; лучше этихъ коней не было во всемъ христіанскомъ мірѣ. Камерарию Дюранте поручено было отвезти ихъ въ дворцовую галерею и предложить въ подарокъ императору. Дюранте и я, мы вышли вмѣстѣ. Въ коняхъ было столько изящности, столько благородства и гордости, что императоръ и вся его свита пришли въ изумленіе. Дюранте же предсталъ предъ его величествомъ такъ не ловко, такъ запутался съ своимъ нарѣчіемъ Бреція, что рѣшительно никогда и никто не слыхалъ и не видалъ ничего смѣшнѣе, или, лучше сказать, ничего жалче. Императоръ не могъ удержаться отъ улыбки. Я открылъ свою работу и замѣтилъ, что его величество взглянулъ на меня очень милостиво. Я тотчасъ подошелъ къ нему и сказалъ: «Его святѣйшество, пресвятой отецъ нашъ папа Павелъ, приноситъ въ даръ вашему величеству этотъ манускриптъ, украшенный миниатюрами искусѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Болѣзнь помѣшала мнѣ окончить богатый переплетъ изъ золота и камней; поэтому-то его святѣйшество, вмѣстѣ съ манускриптомъ, предлагаетъ и меня вашему величеству, чтобы я могъ окончить эту работу при вашемъ величествѣ, которому служить до конца жизни я почту за счастье.»

— Съ удовольствіемъ принимаю, отвѣчалъ императоръ: — этотъ двойной подарокъ, но я желаю, чтобы вы окончили эту книгу въ Римѣ. Когда она будетъ готова и когда вы будете совершенно здоровы, то представьте ее мнѣ сами.

Онъ сталъ потомъ со мною разговаривать о тысячѣ предметовъ, сколько пріятныхъ, столько же и занимательныхъ, и называлъ меня по имени, что меня крайне удивило; но онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ видѣлъ одну изъ работъ, исполненныхъ мною для папы Климента, почему и знаетъ мое имя. Наконецъ, удостовѣрившись, что я исполнилъ порученіе даже лучше, чѣмъ самъ ожидалъ, я воспользовался минутою, когда разговоръ немного пріостановился, и откланялся. Не успѣлъ я выйти, какъ императоръ сказалъ: «немедленно выдать Бенвенуто пять сотъ эску.» — Офицеръ, принесшій деньги, спросилъ: кто говорилъ съ его величествомъ? — Дюранте подошелъ и сказалъ, что онъ говорилъ съ императоромъ; офицеръ отдалъ ему деньги, и Дюранте такимъ образомъ укралъ ихъ у меня. Я пожаловался папѣ. Папа отвѣчалъ, чтобы я не беспокоился, что ему все извѣстно, что онъ мною чрезвычайно доволенъ и пр.

XV.

Возвратясь въ лавку, я съ жаромъ принялся за пацское кольцо. Ко мнѣ прислали депутацію изъ четырехъ искуснѣйшихъ въ Римѣ брильянтищиковъ; напѣ сказали, что брильянтъ оправленъ былъ въ Венеціи маэстро Миліано Таргетта, первымъ ювелиромъ въ свѣтѣ, и по той причинѣ, что камень не такъ толстъ, не мѣшало бы предварительно посовѣтоваться съ людьми самыми опытными. Я былъ очень доволенъ приходомъ этихъ господъ, между которыми былъ миланецъ, по имени Гайо. Это было самое тщеславное животное: всего меньше смыслилъ онъ въ томъ, въ чемъ полагалъ себя самымъ искуснымъ человекомъ. Остальные трое были люди скромные и достойные. Гайо заговорилъ первый.

— Надо сохранить *доннышко* ⁽¹⁾ Миліано, сказалъ онъ: — передъ его донышками, Бенвенуто, ты долженъ снять свою баррету ⁽²⁾, потому что Миліано первѣйшій ювелиръ въ свѣтѣ, и ни одинъ камень не представляетъ столько трудностей, сколько этотъ, тѣмъ болѣе, что въ нашемъ искусствѣ самое прекрасное и вмѣстѣ съ тѣмъ самое трудное — это цвѣтное донышко подъ брильянтомъ; да, братъ, донышко.

— Тѣмъ болѣе чести, отвѣчалъ я: — состязаться съ такимъ человекомъ. Господа, продолжалъ я, обратясь къ другимъ брильянтищикамъ: — я спрячу миліаново донышко и постараюсь слѣзять другое — лучше; если не удастся, то мы вставимъ прежнее.

— Ну, если ты составишь хоть такое же, перебилъ Гайо: — такъ тогда я съ охотою сниму баррету.

— Слѣдовательно, если я слѣзю лучше, то ты два раза снимешь баррету?

— Да, два раза.

Они ушли, а я принялся за работу. Надо правду сказать, миліаново донышко было удивительно, и во всю жизнь я не встрѣчалъ столько трудностей, сколько за обдѣлкой этого камня. Однако же я не унывалъ. Я занимался съ такимъ стараніемъ, съ такимъ тщаніемъ, что не только сравнялся съ Миліано, но еще оставилъ его далеко за собою. Убѣдившись, что я превзошелъ его, я захотѣлъ превзой-

(1) Чтобы понять это мѣсто, надо замѣтить, что прежде ювелиры обкладывали донышко, или гнѣздышко, куда вставляется брильянтъ, чѣмъ-то въ родѣ цвѣт-ного гипса. — Челлини въ своемъ «Трактатѣ о золотыхъ дѣлахъ мастеровъ» подробно налагаетъ способъ приготовления состава для этихъ донышекъ.

(2) *Barretta* — шапка, собственно кардинальская.

ти самого себя. По совершенно новому способу я составилъ такое доньшко, которое было гораздо лучше перваго. Я послалъ за ювелирами ; сперва я показалъ миллионово доньшко , потомъ свое. Раффалло дель-Моро (одинъ изъ самыхъ искусныхъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ), посмотрѣвъ на мою работу, сказалъ :

— Бенвенуто превзошелъ Миліано!

Гайо не хотѣлъ этому вѣрить и поспѣшилъ взять брильянтъ въ свои руки.

— Бенвенуто, сказалъ онъ наконецъ : — при твоей отдѣлкѣ брильянтъ стоитъ двумя тысячами дукатовъ болѣе.

— Я побѣдилъ Миліано, отвѣчалъ я : — посмотримъ, могу ли я превзойти самого себя.

Попросивъ ихъ немного подождать, я вышелъ въ маленькій кабинетъ и вставилъ тамъ подъ брильянтъ другое доньшко, сдѣланное мною по новому способу.

Не успѣлъ я показать его, какъ Гайо заоралъ :

— Никогда ничего не видывалъ я лучше! Мы цѣнили брильянтъ въ двѣнадцать тысячъ экю, а онъ стоитъ по-крайней-мѣрѣ восемнадцать!

— Бенвенуто слава нашего искусства, сказали другіе : — онъ стоитъ того, чтобы все сняли передъ нимъ барреты.

— Я пойду и расскажу папѣ, перебилъ Гайо : — пусть дадутъ ему тысячу экю за opravку этого камня.

И онъ отправился къ его святѣйшеству. Папа три раза въ продолженіи дня присылалъ узнать, готово ли кольцо. Въ двадцать третьемъ часу я отправился во дворецъ, и такъ какъ мнѣ всегда двери были открыты, то я и вошелъ къ его святѣйшеству безъ доклада. Онъ сидѣлъ съ маркизомъ дель-Гуасто, который (по всему было видно) жарко въ чѣмъ-то убѣждалъ папу, а папа не соглашался; я слышалъ, какъ его святѣйшество сказалъ : «Повторю вамъ, что этого не будетъ; я долженъ держать нейтралитетъ,— вотъ и все тутъ!» (*) Видя, что они заняты серьезнымъ разговоромъ, я хотѣлъ уйти, но папа подозвалъ меня. Я подалъ ему кольцо; онъ отвелъ меня въ сторону и, какъ бы продолжая разсматривать брильянтъ, сказалъ мнѣ въ полголоса : «Завяжи со мною разговоръ, который бы казался очень важнымъ и не останавливайся, пока маркизъ будетъ здѣсь.» Вслѣдъ за тѣмъ онъ сталъ ходить по комнатѣ. Я былъ въ восторгѣ отъ этого обстоятельства, согласовавшагося съ моими видами, и началъ объяснять папѣ изобретенный мною способъ.

(*) Карлу V хотѣлось, чтобы папа воювалъ вѣстѣ съ нимъ противъ Франціи; но всѣ старанія знаменитаго Альфонсо д'Авалоса, маркиза дель-Гуасто, склонить къ этому Павла III остались безплодными.

Маркизь, облокотясь о стѣну, переминался съ ноги на ногу. Предметъ, избранный мною для разговора, былъ такъ обилешъ, что можнобъ было говорить не останавливаясь часа три. Маркизь все стоялъ, а я все говорилъ. Наконецъ, потерявъ всякое терпѣнiе, онъ ушелъ, очень недовольный. Тогда папа осыпалъ меня ласками и похвалами. «Гайо сказалъ мнѣ, что твоя работа стоитъ тысячи экю, но будь увѣренъ, милый Бенвенуто, что я дамъ тебѣ кое-что лучше».

Когда я вышелъ, его святѣйшество сталъ хвалить меня своимъ приближеннымъ, въ числѣ которыхъ былъ Латино Джіовенале; онъ, сдѣлавшись моимъ врагомъ, не пропускалъ ни малѣйшаго случая, чтобы повредить мнѣ. Видя, что его святѣйшество отзывался обо мнѣ такъ милостиво, онъ сказалъ :

— Безъ всякаго сомнѣнiя Бенвенуто удивительный гений; хотя очень естественно желать болѣе добра своимъ соотечественникамъ, чѣмъ кому-либо другому, все-таки не мѣшаетъ ему почувстваться, какъ надо говорить о папѣ. Такъ напримѣръ, сказавъ, что папа Климентъ VII хотя и былъ государь злополучнѣйшій, тѣмъ не менѣе величайшій и достойнѣйшій, онъ осмѣлился увѣрять, что ваше святѣйшество не имѣетъ ни одного изъ его качествъ, — что тиара не идетъ къ головѣ вашей, — что вы походите на пукъ соломы, прикрытый одеждою, и что единственное ваше достоинство состоитъ въ томъ, что вамъ все удастся.» — Слова эти произнесены были такимъ коварнымъ языкомъ, что папа всему повѣрилъ. А я не только не говорилъ этого, но у меня никогда и въ мысляхъ-то не было. Папа, безъ сомнѣнiя, жестоко бы отмстилъ мнѣ, еслибъ не опасался унизить свою честь; какъ человекъ умный, онъ показалъ видъ, что будто не обращаетъ на это вниманiя; однако же онъ возымалъ ко мнѣ съ этихъ поръ невыразимую ненависть, въ чемъ я скоро и удостоверился: теперь мнѣ уже не легкобъ былъ доступъ къ его святѣйшеству, тогда какъ прежде для меня двери всегда были отперты. При дворѣ я былъ уже нѣсколько лѣтъ, почему мнѣ и не трудно было догадаться, что мнѣ кто-то сослужилъ службу. Я хотѣлъ удостовериться въ этомъ поискуснѣе. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени мнѣ рассказали всю исторiю, только умолчали объ имени клеветника. А я никакъ не могъ постичь, кто бы могъ мнѣ такъ удружить. Узнай я имя клеветника, такъ ужъ конечно умѣлъ бы ему славно отмстить.

Окончивъ переплетъ книги, я представилъ ее папѣ, который не могъ удержаться, чтобы не расхвалить ее. Я, согласно съ обещанiемъ его святѣйшества, просилъ, чтобы онъ меня отправилъ къ императору. Онъ мнѣ отвѣчалъ на это, что знаетъ самъ, что ему нужно дѣ-

лать, а что я съ своей стороны сдѣлалъ все, что долженъ былъ сдѣлать, — потому велѣлъ занять мнѣ за работу. За всѣ эти произведенія я получалъ пять сотъ эку, а времени на нихъ изстратилъ немного болѣе двухъ мѣсяцовъ. За оправу брильянта мнѣ дали лишь полторасте эку, а остальные триста пятьдесятъ пошли за отдачку перелепта, стовшного гораздо болѣе тысячи, потому-что я украсилъ его фигурами, листьями и драгоценными камнями. Но дѣлать было нечего, я взялъ, что могъ взять, и рѣшился оставить Римъ. Отвѣсти подарокъ Карлу V папа поручилъ своему племяннику синьору Сфорца. Его величество былъ въ восторгѣ отъ моей работы и осмѣлился обо мнѣ. Молодой Сфорца, взявшій инструкцію отъ папы, отвѣчалъ, что я не могъ явиться лично по причинѣ болѣзни. О всѣхъ этихъ подробностяхъ я узналъ позднее.

Я сдѣлалъ приготовленія къ отъезду во Францію. Сначала я думалъ было отправиться въ путь одинъ; но долженъ былъ отказаться отъ этого намренія по поводу молодого ученика Асканіо, который, желая поступить ко мнѣ, оставилъ испанскаго золотыхъ дѣлъ мастера, по имени Франчиско. Не желая ссориться съ испанцемъ, я сказалъ Асканіо: «я не возьму тебя, твой хозяинъ можетъ обидѣться.» — Но онъ такъ устроилъ дѣло, что Франчиско написалъ мнѣ записку, въ которой объявлялъ, что уступаетъ Асканіо. Асканіо жилъ уже у меня нѣсколько мѣсяцовъ; по худобѣ и блѣдности мы прозвали его маленькимъ старикомъ. Онъ говорилъ, что ему тринадцать лѣтъ, впрочемъ я думалъ, что онъ старше: онъ такъ хорошо исправлялъ свою должность, такъ много зналъ и такъ былъ понятливъ, что тринадцати лѣтъ ему рѣшительно никто не давалъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ онъ оправился, пополнѣлъ и сталъ самымъ красивымъ мальчикомъ въ Римѣ. Я любилъ Асканіо какъ сына; надо же замѣтить, что и онъ почиталъ себя счастливымъ, попавъ въ мои руки; онъ часто ходилъ благодарить Франчиско, прежняго своего хозяина, за то, что тотъ составилъ его счастье, позволивъ ему поступить ко мнѣ. У Франчиско была молоденькая и хорошенькая жена; она сказала однажды Асканіо: «Послушай, плутишка, отчего ты сталъ такимъ красавцемъ?»

— Синьора Франчиско, отвѣчалъ Асканіо: — и красотою и всѣмъ, чтѣ вы во мнѣ видите хорошаго, — всѣмъ этимъ я обязанъ моему учителю Бенвенуто.

Такой отзывъ обо мнѣ укололъ хорошенькую ехидну. Синьора не пользовалась репутаціею слишкомъ скромной женщины, и я полагаю, что она расточала Асканіо черезчуръ нѣжныя ласки, потому-что, какъ я замѣтилъ, Асканіо сталъ ходить къ ней чаще обыкновеннаго. Однажды (меня не было дома) онъ преболно ударилъ одного изъ

моихъ учениковъ. Когда я возвратился, то блѣдный ребенокъ, со слезами на глазахъ, разсказалъ мнѣ, что Асканію прибилъ его ни за что, ни про что.

— Смотри, Асканію, сказалъ я ему, — если ты еще разъ въ моемъ домѣ ударишь кого-нибудь, за дѣло ли, за нѣтъ ли, такъ я тебе покажу....

Онъ сталъ мнѣ возражать. Тогда я бросился на него и такихъ надавалъ ему колотушекъ и кулаками и ногами, какихъ ему во всю жизнь не удалось болѣе испытать. Вырвавшись отъ меня, Асканію убѣжалъ сломя голову, позабывъ взять плащъ и шапку. Въ продолженіи двухъ дней я не зналъ, что съ нимъ дѣлается, да и нисколько объ этомъ не безпокоился. Тутъ пришелъ ко мнѣ одинъ благородный испанецъ — донъ Діего, человекъ въ высшей степени свѣтскій и учтивый, которому я кое-что работалъ. Онъ объявилъ мнѣ, что Асканію возвратился къ своему прежнему учителю и проситъ меня прислать ему плащъ и шапку. Я отвѣчалъ, что Франчиско повелъ себя въ этомъ дѣлѣ очень дурно и поступилъ какъ человекъ грубый и необразованный.

— Если бы онъ уведомилъ меня тотчасъ же, какъ Асканію къ нему возвратился, то я его уступилъ бы съ охотою; но теперь дѣло другое: онъ продержалъ его у себя два дня и не сказалъ мнѣ ни слова. Пусть онъ постарается такъ устроить, чтобы я ни подъ какимъ видомъ не видалъ у него Асканію.

Донъ Діего передалъ эти слова Франчиско, но Франчиско не обратилъ на нихъ вниманія и только насмѣялся. На другой день утромъ, проходя мимо окошекъ Франчиско, я увидалъ, что Асканію сидитъ подлѣ него и что-то работаетъ. Асканію мнѣ поклонился, испанецъ принялъ насмѣшливый видъ и прислалъ сказать черезъ донъ Діего, — не заблагоразсужу ли я возвратитъ платье Асканію; а если мнѣ не хочется отдавать его, такъ пожалуй и не надо. Асканію ни въ чемъ не будетъ нуждаться, прибавилъ Франчиско.

— Донъ Діего, отвѣчалъ я: — потрудитесь сказать мужику Франчиско, что если онъ до вечерень самъ своею особою не приведетъ ко мнѣ въ лавку Асканію, то, будь, что будетъ, я убью его; да и Асканію скажите, что если въ назначенный часъ онъ ко мнѣ не явится, то и ему не лучше будетъ.

Донъ Діего услышалъ отъ меня, не сказавъ ни слова: онъ такъ устроилъ Франчиско, что тотъ сталъ метаться какъ угорь въ изъ угла въ уголъ. А Асканію въ это время отправился къ своему отцу, только-что прѣхавшему изъ Тальякоццо, своей родины. Узнавъ всю эту проделку, онъ также сталъ убеждать Франчиско возвратитъ мнѣ Асканію.

— Ну, такъ ты, Асканіо, ступай одинъ съ отцомъ, бормоталъ Франчиско.

— Быть быдѣ, говорилъ въ свою очередь донъ Діего Франчиско:— ты лучше меня знаешь, что за человекъ Бенвенуто. Не бойся ничего и отведи Асканіо; я пойду съ вами.

А я былъ уже на-сторожѣ. Въ ожиданіи вечерень, я ходилъ по лавкѣ, твердо рѣшившись исполнить то, что задумалъ. Вдругъ вошли донъ Діего, Франчиско, Асканіо и отецъ его, котораго я еще не зналъ. Увидавъ ихъ, я бросилъ на всѣхъ гнѣвный взглядъ.

— Я привелъ къ вамъ Асканіо, проговорилъ Франчиско, блѣдный какъ смерть: — я держалъ его у себя вовсе не изъ желанія досадить вамъ.

— Учитель, кротко пробормоталъ Асканіо: — простите меня; я во всемъ готовъ вамъ повиноваться.

— Что же? возразилъ я: — ты хочешь выжить у меня годы, въ котрыхъ мы условились?

— Да, хочу, отвѣчалъ онъ: — я уже болѣе во всю жизнь не разстанусь съ вами.

Тогда, обратясь къ тому изъ учениковъ, котораго побилъ Асканіо, я велѣлъ принести узелъ съ платьемъ.

— Возвращаю тебѣ платье, данное мною, а вмѣстѣ съ тѣмъ возвращаю и свободу: иди куда хочешь.

Донъ Діего остолбенѣлъ: онъ никакъ не ожидалъ этого. Вмѣстѣ съ отцомъ Асканіо онъ сталъ просить меня простить Асканіо и снова принять его въ ученики.

— Что это за человекъ? спросилъ я.

— Это мой отецъ, отвѣчалъ Асканіо.

— Ну, такъ и быть, сказалъ я послѣ новыхъ усиленныхъ просьбъ: — для отца я прощаю Асканіо.

XVI.

Итакъ, я рѣшился ѣхать во Францію; къ этому побудило меня какъ то, что папа, раздраженный противъ меня клеветой, смотрѣлъ на меня очень не благосклонно, такъ и то, что я опасался новыхъ козней со стороны враговъ моихъ. Я хотѣлъ испытать, не счастливые ли я буду въ новой странѣ, и рѣшился, съ помощію Божіею, отправиться одинъ. Однажды вечеромъ (я намѣренъ былъ выѣхать наутро) объявилъ я моему вѣрному другу Феличе, что оставляю ему все, что имѣю, въ полное распоряженіе впредь до моего возвращенія, а если бы я не возвратился, то завѣщаю все свое имущество

ему. У меня былъ помощникъ перуджіянецъ, который помогаль мнѣ въ работахъ для папы; я разсчиталь его и отпустиль. Но онъ просиль позволенія мнѣ сопутствовать на собственный счетъ, сказавъ, что если я буду работать для французскаго короля, то лучше же мнѣ имѣть помощниками итальянцевъ, и въ особенности людей, которые къ тому способны. Онъ наставляль такъ сильно, что я согласился взять его съ собою. Разговоръ этотъ происходилъ въ присутствіи Асканіо.

— Вы пріняли меня къ себѣ, мастеръ, сказалъ мнѣ Асканіо со слезами на глазахъ: — и я объявиль вамъ, что не разстанусь съ вами во всю жизнь: никто не можетъ намънить моего намъренія.

Но я отказаль ему на отрывъ. Тогда бѣдный мальчикъ сказаль, что онъ и пѣшкомъ пойдетъ за мною. Видя, что намъреніе его твердо, я взяль и для него лошадь и мы отправились.

Изъ Рима я пріѣхаль во Флоренцію, изъ Флоренціи въ Болонью, отсюда въ Венецію, а изъ Венеціи въ Падуу, и остановился въ гостиницѣ. Пріятель мой Албертаччіо дель-Бене, узнавъ объ этомъ, и слышать не хотѣль, чтобы я жиль въ трактирѣ. На другой день я отправился *цаловать руки* у мессера Піетро Бембо, который въ то время еще не былъ кардиналомъ. Онъ пріняль меня съ удивительною благосклонностію, такъ-что трудно даже представить себѣ его любезность.

— Я хочу, сказалъ онъ, обращаюсь къ Албертаччіо: — чтобы Бенвенуто остался здѣсь со всеми своими помощниками, хотябъ ихъ было сто человекъ. Вы вѣдь тоже желаете, чтобъ онъ былъ съ нами; для этого поселитесь-ка здѣсь вмѣстѣ со мною, потому-что я на за что не уступаю вамъ Бенвенуто.

Вслѣдствіе этого я принужденъ былъ остаться у этого достойнаго человека. Онъ пріготовиль мнѣ комнату, которая для самого кардинала была бы слишкомъ, слишкомъ изящна; во время стола я непременно долженъ былъ садиться подль него. Мессеръ Бембо далъ мнѣ понять, чрезвычайно тонко и деликатно, что ему хотѣлось бы имѣть свой портретъ моей работы, — это же было и мое желаніе. Я немедленно составилъ массу дивной бѣлизны, положиль ее въ ящикъ и принялся за работу. Въ первый день я занимался только два часа и такъ удачно обдѣлаль (конечно въ чернѣ еще) его красивую голову, что онъ былъ пораженъ сходствомъ. Мессеръ Піетро весь предался изученію изящной литературы и дѣйствительно умѣль цѣнить прекрасныя произведенія; но къ моему искусству онъ не смыслиль ничего, такъ-что былъ увѣренъ, что работа моя уже окончена, тогда какъ она только-что начиналась; и вѣдь сколько труда стоило мнѣ убѣдить его, что до конца еще далеко. Я рѣшился одна-

ко же не торопиться и сделать как можно лучше. Такъ какъ онъ носилъ короткую бороду, по-венеціански, то мнѣ труда было не мало; я-таки добился своего, и, право, кажется, во всю жизнь не случилось мнѣ сделать такой удачной головы. Велико было удивленіе мессера Піетро: онъ полагалъ, что для того, чтобы вымыть голову, мнѣ нужно было два часа, а для выравниванья — десять; теперь же онъ удостоверился, что не достаточно мнѣ было и двухсотъ часовъ, чтобы вымыть ее только изъ воску. Какъ же онъ перенугался, когда я объявилъ, что намеренъ отправиться во Францію.

— Ну, ради Бога, говорилъ онъ: — сделайте мне хоть что-нибудь для задней стороны медали.

Въ три часа я смоделировалъ съ большимъ искусствомъ Пегаса, а кругомъ сделалъ ширтовую гирлянду. Мессеръ остался крайне доволенъ.

— Смажите! да какъ же это?!.. говорилъ онъ: — за конемъ кажется вдесятеро больше работы, чѣмъ за этой крошечной головкой!.. Постичь не могу!

Потомъ онъ сталъ убеждать меня выравнивать ему медаль на жестъ.

— Ну, пожалуйста сделайте, повторилъ онъ: — ну, сделайте: ведь стоить намъ только захотѣть, и вы какъ разъ кончите.

— Теперь рѣшительно невозможно, возразилъ я: — но какъ только я какъ-нибудь устроюсь, то тотчасъ же прилущу за вашу медаль.

Я отправился поухватить лошадей; но за мною тайно следили, по приказанію мессера Піетро, такъ-что когда я хотѣлъ платить за коней (приходилось выдасывать дукатовъ), то барышникъ сказалъ мнѣ: «Нѣтъ, баринъ, я вамъ подарю этихъ коней».

— Нѣтъ, не ты подарить, отвѣчалъ я: — но одна особа, отъ которой я не могу принять подарка, потому-что у нея еще нѣтъ ничего моей работы.

Барышникъ однако же уверилъ меня, что если я не возьму этихъ лошадей, то во всемъ городѣ не найду другихъ и долженъ буду отправиться пешкомъ. Я испугался къ великолѣпному мессеру Піетро, но онъ притворился будто ничего не знаетъ, и осыпалъ меня ласками, уговарывая остаться. Но я рѣшился хвать, почему и принужденъ былъ принять трехъ лошадей.

Восьмого мая переправились мы черезъ покрытыя снѣгомъ горы Албулу и Беринну, гдѣ живая наша подвергалась опасности. Потому мы остановились въ мѣстечкѣ, которое, если только меня не обманываетъ память, называлось Вальштадтомъ. Въ ночь прибыли туда же елдерентинскій курьеръ — Бусбакка. Увидавъ меня въ гостинницѣ, онъ назвалъ меня по имени, объявилъ, что по весьма важнымъ де-

Bembo (Giovanni)
Cardinal, Bishop of Bergamo, 1547

денегъ
онъ хо-
лачу за
словькѣ
хватило
націи.
овърилъ
тъ, обля-
окъ, а въ
важныя
объ онъ,
мнѣ от-
тъ экю.
и; иначе
укъ кубка
рались до
альштад-
ланы изъ
не осмо-
янъ не по-
дъмь, такъ
дощечка
езпечнос
тъ не та

Копьету. Будь вода въ озере...
подумать, что эти господа радуются при мысли утопить...
но такъ какъ въ озерѣ вода, то они, еслибъ была она...
не желали бы окунуться.
Озеро это имѣло пятнадцать миль въ длину и три въ ширину.
одной стороны подымалась громадная гора, вся въ пещерахъ.
Берегъ представлялъ низменные луга. Мы отъехали уже...
тыре, какъ вдругъ набѣжалъ сильный внезапный шквалъ; лодка...
просилъ насъ помочь имъ. Я советовалъ высадить насъ на ближай-
шій берегъ, но они отвѣчали, что это невозможно, — что тамъ мелководье,
— что барка разобьется о камни, и мы все потонемъ. Видя ихъ

ко же не
носишь в
ло; я-та
лось мнѣ
сера Пие
мнѣ нужн
же онъ у
совъ, что
ся, когда
— Ну
для задн
Въ тр
кругомъ
воленъ.
— Ска
ся вдеся
Постичь
Потом
жестн.
— Ну,
вдѣ стѣ
— Теп
я гдѣ-ниб
Я отп
приказані
вей (прих
«Нѣтъ, б
— Нѣтъ
торой я в
го моей
Бар

...емъ городъ не наиду другихъ и долженъ буду от-
...тъ. Я поспѣшилъ къ великолювному мессеру Пие-
...ворился будто ничего не знаетъ, и осыпалъ меня
...вая остаться. Но я рѣшился захать, почему и при-
...ринять трехъ лошадей.
...зя переправились мы черезъ покрытыя снѣгомъ горы
...инну, гдѣ жизнь наша подвергалась опасности. Потомъ
...лись въ мѣстечкѣ, которое, если только меня не обма-
...мать, называлось Вальштадтомъ. Въ ночь прибылъ туда
...нскій курьеръ — Бусбакка. Увидавъ меня въ гостинницѣ,
...мъ меня по имени, объявилъ, что по весьма важнымъ дѣ-

Лангъ ѣдетъ въ Ліонъ и тотчасъ же спросилъ у меня займы денегъ на дорогу. Я отвѣчалъ, что дать денегъ не могу, а если онъ хочетъ ѣхать вмѣстѣ со мною, то я, пожалуй, до Ліона заплачу за него.

— Какъ! заголосилъ безстыдный Бусбанка: — да такой человѣкъ какъ вы обзавѣть помочь бѣдному курьеру, у котораго не хватило денегъ на дорогу; исполненіе этого порученія насаетъ цѣлой націи.

Тутъ же онъ разсказалъ мнѣ, что Филиппо Строщи доверилъ ему весьма важныя вещи, — что у него есть стеклянный ящикъ, обтянутый кожей, — что въ этомъ ящикѣ лежатъ серебряный кубокъ, а въ кубкѣ камень (на нѣсколько миллионѣвъ лугатовъ) и весьма важныя письма отъ Филиппо Строщи. Тогда я предложилъ ему, чтобъ онъ, для бѣльшей безопасности, спряталъ мои драгоценности, а мнѣ отдалъ бы кубокъ, за который я бы ссудилъ ему двадцать пять эю.

— Если такъ, возразилъ Бусбанка: — то я поеду съ вами; иначе мнѣ ничего не остается дѣлать; я не могу выпустить изъ рукъ кубка не компрометируя самого себя.

Такъ мы и порѣшили.

На утро мы выехали изъ Вальдштадта и скоро добрались до озера, въ пятнадцать миль въ длину, лежащаго между Вальдштадтомъ и Везеномъ. Барки, служащія для переправы, сдѣланы изъ сосны, малы, тонки, плаво сколочены, а что всего хуже — не осмолены. Если бы въ молхъ глазахъ четверо немецкихъ дворянъ не помѣстились на одной изъ такихъ барокъ съ четырьмя лошадьми, такъ я бы ни за что въ свѣтъ не рѣшился взвѣрнуться этимъ дощечкамъ и охотнѣе повернулъ бы назадъ. Видя невѣроятную безопасность этихъ господъ, я подумалъ, что въ немецкой водѣ тонуть не такъ какъ въ итальянской.

— Опасно, мастеръ, говорили мои ученики: — опасно.

— Ахъ, вы трусы! отвѣчалъ я: — разве вы не видали, какъ ишцы вошли? они смѣлились и разговаривали, какъ будто вошли въ комнату. Будь вода въ озерѣ не вода, а вино, такъ можно бы было подумать, что эти господа радуются при мысли утопиться въ винѣ; но такъ какъ въ озерѣ вода, то они, еслибъ была опасность, вѣрно не желали бы окунуться.

Озеро это имѣло пятнадцать миль въ длину и три въ ширину. Съ одной стороны подымалась громадная гора, вся въ пещерахъ; другой берегъ представлялъ низменные дуга. Мы отъехали уже миль четыре, какъ вдругъ набѣжалъ сильный внезапный шквалъ; лодочники просили насъ помочь имъ. Я совѣтовалъ высадить насъ на ближайшій берегъ, но они отвѣчали, что это невозможно, — что тамъ мелко-водо, — что барка разобьется о камни, и мы все потонемъ. Видя ихъ

ужась, я рассудилъ, что не худо накинуть поводъ на шею лошади, ухватиться за одинъ конецъ и повернуть ея голову къ зеленымъ травамъ, для того, чтобы въ случаѣ нужды, когда она попыветъ, могла бы вынести и меня. Животное, обладавшее понятливостію, свойственною его роду, казалось постигало мое намѣреніе. Въ это время напхнула такая волна, что она перепрыгнула черезъ барку.

— Отецъ мой, спаси меня, спаси! завопилъ Асканіо и хотѣлъ броситься ко мнѣ.

Я выхватилъ маленькій книжалъ и сказалъ ему и его товарищамъ, чтобы они послѣдовали моему примѣру и держались за поводы; потомъ, обратясь къ Асканіо, я сказалъ ему: «если ты еще бросишься на меня, такъ я тебя зарѣжу».

Такъ, подвергаясь сильной опасности, проплыли мы еще несколько миль. Наконецъ на половинѣ дороги мы встратили небольшую отлогость, на которую можно было сойти и гдѣ уже находилось четверо немцевъ. Мы хотѣли послѣдовать ихъ примѣру, но лодочки воспротивились.

— Ну-ка, ребята, сказалъ я своимъ молодцамъ: — покажемъ имъ, кто мы таковы. Скорай, шпаги изъ ноженъ! Они должны насъ сейчасъ же высадить.

Однако же намъ не легко было справиться съ лодочниками: они сильно защищались. Намъ нужно было потомъ взобраться на гору, круче лѣстницы. На мнѣ была кольчуга, толстые сапоги, въ рукахъ ступеръ. Дождь лилъ какъ изъ ведра. Черти эти, нѣмцы, чудеса дѣлали на своихъ малевькихъ лошадакахъ. Наши кони для горъ никуда не годились, и мы совершенно выбились изъ силъ, понукая ихъ взобраться по крутояру. Лошадь Асканіо (чудесной венгерской породы) шла впереди курьера Бусбакка, которому Асканіо далъ свой дротикъ. Когда мы взобрались на довольно значительную высоту, то вдругъ лошадь эта оступилась, не могла устоять на ногахъ и, падая, наткнулась на дротикъ, который прошелъ ей черезъ всю шею: мерзавецъ Бусбакка не могъ отстранить оружія! Другой ученикъ хотѣлъ подать помощь и въ ту же минуту его черный конь поскользнулся и покатился внизъ къ озеру; по счастью ученикъ успѣлъ ухватиться за чепыжникъ. Къ сѣдлу его лошади привязаны были двѣ сумки, въ которыя я положилъ весь свои деньги и драгоценности. Лодочки наши остановились прямо внизу, такъ-что лошадь неминуемо должна была упасть на нихъ. Я стоялъ впереди, и пока мы глядели, какъ летѣло несчастное животное, смерть котораго была неизбежна, я сказалъ спутникамъ: — «Не безпокойтесь ни о чемъ, примемъ мѣры къ нашему спасенію и возблагодаримъ Бога. Жаль мнѣ только бѣднаго Бусбакка, который съ погибелью лошади, потеряетъ свой кубокъ и всю драго-

цанности; а ихъ на нѣсколько милліоновъ. Я лишаюсь лишь нѣсколькихъ сотъ эю и не боюсь ничего на свѣтъ, только бы сохранить милость Божію.

— Моя потеря меня не крушить, а крушить ваша, возразилъ курьеръ.

— Да отчего же моя тебя печалитъ? Моя незначительная. вотъ твоя — другое дѣло!

— Я вамъ во всемъ признаюсь, какъ передъ Богомъ. Въ положеніи, въ какомъ мы теперь находимся, надо сказать сущую правду. Видите ли: ваши эю — настоящіе юю, а въ моемъ ящикѣ не драгоценности, а гавіаль (*).

Услышавъ эту новость, я не могъ не засмѣяться; молодые люди тоже захохотали, да и Бусбакка не плакалъ. Что касается до лошади, то она была здорова и невредима! Мы ободрились и весело отправились впередъ.

Дворяне, прежде насъ достигшіе этой утесистой горы, послали нѣсколькихъ человекъ къ намъ на помощь. Наконецъ, измученные, голодные, промокшіе до костей, мы добрались до селенія, гдѣ нашли радушное гостепрѣимство. Мы могли обсушиться, отдохнуть, подкормить себя пищею и приложить къ ранѣ бѣдной лошади травы, которыми изобилуютъ окрестности этой деревушки; насъ увѣрили, что если мы постоянно будемъ прикладывать къ шев лошади цѣлебныя травы, то рана скоро заживетъ, такъ-что не останется ни малѣйшаго следа.

Поотдохнувъ и поблагодаривъ нѣмецкихъ дворянъ, мы пустились въ путь, принеся благодаренія Господу, не попустившему намъ погибнуть. Ночь провели мы въ городѣ, расположенномъ по ту сторону Везена. По прошествіи каждаго часа раздавался пріятный голосъ ночного сторожа, который, въ своей пѣснѣ, напоминалъ гражданамъ объ огнѣ: здѣсь вся дома построены изъ сосноваго лѣсу. Бусбакка, не опомнившійся еще отъ происшествій предъидущаго дня и вечеромъ напившійся до-дьяна, не желая уступить нѣмцамъ, при всякомъ разѣ пробуждался и въ просонкахъ вскрикивалъ: — «тону, тону!... на помощь, на помощь!...» или «горю! горю! спасите!» То вдругъ ему казалось, что его пытаются въ аду, то будто онъ снова тонетъ, то горитъ. Мы такъ много смѣялись во всю ночь, что забыли всю усталость.

На утро погода стояла прекрасная; мы отправились завтракать въ красивенькое мѣстечко, называвшееся Лахенъ. Взявъ проводника поѣхали мы въ Цюрихъ. Проводникъ, пробраваясь по плотинѣ, покрытой водою (это была единственная дорога, по которой мы могли

(*) Гангскій крокодилъ.

звать), поскользнулся и вместе съ лошадей упалъ въ озеро. Я остановился и сталъ смотреть, какъ выкоробается это чучело. Выбравшись на плотину, онъ загоранилъ пшению, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Но я не хотѣлъ за нимъ слѣдовать, взялъ вправо, перескочилъ черезъ изгороду и сталъ указывать дорогу Бусбакка и ученикамъ. Проводникъ кричалъ мнѣ по-нѣмецки, что если жителя увидятъ, то убьютъ меня. Меня однако же не убили, и мы благополучно добрались до Цюриха, города удивительнаго и чистенькаго, какъ шрушечка. Здѣсь пробыли мы цѣлыя сутки, потомъ отправились далѣе, прибыли въ Солеръ, оттуда въ Лозанну, изъ Лозанны въ Женеву, а изъ Женевы въ Лионъ, не переставая пѣть и хохотать. Въ Лионъ провелъ я цѣлыхъ четыре дня и славно повеселился съ пріятелями. Здѣсь мнѣ уплатили деньги, которыя я издержалъ на Бусбакка. На пятый день я поехалъ въ Парижъ. Путешествіе это было весьма пріятно, несмотря на то, что въ Палиссѣ шайка разбойниковъ хотѣла насъ перерезать. Такимъ образомъ мы прибыли въ Парижъ здоровы и невредимы и во всю дорогу не переставали пѣть и смѣяться.

XVII.

Въ Парижъ, отдохнувъ немного, я отправился къ живописцу Россо, находившемуся въ службѣ у короля. Такъ какъ въ Римѣ я оказалъ ему такія услуги, какія только можетъ оказать человекъ человеку, то я былъ увѣренъ, что онъ мой истинный другъ. Все, что я для него сдѣлалъ, можно рассказать въ нѣсколькихъ словахъ; поэтому-то я и хочу упомянуть объ этомъ, чтобы показать, какъ безстыдна неблагодарность. Живя въ Римѣ, Россо, подстрекаемый злостью, вздумалъ безславить произведенія Рафаэля Урбино, да такъ безславить, что ученики этого славнаго художника рѣшились убить Россо. Я избавилъ его отъ этой опасности тѣмъ, что охранялъ его днемъ и ночью. Этого мало. Россо столько намоллъ пустяковъ объ искусномъ маэстро Антоніо да-Санъ-Галло, что этотъ архитекторъ велѣлъ отнять у него работу, о которой самъ хлопоталъ въ пользу Россо у мессера Аньоло да-Чези. Въ своемъ негодованіи, маэстро Антоніо до того преслѣдовалъ своего клеветника, что ему оставалось только умереть съ голоду. Я далъ ему нѣсколько десятковъ эку, которыхъ онъ мнѣ еще не возвратилъ. Отправляясь къ нему въ Парижъ, я былъ увѣренъ, что онъ не только возвратитъ мнѣ деньги, но еще употребитъ всѣ усилія, чтобы содѣйствовать моему опредѣленію въ

службу великаго короля Франциска I. Увидавъ меня, онъ смѣшался и сказалъ :

— Бенвенуто, тебѣ это длинное путешествіе не слишкомъ-то при-
быльно, тѣмъ болѣе, что теперь вся занята войною, а никакъ не на-
шими игрушками.

Я отвѣчалъ, что со мною довольно денегъ, чтобы точно также
возвратиться въ Римъ, какъ я пріѣхалъ въ Парижъ, — что онъ дурно
платить мнѣ за все, что я за него вытерпѣлъ, и что я теперь начинаю
варить тому, что мнѣ говорилъ о немъ Антоніо да Санъ-Галло; Россо
хотѣлъ обратить это въ шутку; я понялъ его плутии и показалъ за-
емное письмо въ пятьсотъ эку на Риккардо дель-Бене. Мерзавецъ
этотъ, устыженный мною, хотѣлъ силою удержать меня, но я насмѣ-
лся надъ нимъ и вышелъ вмѣстѣ съ флорентинскимъ живописцемъ,
по имени Сгуаццелла, который былъ свидѣтелемъ этой сцены, и у
котораго я помѣстился вмѣстѣ съ тремя лошадьми и тремя учени-
ками. Онъ обращался со мною хорошо, за то и я щедро платилъ
ему.

Я выжидалъ случая представиться королю, и выжидалъ долго,
потому-что Россо тайнѣ употреблялъ вся усилія, чтобы воспре-
пятствовать мнѣ въ этомъ. Мессеръ Джуліано Буонавкорси, узнавъ
о продолжкахъ мерзавца Россо, немедленно повезъ меня въ Фонтенеб-
ло и представилъ королю, удостоившему меня милостивою аудіен-
ціею въ продолженіи цѣлаго часа. Его величество отправился въ
Лионъ; онъ приказалъ мессеру Джуліано взять меня съ собою, что-
бы дорогою переговорить о нѣкоторыхъ великопачныхъ работахъ,
которыя его величество хотѣлъ заказать. Итакъ, я отправился въ
свѣтъ и дорогою коротко познакомился съ феррарскимъ кардиналомъ,
съ которымъ бесѣдовалъ каждый вечеръ. Онъ пригласилъ меня
остаться въ Лионъ, въ одномъ изъ его аббатствъ, до тѣхъ поръ, пока
король не возвратится съ войны. Самъ же кардиналъ принужденъ
былъ отправиться въ Гренобль.

— Но въ моемъ аббатствѣ, сказалъ онъ: — вы найдете все, чего
пожелаете.

Прибывъ въ Лионъ, я сдѣлался болящъ, у Асканіо была трех-
дневная лихорадка; и французы и дворъ мнѣ стали въ тягость: я
сгоралъ желаніемъ возвратиться въ Римъ. Феррарскій кардиналъ,
видя, что я рѣшился оставить Францію, вручилъ мнѣ деньги, чтобы
сдѣлать ему таѣ и рукомойникъ.

Вмѣстѣ съ нѣсколькими французами (далеко намъ сопутствовав-
шими) мы направились къ Риму чрезъ Симплискія горы. Лихорадка
не оставляла Асканіо. У меня тоже была постоянная маленькая
лихорадка; кромѣ того я страдалъ такимъ раздраженіемъ желудка,

что въ продолженіи четырехъ мѣсяцовъ мнѣ, я думаю, въ веѣлю не случилось съѣсть цѣлаго хлѣба. Я сильно желалъ быть скорѣе въ Италію, потому-что пріятнѣе было умереть на родинѣ, чѣмъ на чужбинѣ. Миновавъ Симпльонскія горы, мы встрѣтили близъ Вальдивредо широкую и глубокую рѣку, черезъ которую переправляются по мосту, длинному, узкому и, въ довершеніе всего, безъ перилъ.

Утромъ, когда мы подъѣзжали къ мосту, была сильная взморозъ; я ѣхалъ впереди и, увидавъ, что переправа опасна, приказалъ своимъ молодымъ людямъ и слугамъ сойти съ лошадей и вести ихъ подъ уздцы. Такъ я переправился безъ всякаго приключенія и поѣхалъ далѣе, разговаривая съ однимъ изъ французовъ, путешествовавшихъ вмѣстѣ съ нами. Тотъ, съ которымъ я говорилъ, былъ дворянинъ, другой нотаріусъ. Нотаріусъ, ѣхавшій позади насъ, подсмѣивался надъ дворяниномъ и мною, говоря, что мы пошлись пѣшкомъ единственно изъ-за того, что сами придумали какую-то небывалую опасность. Я повернулся къ нему и, видя, что онъ еще на серединѣ моста, просилъ быть какъ можно осмотрительнѣе.

— Мѣсто очень опасно, прибавилъ я.

— Эхъ! храбрости-то у васъ маловато! отвѣчалъ нотаріусъ, не желая измѣнить природному характеру француза: — тутъ и тѣмъ нять опасности.

Сказавъ это, онъ хотѣлъ слегка прищипорить лошадь; лошадь тотчасъ же поскользнулась и полетѣла внизъ, вверхъ ногами, со стороны огромной скалы. Но судьба иногда ниветъ къ дуракамъ жалость: оба животныя измѣрили только глубину рѣки. Видя это, я бросился со всѣхъ ногъ, съ трудомъ соскочилъ на скалу и, цѣпляясь, ползя и карабкаясь, успѣлъ схватить наконецъ этого чудака за фаллу и вытянулъ изъ воды. Онъ-таки уже успѣлъ изрядно хлебнуть водицы: еще минута — и его бы не было. Видя его внѣ опасности, я радовался, что мнѣ удалось спасти ему жизнь; но мой нотаріусъ, дрожа отъ холода, пробормоталъ мнѣ съ досадою, что я ничего путнаго не сдѣлалъ, потому-что не спасъ его бумагъ, стоявшихъ нѣсколько десятковъ экю. Я просилъ проводниковъ помочь этому животному, обѣщаясь заплатить имъ. Одинъ изъ нихъ тотчасъ же принялся за дѣло и выволилъ, съ большими трудомъ, всѣ бумаги. Другой проводникъ не тронулся съ мѣста.

Мы прибыли въ Вальдивредо; послѣ ужина я далъ проводнику, помогшему спасти нотаріуса, нѣсколько денегъ изъ общаго нашего кошелька. Но нотаріусъ сказалъ мнѣ, что если я хочу, то могу платить изъ собственнаго кармана, а что онъ не намѣренъ издерживать

более того, сколько было положено на дорогу; я осматривал его упряжью. В то же время другой проводник, отказавший намъ въ помощи, сталъ требовать вознагражденія. Я отвѣчалъ ему, что награды лишь тотъ достоинъ, кто несъ крестъ.

— Такъ постоитъ же, возразилъ проводникъ: — я вамъ покажу крестъ; вы у меня передъ нимъ заплачете!

— Нѣтъ, любезный, отвѣчалъ я: — я свячу передъ нимъ затоплю и надеюсь, что ты первый заплачешь.

Мы находились на границахъ Италіи и Германіи.

Проводникъ ушелъ, поднимая селеніе и скоро возвратился, потрясая дубиною.

Я сидѣлъ уже на лошади, съ заряженною пистолемъ.

— Господа, сказалъ я, обращаясь къ своимъ спутникамъ: — я начну съ того, что убью вотъ этого молодца; смотрите же, и вы не зевайте! Это просто разбойники на большой дорогѣ. Они хотятъ умертвить васъ.

Хозяинъ гостиницы, въ которой мы остановились, подозвалъ одного старика и просилъ его, нельзя ли отвратить бѣду.

— Это прехрабрый молодой человекъ, сказалъ онъ: — и прежде, чѣмъ вы успеете разрубить его на куски, онъ успеетъ убить нѣсколько человекъ, да еще пожалуй увернется отъ васъ, причинивъ вамъ много зла.

Они поприутихли.

— Иди съ миромъ, сказалъ старикъ: — и знай, что тебѣ не легко было бы съ нами справиться, будь у тебя хоть сто человекъ.

Я понималъ, что онъ говоритъ правду: почему и приготовился продать жизнь дорогою цѣной. Видя однако же, что они более меня не оскорбляютъ, я отвѣчалъ:

— Знайте и вы, что, въ случаѣ нужды, я ничего бы не упустилъ, чтобы доказать вамъ, что я человекъ. *шункина*

Мы пустились въ путь.

Вечеромъ, въ первой встрѣтившейся намъ гостиницѣ, мы свѣли счетъ и я разстался съ этимъ животнымъ нотариусомъ; съ соотечественникомъ же его мы были въ прекрасныхъ отношеніяхъ. Я повѣхалъ въ Феррару.

Только-что я прибылъ туда, какъ тотчасъ же отправился привѣтствовать герцога, чтобы завтра утромъ ѣхать въ Санта-Марія-ди-Лорето. Я ожидалъ герцога до двухъ часовъ ночи; наконецъ онъ появился. Я поцаловалъ у него руку, онъ обошелся со мною по дружески и пригласилъ ужинать.

— Святѣйшій герцогъ, отвѣчалъ я: — въ продолженіи четырехъ мѣсяцовъ а ѣлъ такъ мало, что надо удивляться, чѣмъ поддержи-

нается еще жизнь моя; но если я не могу вкушать отъ царскихъ блюдъ съ вашего стола, то позвольте мнѣ присутствовать при вашемъ ужинѣ и разговаривать съ вашею святлостію, что будетъ гораздо пріятнѣе намъ обонмъ.

Беседа наша продолжалась до пяти часовъ. Наконецъ я отложилъ и возвратился въ гостиницу, гдѣ нашелъ превосходно приготовленный ужинъ: герцогъ прислалъ мнѣ десертъ и чудеснаго вина. Время, когда я обыкновенно ужинаю, прошло уже два часа тому назадъ: я принялся есть съ ужаснымъ аппетитомъ, въ первый разъ послѣ четырехъ мѣсяцовъ.

Утромъ я былъ въ Санта-Маріа-ди-Лорето, гдѣ исповядывался и причастился, потомъ поехалъ въ Римъ, гдѣ и обналъ вѣрнаго друга Феличе. Я отдалъ ему свою лавку со всеми принадлежностями, а самъ отырылъ другую, гораздо больше и роскошнѣе убранную. Я полагалъ, что великій король Францискъ не вспомнитъ обо мнѣ, почему и принялъ заказы отъ различныхъ вельможъ и началъ работать умывальникъ и тазъ для феррарскаго кардинала.

Работникъ мой перуджіанецъ самъ записывалъ, что я на него тратилъ во время дороги, какъ на одежду, такъ и на множество другихъ вещей. Все это вмѣстѣ составило сумму въ семьдесятъ дукатовъ. Я уговорился съ нимъ, чтобы онъ уплачивалъ мнѣ по три эку въ мѣсяць; а онъ выработывалъ у меня слишкомъ восемь. Спусти два мѣсяца, въ одинъ прекрасный день, бездѣльникъ этотъ оставилъ мою лавку, что затруднило ходъ работъ, и объявилъ, что болѣе платить мнѣ не будетъ. Мнѣ совѣтовали прибѣгнуть къ правосудію. Я забралъ себя однакожъ въ голову идею отрезать ему руку, и вѣрно отрезалъ бы, еслибъ пріятеля не доказали мнѣ, что я потеряю деньги и кроимъ того быть можетъ снова принужденъ буду оставить Римъ (потому-что нельзя же заранее измѣрить ударъ, который хочешь нанести), тогда какъ теперь я могу немедленно посадить его въ тюрьму по силѣ заемнаго письма, писаннаго его рукою:

Я послушался совѣта и горячо принялся за дѣло. Процессъ тянулся нѣсколько мѣсяцовъ; однакожъ я его выигралъ, и мошенника этого засадили въ тюрьму.

Заказовъ было у меня по-горло; въ моей мастерской сидѣли восемь работниковъ, съ которыми я работалъ день и ночь, сколько изъ чести, столько же и для денегъ.

Въ это время я получалъ отъ феррарскаго кардинала письмо слѣдующаго содержанія:

«Милый нашъ другъ Бенвенуто,

«Нѣсколько дней тому назадъ великій христіаннѣйшій король «вспомнилъ о тебѣ и изъявилъ желаніе, чтобы ты у него былъ въ

«служба. Я отыскалъ ему, что ты обещалъ мнѣ приѣхать, лишь только его величество потребуетъ тебя на службу. — «Послать ему», тотчасъ подхватилъ король: «столько денегъ, сколько нужно, чтобы такой человекъ какъ Бенвенуто могъ путешествовать прилично». — И онъ тотчасъ же поручилъ своему адмиралу выдать мнѣ черезъ казначея тысячу золотыхъ экю. Кардиналъ Гадди, который находился тутъ же, подошелъ къ королю и сказалъ, что его величеству не нужно отдавать этого приказанія, потому что онъ, т. е. кардиналъ, послалъ тебя достаточно денегъ, и что ты уже въ дорогъ. «Я полагаю, любезный Бенвенуто, что все, что ни наговорилъ кардиналъ Гадди, — все это вздоръ; поэтому-то поспѣвши отвѣтомъ: я «выведу все на чистую воду, и ты получишь деньги, обещанныя великодушнымъ королемъ».

Пусть судятъ теперь, что можетъ надъ нами, смертными, неблагоприятное вліяніе звездъ и злой судьбы! Этому поганому Гадди я во всю жизнь и двухъ словъ не сказалъ. Безъ сомнѣнія, если онъ и шарлатанилъ всю эту исторію, то никакъ не изъ желанія повредить мнѣ, а единственно изъ разсѣянности, изъ желанія показать королю, что онъ, подобно кардиналу Феррары, занимается людьми талантливыми, которыми интересуется самъ король. Вся бѣда въ томъ, что онъ не потрудился меня объ этомъ уведомить. Впрочемъ я, изъ любви къ родинѣ, не захотѣлъ бы осрамить этого истукана и какъ-нибудь успѣлъ бы поправить его глупости. Я тотчасъ же отвѣчалъ, что кардиналъ Гадди не присылалъ мнѣ никакихъ денегъ, и что если бы онъ и дѣлалъ мнѣ какія предложенія, то я вѣрно не ранѣе оставилъ бы Италію, какъ посоветовавшись прежде съ *reverendissime signore*, тѣмъ болѣе, что въ Римѣ я заваленъ работою. Я прибавилъ однакожь, что немедленно все бы оставилъ и поспѣшилъ во Францію, еслибъ *reverendissime signore* нахвосталъ мнѣ хотя одно слово о волю его величества.

Не успѣлъ я отправить письма, какъ каналья бывший ученикъ мой изъ Перуджіа съѣзжалъ мнѣ пакость, нѣмнѣшную полную и быструю усвѣхъ по причинѣ жадности папы Павла, а въ особенности Піетро Лунджи, носившаго въ то время названіе герцога Кастро. Этотъ ученикъ сказалъ одному изъ секретарей сеньора Лунджи, что такъ какъ онъ работалъ у меня нѣсколько лѣтъ, то ему извѣстны все дѣла мои, и что онъ достоверно знаетъ, что у меня есть болѣе восьмидесяти тысячъ дукатовъ, по болѣе части въ драгоценныхъ камняхъ, принадлежащихъ церкви и украденныхъ мною, во время осады Рима, въ замкѣ Сантъ-Анджело.

Однажды рано утромъ (я уже поработалъ часа три), ничего не подозревая, вышелъ я погулять, куда станутъ отпирать лавку и

места мастерскую. Только что хотѣлъ я повернуть въ одну изъ улицъ, какъ вдругъ Креспино загородилъ мнѣ дорогу, со всеми своими сбирами.

— Ты папскій арестантъ! сказалъ онъ.

— Креспино, закричалъ я: — ты ошибаешься, принимаешь меня за другого.

— Нѣтъ, не ошибаюсь, отвѣчалъ Креспино: — ты искусный Бенвенуто; можно ли не знать тебя? Мнѣ поручено отвести тебя въ замокъ Сантъ-Анджело, куда заключаютъ ведьможь и такихъ талантливыхъ людей какъ ты.

Четыре сбира бросились было ко мнѣ и хотѣли взять у меня кинжалъ и снять съ пальцевъ кольца.

— Не смѣйте трогать его, сказалъ Креспино строгимъ голосомъ: — исполняйте лишь вашу обязанность, которая состоитъ въ томъ, чтобы не упустить Бенвенуто

Потомъ онъ подошелъ ко мнѣ и весьма учтиво просилъ отдать оружіе. Взглянувъ вокругъ себя, я припомнилъ, что на этомъ самомъ мѣстѣ я убилъ Помпео.

Меня отвели въ замокъ и заперли въ одну изъ комнатъ на верху башни.

Въ это время мнѣ было тридцать семь лѣтъ. Въ первый разъ въ жизни пришлось мнѣ испытать тюремное заключеніе.

XVIII.

Синьоръ Пиетро Луиджи, сообразивъ, что сумма, въ покражѣ которой меня обвиняли, весьма значительна, просилъ папу, своего отца, отдать ее ему. Папа согласился и даже обещалъ помочь въ этомъ дѣлѣ. Я сидѣлъ въ тюрьмѣ уже восемь дней; наконецъ меня позвали къ допросу. Меня ввели въ одну изъ главныхъ залъ замка; занимаемаго папою. Допрощиками были — губернаторъ Рима мессеръ Бенедетто Конверсини, изъ Пистойя, и епископъ джезскій, прокуроръ-фискаль, имя котораго не припомню, и мессеръ Бенедетто де-Кальи, судья по уголовнымъ преступленіямъ. Эти три человека допрашивали меня сначала весьма учтиво, но учтивость эта скоро превратилась въ жестокія и страшныя угрозы, потому-что я сказалъ имъ:

— Синьоры, вотъ уже полъ-часа какъ вы спрашиваете меня о такой чепухѣ, что скорѣе можно подумать, что вы просто болтаете или мелете сущій вздоръ. Такъ ужъ позвольте мнѣ спросить васъ, что вамъ угодно узнать отъ меня? Мнѣ хотѣлось бы слышать отъ васъ что-нибудь поумнѣе, а не болтовню.

Услыхавъ такую истину, губернаторъ долже не могъ скрывать своего бѣшеннаго характера и сказалъ :

— Ты что-то говоришь съ большою увѣренностію и даже съ нахальствомъ. Скоро ты сдѣлаешься смиреннѣе собаченки ; вотъ я съ тобою иначе заговорю : не скажешь, что пустяки.

И онъ началъ такъ :

— Намъ изъ достоверныхъ источниковъ извѣстно, что ты былъ въ Римѣ, когда этотъ несчастный городъ подвергся осадѣ. Ты находился въ то время въ замкѣ Сантъ-Анджело, гдѣ служилъ въ качествѣ бомбардира. Такъ какъ ты золотыхъ дѣлъ мастеръ и брильянщикъ, то папа, давно тебя знавшій, позвалъ тебя тайно, за отсутствіемъ кого-либо другого, и поручилъ тебѣ вынуть всѣ драгоценные камни изъ своихъ тиаръ, митръ и колець, и потомъ зашить ихъ въ его платье. Ты, тайно отъ его святѣйшества, удержалъ у себя драгоценныхъ камней на восемьдесятъ тысячъ эку. Все-это сообщилъ намъ твой работникъ, которому ты похвасталъ этимъ. Теперь объявляемъ тебѣ очень ясно и просто, что ты долженъ доставить намъ или камни, или сумму, которой они стоятъ, и ты будешь освобожденъ.

Выслушавъ этотъ монологъ, я не могъ не расхохотаться.

— Благодарю Господа Бога, отвѣчалъ я : — что Онъ попустилъ, чтобы я посаженъ былъ въ тюрьму, въ первый разъ въ жизни, не за какой-нибудь ничтожный проступокъ, какъ это часто случается съ молодыми людьми. Если бы даже то, въ чемъ меня обвиняютъ, была истина, то и тогда мнѣ нечего было бы бояться тѣлеснаго наказанія. Законы потеряли тогда всю свою силу. Следовательно я бы могъ извинить себя, сказавъ, что мнѣ поручено было сохранить это сокровище для пресвятой апостольской церкви, до тѣхъ поръ, пока не вручилъ бы его достойному папѣ или тѣмъ, которые действительно могли бы его отъ меня потребовать, какъ вы напиримаръ, еслибы действительно все это было такъ, какъ вы говорите.

Тутъ неистовый губернаторъ перебилъ меня и сказалъ съ сердцемъ :

— Дѣлай, Бенвенуто, какъ знаешь, а намъ в того довольно, что мы нашли свое добро. Если ты хочешь однако же, чтобы мы не при-бѣгали ни къ чему другому кромѣ словъ, такъ ты не мѣшай.

Они встали и хотѣли уйти.

— Синьоры, сказалъ я : — вы еще не кончили допроса ; кончите и тогда ступайте куда вамъ угодно.

Они снова заняли свои мѣста и въ злости казалось и слушать меня не хотѣли. Я продолжалъ.

— Знайте, синьоры, что я живу въ Римѣ двадцать лѣтъ и ни въ Римѣ, ни въ другомъ какомъ городѣ никогда не сидѣлъ въ тюрьмѣ.

— Да, а ты однако же убилъ у насъ несколько человекъ.

— Это говорите вы, а не я. Если бы кому-нибудь вздумалось убить васъ, вы вѣдь стали бы защищаться, не смотря на церковный санъ, и нисколько не нарушили бы законѡвъ, убивъ человека, покушавшагося на вашу жизнь. Позвольте же мнѣ высказать всѣ мои доводы, если вы намерены передать ихъ папѣ и судить меня справедливо. Итакъ, повторяю, что я живу въ дѣвномъ Римѣ около двадцати лѣтъ и не разъ былъ употребленъ для работъ въ высшей степени важныхъ. Зная, что городъ этотъ плоть Христова, я полагаю, что если свѣтскій князь захочетъ меня преслѣдовать, то я немедленно могу просить защиты и покровительства у этого святого тела и у служителя Христова. Но теперь гдѣ буду я искать убѣжища? какой князь защититъ меня противъ столь ужаснаго налета? Прежде чѣмъ арестовать меня не должны ли вы были узнать, что сдѣлалъ я изъ этихъ восьмидесяти тысячъ дукатовъ? не должны ли вы были справиться со спискомъ драгоценностямъ, который хранится болѣе пяти сотъ лѣтъ въ апостольской камерѣ? Еслибъ оказался въ чемъ недостатокъ, тогда бы вы имѣли право захватить мои книги и меня самого. Книги, гдѣ записаны папскія драгоценности и камни въ тѣрахъ, всѣ цѣлы, и вы удостовѣрились бы, что все, что на принадлежало папѣ Клименту, все у него было записано. Я прибавлю только, что Климентъ, когда онъ хотѣлъ подписать договоръ съ разбойниками, ограбившими Римъ и обогрившими кровью Церковь, уронилъ съ своего пальца брильянтъ (въ четыре тысячи эку) въ присутствіи одного изъ ихъ переговорщиковъ, котораго хотѣлъ склонить на свою сторону. Человекъ этотъ, называвшійся, если я только не ошибаюсь, Цезаремъ Скатиаро, нагнулся, чтобы поднять брильянтъ; папа просилъ его оставить этотъ камень въ знакъ памяти, изъ любви къ его святѣйшеству. Все это происходило при мнѣ. Итакъ, если этого брильянта не окажется, то вотъ, вы видите, я объясняю вамъ, куда онъ дѣвался; но я увѣренъ, что и это происшествіе записано куда слѣдуетъ. И вы устыдитесь, когда узнаете, что хотѣли преслѣдовать человека, такъ много сдѣлавшаго для защиты святого апостольскаго града. Знайте, синьоры, что въ тотъ день, когда нѣмецкія войска заняли Борго, имъ никто не воспретятствовало бы овладѣть и замкомъ, еслибъ не явился я. Я, не ожидая никакой награды, взялъ въ свое распоряженіе пушки, оставленныя бомбардирами и другими солдатами, вдохнулъ отвагу въ пріятеля моего скульптора Рафаэля да-Монтелупо ⁽¹⁾, который, объятый ужасомъ,

(1) Рафаэль, прозванный Монтелупо, по имени своей родины, работалъ при основаніи собора Лоретской Богоматери (*Santa-Casa di-Loreto*). Микель-Анджело узналъ этого художника, которому поручилъ исполненіе нѣсколькихъ статуй не

спрятался въ уголъ и не смѣлъ тронуться съ мѣста; и мы вдвоемъ, только въ двоемъ, синьоры, убили столько непріятелей, что они принуждены были отступить. Я убилъ Скатиаро, потому-что онъ, какъ лютеранинъ и безбожникъ, говорилъ съ Климентомъ до невѣроятности нахально. А папа повелѣлъ отыскать и повѣсить человека, за него отпущившаго. Я, выстрѣломъ изъ пистоля, ранилъ въ голову принца оранскаго, здѣсь, подъ траншеями замка. А сколько золотыхъ и серебряныхъ украшеній, сколько вещей, украшенныхъ драгоценными камнями, сколько медалей и великолѣпныхъ монетъ сдѣлалъ я для святой церкви?... И вотъ какую награду осмѣливаются дерскіе тунеядцы предложить человеку, служившему этой церкви съ такой отвагой, любившему ее такъ преданно и постоянно! О! идите, расскажите все это папѣ, скажите ему, что все его драгоценности цѣлы, а что я — я видѣлъ отъ церкви лишь раны, полученныя мною во время осады Рима. Скажите ему также, что отъ папы Павла я ожидалъ не много признательности, въ которой онъ узрѣлъ меня. Теперь я знаю, чего я долженъ держаться, какъ относительно его святѣйшества, такъ и относительно васъ, его служителей.

Судьи слушали меня съ удивленіемъ. Когда я кончилъ, они взглянули въ недоумѣніи другъ на друга и отирались къ папѣ рассказать все, что слышали. Папа устыдился и велѣлъ тщательно поверить списки драгоценностейъ. Оказалось, что камни все на лицѣ, но мнѣ не сказали объ этомъ ни слова. Піетро Лунджи понялъ, что поступилъ неловко, и, чтобы все поправить, было рѣшено, во что бы то ни стало, умертвить меня.

Между тѣмъ король Францискъ I, узнавъ, что папа возмѣнно посылалъ меня въ тюрьму, написалъ къ своему посланнику, синьору де-Монлукъ, чтобы онъ вытребовалъ меня, какъ человека, принадлежащаго его величеству. Папа, человекъ смѣшленный и умный, повелѣлъ себя въ этомъ дѣлѣ какъ бѣдный помѣщикъ и настоящій простакъ. Онъ сказалъ посланнику, что напрасно его величество беспокоится обо мнѣ, — что я буянъ, всегда готовый обнажать шпагу, и что онъ совѣтуетъ его величеству оставить меня въ тюрьмѣ, куда привелъ меня убійства и чортъ знаетъ какія еще преступленія. Король отвѣчалъ, что въ его королевствѣ строгое правосудіе, и что если онъ милостивъ и щедръ для людей достойныхъ, то умѣетъ наказывать и непокорныхъ, что его святѣйшество самъ отпустилъ Бенвенуто и не позаботился употребить его талантъ въ свою пользу, — что его величество былъ радъ прибытію Бенвенуто въ свое госу-

своимъ всплывъ. Рафаэль Монтелудо умеръ около 1549 года, оставивъ много памятниконъ своего таланта въ Ормето, Римѣ и Флоренціи.

дарство и съ удовольствіемъ принялъ его къ себѣ на службу, почему и вызываетъ теперь Бенвенуто, какъ человека, ему принадлежащаго. Это внимательство (въ высшей степени лестное и почетное для человека моего состоянія) вмѣсто того, чтобы послужить мнѣ въ пользу, до-нельзя повредило. Папа, опасаясь, чтобы я не открылъ безбожныхъ наветовъ, которыхъ я сдѣлался жертвою, придумывалъ всевозможныя средства погубить меня, не замаравъ своей чести.

Губернаторъ замка Сантъ-Анджело былъ достойный флорентинецъ, мессеръ Джіоржіо дельи-Уголини. Онъ обращался со мною со всевозможною вѣжливостію. Зная, что я задержанъ несправедливо, онъ позволилъ мнѣ, положившись на мое честное слово, свободно ходить по замку. Я хотѣлъ имѣть это позволеніе на поручительство, но губернаторъ воспротивился, сказавъ, что полагается на мою честь, потому-что весь свѣтъ говорилъ ему, что я человекъ честный и благородный. Итакъ, я обязался словомъ; губернаторъ позволилъ мнѣ даже немного работать. Въ надеждѣ, что гнѣвъ папы укротится (въ этомъ случаѣ я рассчитывалъ на свою невинность и заступничество французскаго короля), я не запиралъ лавки. Асканіо приносилъ мнѣ въ замокъ кое-какія работы. Я пріобрѣлъ дружбу нѣкоторыхъ изъ сторожей и солдатъ. Папа иногда приходилъ въ замокъ ужинать; тогда часовыхъ снимали, и двери оставались отпертыми, какъ въ обыкновенномъ дворцѣ; только арестантовъ запирали тщательно обыкновеннаго; но я не подходилъ подъ это правило и свободно разгуливалъ по замку. Сколько разъ солдаты советовали мнѣ бѣжать, общая обратиться ко мнѣ спиною и сдѣлать видъ, будто не замѣчаютъ меня. Я отвѣчалъ имъ, что далъ честное слово достойному губернатору, столь ко мнѣ снисходительному.

— Эхъ, Бенвенуто! говорилъ мнѣ одинъ храбрый и умный солдатъ: — арестантъ не обязанъ и не можетъ быть обязанъ держать слово. Послушай меня: улизни-ка отъ папы и его прихвостника; они вѣдь поклялись умертвить тебя.

Но я согласился бы лучше сто разъ умереть, чѣмъ измѣнить данному слову.

Сотоварищемъ моихъ бѣдствій былъ монахъ, изъ фамиліи Паллавичини, знаменитый предсказатель: онъ былъ взятъ подъ стражу за лютеранизмъ. Онъ былъ славный товарищъ, но страшный грѣшникъ. Я удивлялся его способностямъ, глубоко ненавидѣлъ его пороки и порицалъ его за нихъ въ глаза. Онъ безпрестанно напѣвалъ мнѣ, что арестантъ не обязанъ держать слово.

— Кто-нибудь можетъ быть и не обязанъ, отвѣчалъ я: — а порядочный человекъ обязанъ. Кто человекъ, тотъ всегда долженъ быть

честенъ, въ какомъ бы положеніи ни находился; а такъ ^{человѣкъ} ~~человѣкъ~~, то всегда исполню даже простое обѣщаніе.

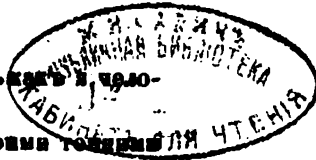
Убѣдившись, что онъ не можетъ совратить меня своими ^{говорами} ~~говорами~~ и хитрыми доводами, онъ замыслилъ другой планъ дѣйствій. Нѣсколько дней онъ былъ мокоенъ, читалъ мнѣ проповѣди Фра Джироламо Савонарола и дѣлалъ на нихъ удивительные комментаріи, во сто разъ лучше самого текста. Онъ до того прельстилъ и увлекъ меня, что я, за исключеніемъ только нарушенія даннаго слова, готовъ былъ все сдѣлать для этого человека. Вотъ что онъ придумалъ, убѣдившись, что я совершенно нахожусь подъ влияніемъ его генія. Онъ ловко, обняками спросилъ меня, какое бы я употребилъ средство, чтобы отворить темницу, если бы мнѣ вздумалось бѣжать. Желая показать монаху, что я человекъ не безъ способностей, я отвѣчалъ ему, что мнѣ ничего не стоить отпереть какіе угодно замки, въ особенности тюремные, что это также легко какъ проглотить кусокъ свѣжаго сыру. Чтобы узнать этотъ секретъ, онъ сталъ обвинять меня въ хвастовствѣ.

— Есть такіе люди, говорилъ онъ: — которые слывуть за искусниковъ, все знаютъ: а какъ придется показать знаніе-то на дѣлѣ, такъ они и того.... пожалуй и потеряютъ репутацію. Вы мнѣ рассказываете такія невероятныя вещи, что еслибъ я на дѣлѣ захотѣли ихъ показать, такъ ужъ вѣрно бы осрамилась.

Дьяволъ этотъ до того задѣлъ меня за живое, что я возразилъ ему съ занальчивостію: «я дѣлаю всегда болѣе того, что обѣщаю. Поддѣлать ключи — дѣло самое пустое, и я вамъ тотчасъ докажу это».

Вследъ затѣмъ я весьма неосторожно сталъ объяснять ему, какъ это сдѣлать. Монахъ повидимому не придавалъ словамъ моимъ никакой важности, а между тѣмъ все замѣтилъ, все запомнилъ. Достойный губернаторъ, какъ я уже замѣтилъ выше, позволялъ мнѣ безпрепятственно гулять по замку, на ночь не велѣлъ запираить меня, какъ другихъ арестантовъ и позволялъ мнѣ заниматься работами изъ золота, серебра и воску.

Во время моего заключенія я посвятилъ нѣсколько недѣль на отдѣлку таза, назначеннаго феррарскому кардиналу; но работа мнѣ эта надоела, и я, для развлеченія, сталъ моделировать фигуры изъ воску. Монахъ укралъ у меня кусокъ этого воску и воспользовался имъ, чтобы поддѣлать ключи, по показанному мною способу. Повѣреннымъ его и помощникомъ былъ падуанецъ Луиджи, губернаторскій чиновникъ. Слѣсарь, которому они поручили поддѣлать ключи, довѣсь на нихъ. Губернаторъ, приходившій ко мнѣ иногда въ комнату

и владѣній меня за восковою работою, тотчасъ узналъ, что ключъ сделанъ изъ моего воску.

Бѣдный Бенвенуто, сказалъ онъ: — жертва величайшей несправедливости, но все-таки это ничуть не причина поступить со мною такъ, какъ онъ поступилъ; а я еще, чтобы ему только сделать удовольствіе, не исполнилъ своей обязанности. Пускай же онъ свидѣть теперь взаперти; нѣтъ ему никакой поправки!

И онъ отдалъ приказаніе запереть мою комнату.

Особенно больно мнѣ было слышать упреки отъ его служителей, желавшихъ мнѣ добра и рассказывавшихъ мнѣ все, что дѣлалъ для меня губернаторъ. Они называли меня безчестнымъ и неблагодарнымъ, одинъ изъ нихъ выражался черезчуръ рязко. Чувствуя, что я невиненъ, я отвѣчалъ надмѣнно, что никогда не изменялъ честному слову, что готовъ доказать это цѣною жизни и что если кто-либо осмѣлится повторить эти обидныя слова, то я скажу тому въ лицо, что онъ безстыднѣйшій лжецъ. Служитель тотчасъ отправился въ кабинетъ губернатора и принесть мнѣ воскъ и модель ключа. Увидавъ это, я сказалъ ему, что теперь мы оба правы, и преслѣдъ его дать мнѣ возможность поговорить съ губернаторомъ, которому хотѣлъ рассказать всю правду. Губернаторъ немедленно призвалъ меня къ себѣ, и я открылъ ему всю истину.

Монаха снова заперли; онъ донесъ на чиновника, который чуть не погибъ. Губернаторъ замалъ это дѣло, дошедшее уже до ушей папы. Онъ спасъ чиновника отъ висѣлицы, а мнѣ возвратилъ прежнюю свободу.

Видя, съ какою строгостью вели это дѣло, я сталъ наконецъ и о себѣ подумывать... и дошелъ до заключенія, что если губернаторъ еще разъ на меня разсердится и опять лишитъ меня своего довѣрія, то тогда я буду вправѣ не считать себя связаннымъ словомъ и могу прибѣгнуть къ своей ловкости, успѣхъ отъ которой долженъ быть повѣрнѣе, чѣмъ успѣхъ предпріятія монаха.

Я началъ съ того, что сталъ требовать себя чистыхъ толстыхъ простынь, не возвративъ грязныхъ; когда же мои слуги спрашивали, гдѣ грязныя? то я отвѣчалъ, чтобы она объ этомъ не заботилась, что я ихъ отдавалъ бѣднымъ солдатамъ, которые могутъ отправиться на галеры, если объ этомъ провѣдаютъ; въ сльдствіе чего ни мои ученики, ни слуги, ни вѣрный Фелаче не говорили объ этомъ ни слова. Я вынулъ изъ тюфяка солому и сжегъ ее въ каминѣ, а простыни разрезалъ на полосы, въ ширину въ четверть брассы. Полосу этихъ набралось столько, что по нимъ я могъ спуститься сверху башни внизъ.

XIX.

Не было дня, чтобы Асканіо не приходилъ ко мнѣ въ темницу раза по два. Однажды онъ просилъ меня, чтобы я отдалъ ему на колѣть мое верхнее платье изъ голубого атласа, которое я надевалъ лишь одинъ разъ во время процессіи въ день Успенія Божіей Матери. Я отвѣчалъ, что такой костюмъ вовсе не нуженъ въ такое время; молодой человекъ рассердился и объявилъ, что онъ возвратится въ Тальякоцце.

— Мнѣ очень пріятно развязаться съ тобою, возразилъ я.

Онъ вѣдалъ, что никогда болѣе не придетъ ко мнѣ.

Во время этого спора мы прогуливались по платформѣ замка, гдѣ и встрѣтились съ губернаторомъ.

— Я уйду, сказалъ съ запальчивостію Асканіо: — уйду навсегда.

— И прекрасно! отвѣчалъ я. — Я скажу стражамъ, чтобы они тебя не впускали сюда.

Потомъ, обратясь къ губернатору, я просилъ его отдать приказъ не впускать Асканіо.

— Еще и эта дрянь хочетъ докучать мнѣ, прибавилъ я: — сделайте милость, синьоръ, не пускайте его ко мнѣ.

Губернаторъ былъ этимъ очень опечаленъ, потому-что ему извѣстны были рѣдкія качества Асканіо; кромѣ того этотъ молодой человекъ былъ одаренъ чудною красотою: достаточно было увидеть его однажды, чтобы имъ заинтересоваться. Асканіо удалился плача. Въ этотъ день на немъ была маленькая сабля, которую онъ пряталъ иногда подъ платье. Выходя изъ замка, съ заплаканными глазами, онъ встрѣтился съ двумя вѣйшими своими врагами. Одинъ изъ нихъ былъ перуджіанецъ Джироламо, бывшій мой ученикъ, другой золотыхъ дѣлъ мастеръ Микель. Микель пріятель мерзавца Джироламо и врагъ Асканіо, закричалъ: — «Эге! Асканіо плачетъ! чтобы это значило? Ужъ не умеръ ли его отецъ, т. е. вотъ тотъ отецъ, что сидитъ въ тюрьмѣ?...»

— Нѣтъ, онъ живъ, проговорилъ Асканіо: — а ты, ты умрешь!

И онъ нанесъ ему саблею два удара по головѣ. Отъ перваго удара Микель повалился на землю, когда же Асканіо занесъ вторично саблю, то она скользнула по головѣ и обрубила Микелю три пальца на правой рукѣ. Микель лежалъ замертво. Объ этомъ происшествіи немедленно донесли папѣ, который сказалъ въ бышенствѣ: — «Королю Франциску угодно, чтобы Бенвенуто судился: хорошо: дать ему три дня сроку, чтобы онъ могъ облумать свое оправданіе.»

Губернаторъ, узнавъ объ этомъ, посѣщилъ къ папѣ и доказалъ ему, что въ этомъ дѣлѣ я нисколько не виноватъ, потому-что я самъ выгналъ Асканіо изъ замка. Однимъ словомъ, онъ такъ защищалъ меня, что спасъ меня отъ смерти. Асканіо удалился въ Тальякоццо, откуда написалъ мнѣ письмо и просилъ прощенія; онъ говорилъ, что только увеличилъ мои страданія, но что если, съ помощію Божіею, я выйду изъ тюрьмы, то уже онъ не разстанется со мною. Я отвѣчалъ ему, чтобъ онъ позаботился о своемъ образованіи, и что если Господу Богу угодно будетъ возвратити мнѣ свободу, то я не замедлю снова съ нимъ соединиться.

Губернаторъ замка по временамъ страдалъ болѣзнію, во время которой лишался разсудка. Болѣзнь эта обнаруживалась тѣмъ, что онъ начиналъ говорить, или, лучше, болтать безъ умолку. Причина его сумасшествія измѣнялась со всякимъ годомъ: то казалось ему, что онъ сосудъ съ деревяннымъ масломъ, то лягушка, и тогда онъ начиналъ прыгать по лягушачьи. Въ одинъ прекрасный день онъ уварилъ себя, что онъ умеръ и его надо было предать погребенію. И со всякимъ годомъ новая эксцентричность. На этотъ разъ представлялось ему, что онъ летучая мышь. Гуляя, онъ подражалъ крику этого животнаго и вилялъ всѣмъ тѣломъ, а особенно руками, какъ бы приготовлялся летѣть. Доктора и служители старались всѣми силами развлекать его. Замѣтивъ, что губернаторъ находитъ большое удовольствіе въ разговорѣ со мною, они часто приходили за мною и уводили къ больному. Бѣднякъ болталъ со мною часовъ по пяти, оставлялъ обѣдать съ собою и сажалъ напротивъ. Я не упускалъ случая прекрасно пообѣдать; онъ же самъ — ни ѣлъ, ни спалъ, такъ-что это препровожденіе времени мнѣ наконецъ страшно надоело, просто сдѣлалось невыносимо. Когда я смотрѣлъ на него прямо, то замѣчалъ, что глаза его до того разбѣгались, что одинъ глядѣлъ вправо, другой влево. Однажды онъ спросилъ меня приходило ли мнѣ въ голову летать по воздуху? Я отвѣчалъ, что вообще люблю дѣлать то, что люди почитаютъ за самое трудное, и что навѣрно полечу, благодаря устройству тѣла и своей ловкости. Онъ хотѣлъ знать, какія средства употребляю я для этого?

— Изъ всѣхъ летающихъ животныхъ, возразилъ я: — человекъ можетъ съ успѣхомъ подражать лишь полету летучей мыши.

При словѣ — летучая мышь, которое приводило его въ сумасшествіе въ этотъ годъ, бѣдняга заоралъ во все горло:

— Правда твоя, правда! только полету летучей мыши! да, только летучей мыши, одной только летучей мыши!

Потомъ, помолчавъ немного, онъ сказалъ съ разстановкою:

— Бенвенуто, а что, если бы тебя позволили, достало бы у тебя твердости полетать?

— Если мне возвратят свободу, отвечалъ я: — то я возьмусь пролетать до Прати, съ помощью пары холстинныхъ крыльевъ изъ навоощеннаго льна.

— Да, я бы тоже... однако же папа велѣлъ мнѣ хранить тебя какъ его собственныя очи: я знаю, ты прейскусная бестія, улѣзнешь, если захочешь! Вотъ же я тебя посажу за сто замковъ, изъ опасенія, чтобъ ты не убѣжалъ.

Я напомнилъ ему, что давно могъ бы убѣжать, если бы хотѣлъ, но что я не нарушу даннаго слова ни за какое благо въ свѣтъ; потому я сталъ просить его, во имя Бога, не трогать меня и не стѣснять моего, и безъ того тѣснаго, положенія. Но онъ не хотѣлъ ничего слышать и велѣлъ запереть меня.

— Ну, запирайте, сказалъ я ему, видя, что нѣтъ средствъ помочь горю: — запирайте и тщательно присматривайте, а я все-таки объявлю вамъ въ присутствіи всѣхъ вашихъ служителей, что, несмотря на накая средства, я убѣгу!

Меня отвели въ темницу и заперли за мною тяжелыя двери.

Оставшись одинъ, я внимательно осмотрѣлъ всю комнату и сталъ придумывать средства спуститься внизъ. Потомъ взялъ я простыни, разрезанныя мною на полосы и крѣпко пришитыя одна къ другой, и расчислилъ, на сколько должны онѣ быть длинны. Удостоверившись въ томъ, въ чемъ хотѣлъ, я подумалъ — какъ бы мнѣ употребить съ пользою клещи, которыя я унесъ у савоара, служившаго въ замкѣ: Человѣку этому былъ порученъ надзоръ за бочками; онъ любилъ заниматься столярною работою: я отыскалъ въ его инструментахъ клещи, которыя мнѣ могла когда-нибудь пригодиться, и спряталъ ихъ въ тюфякъ. Пришло время мнѣ воспользоваться, и я употребилъ ихъ на то, чтобы выдергивать гвозди, которыми держались петли у дверей. За первымъ гвоздемъ мнѣ много было работы, однако же я его выдернулъ. Но вѣдь могли замѣтить, что гвоздя недостаетъ; поэтому-то я и придумалъ слѣдующее: при помощи воску, смѣшаннаго съ опилками отъ ржаваго желѣза, я сдѣлалъ на петляхъ шапочки отъ гвоздей, совершенно такія же, какія выдергивалъ. Петли висѣли на гвоздяхъ, которыя я сперва вытащилъ и потомъ снова вложилъ слегка, надломивъ кончики. Производить эту работу мнѣ было не легко, потому-что губернаторъ, которому каждую ночь грезилось мое бѣгство, время отъ времени присылалъ осматривать мою комнату. Тотъ, на кого была возложена эта обязанность, былъ настоящій сборъ, какъ по имени, такъ и по душѣ: его звали Боцца; съ нимъ же приходилъ нѣкто Джіованни, прозванный Пединьоне (за-

ноба). Джіованни былъ солдатъ, Боцца — лакей. Джіованни считалъ долгомъ всякой разъ сказать мнѣ какую-нибудь неспріятность; аккуратно каждый вечеръ онъ осматривалъ петли моей двери и всю комнату, что не мешало мнѣ каждый разъ говорить ему: «Стерегите меня хорошенько, потому-что я, несмотря ни на что, убѣгу». Слова эти поселили между нами смертельную вражду.... Какъ же тщательно пряталъ я въ тюфякъ вся свои желѣзные инструменты, какъ напёрстки, широкій и длинный книжалъ и прочее. Въ тюфякъ кромѣ того лежали полосы изъ простынь. Лишь наступалъ день, я выметалъ комнату; чистоту я и всегда любилъ, а теперь довелъ ее до высшей степени; потомъ складъ постель и укладывалъ ее цѣпками, приносимыми мнѣ каждое утро савояромъ, у котораго я стлалъ кровати. Всякой разъ наказывалъ я Боцца и Джіованни не дотрогиваться до постели, изъ опасенія, чтобъ они ее не запачкали. Иногда, единственно изъ желанія позлить меня, они-таки слегка оцупывали ее. Тогда я кричалъ на нихъ, какъ будто выходя изъ себя отъ гнѣва: «Ахъ, вы, засаледря рожи! Вотъ какъ я выхвачу у кого-нибудь часть вась шпагу, да отдамъ васъ цорлякомъ, такъ вы увидите, смѣете ли прикасаться къ постели такого человека какъ я! Смотрите, не выводите меня изъ терпѣнія, нето я покажу вамъ, что можете сдѣлать человекъ въ отчаяніи». Они пересказали это губернатору: онъ запротестовалъ, подходилъ къ моей постели и велѣлъ снимать шпаги, когда они входятъ ко мнѣ въ темницу. Убѣдявшись, что постель моя не будетъ болѣе подвергаться осмотру тюремщиковъ, я совершенно успокоился, потому-что въ постели-то и заключалось все дѣло.

Однажды (день былъ праздничный) губернатору сдѣлалось хуже обыкновеннаго. Сумасшествіе его развивалось все сильнѣе и сильнѣе. Онъ безпреставно повторялъ, что онъ летучая мышь, и что если Бенвенуто убѣжалъ, то это не беда, что онъ его поймаетъ, потому-что ночью онъ ужъ навѣрно полетитъ быстрее меня.

— Бенвенуто, говорилъ губернаторъ: — не настоящая летучая мышь, а я такъ вотъ настоящая; а онъ — что за летучая мышь! саркастичъ! я действительно летучая мышь! Мнѣ поручено смотреть за нимъ; вы меня только пустите, и я его какъ разъ нагоню.

Припадки эти не уменьшались уже нѣсколько ночей сряду: губернаторскіе слуги измучились совершенно. Обо всемъ этомъ извѣдывалъ меня преданный мнѣ савояръ. Разширившись бѣжать въ этотъ предвѣстникъ ночью, я прежде всего вознесъ усердную молитву милосердому Богу, прося послать мнѣ помощь въ этомъ опасномъ предпріятіи, — потомъ сталъ готовить все, что мнѣ было нужно.

За два часа до разсвѣта снялъ я петли съ тюфяка и началъ трудиться, потому-что двери и замки представляли сильное сопротивленіе.

такъ-что я принужденъ былъ грызть дерево. Наконецъ двери были отперты, и я вышелъ вонъ, забравъ съ собою концевую бинту. Я отправился въ отхожій мѣстакъ, откуда легко взлезъ на крышу, сорвавъ двѣ черепицы. Привлекая омытъ конецъ бинта краиво-на-краиво, я вознесъ слѣдующую молитву Богу: «Господи, помози мнѣ, ибо я самъ себя помогаю, ибо дѣло мое право, какъ это извѣстно Тебѣ, Всевластному Властнику».

Потомъ я сталъ спускаться, держась руками за бинтъ. Душа сироталась, но ночь была светлая. Наконецъ я коснулся земли и въ радости сталъ смотреть на ужасную высоту, съ которой спустился съ такой отвагой. Какое радостное чувство овладѣло мною, когда я увидалъ себя на свободѣ! Но чувства это продолжалось не долго: по приказанію губернатора съ этой стороны замка построена была конюшня, и весь задній дворъ обнесенъ высоромъ стѣною. Вдоль въ ограду были заперты снаружа тяжелыми замками. Радость сминилась отчаяніемъ. Ходя взадъ и впередъ по двору, я раздумывалъ о способѣ возложеніи, какъ вдругъ наткнулся на длинную балку, покрытую соломой. Не боясь труда подставилъ я ее къ стѣнѣ и, хватаясь руками, взлезъ до верха; какъ стѣна была зубчатая, то мнѣ невозможно было притащить балку къ себѣ. Я отрезалъ кусокъ бинта, привязавъ его къ балкѣ и такимъ образомъ спустился внизъ. Переприва эта была трудна и утомительна, руки мои были обдерены, по нимъ текла кровь. Собранными съ силами, сталъ я взбираться на послѣднюю ограду, выходящую со стороны Прата. Только-что хотѣлъ я привязать бинтъ къ зубцу, какъ вдругъ увидалъ часового. Опасаясь быть пойманнымъ, я затѣлъ умерщвленничать, и рѣшился сдѣлать отчаянное нападеніе на солдата; замѣтивъ, что я иду прямо на него съ мачиеломъ въ руки, онъ быстро удалился. Возвращаясь къ тому мѣсту, гдѣ я оставилъ бинты, увидалъ я другого человека, но онъ казался не обращать на меня ни малѣйшаго вниманія. Привязавъ бинтъ, я сталъ спускаться. Думалъ ли я, что до земли уже не далеко, или руки мои потеряли всю силу, — не знаю, только я выпустилъ бинтъ и упалъ; въ этомъ паденіи я сильно удержался головою и пролежалъ безъ чувствъ, какъ мнѣ кажется, часа полтора.

На разсвѣтъ пахнула на меня утренняя свѣжесть, предшествующая солнцу, и я спомнился, но память еще не возвратилась: мнѣ казалось, что мнѣ отрубили голову, и что я нахожусь въ чистилищѣ. Наконецъ мало-по-малу силы возвратилась, и я увидалъ себя въ проклятаго замка. Тутъ я все припомнилъ. Осмотрѣвъ тѣло, я подумалъ, что нѣтъ ни одной тяжкой раны; но когда хотѣлъ привстать, то убѣдился, что правая моя нога раздроблена пальца на три вѣще палки. Но я не унывалъ. Сдвинувъ, сколько могъ, разломанную

кость, я перекинул ногу и на четверенькахъ, съ кинжаломъ въ рукѣ, направился къ римскимъ воротамъ. Ворота были затворены; внизу лежалъ камень, который не показался мнѣ слишкомъ тяжелъ. Я попробовалъ своротить его: камень подавался, я принатужился, камень откатился, и ворота отворились. Съ того мѣста, гдѣ я упалъ, до воротъ было шаговъ пятьсотъ.

Не успѣвъ я проползти нѣсколькихъ сажень, какъ на меня бросилось нѣсколько громадныхъ собакъ и одна изъ нихъ жестоко укусила меня. Проклятыя собаки отбѣгутъ не много и опять бросятся на меня. Я защищался кинжаломъ, наконецъ посчастливилось мнѣ одну изъ нихъ ранить преобильно: собака отскочила и подвела вой; другія собаки, какъ это обыкновенно бываетъ, бросились на раненую, а я поползъ безъ оглядки къ церкви Треспонтина.

Потомъ я направился по дорогѣ къ св. Петру. Сдѣлалось совсѣмъ светло: я могъ подвергнуться опасности. Вдругъ вижу, стоитъ водовозъ съ осломъ и ведрами.

— Я несчастный молодой человѣкъ, сказалъ я водовозу: — я переломилъ себѣ ногу, выскакивая изъ окошка, по поводу любовной интриги. Такъ какъ домъ, откуда я вышелъ, принадлежалъ важной особѣ, и такъ какъ меня могутъ взрубить въ куски, то прошу тебя, любезный, возьми меня на плечи, я дамъ тебѣ золотой эку.

И я показалъ ему туго-набитый кошелекъ.

Водовозъ тотчасъ взвалилъ меня на плечи и стащилъ къ лѣстницамъ св. Петра. Я далъ ему обещанную награду, и онъ отправился къ своему ослу.

Но времени терять было невозможно и я ползъ, все на четверенькахъ, къ дворцу герцогини Маргариты, побочной дочери императора, вышедшей за-мужъ за Оттавію, по смерти Александра, герцога Флоренціи, своего перваго супруга. Я зналъ, что найду тутъ друзей, пріѣхавшихъ изъ Флоренціи съ этою принцессой; она и сама была расположена ко мнѣ, благодаря губернатору замка. Въ самомъ дѣлѣ, губернаторъ сказалъ мнѣ, что въ день въѣзда герцогини въ Римъ, я отвратилъ убытокъ слишкомъ на тысячу эку, который могъ причинить проливной дождь. Онъ разсказалъ, что, видя его отчаяніе, я утѣшалъ его и направилъ нѣсколько пушекъ въ ту сторону, гдѣ клубились самыя густыя облака, и что въ минуту, когда полилъ дождь, я выстрѣлилъ, и такъ успѣшно, что при четвертомъ выстрѣлѣ дождь пересталъ и показалось солнце, такъ-что я одинъ былъ причиною тому, что празнество обошлось благополучно. Когда герцогиня узнала объ этомъ обстоятельстве, то она сказала: — «Бенвенуто изъ числа тѣхъ талантливыхъ людей, которыхъ любилъ мужъ мой, герцогъ Александръ. Я ихъ не забуду, когда случай представится мнѣ

быть полезной». Кроме того она говорила обо мнѣ герцогу Оттавіо; почему я и отправился прямо къ его святлости герцогу, который шедъ въ великолѣпномъ дворцѣ въ Борго-Веккіо. Я могъ быть уверенъ, что папа не посмеетъ употребить насиліе въ этомъ убѣжищѣ; но что я сдѣлалъ до сихъ поръ, было слишкомъ изумительно для человека. Однакожь, Богъ не попустилъ меня впасть въ гордость и для моего же блага Ему угодно было осудить меня на новое испытаніе, строго перваго. Скоро увидать, какъ это случилось.

Въ то время, какъ я ползъ по лѣстницамъ, меня увидалъ одинъ изъ слугъ кардинала Корнаро; онъ узналъ меня и любяжалъ, чтобы разбудить своего господина.

— Снѣдьоръ, сказалъ онъ кардиналу:—вашъ Бенвенуто тамъ, внизу; онъ бѣжалъ изъ тюрьмы, тѣло его все облито кровью. У него вѣрно переломлена нога. Мы не знаемъ, куда идетъ онъ.

— Бѣгъ скорѣй, сказалъ кардиналъ: — и принеси его сюда, въ мою комнату.

Когда меня внесли, то кардиналъ сказалъ, чтобы я ничего не боялся, и онъ тотчасъ послалъ за искуснѣйшимъ во всемъ городѣ хирургомъ. Маэстро Джакомо не замедлилъ явиться; онъ удивительно соединилъ переломленную кость, перевязалъ ногу и самъ пустилъ мнѣ кровь.

Кардиналъ помыслилъ меня въ потайную комнату и отправился во дворецъ просить папу возвратить мнѣ свободу.

XX.

Между тѣмъ въ Римѣ сдѣлалась тревога: холстинныя тесьмы, развѣшавшіяся во всю длину главной башни замка, были замѣчены, и весь городъ сбѣжался смотреть на нихъ. Губернаторъ находился тогда въ самомъ сильномъ припадкѣ сумасшествія; онъ рвался изъ рукъ своихъ слугъ и хотѣлъ лѣзть съ башни, увѣряя, что это единственное средство поймать меня. Мессеръ Роберто Пуччи, отецъ мессера Пандольфо, услыша эту новость, вышелъ изъ дому, чтобы собственными глазами въ ней удостовѣриться; потомъ онъ отправился во дворецъ, гдѣ встрѣтилъ кардинала Корнаро, который передалъ ему все подробности моего бѣгства, и сказалъ, что раны мои перевязаны и что теперь я отдыхаю въ его домѣ. Эти достойные вельможи бросились къ ногамъ папы; но папа не далъ имъ произнести ни одного слова.

— Я напередъ все знаю, что вы мнѣ хотите сказать, залопилъ онъ.

— Святейший отецъ, сиазидъ мессеръ Роберто Пуччи: — мы просимъ у васъ пощадить несчастному человеку, котораго таланты заслуживаютъ снисхожденія, и который обнаружилъ мужество и умъ почти сверхъестественныя. Мы не знаемъ за какое преступленіе угодно было вашему святѣйшеству такъ долго держать его въ тюрьмѣ: если преступленіе это очень важно, — намъ известны правосудіе и мудрость вашего святѣйшества, и да будетъ ваша воля; если же это таковой преступокъ, который можно ему извинить, — то простите его для насъ.

— Я его держалъ въ тюрьмѣ, отвѣчалъ папа съ замѣтательствомъ: — по просьбѣ некоторыхъ изъ моихъ придворныхъ, съ которыми онъ былъ несколько дерзокъ. Но зная его таланты и желая удержать его при себѣ, мы рѣшились осыпать его ташими милостынями, которыя отнимутъ у него всякое желаніе убраться во Францію. Мнѣ самому очень жалъ, что онъ подвергся этой несправедливости. Скажите ему, чтобы онъ постарался скорѣе вылечиться, а когда будетъ здоровъ, мы вознаградимъ его за все его страданія.

Добрые мои покровители тотчасъ же передали мнѣ эту пріятную новость.

Римскіе вельможи, молодые и старые, и люди всякъ состояній приходили осведомляться о моемъ здоровьи. Начальникъ тюрьмы, мессеръ Джіорджіо Полини, несмотря на свое сумошество, велѣлъ отнести себя къ папѣ и объявилъ, что его святѣйшество нанесетъ ему самую жестокою обиду, если не посадить меня снова въ тюрьму.

— Боже мой! говорилъ онъ: — онъ убивалъ, несмотря на честное слово, которое далъ мнѣ! Онъ обещалъ мнѣ не улетать — и улеталъ!

— Перестаньте, перестаньте, отвѣчалъ папа со смѣхомъ: — я возвращу вамъ его, будьте уврены.

— Ваше святѣйшество, продолжалъ мессеръ Джіорджіо: — прикажите губернатору Рима спросить у Бенвенуто, кто помогалъ ему въ бѣгствѣ; если это одинъ изъ моихъ людей, то я повешу его на томъ самомъ зубкѣ, съ котораго Бенвенуто спустился.

Когда мессеръ Джіорджіо удался, папа велѣлъ позвать губернатора Рима и сказалъ ему съ улыбкою:

— Этотъ Бенвенуто молодецъ и его подвигу нельзя не удивляться. Впрочемъ, въ молодости, а и самъ спустился съ того же самого мѣста.

Папа говорилъ правду: онъ былъ посаженъ въ тюрьму за подделку одной папской граматки, въ то время, когда былъ аббатомъ *di Parco majoris*. Преступленіе это было очень важно, почему папа

Александръ, продержавъ его долгое время въ тюрьмѣ, и повелѣлъ отрубить ему голову. Александръ ждалъ только, чтобы прошелъ праздникъ Тѣла Господня, желая лично присутствовать при исполненіи приговора. Нашъ Фарнезе, узнавъ все это, подкупилъ нѣсколькихъ тюремщиковъ, вошелъ въ сношеніе съ Піетро Кіавеллуцци, который привелъ ему лошадей, и въ то время какъ папа находился при процессіи, онъ сѣлъ въ корзину и на веревкѣ спустился на землю. Тогда еще не было стѣнъ, которыя теперь окружаютъ замокъ; одна лишь главная башня была отстроена, и потому въ бѣгствѣ онъ вовсе не встрѣтилъ тѣхъ ужасныхъ трудностей, съ которыми я долженъ былъ бороться. Къ тому же онъ былъ посаженъ въ тюрьму за преступленіе, а я совершенно невинно. Ему хотѣлось похвастаться передъ губернаторомъ, что въ молодости и онъ былъ храбръ и смѣлъ, но онъ не сообразилъ, что этимъ самымъ напоминаетъ о своихъ прошедшихъ преступленіяхъ.

— Ступайте, прибавилъ онъ: — и скажите Бенвенуто, чтобы онъ откровенно объявилъ, кто ему помогалъ? мнѣ рѣшительно все равно, кто бы ни былъ, потому что я его простилъ: вы можете въ этомъ сѣмьло увѣрить Бенвенуто.

Губернаторъ, за два дня передъ тѣмъ съѣзанный епископомъ джезскимъ, навѣстилъ меня.

— Бенвенуто, сказалъ онъ: — должность, которую я занимаю, заставляетъ всѣхъ меня бояться, но его святѣйшество прислалъ меня къ тебѣ нарочно для того, чтобы тебя успокоить; онъ открылъ мнѣ, что самъ никогда убѣжалъ изъ замка Сантъ-Анджело; но онъ сдѣлалъ это при помощи друзей, безъ которыхъ никогда не успѣлъ бы въ своемъ предпріятіи. Онъ соболазнуетъ о твоихъ жестокихъ страданіяхъ. Постарайся же поскорѣе выздоровѣть и будь увѣренъ, что все пойдетъ какъ нельзя лучше: заключеніе, которому ты подвергся совершенно невинно, устройтъ навсегда твое счастье. Тебѣ теперь нечего бояться бѣдности, во Францію ѣхать тоже не нужно: довольно ты на своемъ вѣку потаскался то сюда, то туда; пора успокоиться отъ тревожной жизни. Итакъ, скажи мнѣ откровенно, какъ происходило это дѣло и кто тебѣ помогалъ?

Я рассказалъ ему свое приключеніе отъ начала до конца, не пропуская ничего, не забывъ даже водовоза. Когда я кончилъ, губернаторъ сказалъ:

— Трудно повѣрить, чтобы одинъ человекъ могъ все это сдѣлать! Одинъ ты и способенъ на такія вещи.

Потомъ онъ взялъ меня за руку и прибавилъ:

— Не робѣй, Бенвенуто! я клянусь вотъ этою рукою — ты будешь свободенъ и счастливъ.

Послѣ чего онъ уѣхалъ; за нимъ вошли въ комнату дворяне и вельможи, толпами стекавшіеся ко мнѣ, чтобъ осведомиться о моемъ положеніи.

— Пойдемте взглянуть на челоуька, который дѣлаетъ чудеса, говорили они другъ другу.

Одинъ предлагалъ мнѣ то, другой другое; однимъ словомъ, каждый изъ нихъ приносилъ что-нибудь.

Губернаторъ, возвратясь во дворецъ, передалъ его святѣйшеству то, что я рассказалъ. Синьоръ Піетро Лунджи, сынъ папы, присутствовалъ при этомъ. Вся служители приходили въ неописанное удивленіе.

— Дѣйствительно, вскричалъ папа: — это удивительная исторія!

При этихъ словахъ, синьоръ Піетро Лунджи подошелъ къ папѣ и сказалъ:

— Святѣйшій отецъ, если вы освободите Бенвенуто, то онъ надѣлаетъ вамъ еще болѣе удивительныхъ исторій: этотъ челоуькъ слишкомъ дерзокъ. Я вамъ расскажу сейчасъ еще одинъ изъ его подвиговъ, котораго вы не знаете. Бенвенуто передъ тѣмъ, какъ его заключили въ тюрьму, поссорился съ однимъ изъ придворныхъ кардинала Санта-Фіоре изъ-за какой-то бездѣлицы; онъ простеръ свою дерзость до того, что вызвалъ на дуэль своего противника. А противникъ уведомилъ объ этомъ кардинала. Кардиналъ поклялся, что самъ возьмется за это дѣло и образумитъ безумца. Бенвенуто, узнавъ это, приготовилъ штуцеръ, изъ котораго не даетъ промаха по копейкѣ; когда кардиналъ съѣлъ около огня, онъ схватилъ ружье и прицѣлился въ его преосвященство изъ своей лавки, находящейся по соседству съ дворцемъ. Къ счастью, кардиналъ былъ предостереженъ во-время и успѣлъ отойти. Бенвенуто, чтобы удалить отъ себя подозрѣніе, выстрѣлилъ въ голубя, который сидѣлъ на лѣйцахъ въ трещинѣ, на верху дворца, и (трудно повѣрять) раздробилъ ему голову. Ваше святѣйшество вправѣ поступить съ нимъ, какъ вамъ угодно; я по-крайней-мѣрѣ сдѣлалъ свое дѣло: предупредилъ васъ. Бенвенуто, убѣжденный въ томъ, что былъ посаженъ въ тюрьму несправедливо, можетъ быть задумаетъ выстрѣлить и въ ваше святѣйшество. Этотъ челоуькъ не знаетъ никакихъ препятствій, никакого страха.... Онъ убилъ Помпео, прозвизвъ ему горло двумя ударами кинжала, въ присутствіи десяти челоуькъ, сопровождавшихъ его, и скрылся, къ стыду этихъ людей. Между тѣмъ всѣ они были не трусливаго десятка.

Придворный кардинала Санта-Фіоре, съ которымъ я поссорился, находился тутъ же. Онъ подтвердилъ передъ папою все, что синь-

орь Піетро Лунджя рассказывалъ его святѣйшеству. Папа задыхался отъ гнѣва и не говорилъ ни слова. Теперь я объясню это дело со всюю откровенностію.

Придворный кардинала Санта-Фіоре разъ какъ-то пришелъ ко мнѣ и подавалъ маленькое золотое кольцо, почти все покрытое ртутью, сказалъ мнѣ :

— Отполируй мнѣ это кольцо, да поскорѣе.

Я работалъ въ это время надъ золотыми вещами, усыпанными драгоценными камнями. Услыша такое грубое приказаніе отъ человека, съ которымъ я никогда не говорилъ и котораго никогда не видалъ, я сказалъ ему, что не намеренъ полировать его кольца, что онъ можетъ идти къ кому-нибудь другому. Тогда онъ, ни съ того, ни съ другого, объявилъ мнѣ, что я оселъ. Я отвѣчалъ ему, что онъ лжетъ, и что я лучше его во всѣхъ отношеніяхъ; но что я лагну его какъ оселъ, если онъ меня рассердитъ. Онъ рассказывалъ объ этой ссорѣ кардиналу и расписывалъ меня какъ какого-нибудь дьявола. Два дня спустя я выстрѣлилъ позади дворца въ дикаго голубя, который сидѣлъ на ящикахъ въ трещинѣ стѣны. Я нѣсколько разъ видалъ, какъ одинъ миланскій золотыхъ делъ мастеръ, по имени Джіованнъ Франческо дела Такка, стрѣлялъ по этому голубю, но никакъ не могъ попасть. Въ этотъ день голубь, запуганный выстрѣлами, высовывалъ одну только голову. Я былъ соперникомъ Джіована Франческо по стрельбѣ изъ штуцера; по этому поводу нѣкоторые изъ моихъ пріятелей, сидѣвшихъ у меня въ лавкѣ, говорили :

— Вотъ на верху голубь Джіована Франческо, по которому онъ такъ давно стрѣляетъ; посмотри, будьякъ такъ запуганъ, что высовываетъ только одну голову.

Я посмотрѣлъ на верхъ и сказалъ : «какъ ни мала та часть, которую онъ высовываетъ, я убью его, если онъ только дастъ мнѣ время приложиться.» — Гости мои закричали, что самъ изобретатель штуцера не попалъ бы въ голубя.

— Я держу закладъ, возразилъ я : — бокалъ хорошаго греческаго вина отъ трактирщика Паломбо, если всажу пулю въ маленькую голубиную голову.

Въ ту же самую минуту я прицѣлился по птицу, не сгибая руки и не упирая руся въ плечо, и сдѣлалъ то, что обещалъ, ни мало не думая ни о кардиналѣ, ни о комъ другомъ. Судите же теперь сами, къ какимъ средствамъ ни прибѣгаетъ судьба, когда она хочетъ погубить человека!...

Папа, въ досаду и ярости, размышлялъ о томъ, что сказалъ ему его сынъ. Два дня спустя кардиналъ Корнаро просилъ у его святѣйшества епископства, которое онъ обещалъ одному изъ его дворянъ,

во имени Андреа Чентано. Въ это время открылась вакансія, и кардиналъ напомнилъ паня объ его обещаніи. Павелъ III не отказался отъ своего обещанія и объявилъ, что съ охотою его поместить, если кардиналу угодно будетъ сдѣлать ему одно удовольствіе — отдать въ его руки Бенвенуто.

Кардиналъ отвѣчалъ ему: — «ваше святѣйшество, вы простали Бенвенуто и отдали его мнѣ; что послѣ этого будетъ говорить святѣ о вашемъ святѣйшествѣ и обо мнѣ?»

— Я хочу Бенвенуто, а вы хотите епископство, — а святѣ пускай говоритъ все, что хочетъ, возразилъ паня.

Добрый кардиналъ попросилъ паню дать ему епископство и предоставилъ его святѣйшеству дѣлать все, что ему угодно. Паня, ставъ нѣсколько, что такъ низко нарушаетъ свое слово, прибавилъ: «я пошлю за Бенвенуто и велю поместить его въ нижнюю этажъ, въ комнаткахъ, которыя выходятъ въ мой садъ: это послужитъ мнѣ удовольствіемъ. Тамъ онъ можетъ лечиться и видѣть всѣхъ своихъ друзей. Я принимаю даже всѣ издержки на его содержаніе.»

Кардиналъ возвратился домой и прислалъ ко мнѣ того самого дельрини, которому было обещано епископство, сказать мнѣ волю паня. Я поручилъ мессеру Андреа попросить кардинала не выдавать меня паню и предоставить мнѣ самому выйти изъ этого затруднительнаго положенія. — Я велю запереть себя въ тюфякъ и отвести изъ Рима въ безопасное мѣсто, прибавилъ я: — а выдѣть меня паню, значитъ осудить на вѣрную смерть. — Кардиналъ вѣроятно согласился бы на мою просьбу; но мессеръ Андреа, который домогался епископства, донесъ на меня. Паня тотчасъ же прислалъ за мною и велѣлъ поместить меня въ одной изъ комнатъ, выходящихъ въ потайной садъ. Кардиналъ прислалъ мнѣ сказать, чтобы я ничего не вѣлъ со стола паня, что онъ самъ будетъ доставлять мнѣ пищу, что онъ знаетъ, что не могъ поступить иначе, советовалъ мнѣ не терять мужества и обещалъ сдѣлать все, чтобы возвратитъ мнѣ наконецъ свободу. Инакъ, я не употреблялъ тахъ кушаній, которыя мнѣ присылалъ паня, и вѣлъ только то, что доставлялъ кардиналъ.

Каждый день посѣщали меня вельможи и благородные люди, предлагавшіе мнѣ свои услуги. Въ числѣ пріятелей былъ у меня грекъ, лѣтъ двадцати пяти. Онъ былъ необыкновенно искусенъ во всѣхъ телесныхъ упражненіяхъ, и въ дѣлѣхъ Рима никто лучше его не вѣдалъ шпакою. Онъ былъ благородный и честный человекъ, не слабый и легковарный до крайности. — Онъ слышалъ, будто бы паня объявилъ, что хочетъ положить конецъ моему страданію. Это была правда: паня сначала дѣйствительно говорилъ объ этомъ, но потомъ совершенно измѣнилъ свое намареніе. — «Бенвенуто», гово-

речь моя этого добрый молодой человек: — не гоняру почитаете саухъ, что папа дастъ тебѣ должностъ, приволяющую въ годъ нать сотъ амн дотода; ради Бога, остерегися, чтобы онъ по недосеръию какому не лишнлъ тебѣ этого славнаго кусочка».

Но я, зная, что все это вздоръ, умолялъ его помочь мнѣ убавать. Я увѣренъ, говорилъ я: — что папа могъ бы сделать мнѣ много добра, но я узналъ изъ вѣрнаго источника, что тайнъ онъ старается погубить меня. Если ты освободишь меня отсюда, то я буду обязанъ тебѣ жизнью, которою всегда буду готовъ пожертвовать для тебѣ, въ случаѣ нужды».

Бѣдный молодой человекъ отвѣчалъ мнѣ со слезами на глазахъ: — «братъ, ты стремишься къ погибели, но отказать тебѣ я не въ силахъ. Итакъ, приказывай; я все исполню, хотя мнѣ это очень, очень тяжело».

Мы условились: я открылъ ему свой планъ, который былъ легокъ и вѣренъ. Я не сомнѣвался въ успѣхъ. Каково же было мое отчаяніе, когда, спустя нѣсколько времени, пришелъ ко мнѣ мой пріятель и объявилъ, что для моего собственнаго благополучія онъ рѣшился мнѣ не повиноваться. Бѣшенство мое не знало границъ: бѣгство было единственное средство къ спасенію! Это происходило въ 1539 г., въ день праздника Тѣла Господня. Я спорилъ съ мнѣи грекомъ съ утра до самого вечера; тутъ мнѣ принесли множество блюдъ отъ папы и кардинала. Въ это время пришли нѣкоторые изъ пріятелей; я пригласилъ ихъ отужинать со мною, и мы чудесно поели, несмотря на лубки, стягивавшіе мою ногу. Они ушли домой около часу по полуночи.

У меня была собака, покрытая длинною шерстью, черною какъ смоль. Она чудесно поднимала лапы и никогда не отходила отъ меня ни на шагъ. Въ эту ночь она забилась подъ кровать и выла такъ протажно, что я принужденъ былъ три раза призывать слугъ, чтобы выгнать ее оттуда; но какъ только они показывались, она бросалась и кусала ихъ. Слуги были поражены ужасомъ и думали, что она забилась, потому что не переставала выть. Въ четыре часа ночи, вошедъ въ комнату боргелло съ толпою сборовъ. Увидя ихъ, собака вышла изъ-подъ кровати, съ яростью бросилась на вошедшихъ, разорвала имъ плащи и обувь и страшно ихъ перепугала. Но боргелло, человекъ опытный въ этихъ дѣлахъ, сказалъ:

— Порядочныя собаки всегда предчувствуютъ и предостерегаютъ несчастіе, которое должно случиться съ ихъ господиномъ. — Пусть двое изъ васъ возьмутъ по палкѣ и прогонятъ собаку, а остальные приложатъ Бенвенуто къ стулу и отвесутъ его туда, куда следуетъ.

Сбирь подиалъ меня и заботливо завернулъ въ плаща. Четверо изъ нихъ шли по бокамъ, разогнала прохожихъ, нереда встрѣчавшихся въ опустыненныхъ улицахъ. — Такъ перенесли меня въ Торредь-Ноа, гдѣ заперли въ тюрьму, положить на толщій и грязный матрацъ.

Одинъ изъ сбировъ оставался со мною въ продолженіи всей ночи и во все это время не переставалъ горевать о моей несчастной участи. — Слова этого человѣка и мѣсто, въ которомъ я находился, не оставляли никакого сомнѣнія насчетъ участи, меня ожидавшей. Большую часть ночи я провелъ въ безпокойствѣ, отыскивая причину, по которой Богу угодно было послать мнѣ такое жестокое испытаніе. Но я не зналъ за собою никакой вины и потому страдалъ сильно. Сбиръ утѣшалъ меня, какъ умѣлъ; но я просилъ его именемъ Бога не говорить мнѣ ни слова, потому-что, углубясь весь въ самого себя, я скорѣе и легче могъ на что-нибудь рѣшиться. Онъ обещалъ молчать. Тогда я обращалъ все свои помышленія къ Богу, благоговѣнно умоляя Его призвать меня въ свое царство и простить мнѣ ропотъ на судьбу, — ропотъ, который вырвался у меня потому лишь, что я былъ невиненъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, говорилъ я самъ себя: — если я былъ виновенъ въ убійствахъ, то намѣстникъ Христа самъ вызвалъ меня изъ моего отечества и отпустилъ мнѣ грѣхи собственною властью и властью закона. Къ тому же, если я и убилъ кого, то убилъ защищая тѣло, данное мнѣ Богомъ; следовательно, согласно съ законами, которыми управляется міръ, я не заслуживаю смерти. Мнѣ кажется, что судьба моя похожа на судьбу тѣхъ несчастливцевъ, которые, проходя по улицѣ, умираютъ отъ удара камня, упавшаго имъ на голову. Да, это неоспоримое дѣйствіе могущества звездъ, которыя дѣйствуютъ такъ не потому, что хотятъ намъ зла или добра, но потому, что мы необходимо подчинены ихъ собственнымъ встрѣчамъ. Я признаю впрочемъ, что у меня есть свободная воля, и убѣжденъ, что ангелы небесныя взвели бы меня изъ этой темницы и избавили бы отъ всѣхъ золъ, еслибъ я былъ крѣпокъ своею вѣрою. Но Богъ не счелъ меня достойнымъ этой милости, и пусть силы небесныя прольютъ на меня свой гнѣвъ. — Долго боролся я самъ съ собою и наконецъ предался совершенно на волю Божию и заснулъ.

На разсвѣтъ сбиръ разбудивъ меня, сказалъ: «бѣдняга, теперь не время спать. Уже пришелъ вѣстникъ, который долженъ объявить тебѣ печальную новость».

— Чѣмъ скорѣе выйду я изъ темницы этого міра, отвѣчалъ я: — тѣмъ лучше: я увѣренъ, что душа моя будетъ спасена и я умру невиннымъ. Христосъ, нашъ славный и божественный Спаситель, приметъ

меня въ число своихъ учениковъ и близкихъ, которые, такъ же какъ и онъ, были осуждены на смерть несправедливо. Какъ они, я умираю невиннымъ и благодарю за это Бога отъ всей души. Но почему тотъ, который долженъ объявить мнѣ приговоръ, не входитъ.

— Онъ плачетъ о твоей несчастной участи, отвѣчалъ мнѣ сборъ.

— Войдите, закричалъ я посланному: — войдите, мессеръ Бенедетто; я совершенно готовъ. Лучше умереть невиннымъ, нежели преступнымъ! Войдите, прошу васъ, и приведите ко мнѣ священника, которому бы я могъ сказать еще несколько словъ; я въ этомъ не имѣю нужды, потому-что открыто исповядовался Господу Спасителю, но я хочу соблюсти всѣ предписанія нашей матери — церкви, которой я отъ всего сердца прощаю то, что она произвела противъ меня несправедливый приговоръ. Подойдите же, мессеръ Бенедетто, и прочтите приговоръ.

Въстникъ, безъ котораго меня не могли казнить, приказалъ сбору запереть двери, а самъ бросился къ женѣ сеньора Пьетро Лунджи, которая жила вмѣстѣ съ герцогиней Маргаритой австрійской. Когда его звели къ ней, онъ сказалъ: «Святѣйшая педрона, умолю васъ именемъ Бога, пошлите сказать папѣ, чтобы онъ поручилъ другому прочесть Бенвенуто его приговоръ и исполнить мою должность: я отказываюсь отъ нея навсегда». После чего онъ вышелъ горько рыдая.

Герцогиня, присутствовавшая при этомъ, съ гнѣвомъ сказала: «Вотъ какъ намѣстникъ Иисуса Христа наблюдаетъ правосудіе. Герцогъ, мой первый супругъ, уважавшій Бенвенуто за его таланты и характеръ, поступалъ очень хорошо, когда убѣждалъ его не возвращаться въ Римъ и всѣми средствами старался удержать при себѣ». И она съ негодованіемъ вышла изъ комнаты. Джеролима, жена сеньора Лунджи, тотчасъ же отправилась къ его святѣйшеству. Она бросилась къ его ногамъ и, въ присутствіи многихъ кардиналовъ, начала говорить съ такой силой и энергіей, что привела папу въ замешательство. «Изъ любви къ вамъ», сказалъ онъ: — «мы даруемъ ему жизнь, хотя мы осудили его не изъ враждебнаго чувства». Папа поступилъ такъ лишь потому, что кардиналы слышали, какъ говорила эта удивительная и отважная женщина.

Въ продолженіи всего этого времени я былъ въ странной тревогѣ: сердце мое билось съ необыкновенной быстротою. Тѣ, которые должны были играть печальную роль исполнителей казни, раздѣляли мое безпокойство. Наконецъ, около полудня, всѣ они разошлись, а мнѣ принесли обѣдъ. Я вскричалъ: «Истина восторжествовала надъ зловымъ вліаніемъ звездъ. Боже мой, умоляю тебя, спаси меня, если будетъ на то воля Твоя!» После этого началъ я есть и съ тою же

твердостью, съ которою принималъ вѣсть о смерти, востратилъ надежду на лучшую участь. Отобщаясь съ большимъ аппетитомъ, я остался совершенно одинокъ. Ночью, во второмъ часу, дѣлался ко мнѣ баргелло съ порядочнымъ числомъ обировъ. Они посадили меня на тотъ самый стулъ, на которомъ меня перенесли въ прошедшій вечеръ, а, ласково пошептывая мнѣ ничего не боясь, приказывали своимъ обирамъ за бѣгаться о моей раненой ногѣ, какъ о собственномъ оми. Они повалились ему и принесли меня въ замокъ Санта-Анажелло, изъ котораго я убѣжалъ.

XX.

Когда мы вошли на вершину башни замка, гдѣ находится небольшая дверь, сбрызнулъ меня тамъ на несколько времени. Губернаторъ, несмотря на свою болѣзнь, велѣлъ принести себя ко мнѣ. «Ну, вотъ видныя, а-таки поймалъ тебя!» сказалъ онъ мнѣ. «Да, отвѣчалъ я: — «но и ты видѣлъ, что я сдержалъ свое обещаніе—убѣжалъ отъ тебя. Тебѣ бы меня никогда не захватить, если бы меня не продалъ въ услуженіе маршалу Велетинъ римскому пана-Фарисею. Дѣлай же со мной все, что хочешь, а ничего не боюсь». Услыша это, бѣднякъ заоралъ во все горло: «Для него все равно — жить или умереть! когда онъ былъ здоровъ, то не былъ такъ дерзокъ. Посадите же его въ тюрьму подъ оломо!»

Меня перенесли въ мрачную тѣнищу, находившуюся подъ сводомъ, наполненную водою, тарантулами и другими ядовитыми насекомыми. Тамъ положили мнѣ маленький матрацъ, набитый паклею, и заперли дверь четырьмя замками; вѣсть не дали. Въ такомъ положеніи я очутился до девятнадцатаго часу слѣдующаго дня. Въ это время мнѣ принесли обѣдь. Я спросилъ у тюремщиковъ какихъ-нибудь книгъ; они ничего не отвѣчали, но увидѣвши объ этомъ большого губернатора, который хотѣлъ знать все, что я буду говорить. На другой день поутру мнѣ принесли Библію и хроники Джіована Виллани. Когда я сталъ читать у нихъ другихъ книгъ, то мнѣ отвѣчали, что и этихъ много. Грустно проводилъ я время, лежа на гниломъ матрацѣ. Черезъ нѣсколько дней все пропиталось сыростью. Моя сложенная неса требовала совершеннаго покоя, а я принужденъ былъ въ ужасныхъ мученіяхъ ползать на четверенькахъ, когда, побуждаемый нуждою, слезалъ съ постели, чтобы не марать ея. Каждый день часа на полтора слабый лучъ свѣта прокрадывался въ эту ненавистную тюрьму черезъ узкое отъерстіе. Я могъ читать только въ это короткое время. Остальную часть дня и ночи я проводилъ въ совер-

щенной темноты, безпрестанно помышляла о Боге и о ничтожества человека. Я былъ уверенъ, что мое жадное существованіе скоро прекратится въ этомъ подземельи.

Я сталъ прилежно читать Библию и благоговѣнно размышлять надъ ней. Она до такой степени меня воодушевляла, что я читалъ бы ее, если бы могъ, безконечно; но, когда свѣтъ умиралъ въ моей темницѣ, вся моя бѣдствія, вся страданія возобновлялись еще сильнѣе, еще чувствительнѣе: они повергали меня въ совершенное отчаяніе, такъ-что не разъ я рѣшался умертвить себя. Привести это намѣреніе въ исполненіе было трудно, потому-что мнѣ не давали ножей. Наконецъ изъ огромнаго отрубка дерева мнѣ удалось сдѣлать родъ западни, которая, упавъ мнѣ на голову, могла раздробить ее своею тяжестью. Устроивъ эту машину, я приготовился привести ее въ дѣйствіе; но въ ту самую минуту, когда я протягивалъ къ ней руку, невидимая сила схватила меня и отбросила почти на четыре сажени отъ того мѣста, на которомъ я находился. Меня объялъ такой страхъ, что я лишился чувствъ и пробылъ въ этомъ состояніи отъ разсвѣта до девятнадцатаго часу, въ которомъ мнѣ обыкновенно приносили обѣдъ. Въ это время въ тюрьму вошелъ капитанъ Самудино Мональди и, увидавъ меня, лежащаго неподвижно, сказалъ: «Несчастный! какой печальный конецъ для человека такихъ редкихъ дарованій!» При этихъ словахъ я открылъ глаза и увидѣлъ священниковъ, облаченныхъ въ ризы. «Вы сказали, что онъ умеръ!» вскричали они. «Да, я сказалъ это потому, что нашелъ его мертвымъ», отвѣчалъ Бецца. Меня тотчасъ же подняли, выбросили изъ тюрьмы тюфякъ, который стѣнжалъ до того, что обратился въ рыхлое и волокнистое тѣсто. Губернаторъ, узнавъ объ этомъ, велѣлъ мнѣ дать новыя.

Я все думалъ, кто бы могъ остановить меня въ исполненіи моего намѣренія? Мнѣ казалось, что это былъ мой ангелъ хранитель! Въ слѣдующую ночь мнѣ явилось во сна чудное существо въ образѣ юноши бластательной красоты. Это вѣдѣніе говорило мнѣ съ увереніемъ: «Знаешь ли ты, кто далъ тебѣ то тѣло, которое ты прежде времени хотѣлъ разрушить!» Я кажется отвѣчалъ ему, что получилъ его отъ всемогущаго Бога. «И ты презираешь Его творенія», продолжалъ юноша: — «и ты хотѣлъ его уничтожить? Прислушайся Бму руководитъ тобою и не отчаивайся въ Его благодати. Юноша говорилъ мнѣ еще много чудеснаго; память моя не удержала всеъ всего этого и тысячной части.

Осматривая тюрьму, я замѣтилъ нѣсколько кусковъ кирпича, разломаннаго отъ сырости. Я растеръ ихъ и составилъ изъ этого родъ чернилъ. Потомъ дошелъ на рукахъ и погаль до двери и послѣ большихъ усилій оторвалъ ея велъ зубами нѣбольшую лачинку. Сла-

Давъ это, и сталъ дожидаться минуты, въ которую свѣтъ проникалъ въ мою тюрьму: онъ доходилъ до меня въ двадцатѣ часовъ съ половиною и свѣтилъ въ продолженіи часа; я написалъ тогда на чистыхъ страницахъ моей Библии разговоръ, въ которомъ тѣло упрекало душу въ желаніи разстаться съ жизнью; душа оправдывалась своими страданіями, тѣло воодушевляло ее надеждою на лучшую участь. Вотъ этотъ разговоръ:

*Affitti spirti miei,
Oimè, crudeli, che vi rincrease vita!*

*Se contra il Ciel tu sei,
Chi fia per noi? chi ne porgerà aita?
Lassa, lassaci andare a miglior vita.*

*Deh! non partite ancora,
Che più felici e lieti
Promette il Ciel, che voi fuasi giammai.*

*Noi resterem qualche ora,
Purchè dal magno Iddio concesso sieti
Grazia, che non si torni a maggior guai.*

- О огорченный духъ мой! о, жестокий! тебѣ противна жизнь!
- Если ты возражаешь противъ неба, то что же мнѣ остается? Кто мнѣ подастъ помощь? Я жажду лучшей жизни.
- Нѣтъ, не покидай меня! Небо судить дни болѣе счастливые и отрадные, какихъ ты никогда не испытывалъ.
- Я останусь на нѣсколько времени для того, чтобы Богъ оказалъ намъ милость и не сдѣлалъ чего либо хуже....

Почерпнувъ въ самомъ себѣ эти утѣшенія, я сталъ снова кропотъ духомъ и продолжалъ чтеніе Библии. Я до того приучилъ свои глаза въ темнотѣ, что могъ читать въ продолженіи трехъ часовъ вмѣсто полутора часа. И глубоко удивлялся тому, какъ много можетъ сдѣлать могущество Бога въ душахъ престыхъ, въ которыхъ вѣра еще такъ жива, что можетъ доставлять имъ то, чего онъ пожелаютъ. Я вѣдѣлся, что Всевышній, по своему милосердію и за мою невинность, не оставитъ меня безъ помощи. Вся мои молитвы, все помышленія были обращены къ Нему, и скоро въ этомъ благочестивомъ занятіи я сталъ находить такое наслажденіе, что оно заглушало во мнѣ страданіе; цѣлые дни проводилъ я въ пѣніи псалмовъ своего собственнаго сочиненія и въ нихъ воспѣвалъ славу Господа.

Ногти мои между тѣмъ сдѣлались такъ тверды, что причиняли мнѣ сильную боль; когда я дотрогивался до тѣла, они разрывали кожу; когда я одевался, они гнулись во все стороны и заставляли меня жестоко страдать. Кроме того, зубы мои совершенно испортились: красивые зубы тѣснились слабыми, которые въ свою очередь пробивались черезъ десна, отчего корни ихъ выходили изъ десенъ. Я вынималъ ихъ какъ изъ футляра, не чувствуя никакой боли и безъ малѣйшаго признака крови. Такъ потерялъ я нѣсколько зубовъ. Впрочемъ я свѣкса и съ этими новыми страданіями. Я то плалъ, то молился, то писалъ при помощи разтертаго кирпичца, о которомъ я говорилъ выше. Я началъ, въ похвалу тюремъ; *Capitolo* ⁽¹⁾, въ которомъ рассказывалъ все то, что со мной случилось во время заключенія. Я приведу эти стихи въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.

Добрый губернаторъ присылалъ часто наблюдать за тѣмъ, что я дѣлалъ. Въ послѣдній день іюля мѣсяца я очень радовался, вспоминая о большомъ праздникѣ, который обыкновенно празднуютъ въ Римѣ перваго августа. Я говорилъ себѣ: «Въ прежніе года я проводилъ этотъ праздникъ посреди мірской суеты, этотъ же разъ я проведу его наединѣ съ Богомъ. О, во сколько разъ это послѣднее наслажденіе превосходитъ первое!»....

Шпіоны передали эти слова губернатору, который сказалъ съ досадою:

— Боже мой! этотъ человекъ, несмотря на бѣдствія, его окружающія, живетъ и торжествуетъ; а я, окруженный всеми благами міра, я страдаю, я умираю, и онъ причина моей смерти. Бросьте же его скорѣе въ подземную темницу, въ которой предсказатель Фойано умеръ съ голоду. Можетъ быть намъ удастся уходить его хоть этимъ.

Капитанъ Савдрино Мональди немедленно пришелъ ко мнѣ въ тюрьму, въ сопровожденіи двадцати гайдуковъ губернатора. Они нашли меня на колыняхъ. Я былъ неподвиженъ, я молился Всевѣчному Отцу, окруженному ангелами, молился побѣдоносному Христу, котораго нарисовалъ на стѣнѣ углемъ, найденнымъ мною въ землѣ. Въ продолженіи четырехъ мѣсяцовъ, которые больная нога заставила меня провести въ постели, я такъ часто мечталъ о томъ, что ангелы придутъ перевязать эту ногу, что она зажила у меня совершенно и какъ будто бы никогда не была сломана. Посланные губернаторомъ вошли ко мнѣ вооруженными съ ногъ до головы, какъ будто я былъ какой заразительный драконъ.

(1) *Capitolo*, итальянское стихотвореніе, шуточное или сатирическое, написанное терцетами.

Капитанъ сказалъ мнѣ:

— Намъ кажется не мало, къ тому же мы вошли къ тебѣ съ такимъ шумомъ, что ты долженъ былъ его услышать: отчего же ты не обернешься къ намъ?

— Душа моя, мои помышленія и вся способности, отвѣчалъ я: — обращены къ Богу, Который служить мнѣ подпорою. Что же касается до васъ, то я поступаю съ вами такъ, какъ вы этого стоите: вы недостойны видѣть того, что во мнѣ есть прекраснаго, недостойны прикоснуться къ этому прекрасному, дѣлайте же что хотите съ тѣмъ, что находится въ вашей власти.

Капитанъ, не понявъ смысла моихъ словъ, сказалъ четверемъ самымъ сильнымъ изъ своихъ людей:

— Скорѣй, скорѣй, бросайтесь на него и скрутите его хорошенько. Ну, теперь держите его крѣпче, чтобы онъ отъ васъ не ушелъ.

Видя, что со мной поступаютъ такъ грубо и такъ насильственно, я подумалъ, что меня Богъ знаетъ что ожидаетъ. Я поднялъ глаза къ небу и вскричалъ: «Праведный Боже! Ты крестною смертію искупилъ наши грѣхи! за что же, Господи, я, будучи невиненъ, долженъ пострадать за преступленія, которыхъ даже не знаю? Но да будетъ надо мной Твоя воля!»

Гайдуки губернатора подвѣли меня и понесли при свѣтѣ факела. Я думалъ, что меня хотятъ бросить въ западную Саммало: такъ называлось одно ужасное мѣсто, гдѣ погубило много людей, упавшихъ оттуда въ глубокой колодезь, вырытый подъ основаніемъ замка. Но меня не постигла эта участь, и потому мнѣ казалось, что я отдался отъ бѣды довольно счастливо. Меня положили въ ту страшную яму, въ которой Фойано умеръ съ голоду. Оставшись одинъ, я пропѣлъ *de profundis*, *Miserere* и *in te Domini speravi*. Весь день первого августа я провелъ прославляя Бога. Сердце мое, исполненное вѣры и надежды, сильно трепетало. На другой день меня вынули изъ этой могилы и перевели въ ту тюрьму, въ которой я варисовалъ Бога Отца и Его Божественнаго Сына. Увидя снова эти изображенія, я заплакалъ сладкими слезами радости.

Губернаторъ хотѣлъ знать все, что я дѣлаю и говорю, и обо всемъ этомъ уведомлялъ папу. Между тѣмъ докторъ отказался спасти жизнь губернатора. Папа, узнавъ объ этомъ, воскликнулъ:

— Я не хочу, чтобы мой губернаторъ умеръ, не отмстивъ Бенвенуто, который былъ причиною его смерти. Я даю ему позволеніе погубить его такъ, какъ ему захочется.

Когда герцогъ Лунджи передалъ эти слова губернатору, тотъ сказалъ:

— Папа отдастъ мнѣ Бенвенуто и хочетъ, чтобы я ему отмстилъ; хорошо же, пусть онъ о немъ болѣе не думаетъ и предоставитъ все это дѣло мнѣ.

Въ сердцѣ папы не было ко мнѣ ни малѣйшей жалости, но въ суровомъ и жестокомъ губернаторѣ ея было еще меньше.

Въ это самое мнновеніе невидимое существо, удержавшее отъ самоубійства руку мою, потрясло все существо мое, приподняло съ ложа, на которомъ я лежалъ, и явственно сказало :

— Скорѣй, скорѣй, Бенвенуто, обрати къ Богу обычныя молитвы, зывай къ Нему со всѣмъ усердіемъ!

Въ ужасѣ я бросился на колѣни, прочелъ молитвы и *Qui habitat in adjutori*, потомъ началъ бесѣдовать съ Богомъ. Вдругъ, тотъ же сильный и звонкій голосъ сказалъ мнѣ :

— Отдыхай теперь и не бойся ничего.

Въ самомъ дѣлѣ, губернаторъ, осудившій меня на самую ужасную смерть, неожиданно отменилъ свои приказанія и сказалъ :

— Развѣ Бенвенуто не тотъ человѣкъ, котораго я такъ часто защищалъ, котораго невинность и несчастную участь я знаю лучше другихъ? Можетъ ли Всемогущій Богъ имѣть состраданіе ко мнѣ и къ моимъ грѣхамъ, если я не прошу тѣхъ, которые меня оскорбили? За что я буду преслѣдовать человѣка добраго и оказавшаго мнѣ услугу? Нѣтъ, вмѣсто смерти, я даю ему жизнь и свободу, и въ своемъ завѣщаніи прикажу не брать съ него ничего за издержки на него во время горькаго заключенія!

Папа, узнавъ объ этомъ, сильно разсердился.

Между тѣмъ я продолжалъ молиться и писать *Capitolo*. Каждую ночь я видѣлъ сны такіе свѣтлые, такіе отрадные, какіе только можно представить. Мнѣ казалось, что со мной постоянно находится то божественное существо, которое такъ часто подавало мнѣ спасительныя совѣты. Я умолялъ его объ одной милости : перенести меня на такое мѣсто, съ котораго бы я могъ увидѣть солнце; я говорилъ ему, что это мое единственное желаніе, и что я умру совершенно довольнымъ, если хоть разъ еще увижу это свѣтло. Я такъ привыкъ къ ужасамъ тюрьмы, что забывалъ о нихъ. Между тѣмъ домашніе губернатора, ожидавшіе, что меня повѣсятъ на томъ самомъ зубцѣ, съ котораго я спустился, какъ это онъ самъ объявилъ, были очень разсержены тѣмъ, что онъ совершенно измѣнилъ свои намѣренія. Они всѣми возможными средствами старались пробудить во мнѣ ужасъ къ смерти; но я такъ привыкъ ко всему, что ничего не боялся. Меня преслѣдовало лишь одно желаніе увидѣть солнце, и я не переставалъ возсылать ко Христу горячія молитвы.

— Истинный Сын Божий, говорилъ я: — именовъ твоего рожденія, твоей крестной смерти и твоего славнаго воскресенія, умоляю Тебя, удостой меня увидать солнце, хотя во снѣ. Если Ты возволишь мнѣ смертнымъ глазамъ увидать его, то я пойду на поклоненіе къ твоему святому гробу.

Я провнесь этотъ обѣтъ и эту жаркую молитву второго октября 1539 года. На слѣдующій день я проснулся на разсвѣтъ, почти за часъ до восхода солнца, всталъ съ своей малкой постели, завернулся въ плащъ, потому-что время было холодное, и началъ молиться усервие обыкновеннаго. Я умолялъ Христа открыть мнѣ, за какое преступленіе я терплю жестокое наказаніе; я заклиналъ Его не отказать мнѣ по-крайней-мѣрѣ въ этой милости, если Ему не угодно было, чтобъ я увидѣлъ солнце.

Едва я окончилъ молитву, какъ мой невидимый гевій, подобно вихрю, охватилъ меня и перенесъ меня въ какую-то залу, гдѣ онъ явился мнѣ подъ видомъ юноши, лицо котораго блистало удивительной, но суровой красотой.

— Всѣ тѣ, которыхъ ты видишь здѣсь, окончили путь земной жизни, сказалъ онъ мнѣ, указывая на безчисленное множество фигуръ, наполнявшихъ залу.

Я спросилъ его, зачѣмъ онъ привелъ меня въ это мѣсто.

— Слѣдуй за мною, скоро ты все узнаешь, отвѣчалъ юноша.

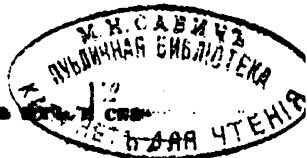
На мнѣ была кольчуга, въ рукъ маленькій книжалъ. Онъ обвелъ меня вокругъ этой огромной залы, указывая на миллионы существъ, двигавшихся во всѣ стороны. Мы подошли потомъ къ маленькой двери, которая вела въ узкую улицу; туда-то увлекъ меня мой путеводитель. Когда мы вышли изъ залы, оружіе мое исчезло, и я остался въ бѣлой рубашкѣ, съ непокрытой головой, по правую руку моего спутника. Удивленіе мое еще болѣе увеличилось, когда я не могъ узнать улицы, по которой мы шли. Поднявъ глаза, я увидѣлъ свѣтъ солнца, падавшій нѣсколько выше меня, на фасадъ одного дома.

— Другъ, сказалъ я своему спутнику: — какимъ образомъ мнѣ поднаться на такую высоту, чтобы увидать солнце?

Онъ показалъ мнѣ на ступени, заходившіяся по правую сторону, и сказалъ:

— Ступай туда одинъ.

Я отошелъ отъ него на нѣсколько шаговъ и сталъ задомъ воходить по ступенямъ. Мало-по-малу я приближался къ солнцу. Я всходилъ очень постыжно и остановился только тогда, когда зоры мои обняли весь его кругъ. Блескъ его лучей заставилъ меня закрыть

глаза, во восторг и устыдился своей слабости, отирала слезы:

— О, милое солнце, какъ долго я ждалъ тебя видѣть: я стану смотреть на твое блистательное чело, хотя бы отъ этого должно было ослабнуть!

И я пристально смотрѣлъ на него нѣсколько минутъ: вдругъ оно обратило свѣтъ свой на другую сторону и представилось мнѣ безъ лучей, такъ что я могъ смотреть на него свободно. Я былъ изумленъ этимъ явленіемъ и въ живѣйшемъ восторгѣ отъ милости, дарованной мнѣ Богомъ, вскричалъ:

— О, какъ чудно и славно твое могущество! какъ далеко превосходить твоя благодѣтельность мои ожиданія!

Солнце и его лучи походили на дождь изъ расплавленного золота. Въ то время какъ я смотрѣлъ на это явленіе, середина солнца расширилась, и изъ нея вышелъ Іисусъ Христосъ на крестѣ изъ такого же вещества какъ и солнце. Все въ немъ дышало такою прелестью и такимъ величіемъ, что умъ человека не можетъ представить себѣ и тысячной части. Увидя Его, я воскликнулъ:

— Чудо! чудо! О Боже! о благодѣтели! о безпрядельное могущество! какими благодѣяніями осылаешь Ты меня!

Я еще успѣлъ окончатъ этия слова, какъ Іисусъ Христосъ слился съ лучами солнца; потомъ на срединѣ его снова образовалась вынуклость и приняла видъ Мадонны съ младенцемъ на рукахъ: она сіяла чудесной красотою; на устахъ божественнаго младенца играла улыбка. По обѣ стороны нѣтъ было ни ангелу. На правой сторонѣ солнца я замѣтилъ еще одну фигуру въ святительскомъ платьѣ. Она стояла ко мнѣ спиною и смотрѣла на Пресвятую Дѣву и ея Сына. Я не переставалъ благодарить Бога и возсылать Ему хваленья. Наконецъ, по прошествіи четверти часа, это чудное зрѣлище исчезло, и я снова очутился на своей бѣдной постели. Тогда я громко воскликнулъ:

— Всевѣщайшій Владыко благоволилъ показать мнѣ Свою славу въ такомъ блескѣ, въ какомъ не выдалъ бы можетъ быть ни одинъ смертный. Эта высшая милость превозноситъ мнѣ, что я буду свободенъ, счастливъ и въ милости у Бога; а вы, негодяи, злодѣи мои, вы будете презрѣны и прозябты Господомъ. Знайте же, что въ день всѣхъ святыхъ, въ который я родился (1500 года, перваго октября), въ четыре часа ночи, вы будете принуждены выпустить меня изъ этой мрачной темницы: я прочелъ это собственными своими глазами на престолѣ Господа Бога. Святитель, заправшій на Бога, былъ никто другой, какъ самъ Петръ. Онъ защищалъ меня, негодюя на то, что въ его царствѣ христіане дѣлаются жертвами ужасныхъ несправедливостей. Объявите же всѣмъ, что вы не имаете болѣе власт

вредить мнѣ и скажете тому, кто меня здѣсь удерживаетъ, чтобы онъ мнѣ далъ воску или бумагу: я изобразю тогда мое чудесное видѣніе и докажу ему то, въ чемъ онъ можетъ быть усомнится.

Доктора не имѣли уже ни малѣйшей надежды спасти жизнь губернатора; но онъ находился еще въ полной памяти и не страдалъ припадками сумасшествія, которые случались съ нимъ ежегодно. Онъ уведомлялъ папу о чудесахъ, рассказанныхъ мною; но папа отвѣчалъ ему, что я помѣшанъ. Губернаторъ, получивъ этотъ отвѣтъ, прислалъ мнѣ все, что нужно было для письма, кромѣ того воску и маленькій лѣпной снарядъ. Онъ сопровождалъ этотъ подарокъ добрыми и утѣшительными словами, которыя передалъ мнѣ одинъ изъ его слугъ, любившій меня и составлявшій совершенную противоположность съ шайкою мерзавцевъ, желавшихъ моей смерти. Я принялъ воскъ и бумагу и написалъ соннетъ, который посвятилъ губернатору.

На другой день тотъ же слуга принесъ мнѣ объѣдъ, и я отдалъ ему соннетъ. Вся его товарищи желали мнѣ зла, а потому онъ тихонько передалъ его губернатору, который убѣдился, что несправедливость, которой я былъ жертвой, была главной причиной его смерти, — и охотно бы освободилъ меня. Онъ взялъ соннетъ и, прочтя его нѣсколько разъ, сказалъ: «Слова эти и мысли показываютъ, что ихъ написалъ не сумасшедшій, а добрый и честный человѣкъ.» — Онъ тотчасъ же приказалъ своему секретарю отнести этотъ соннетъ папѣ, отдать въ собственныя руки и попросить его возвратитъ мнѣ свободу. Въ то время, какъ секретарь исполнялъ его приказаніе, губернаторъ прислалъ мнѣ свѣчей для ночи и дня, и вѣсть съ тѣмъ все то, что могло усладитъ мое заключеніе. Мое здоровье, находившееся въ довольно жалкомъ состояніи, начало поправляться. Папа нѣсколько разъ прочелъ мой соннетъ и поручилъ секретарю сказать губернатору, что онъ вскорѣ получитъ пріятную вѣсть. Вѣроятно онъ выпустилъ бы меня изъ тюрьмы; но сеньоръ Лунджа, его сынъ, удерживалъ меня въ ней почти противъ воли его святѣйшества.

Утромъ, въ день всѣхъ святыхъ, въ то время, какъ я рисовалъ и лѣпилъ то чудное явленіе, о которомъ уже рассказывалъ, губернаторъ, находясь при послѣднемъ издыханіи, прислалъ мнѣ показать черезъ своего племянника Піетро Уголини нѣсколько драгоценныхъ камней. Увидя ихъ, я вскричалъ:

— Вотъ знаменье моего освобожденія.

— Перестань думать объ этомъ, Бенвенуто, сказалъ мнѣ этотъ молодой человѣкъ ограниченного ума.

— Унеси драгоценности, отвѣчалъ я ему: — я плохо вижу въ этомъ подземельи и не могу опредѣлить достоинства камней. Что же

касается до моего освобождения изъ тюрьмы, то говорю тебѣ, что прежде окончанія этого дѣла вы придете отворить мнѣ двери: такъ должно быть, и вы не можете воспрепятствовать этому.

Онъ вышелъ, приказалъ меня запереть и удалился. По прошествіи несколькихъ часовъ онъ снова пришелъ, но ужь безъ вооруженной свиты и въ сопровожденіи двухъ молодыхъ людей, которые помогли мнѣ идти. Меня перевели въ ту самую комнату, которую я занималъ въ 1538, и доставили тамъ все необходимыя для меня удобства.

Скоро губернаторъ совершенно изнемогъ отъ своей болѣзни и умеръ въ полной увѣренности, что мнѣ возвратили свободу. Его мѣсто занялъ Антонио Уголини, его братъ, который убавилъ его, что я выпущенъ изъ тюрьмы. Папа приказалъ мессеру Антонио оставить меня въ моей новой темницѣ впредь до новаго приказанія.

Мессеръ Дюранте и солдатъ — помощникъ аптекаря въ Прато, о которыхъ я говорилъ выше, согласились асыпать мнѣ въ кушанье яду, который въ четыре или пять мѣсяцовъ могъ причинить мнѣ смерть. Они вздумали употребить для этого растертый алмазъ. Этотъ камень въ существѣ своемъ не имѣетъ ничего ядовитаго; но онъ такъ кропокъ, что даже въ порошокъ сохраняетъ чрезвычайно острыя угловатые формы, тогда какъ другіе камни растирался теряютъ свою угловатость и обращаются въ совершенно круглыя порошкы. Во время пищеваренія эти острыя частички садятся на брышныя перегородки и кишки, потомъ, вмѣстѣ съ пищей, которую мы принимаемъ въ желудокъ, двигаются, раздражаютъ внутренности, и тамъ причиняютъ неизбежную смерть. Стекло, напротивъ, и все другіе камни, кромѣ алмаза, не могутъ остановиться внутри и выходятъ вмѣстѣ съ пищею. — Мессеръ Дюранте далъ одному изъ сторожей зѣмля алмазъ ничтожный цѣны, а сторожъ этотъ, говорятъ, поручилъ его обработать въ порошокъ одному изъ моихъ смертельныхъ враговъ — Ліоне Ліони⁽¹⁾, золотыхъ дѣлъ мастеру. Ліоне былъ очень бѣденъ, а камень стоилъ нѣсколько десятковъ эску, и потому онъ далъ сторожу другой порошокъ, уверивъ этого простака, что порошокъ полученъ дѣйствительно изъ того алмаза, которымъ они рѣшились меня уго-

(1) Ліоне Ліони д'Арrezzo, въ то время, о которомъ говоритъ Бенвенуто, не имѣлъ ни той извѣстности, ни того вліянія, которыми онъ сталъ пользоваться на половинѣ своей жизни; въ 1540 онъ былъ даже приговоренъ къ отнятію руки за то, что прибилъ папскаго брильянтика. Впрочемъ наказаніе это было замѣнено галерана, а по прошествіи года онъ былъ совершенно прощенъ. Онъ сдѣлалъ множество статуй и медалей для Карла V, который въ награду за это сдѣлалъ его кавалеромъ и далъ ему домъ въ Миланѣ. Ліоне помѣстился въ немъ и составилъ тамъ великолѣпное собраніе рѣдкостей.

стить. Въ пятницу утромъ этотъ порошокъ былъ предложенъ мнѣ во всю кушанья: въ салатъ, соусы и супъ. Я вѣлъ отъ большаго удовольствіемъ, потому-что вечеромъ, наканунѣ правдника, мостничалъ. Что-то хрустѣло у меня на зубахъ, но я не могъ подозрѣвать въ этомъ злодейскаго умысла моихъ враговъ. После обѣда я замѣтилъ, что на салатѣ, который остался на моей тарелкѣ, блестѣли какія-то маленькія крупинки: рассматривая ихъ около окошка, я вспомнилъ о странномъ хрустѣннѣ, которое мнѣ слышалось въ то время, какъ я ѣлъ. Рассмотрѣвъ эти порошокки столько, сколько позволяло не-вооруженное зрѣніе, я убѣдился, что это былъ растертый алмазъ, и считалъ себя уже мертвымъ. Зная, что меня ничто не могло спасти, я началъ усердно молиться, и въ продолженіи цѣлаго часа благодарилъ Бога за то, что Онъ послалъ мнѣ такую легкую смерть. Судьба произнесла мой приговоръ, но я утѣшалъ себя тѣмъ, что расстанусь съ жизнью безъ всякихъ страданій. Я предался на волю Провидѣнья, благославлялъ міръ и жизнь, которую въ немъ провелъ, и надеялся перейти въ лучшую жизнь, при помощи Бога; мнѣ казалось, что я вполне заслужилъ эту милость. Въ то время, какъ эти мысли толпились въ моей головѣ, я держалъ въ рукѣ крупинки земли, который, по моему мнѣнію, былъ алмазъ. Надежда никогда не оставляетъ насъ совершенно: я взялъ нѣсколько порошокковъ и положилъ ихъ на желѣзо, началъ давить ножомъ, сначала тихо, а потомъ такъ сильно, что раздавилъ ихъ. Новая надежда проникла въ сердце, и я воскликнулъ:

— Мой врагъ мессеръ Дюрранте вѣрно готовилъ мнѣ не то; камень этотъ слишкомъ мягокъ и не можетъ причинить ни малѣйшаго зла.

Я не думалъ болѣе о смерти, но благодарилъ Бога и благославлялъ бедность, которая часто убиваетъ людей, но которая, на этотъ разъ, спасла мнѣ жизнь. И въ самомъ дѣлѣ: мессеръ Дюрранте или кто-нибудь другой поручилъ Ліоне обратять въ порошокъ алмазъ, стоявшій около ста эю; Ліоне, находясь въ нуждѣ, удержалъ у себя этотъ камень и замѣнилъ его зеленоватымъ аквамаринномъ, цѣною въ два карлина. думая можетъ быть, что онъ произведетъ такое же дѣйствіе, какъ и алмазъ.

Въ это время монсеньоръ де Росси изъ Пармы, епископъ Павія и братъ графа Санъ-Секондо, содержался вмѣстѣ со мной въ замкѣ, вслѣдствіе какихъ-то смутъ въ Павіи. Этотъ вельможа очень любилъ меня. Подойдя къ одному изъ щелей, образовавшихся въ стѣнѣ моей тюрьмы, я громко позвалъ его и объявилъ ему, что эти злодѣи сдѣлали попытку уморить меня посредствомъ толченаго алмаза. Я поручилъ одному изъ его людей показать ему нѣсколько крупинокъ, кото-

рыя нарочно спряталъ, но не сказалъ мнѣ, что это не настоящій алмазь. Напротивъ, я увѣрялъ, что эти разбойники воспользовались смертію губернатора и хотѣли отравить меня. Наконецъ я просилъ его давать мнѣ каждый день по хлѣбу, въ продолженіи того времени, которое мнѣ оставалось прожить, потому-что я рѣшился ничего не ѣсть изъ ихъ рукъ. Онъ обещалъ мнѣ дѣлать со мной свою пищу.

Новый губернаторъ, мессеръ Антоніо, который вѣроятно не участвовалъ въ этомъ преступленіи, надѣлалъ ужаснаго шума и хотѣлъ видѣть растолченный камень, въ полной увѣренности, что это алмазь; но когда ему пришло въ голову, что папа принималъ тутъ тоже маленькое участіе, то онъ счелъ, что гораздо благоразумнѣе хранить молчаніе.

Я продолжалъ писать *Capitolo* и прибавлялъ къ нему все, что со мной случилось новаго. Я питался только тѣми кушаньями, которыя мнѣ присылалъ епископъ Павіа. Губернаторъ же, мессеръ Антоніо, присылалъ мнѣ пищу черезъ солдата Джіованни, отставнаго аптекаря изъ Прато, моего смертельнаго врага. Я объявилъ ему, что ничего не буду ѣсть изъ его рукъ прежде чѣмъ онъ не попробуетъ самъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что это дѣлается только для папы. Я возразилъ ему, что если дворяне обязаны дѣлать это для папы, то такой флорентинецъ, какъ я, имѣетъ еще болѣе права требовать этого отъ солдата, отъ отставнаго аптекаря, отъ крестьянина изъ Прато, какъ онъ. У насъ разумѣется вышелъ ужасный споръ. Мессеръ Антоніо приказалъ другому приносить мнѣ кушанье. Этотъ новый слуга былъ ко мнѣ привязанъ и охотно пробовалъ то, что приносилъ. Онъ объявилъ мнѣ, что монсеньоръ де Мондукъ всякой день настоятельно требовалъ меня; но папа вовсе не былъ расположенъ освободить меня. Онъ прибавилъ, что кардиналъ Фарнезе, мой прежній другъ и покровитель, объявилъ, что мнѣ еще долго не выйти изъ тюрьмы. Я поклялся, что получу свободу наперекоръ имъ всѣмъ. Добрый молодой человекъ умолялъ меня успокоиться, замѣчая, что если я буду говорить такія вещи, то еще болѣе поврежу себя.

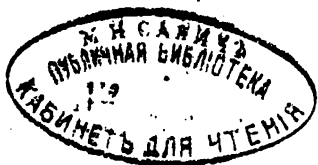
Нѣсколько дней спустя кардиналъ Феррары прибылъ въ Римъ и явился къ папѣ, который удерживалъ его у себя до самого ужина. Папа былъ чрезвычайно умный человекъ, и ему очень хотѣлось поговорить съ кардиналомъ о Франціи на свободу: онъ зналъ, что за столомъ говорятся такія вещи, которыхъ нигдѣ болѣе не услышишь. Кардиналъ, зная совершенно характеръ и великопипную жизнь великаго короля Франциска I, такъ умѣлъ занять и позабавить папу, что превзошелъ его ожиданія: папа былъ въ чудесномъ расположеніи духа, тѣмъ болѣе, что въ этотъ самый день онъ имѣлъ обыкновеніе напиваться пьянымъ, послѣ чего его всегда тошнило. Кардиналъ, замѣ-

та, что его святѣйшество былъ расположенъ къ милости, началъ съ жаромъ просить за меня отъ имени короля и объявилъ папѣ, что его величеству очень бы хотѣлось имѣть меня при себѣ. Папа, находясь совершенно подъ вліяніемъ вина и чувствуя, что его начинаетъ тошнить, сказалъ кардиналу съ громкимъ смѣхомъ :

— Ну, хорошо, хорошо, возьмите его къ себѣ, не теряя ни минуты.

Потомъ онъ отдалъ нужныя для этого приказанія и всталъ изъ-за стола. Кардиналъ прислалъ за мною прежде, чѣмъ узналъ объ этомъ сивьоръ Піетро Лувджи, который никакъ бы не выпустилъ меня изъ тюрьмы. Около четырехъ часовъ ночи двое дворянъ, изъ придворныхъ кардинала пришли за мной и проводили меня къ его преосвященству. Кардиналъ принялъ меня очень ласково и отвелъ мнѣ въ своемъ дворцѣ помѣщеніе, гдѣ я нашелъ всѣ удобства.

Мессеръ Антоніо требовалъ, чтобы я заплатилъ за всѣ издержки, которыя были употреблены на мое содержаніе и на сборы. Онъ не хотѣлъ исполнить того, что братъ его обещалъ мнѣ. Я заплатилъ имъ вѣсколько десятковъ экио. слѣдуя совѣту кардинала, который велѣлъ мнѣ быть какъ можно осторожнѣе, если я дорожу жизнью, потому-что :апа сожалѣлъ уже о томъ, что выпустилъ меня. Я никогда бы кажется не получилъ свободы, если бы кардиналъ не увелъ меня изъ тюрьмы въ тотъ же вечеръ.

ЗАПИСКИ БЕНВЕНУТО ЧЕЛЛИНИ

ФЛОРЕНТИЙСКАГО ЗОЛОТЫХЪ ДѢЛЪ МАСТЕРА И СКУЛЪПТОРА

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Императорской Академіи Наукъ

1848

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
указанное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, декабря 31-го дня 1847 г.**

Ценсоръ С. Кутурга.

Ценсоръ Н. Срезневскій.

ЗАПИСКИ

БЕНВЕНУТО, СЫНА ДЖИОВАННИ ЧЕЛЛИНИ, ФЛОРЕНТИНЦА,
СОСТАВЛЕННЫЯ ИМЪ САМИМЪ, ВО ФЛОРЕНЦІИ.

=

I.

(1539 — 1562)

Я долженъ нѣсколько заглянуть назадъ, чтобы пояснить читателямъ нѣкоторыя изъ фактовъ, приводимыхъ мною въ Caritolo.

Въ числѣ пріятелей, навѣщавшихъ меня во время моего пребыванія у кардинала Корнаро и въ потайномъ саду папы, былъ кассиръ мессера Биндо Альтовитти, по имени Бернардо Галлуцци. Ему я ввѣрилъ нѣсколько сотъ экю. Молодой человѣкъ явился ко мнѣ въ потайной папскій садъ и хотѣлъ отдать деньги; на это я ему сказалъ, что золото мое не можетъ быть ни въ лучшихъ рукахъ, ни въ лучшемъ мѣстѣ. Ему какъ-то не хотѣлось оставить при себѣ деньги, такъ что я принудилъ его къ этому почти силой. Когда же я окончательно оставилъ замокъ, бѣдный молодой человѣкъ разорился, слѣдовательно я остался не при чемъ.

Приведу здѣсь же ужасный сонъ, видѣнный мною въ тюрьмѣ: таинственное существо начертало на моемъ челѣ перомъ, въ высшей степени важныя слова и три раза повторило, чтобы я никому не открывалъ ихъ. Проснувшись, я почувствовалъ на лбу слѣды этихъ словъ. Впрочемъ, въ Caritolo я часто упоминаю о по-

добрыхъ чудесахъ. Все, что случилось съ сеньоромъ Пьетро Луккажи мнѣ было предсказано такъ ясно и точно, что могло быть открыто однимъ ангеломъ.

Не умолчу также о происшествіи самомъ удивительномъ, когда либо случавшемся съ человѣкомъ, не умолчу для того, чтобы доказать, что Богу угодно было удостоить меня откровеніемъ своего таинственнаго промысла. Пусть же узнаютъ всѣ, что послѣ рассказаннаго видѣнія надъ моею головою разлился чудный свѣтъ, видѣнный ясно тѣми изъ моихъ друзей, которымъ я его показывалъ. Свѣтъ этотъ можно увидать на моей тѣни утромъ въ продолженіи двухъ часовъ по восхожденіи солнца, преимущественно тогда, когда трава покрыта росой, и вечеромъ, когда солнце закатывается. Я примѣчалъ его въ Парижѣ, гораздо яснѣе нежели въ Италіи, потому-что въ этой странѣ воздухъ чаще наполненъ парами.

Теперь приведу *Capitolo* въ честь тюрьмы, а потомъ снова начну рассказъ о счастливыхъ и несчастныхъ происшествіяхъ, которыя ознаменовали и ознаменуютъ жизнь мою.

САРИТОЛО, посвящается Лукъ Мартини ¹⁾.

«Чтобы постичь всемогущество Бога и узнать до какой степени можетъ Ему уподобиться человѣкъ, необходимо, подобно снѣгу, испытать тюремное заключеніе.

«Необходимо быть угнетену заботами, обременену семействомъ, аудручену болѣзнями, измучену долгимъ странствованіемъ.

«И такъ, если ты хочешь воспроизвести что нибудь великое, что пусть захватятъ тебя, невиннаго, бросятъ въ темницу, всѣми оставленнаго.

«Пусть отнимутъ у тебя малость, которою владѣлъ ты, пусть останутъ обращаться съ тобою сурово и грубо, угрожать смертью, не подавая ни малѣйшей надежды на спасеніе.

«Тогда, движимый отчаяніемъ, ты разбиваешь двери темницы, спускаешься съ высоты стѣнъ замка, опасаясь тюрьмы и рачиѣ этой.

«Но этого мало, Лука, — слушай: въ своемъ паденіи ты переламываешь ногу, тебя снова схватываютъ и ввергаютъ въ

¹⁾ Переводчикъ по возможности старался сохранить собственныя, напечатанныя выраженія автора, характеризующія вообще мелкія итальянскія стихотворенія.

«мокрою лну, не оставляя даже плаща, чтобъ укрыться отъ сырости.

«И ни одного дружескаго слова! лишь печальныя вѣсти приносятъ тебѣ, выѣтъ съ пищею, солдатъ, грязный аптекаръ, презрѣнный мужикъ изъ Прато.

«Въ довершеніе всего, въ темницѣ твоей стоитъ лишь сломанный стулъ, сидя на которомъ ты силишься придумать что-нибудь новое.

«Служителю — нарочный приказъ не слушать словъ твоихъ, ничего не давать тебѣ и даже дверь отворять лишь въ половину.

«Какое дивное положеніе для ума вѣчно дѣятельнаго, отъ колыбели исполненнаго высокими мыслями и помыслами! Ни бумаги, ни пера, ни чернилъ, ни инструментовъ, ни даже огня!

«И тебя преслѣдуетъ грусть, тоска, томленіе! . . .

«Но возвратимся къ главному предмету — воздадимъ хвалу и славу тюрмѣ, хвалу, которой она вполне заслуживаетъ; но исполнить это достойнымъ образомъ — не могли бы самые ангелы.

«Человѣкъ благонамѣренный ввергался въ тюрьму не иначе, какъ по ненависти управителей или злаго властелина или по поводу ссоры или изъ-за любви къ прелестницѣ.

«Сказать по правдѣ, лишь здѣсь, въ этой тюрмѣ человѣкъ познаетъ Бога и безпрестанно къ нему взываетъ, потому-что испытываетъ всѣ мученія ада.

«Пусть человѣка самаго развратнаго, извѣстнаго всѣмъ своимъ распутствомъ, заставятъ провести въ тюрмѣ два печальные года — и онъ выйдетъ изъ нея чистымъ и добродѣтельнымъ, и будетъ всѣми любимъ и уважаемъ.

«Это потому, что здѣсь, въ темницѣ, и тѣло, и душа, и одежда — все утончается. Человѣкъ самый грубый сдѣлается нѣжнымъ и воспримчивымъ и можетъ возвыситься до горнихъ областей.

«Разскажу тебѣ великое чудо. Однажды, уступивъ желанію, внушаемому иногда несчастіемъ, мнѣ захотѣлось писать.

«Я обошелъ всю комнату, взмучилъ брови и волосы; потомъ подошелъ къ двери и зубами оторвалъ небольшую щепочку.

«За тѣмъ, взявъ кусокъ кирпичу, брошенный здѣсь судьбою, обратилъ его въ порошокъ и при помощи протухлой воды составилъ чернила.

«Тогда, тогда огонь поэзіи вселился въ меня! Да, я увѣренъ, что вдохновеніе пришло ко мнѣ путемъ нечистотъ, потому-что это была единственная дорога.

«Но возвратился опять къ первоначальной мысли: чтобъ познать добро, надо испытать зло.

«Будемъ же говорить о темницѣ. Не она ли начало всѣхъ искусствъ? не тѣсно ли она соединена со всѣми этими искусствами?

«По своему свойству, она вдыхнетъ въ тебя краснорѣчіе, отвагу, смѣлость, вселитъ въ тебя идеи добра и зла.

«Счастливы тотъ, кто можетъ состарѣться въ мрачной темницѣ! если ему удастся выйти изъ нея, то онъ будетъ въ состояніи толковать о войнѣ, о перемѣнѣхъ и мирѣ.

«Онъ преуспѣетъ во всемъ, потому-что, сидя за затворами, онъ приобрететъ такіе прекрасные таланты, что умъ его не захочетъ плясать сарабанду ¹⁾).

«Во время моего заключенія, я видѣлъ монаховъ, священниковъ, солдатъ, но наимпреступнѣйшіе не оставались въ заключеніи.

«Ахъ, еслибъ ты могъ постичь бѣшенство, которое овладѣваетъ тобою, когда кто нибудь изъ этихъ негодяевъ освобождается изъ тюрьмы, а ты остаешься! Ты готовъ проклясть день своего рожденія.

«Нескажу ничего болѣе, потому-что сердце мое сдѣлалось золотомъ, тѣмъ чистымъ золотомъ, которое такъ трудно обдѣлывать.

«Я припоминаю еще кое-что, о чемъ еще не сказалъ тебѣ, Лука: для письма у меня была лишь одна книга, —

«На поляхъ которой я начерталъ ужасныя мученія, истерзанія мои члены. Я еще не говорилъ тебѣ, что мои чернила были густы, —

«Такъ густы, что я принужденъ былъ обмакивать въ нихъ деревянное перо раза по три, чтобы написать о. Я полагаю, что игрѣшники въ аду не испытываютъ такихъ жестокихъ мученій.

«Но не перваго меня заключило въ тюрьму неправосудіе. И такъ, промолчу лучше и снова обращусь къ тюрьмѣ, гдѣ муки спалятъ мнѣ голову и сердце.

«Я не хочу, чтобъ кто нибудь другой воспѣлъ ее во всеуслышаніе: безъ нея, безъ этой темницы, развѣ можно сдѣлать что нибудь хорошее?

«О! за чѣмъ я не тотъ, исторію котораго я прочиталъ сей

¹⁾ Арабскій танецъ.

«Что? ... Еслибъ мнѣ кто нибудь сказалъ, какъ сказано было при купелѣ: «Встань, Бенвенуто, возьми одежды и иди»,—

«О, какъ бы я запылъ тогда *Credo salve regina* и другія божественныя молитвы! Съ какимъ восторгомъ раздавалъ бы я, каждое утро, милостыню бѣднымъ, слѣпымъ, хромымъ!

«О! сколько разъ эти мысли разливали ужасъ и блѣдность по моему лицу и заставляли меня проклинать и Флоренцію и Францію¹⁾!

«Если мнѣ случится когда нибудь пойти въ больницу и встрѣтить тамъ Благовѣщеніе, то я убѣгу, какъ дикій звѣрь.

«Не отъ Тебя, Дѣва-Марія, не отъ Тебя Пречистая-Дѣва и не отъ твоихъ святыхъ и славныхъ лицій убѣжалъ бы я, — потому-что ихъ блескомъ озаряется и небо и земля.

«Но я бы могъ подумать, что снова вижу тѣ лица, которыя мнѣ являются въ каждомъ углу и которыя пробуждаютъ во мнѣ «необходимый ужасъ».

«О! сколько вельможъ, сколько великихъ и божественныхъ гениевъ трепещутъ, подобно мнѣ, предъ этимъ символомъ!

«Я видѣлъ этотъ гербъ смерти, низвергнутый съ неба въ среду безумныхъ народовъ; изъ скалы, о которую онъ ударился, «излетѣла злобная молнія²⁾».

«Я видѣлъ какъ передо мною провалилась башня замка³⁾, «какъ это мнѣ было предсказано тѣмъ, кто распространяетъ истину на небѣ и на землѣ».

«Я видѣлъ черныя катафалкы, усѣянный сломанными лицами, крестами, орошенный слезами, видѣлъ толпу людей, прикованныхъ къ одру жестокою горестью.

«Видѣлъ, какъ страшная смерть ужасала то одного, то другого, «и голосъ ея говорилъ мнѣ: «Я поражу всѣхъ, кто тебя преслѣдовалъ»».

«Потомъ, неземное существо начертало на челѣ моемъ, «кромя св. Петра, священныя слова и трехкратно воспретило открывать ихъ».

¹⁾ Пьетро Лунджи, засаженный Челлени въ тюрьму, имѣлъ въ своемъ гербѣ шесть лицій: въ девизѣ же Флоренціи была одна лиція.

²⁾ Въ этомъ и слѣдующихъ герцахъ Челлени, словомъ довольно темнымъ, рассказываютъ символическія и пророческія видѣнія, являвшіяся ему въ тюрьмѣ.

³⁾ Намекъ на смерть губернатора замка Санта-Анджело.

«Я видѣлъ того, кто управляетъ лучезарнымъ солнцемъ, видѣлъ его окруженнымъ блаженными, видѣлъ такъ, какъ не видѣлъ его ни одинъ смертный.

«На скалѣ чирикалъ одинокій воробушекъ; «онъ предвѣщаетъ мнѣ свободу, воскликнулъ я, и погибель врагамъ моимъ ¹⁾».

«Я описалъ свои бѣдствія, умоляя Бога о прощеніи и помощи, потому-что чувствовалъ, что смерть закрываетъ мои очи.

«Ни волкъ, ни левъ, ни тигръ, ни медвѣдь не жаждали такъ человеческой крови, ни у одной ехидны не было столько яду, —

«Сколько у разбойника капитана, отчаяннаго злодѣя и начальника бандитовъ, но я буду говорить о немъ тихо, чтобъ никто не зналъ его.

«Видалъ ли ты когда нибудь голодныхъ сбировъ, врывающихся къ несчастному? Они пощипаютъ ногами изображение Дѣвы и Спасителя.

«Такъ перваго августа вбѣжали они ко мнѣ, чтобъ перенести меня въ другую могилу, страшнѣе этой; но въ ноябрѣ они должны были быть поражены Божиимъ проклятіемъ ²⁾.

«Но труба истины открывала мнѣ на-ухо будущее, и я возвѣстиямъ имъ все, безъ малѣйшаго размысленія, потому-что скорбь моя все превышала.

«Тогда, потерявъ свою зловѣщую надежду, они дали мнѣ алмазъ, но не въ золото оправленный, а обращенный въ порошокъ, который они всыпали въ мою пещу.

«Но по счастью, я требовалъ отъ негодяя, приносящаго мнѣ обѣдъ, чтобъ онъ самъ пробовалъ кушанье. Это сдѣлалъ Дюгранте, мой злѣйшій врагъ.

«Я вознесъ мысли свои къ Господу; молилъ помилованія за грѣхи и обливаясь слезами, воскликнулъ *Miserere!* (помилуй!)

«Оправясь нѣсколько отъ страшнаго томленія, я поручилъ душу Богу, радуясь, что перейду въ лучший міръ.

«Тогда спустился съ небесъ ангелъ, съ побѣдной пальмовой вѣтвью. Лицо его блистало и онъ обѣщалъ мнѣ счастливые дни.

«Во имя Бога! сказалъ онъ, жестокая судьба ожидаетъ твоихъ «противниковъ»; а ты, ты будешь жить въ радости и на свободѣ, «и будешь въ милости у Творца неба и земли».

¹⁾ Быть можетъ это намекъ на смерть Никто Лунджи Фарнесе.

²⁾ Чтобъ помалы этотъ терцетъ, надо припомнить, что Челлини вынулъ изъ тюрьмы въ ноябрѣ нѣмца, какъ самъ предсказалъ это.

II.

Во время пребыванія моего у кардинала Феррары, всё оказывало ко мнѣ живѣйшее участіе. Никогда не видывалъ я столько гостей, какъ въ это время. Всё дивился, какъ могъ я перенести столь ужасныя мученія. Я отдыхалъ, поемному принимался за работу и, между прочимъ, забавлялся переписываніемъ *Capitolo*. Чтобы совершенно укрѣпиться, мнѣ необходимо былъ чистый воздухъ. Съ позволенія добраго кардинала, давшаго мнѣ лошадей, я выѣхалъ изъ Рима, въ сопровожденіи двоихъ молодыхъ римлянъ: одинъ изъ нихъ былъ серебряникъ, а другой отправился со мною единственно для компаніи.

Выѣхавъ изъ Рима мы направилсъ къ Тальякоццо, гдѣ я надѣялся встрѣтить Асканіо. Дѣйствительно я нашелъ его среди семейства, состоявшаго изъ отца, братьевъ, сестеръ и мачихи. Трудно дать понятіе о ласкахъ, которыми они меня осыпали. Черезъ два дня я возвратился въ Римъ вмѣстѣ съ Асканіо. Во время дороги мы дотогу разговаривали о нашемъ ремеслѣ, что мнѣ странно захотѣлось работать.

Передъ заключеніемъ я началъ для кардинала серебряный тазъ и великолѣпный рукомошникъ. Тазъ я поручилъ окончить Наголо; рукомошникъ же исчезъ — онъ вмѣстѣ съ множествомъ другихъ цѣнныхъ вещей былъ украденъ. Я началъ новый. Покрытый выпуклыми фигурами и барельефами, онъ былъ до того роскошенъ и изященъ, что тѣ, которые его видѣли, не знали, чему болѣе удивляться — смѣлости ли рисунка, богатству ли вымысла или искусству работниковъ?

Кардиналъ приходилъ ко мнѣ по крайней мѣрѣ два по два въ день вмѣстѣ съ мессеромъ Лунджи Аламани и Габріелло Чезано. Мы проводили по нѣскольку часовъ въ веселой и приятной болтовнѣ. Не смотря на то, что у меня было много занятій, кардиналъ не переставалъ заказывать новыя работы. Такъ напр. онъ поручилъ мнѣ сдѣлать ему епископскую печать, величиною съ руку двѣнадцатилѣтняго мальчика. Я выгравировалъ на ней Іоанна Крестителя, проповѣдывающаго въ пустынѣ, и Амвросія, верхомъ на конѣ, прогоняющаго Аріанъ бичемъ. Компановка была такая смѣлая, рисунокъ такой правильный, исполненіе до того совершенное, что всё говорили, что я превзошелъ великаго Лаутиціо, занимавшагося преимущественно этою отраслью искусства. Кардиналъ такъ гордился своею печатью, что сравнивалъ ее съ печатями другихъ кардиналовъ, сдѣланныхъ рукою Лаутиціо.

Кардиналъ заказалъ мнѣ также солодку, которая бы не походила ни на одну изъ вещей, сдѣланныхъ въ этомъ родѣ. Мессеръ Луджи Аламани и Габриелло Чезано придумали по этому поводу прекрасныя вещи. Кардиналъ, слушатель весьма благосклонный, въ восторгѣ отъ предложеній этихъ искусныхъ людей, обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Милый Бенвенуто, эскизы мессера Луджи и мессера Габриелло такъ мнѣ нравятся, что я рѣшительно не знаю — которому изъ нихъ отдать предпочтеніе. Такъ какъ исполнять будешь ты, то тебѣ предоставляю и выборъ.

— Снiоры, возразилъ я: — вамъ извѣстно, какія важныя лица — дѣти королей и императоровъ, вамъ извѣстно, что ихъ окружаютъ удивительный блескъ; тѣмъ не менѣе, спросите-ка бѣднаго, простого пастуха — кого онъ больше любитъ — царскихъ ли дѣтей или своихъ собственныхъ? Я ручаюсь, что онъ отвѣтитъ, что собственное рожденіе ему милѣе. Точно также и я люблю дѣтей моего искусства и первый ребенокъ, котораго я вамъ представлю, высокоуважаемый снiоръ, будетъ моею работою, моего изобрѣтенія. То, что прекрасно на словахъ, на дѣлѣ очень часто, куда — какъ несовершенно.

Потомъ обратясь къ Луджи и Габриелло, я прибавилъ:

— Вы говорили, а я ужъ буду дѣйствовать.

Мессеръ Луджи Аламани улыбнулся и сказалъ мнѣ нѣсколько комплиментовъ, которымъ красота его и сладость голоса придали новую прелесть. Мессеръ Габриелло Чезано представлялъ совершенную противоположность: слова его согласовались совершенно съ безобразіемъ и его наружною неуклюжестью.

Мессеръ Луджи предлагалъ сдѣлать Венеру и Купидона, съ кучею приличныхъ случаю украшеній, а мессеръ Габриелло — жену Нептуна, Амфитриту, окруженную тритонами и различными подробностями, прекрасными въ разсказѣ, но никакъ не въ исполненіи. А я вотъ что придумалъ: на овальномъ основаніи я сдѣлалъ двѣ фигуры, изображающія Землю и Океанъ, въ сидячемъ положеніи, съ переплетенными другъ съ другомъ ногами (это было наискорѣе на длинныя задницы, далеко убѣгающіе въ землю). Въ лѣвой рукѣ Океанъ держалъ корабль, превосходной работы, куда можно было насыпать соль; богъ сидѣлъ на четырехъ морскихъ леопардахъ и въ правой рукѣ держалъ трезубецъ. Земля, въ образѣ женщины гибкой и красивой, облокотилась одною рукою на богатый крайъ, назначенный для перну. Въ другой рукѣ она дер-

жани чрезъ шибалия, въ которой я повѣстивъ все, что только зналъ лучшаго въ цѣломъ свѣтѣ.

Визу, подъ богинию толпились всѣ красивыя зѣври земли, подъ Оксалонгъ играли рыбы и перелетались раковины. Основаніе было покрыто богатыми украшеніями.

Увидавъ модель, мессеръ Габріелло сказалъ: — Жизни dosta чловѣкъ не хватить для окончанія этой работы, и вы, св. отецъ, никогда не дождетесь солонки. Бенвенуто хотѣлъ лишь показать вамъ своихъ дѣтей, а не отдать. Онъ не подражалъ намъ: мы предложили вещи удобоисполнимыя, а онъ совершенно напротивъ — исполнить этотъ эскизъ не возможно . . .

Я сталъ возражать. Мессеръ Аламани защищалъ меня, говорилъ, что если я захочу, то непременно исполню. Кардиналъ, желая прекратить споръ, сказалъ мнѣ:

— Если ты не сдѣлаешь этой работы для короля, къ которому я тебя везу, то надѣюсь, что ужь ни для кого другого вѣрно не сдѣлаешь.

И онъ показалъ мнѣ письмо, въ которомъ король Францискъ немедленно призывалъ его къ себѣ вмѣстѣ со мною.

— О, когда-то это случится! воскликнулъ я, поднявъ руки къ небу. Кардиналъ приказалъ мнѣ окончить дѣла въ Римѣ и приготовиться къ отъѣзду черезъ десять дней.

Въ минуту отъѣзда, онъ подарилъ мнѣ чуднаго коня. Ученики мои — Паголо и Асканіо тоже не остались безъ лошадей. Кардиналъ раздѣлилъ на-двое свою свиту, довольно значительную. Съ первою колошиною, гдѣ были люди почетныя, онъ поѣхалъ въ Романию, желая посѣтить храмъ лоретской Божіей Матери, откуда отправился въ Феррару. Остальная часть двора, многочисленнѣе первой, направилась во Флоренцію. Божу угодно было, чтобы я вспомнилъ о бѣдной сестрѣ, сильно огорченной моими несчастіями, и о кузницахъ, изъ которыхъ одна была настоятельницею, а другая казначейшею богатаго монастыря Витербо. Эти непорочныя женщины такъ страдали и такъ усердно за меня молились, что я вращивалъ свое освобожденіе ихъ предстательству. Всѣ эти воспоминанія сильно на меня подѣйствовали, почему я и рѣшился ѣхать прямо во Флоренцію. Я могъ бы избавиться отъ всѣхъ путевыхъ издержекъ, слѣдуя за кардиналомъ или присоединившись къ его дошочадцамъ, но не захотѣлъ этого. Путешествіе до Флоренціи я сдѣлалъ очень весело, въ обществѣ испанскаго часовщика, мессера Херубино, моего пріятеля, котораго

случайно встрѣтилъ въ Монте-Росси, куда я прибылъ лишь въ сопровожденіи Паголо и Аскавіо. Такъ-какъ я объявилъ, что ѣду съ кардиналомъ, то полагалъ, что нечего мнѣ опасаться со стороны враговъ. Однакоже въ Монте-Росси я чуть-было не попался, потому-что мои недруги выслали впередъ вооруженную шайку, чтобы меня убить. Во время обѣда, эти люди, узнавъ, что я не съ кардиналомъ, хотѣли привести въ исполненіе свой адскій замыселъ. По счастью, Богу угодно было, чтобы въ это время прибыла кардинальская свита, и я благополучно прибылъ въ Витербо. Кузины мои и всѣ жительницы монастыря приняли меня чрезвычайно радушно.

Въ святой четвертокъ мы были уже отъ Сиенны на разстояніи одной станціи. Тутъ увидели мы нѣсколько кобылъ, которыхъ хозяева предлагали путешественникамъ за дешевую цѣну, съ условіемъ доставить ихъ на сиенскую почту; я сошелъ съ своего коня, поручивъ его одному изъ монаховъ молодыхъ людей, осѣдлалъ одну изъ кобылъ, сѣлъ на нее и, давъ монету почтальону, припорицалъ лошади, въ намѣреніи пріѣхать въ Сиенну полчаса раньше спутниковъ, какъ для того, чтобы навѣстить одного изъ монаховъ пріятелей, такъ и для того, чтобы заняться дѣлами. Я ѣхалъ рысью. Прибывъ въ Сиенну, я поспѣшилъ занять въ гостинницѣ помѣщеніе для пяти человекъ, а служителю поручилъ отвести кобылу на почту.

Вечеръ мы провели очень весело. На другой день, вспомнивъ, что мое сѣдло осталось на почтовой лошади, я послалъ за нимъ, но почтмейстеръ отвѣчалъ, что не отдастъ сѣдла, потому-что я заставилъ его кобылу скакать въ галопъ. Нѣсколько разъ посылалъ я къ этому чудаку, но онъ не отдавалъ сѣдла и только бранился. Дѣлать нечего: я самъ отправился на почту. Увидавъ хозяина, я подошелъ къ нему и учтиво сказалъ: «Хозяинъ, отчего не хотите вы возвратить мнѣ сѣдла? увѣряю васъ — я ѣхалъ рысью, а не въ галопъ».

Онъ отвѣчалъ мнѣ грубостью.

— Какъ! возразилъ я, развѣ вы не христіанинъ? развѣ хотите, чтобы у насъ вышелъ скандалъ въ великую святую пятницу?

Хозяинъ сказалъ на это, что ему все равно — святая ли пятница, нѣтъ ли, и что если я не уйду, то онъ ударитъ меня своимъ эсмонтономъ такъ, что я полечу вверхъ ногами. При этихъ угрозахъ подошелъ къ намъ старикъ, сиенскій дворянинъ; онъ сталъ защищать меня, жестоко бранилъ хозяина и упрекалъ его сыновей

въ недополненіи обязанностей къ путешественникамъ, чѣмъ они оскорбляютъ Бога и безчестятъ свой городъ. Молодые люди покачали головой и ушли. Но отецъ ихъ пришелъ въ ярость отъ словъ старика, богохульствовалъ и говорилъ, что убьетъ меня, что бы то ни стало. Тогда я направилъ на него дуло моего аркебуза: это взбѣсило его еще болѣе и онъ бросился на меня. Аркебузъ выстрѣлилъ самъ собою. Пуля ударила въ арку двери, отскочила и вилась въ горло хорзина, который грянулся мертвый. Тутъ прибѣжали его два сына: одинъ изъ нихъ схватилъ какое-то оружіе, другой взялъ эспитонъ отца и оба бросились на мнѣхъ молодыхъ людей; тотъ, который поднялъ эспитонъ, ранилъ Паголо выше лѣвой груди; другой подступилъ къ миланцу, бѣжавшему вѣстѣ съ нами и походившему чортъ знаетъ на что. Бѣдняга молилъ о пощадѣ, говорилъ, что онъ не изъ нашихъ, старался отпарировать коротенькою палочкой острее партазана¹⁾, но напрасно! онъ получилъ легкую рану въ губы. Асканіо и искусный часовщикъ не потерпѣли нападенія. Мессера Херубіо спасла вѣроятно священническая одежда, которую онъ носилъ по случаю богатой пребенды, данной ему папою. Асканіо же, который былъ отлично вооруженъ, обязанъ былъ своимъ спасеніемъ стойкой осанкѣ, которую сохранилъ во все время, а не побѣжалъ, какъ трусливый миланецъ. Я же далъ шпоры лошади и пока она скакала, успѣлъ зарядить аркебузъ; мною овладѣло бѣшенство и я рѣшился совершить дѣло не пустяками. Въ полной увѣренности, что мои молодые люди убиты, я захотѣлъ раздѣлить ихъ участь и повернулъ лошадь, — какъ вдругъ они мнѣ на встрѣчу!

— Не ранены ли вы? спросилъ я.

— Паголо раненъ на смерть, отвѣчалъ Асканіо.

— Такъ оружіе, сынъ мой, сынъ мой! проговорилъ я:—прошло сквозь кольчугу?

— На мнѣ не было кольчуги: утромъ я положилъ ее въ чемоданъ.

— А! такъ кольчуга надѣвается только въ Римѣ, чтобъ парадировать около женщинъ, а когда дѣйствительно есть опасность, — тогда кольчугу въ чемоданъ! Ну, такъ подѣломъ тебѣ! изъ-за тебя и мнѣ теперь придется погибнуть.

И я круто повернулъ лошадь къ почтовому двору; но Аска-

¹⁾ Оружіе съ ратовищемъ въ видѣ копья.

нѣ и Паголо заклинали меня, именемъ Бога, подумать объ ихъ и о добровольномъ спасеніи и не встать смерти. Въ эту минуту подѣхали раненый миланецъ и Херубино.

— Бѣды нѣтъ никакой, сказалъ Херубино: — рана Паголо не опасна. Хозяинъ почти мертвъ, дѣти его и другіе люди хотятъ насъ въ куски искромсать. И такъ, Бенвенуто, если случай разъ насъ выручитъ, то, быть можетъ, не выручитъ во второй.

Ну, если вы довольны, такъ я пожалуй не поѣду, отвѣчалъ я: — дадимъ же шпоры лошадямъ и маршъ-маршъ безъ остановки въ Стоджіа — тамъ мы будемъ въ безопасности.

— Чортъ ихъ возьми, эти грѣхи! воскликнулъ раненый миланецъ: если меня ранили, такъ потому только, что поѣлъ вчера скоромнаго супу.

Не смотря на случившуюся перепалку, мы не могли не разохотаться, слыша глупости этого шута, котораго и оставили вмѣстѣ съ Херубино, а сами поскакали въ Стоджіа.

Между тѣмъ сыновья убитаго почтмейстера пошли къ герцогу Амальфи и просили дать нѣсколько человѣкъ изъ легкой-конницы, чтобы нагнать насъ и арестовать; герцогъ узнавъ, что мы находились въ свѣтѣ феррарскаго кардинала, не хотѣлъ дать ни конницы, ни арестовать насъ. А мы уже добрались до Стоджіа, гдѣ намъ нечего было опасаться. По пріѣздѣ мы тотчасъ же послали за лучшимъ врачомъ: онъ осмотрѣлъ Паголо и сказалъ, что рана незначительна, что это просто царапина. Мы заказали объѣдъ; скоро прибылъ мессеръ Херубино съ миланскимъ шуткомъ, не перестававшимъ проклинать ссоры и повторять, что его отлучать отъ церкви, потому-что онъ ни разу не прочелъ этимъ утромъ своего *Pater noster*. Его крайнее безобразіе, его ротъ, отъ природы широкій и теперь, отъ раны, выросшій еще пальца на три, его уморительный выговоръ, нелѣпныя, шутовскія выраженія — все это заставляло насъ смѣяться и мы, вмѣсто того, чтобы жаловаться на судьбу, при всякомъ его словѣ раздражались хохотомъ. Докторъ счелъ за необходимое зашить ему рану и уже принялся за дѣло, какъ вдругъ миланецъ оставовилъ его, воображивъ, что ему хотятъ совсѣмъ зашить ротъ. Онъ взялъ ложку, вложилъ ее въ ротъ и показалъ, сколько слѣдовало зашить, чтобы ложка могла свободно входить и выниматься. Все это онъ сопровождалъ такимъ страннымъ киваньемъ головы, что мы не переставали смѣяться.

Наконецъ прибыли мы во Флоренцію, гдѣ я остановился у

бѣдной сестры: и она и мужъ ея не знали какъ выразить свою радость. Во Флоренціи мы провели четыре дни, въ продолженіи которыхъ Паголо лечилъ свою рану.

Потомъ поѣхали въ Феррару, куда прибыли нѣсколькими днями прежде кардинала. Онъ узналъ обо всѣхъ нашихъ приключеніяхъ и изъявляя сожаленіе, сказалъ мнѣ: «Дай-то мнѣ Господи привезти тебя живымъ къ королю, какъ я это обѣщаль».

III.

Въ Феррарѣ кардиналъ, помѣстивъ меня въ великолѣпномъ дворцѣ, который называется Бельѵоре и примыкаетъ къ городскимъ стѣнамъ, отдалъ приказаніе своей свитѣ отправиться во Францію, а мнѣ велѣлъ остаться Видя, какъ мнѣ это непріятно, онъ сказалъ: «Бенвенуто, я это дѣлаю для твоего же благополучія; я хочу, чтобы ты, прежде, чѣмъ оставишь Италію, удостовѣрился, на что будешь употребленъ во Франціи. А въ ожиданіи извѣстій, постарайся окончить мою умывальницу и тазъ. Отъ моего управителя ты получишь все, что нужно».

Онъ уѣхалъ, а я остался, крайне недовольный распоряженіемъ кардинала. Я нѣсколько разъ рѣшался бѣжать, но меня удерживало воспоминаніе объ освобожденіи изъ тюрьмы, которымъ я былъ обязанъ единственно кардиналу. Наконецъ я рѣшился терпѣливо ждать окончанія этой исторіи и принялся за работу вмѣстѣ съ Паголо и Асканіо.

Воздухъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы жили, былъ вреденъ для здоровья, такъ-что всѣ мы, съ приближеніемъ лѣта, сдѣлались слегка больны. Въ это время мы осмотрѣли земли, принадлежащія ко дворцу: они были въ совершенномъ заустѣннн и сдѣлались жилищемъ несмѣтнаго числа павлиновъ, сидѣвшихъ на ящикахъ подобно дикимъ птицамъ. Я заряжалъ штуцеръ порохоиъ, производившимъ ни малѣйшаго шума, и всякій день убивалъ по молодому павлину. Этого было весьма достаточно для нашего стола. Мясо молодыхъ павлиновъ было такъ изычно, что мы совершенно вылечились. Такъ провели мы нѣсколько мѣсяцовъ, весело работая надъ тазомъ и умывальницею.

Въ это время герцогъ Феррары покончилъ давнишній споръ съ папою Павломъ III относительно Модены и нѣкоторыхъ другихъ городовъ. Такъ-какъ требованія церкви были основательныи, то герцогу, чтобы помириться съ папою, оставалось одно сред-

ство — деньги. Сумма данная имъ была значительна, чуть ли не превышала она трехъ сотъ тысячъ дукатовъ. — У герцога былъ старый казначей — мессеръ Джироламо Джиліоло, воспитанникъ герцога Альфонсо, отца его свѣтлости. Старикъ никакъ не могъ переварить идею, чтобы столько денегъ перешло въ папскія руки. Это ему казалось до того возмутительно, что онъ ходилъ по улицамъ и кричалъ: «нѣтъ, батюшка его, герцогъ Альфонсо, вмѣсто того, чтобы отдавать эти деньги папѣ, употребилъ бы ихъ на то, чтобъ овладѣть Римомъ!»

И не смотря на приказанія, старикъ не выдавалъ требуемой суммы. Наконецъ герцогъ заставилъ его исполнить свою волю, но исполненіе это стоило старику такихъ коликъ, что онъ едва не умеръ. Во время болѣзни казначея, меня призвалъ къ себѣ герцогъ и хотѣлъ, чтобы я сдѣлалъ его портретъ; я выдѣлалъ его на черномъ камнѣ, круглой формы, размѣра столовой тарелки. И работа моя и разговоръ нравились герцогу до того, что сеансы продолжались даже до пяти часовъ; часто оставялъ онъ меня съ собою ужинать.

Въ восемь дней портретъ былъ оконченъ; герцогъ потребовалъ, чтобы я выработалъ другую, заднюю сторону. Я изобразилъ миръ въ образѣ женщины, держащей въ рукѣ маленькій факелъ и поджигающей тронъ. По всей фигурѣ разлита была радость. Ткани, которыми она была прикрыта, были крайне легки и изящны. Она попирала ногами мрачный гнѣвъ, поверженный въ отчаяніе и окованный цѣпями; я тщательно обрабатывалъ эту вещь, за то она и принесла мнѣ много чести; герцогъ не переставалъ высказывать своего удовольствія. Онъ продиктовалъ мнѣ самъ надпись; на задней сторонѣ было: *Pretiosa in conspectu Domini*; смыслъ этихъ словъ тотъ, что миръ купленъ дорогою цѣной.

Въ то время, какъ я отдѣлывалъ заднюю сторону, кардиналъ написалъ мнѣ, чтобъ я былъ готовъ къ отъѣзду, потому-что король меня потребовалъ. «Изъ первыхъ писемъ, которыя отъ меня получили», писалъ кардиналъ, «ты удостовѣришься, что я исполнилъ обѣщаніе». Я тотчасъ же озаботился, чтобы уложить, какъ можно осторожнѣе, тазъ и рукамошникъ, которые герцогъ уже видѣлъ.

Дѣлами кардинала завѣдывалъ одинъ феррарскій дворянинъ, но имени Альберто Бендедіо. Немочь не позволяла ему уже двѣнадцать лѣтъ выходить изъ дому. Однажды онъ въ торопяхъ присыластъ за мною и объявляетъ, чтобы я, неѣмкая ни минуты, отправлялся во Францію, потому-что король настоятельно тре-

боялся меня къ себѣ, полагая, что я во Франціи. Кардиналь, желая оправдаться, сказалъ, что легкая болѣзнь удержала меня въ Мюнхъ, въ одномъ изъ аббатствъ, но что я не замедлю явиться къ его величеству. По этому-то мессеръ Альберто требовалъ, чтобы я скакалъ на почтовыхъ. Этотъ Альберто былъ человекъ честный и благородный, да только заносчивъ, болѣзнь же дѣлала эту заносчивость невыносимою. Я отвѣчалъ ему, что намѣренъ ѣхать не торопясь и то только днемъ, въ сопровожденіи Паголо и Аскаліо, съ тѣмъ, чтобы за нами ѣхалъ слуга и чтобы мнѣ выдали деньги, нужныя для дороги. Большой старичишка возразилъ мнѣ съ невѣроятною запальчивостію, что такъ путешествуютъ лишь герцогскія дѣти.

— Не знаю, какъ путешествуютъ герцогскія дѣти, отвѣчалъ я: — потому-что я не сынъ герцога, а дѣти моего искусства путешествуютъ такъ, какъ я сказалъ. Если вы еще оскорбите слухъ мой такими рѣчами, такъ я и совѣмъ не поѣду во Францію; ваша заносчивость и то, что кардиналь не сдержалъ своего слова, все это отбиваетъ у меня охоту имѣть дѣло съ феррарцами.

Сказавъ это, я повернулся къ нему спиною и вышелъ, въ намѣреніи отнести герцогу медальонъ. Онъ привялъ меня со всевозможными ласками и приказалъ своему Джироламо дать мнѣ кольцо съ брилліантомъ въ двѣсти экю. Дѣйствительно, камерарій его свѣтлости, Фиаскино, въ часъ ночи принесъ мнѣ кольцо, сказавъ, что герцогу угодно, чтобы оно украшало искусную руку великаго художника. Утромъ, разсмотрѣвъ подарокъ, я убѣдился, что брилліантишко предрянной, не стоящей болѣе двѣнадцати экю. Я не хотѣлъ, чтобы въ высшей степени лестныя похвалы герцога сопровождались такимъ вознагражденіемъ, не хотѣлъ, чтобы герцогъ вообразилъ, что можетъ удовлетворить меня такой дрянью, тѣмъ болѣе, что я подозрѣвалъ тутъ продѣлки казначея. Я отправился къ пріятелю моему Бернардо Салити и поручилъ ему возвратить, какимъ бы то ни было образомъ, кольцо камерарію. Порученіе было исполнено какъ нельзя лучше. Фиаскино прибѣжалъ ко мнѣ и сказалъ, сопровождая каждое слово ахами и охами, что герцогъ сильно разсердится, если узнаетъ о моемъ поступкѣ и что мнѣ придется, быть можетъ, раскаяться въ этой дерзости.

— Кольцо, присланное мнѣ его свѣтлостію, отвѣчалъ я, стоитъ много-много двѣнадцать экю, а моя работа стоитъ по крайней мѣрѣ двѣсти. Но если угодно герцогу удостовѣриться, какъ дѣню

я его индустри, то пусть придетъ онъ мнѣ одно изъ колець противъ ягреня, получаемыхъ изъ Англїи, цѣною въ кардизъ, и я буду хранить его всю жизнь, какъ драгоценный подарокъ, во всю жизнь не забуду ласкъ, которыми его свѣтлости угодно было меня осѣять.

Слова эти разсердили герцога, онъ позвалъ казначея, разругалъ его на чемъ свѣтъ стоитъ и велѣлъ дать мнѣ брилліантъ въ триста экю, а мнѣ поручилъ сказать, чтобы я не смѣлъ оставлять Феррары безъ его согласія, подъ страхомъ подвергнуться его немилости.

Скарденый казначей выискалъ брилліантъ въ шестьдесятъ экю и увѣрялъ, что онъ стоитъ покрайней мѣрѣ двѣсти.

Между тѣмъ мессеръ Альберто Бендедіо снова сдѣлался благодаразуменъ и выдалъ мнѣ все, чего я требовалъ. Я рѣшился уѣхать въ этотъ же день, не смотря ни на что; но хитрый камерарій стакнулся съ Альберто въ томъ, чтобы мнѣ не выдавали лошадей. Я навьючилъ мула большею частію своихъ пожитковъ, между которыми находились тазъ и рукомоиникъ, тщательно уложенные.

Въ это время пришелъ старый феррарскій дворянинъ, любитель изящныхъ искусствъ — мессеръ Альфонсо де Тротти. По несчастію у него былъ характеръ до крайности восторженный; онъ былъ изъ числа людей тяжелыхъ, которыхъ трудно удовлетворить, за то если ему какая нибудь вещь приходилась по вкусу, то она казалась ему такою совершенною, что уже во всемъ свѣтѣ нѣтъ подобной.

— Жаль, что вы пришли такъ поздно, сказалъ мессеръ Альберто входившему Альфонсо: — тазъ и рукомоиникъ, которые мы посылаемъ кардиналу во Францію, уже уложены.

Альфонсо отвѣчалъ, что ему нѣтъ до этого ни малѣйшаго дѣла и послалъ одного изъ своихъ слугъ домой за вазою прекрасно сдѣланной изъ фаянса.

— Я вамъ расскажу, продолжалъ мессеръ Альфонсо обращаясь къ Альберто, почему не интересуюсь никакими вазами: однажды мнѣ случилось увидать древнюю серебряную вазу рѣдкаго изящества; воображеніе не можетъ представить ничего совершеннѣе. Поэтому-то я и не хочу смотрѣть на другія вазы, чтобы не нарушать прїятнаго впечатлѣнія. Вазу эту показали тайно одному ученому дворянину, котораго дѣла привели въ Римъ. Посредствомъ делегъ онъ успѣлъ склонить того, кто обладалъ

этим секретницею и принесъ вазу въ нашу створку; но онъ ее тщательно скрываетъ для того, чтобы не узналъ о ней герцогъ.

Альфонсо проговорилъ эту длинную тираду, несколько меня не опасаясь. Наконецъ принесли желанную модель изъ фаянса; тогда-то я взглянулъ на нее тотчасъ и узналъ.

— Эге! проговорилъ я, обращаясь къ мессеру Альберто: — ваза-то мнѣ давно знакома!

Альфонсо, разсердившись, проборютагъ какое-то ругательство и сказалъ:

— Да кто ты? ты ничего не знаешь!

— Ну, такъ послушайте, а тамъ и судите, кто изъ насъ больше знаетъ. Это модель маленькой серебряной вазы, такого-то вѣсу, сдѣланной мною, въ такое-то время для шарлатана доктора де-Карпи; онъ прожилъ въ Римѣ шесть мѣсяцовъ и въ это время отравилъ своимъ зельемъ нѣсколько дюжинъ людей знатныхъ и богатыхъ и бѣдныхъ, у которыхъ высосалъ не мало дукатовъ. Въ это-то время я и сдѣлалъ ему вотъ эту вазу и еще другую, другой формы. Какъ за ту, такъ и за другую онъ заплатилъ прескверно. Мнѣ пріятно слышать, что мои произведения такъ цѣнятся вами, богатыми вельможами; но смѣю объявить, что съ тѣхъ поръ я во многомъ усовершенствовался.

Выслушавъ это, мессеръ Альфонсо изъявлялъ страшное желаніе увидать рукомоиникъ и тазъ, но я отказался удовлетворить его любопытству.

Тогда онъ объявилъ, что отправится къ герцогу и при его вѣнательствѣ поставитъ на своемъ. Мессеръ Альберто Бендедіо, человекъ, какъ я уже замѣтилъ, до крайности высокомерный, возразилъ Альфонсо:

— Вы увидите эти вещи, мессеръ Альфонсо, и безъ герцога.

При этихъ словахъ я удалился, предоставивъ Паголо и Асканіо показать рукомоиникъ и тазъ. Они мнѣ рассказывали потомъ, что Альберто и Альфонсо хвалили мой геній: Альфонсо хотѣлъ даже подружиться со мною, а мнѣ хотѣлось поскорѣе выѣхать изъ Феррары и развѣздаться съ этими докучливыми людьми! Единственными пріятными лицами, которыхъ я встрѣтилъ въ этомъ городѣ были — кардиналъ Сальвиати, равенскій кардиналъ и нѣсколько талантливыхъ музыкантовъ. Въ самомъ дѣлѣ, феррарцы все до крайности скупи и алчны: они пользуются всеми средствами, только бы овладѣть чужимъ добромъ, — и все таковы!

Около двадцать второго часа Фіаскино принесъ мнѣ брил-

*

дѣлать въ шестьдесятъ акко и принявъ на себя утѣдливый видъ сказалъ отрывисто, чтобы и хранить это кольцо въ знакъ любви его святлости.

— О, непрѣнно! отвѣчалъ я и въ него же глазахъ съелъ въ сѣдло и уѣхалъ. Въ этотъ вечеръ проѣхалъ я болѣе десяти миль. Невыразимое удовольствіе ощутилъ я, когда на другой день увидѣлъ себя внѣ Феррары, потому-что, исключая молодыхъ павлиновъ, возвратившихъ мнѣ здоровье, я не нашелъ тамъ ничего хорошаго!

Миланъ мы оставили въ сторонѣ, опасаясь, чтобы насъ тамъ не захватили. Я прибылъ въ Мюнъ въ совершенномъ здоровьи, вмѣстѣ съ Паголо, Асканіо и слугою; у насъ у всѣхъ были прекрасныя лошади. Въ Мюнъ мы принуждены были провести нѣсколько дней, поджидая мула съ нашими пожитками, и жили это время въ одномъ изъ аббатствъ кардинала. Когда прибылъ проводникъ муловъ, мы уложили всѣ наши узлы въ тележку и отправились въ Парижъ; дорогою были еще кое-какія приключенія, но они незначительны.

IV.

Дворъ французскаго короля находился въ Фонтенебло; немедленно по прїѣздѣ мы отправились къ кардиналу, который тотчасъ же велѣлъ отвести намъ квартиры; вечеръ прошелъ очень весело. На другой день прїѣхала телега съ нашимъ багажемъ. Тогда кардиналъ доложилъ обо мнѣ королю и его величество изъявилъ желаніе видѣть меня. Я принесъ съ собою рукоописникъ; войдя въ комнату, я поспѣшилъ поцаловать колѣни короля, который весьма милостиво приюдналъ меня. Я благодарилъ его за освобожденіе изъ тюрьмы, говорилъ, что такія благодѣнія записаны на небесахъ выне самыхъ достойныхъ подвиговъ, хотя такой справедливый и добрый властелинъ, какъ онъ, обязанъ оказывать покровительство людямъ талантливымъ, въ особенности когда они страдаютъ невинно. Чудный король слушалъ меня весьма милостиво. Когда я окончилъ привѣтствіе, онъ взглянулъ на мою работу и сказалъ: «Право, я думаю, что древніе не могли произвести ничего изящнѣе. Кажется я осмотрѣлъ всѣ замѣчательныя произведенія лучшихъ итальянскихъ мастеровъ, но ни одно изъ нихъ не поражало меня да такой степени».

Эти слова я много еще другихъ, для меня весьма лестныхъ,

были заказы по французски феррарскому иерарху. Потом король обратился ко мнѣ и оказалъ по итальянски:

— Ну, Бенвенуто, теперь тебѣ надо повеселиться хорошенько, а въ это время мы постараемся что нибудь придумать.

Кардиналъ убѣдился, что король былъ въ восторгѣ отъ моего приѣзда и принялъ намѣреніе осуществить громадные планы.

Мы слѣдовали за дворомъ, подвергались различнымъ неудобствамъ; при королевской свитѣ считалось болѣе двѣнадцати тысячъ лошадей. Въ самомъ дѣлѣ, въ мирное время Дворъ состоитъ изъ восемнадцати тысячъ человекъ. Иногда случалось останавливаться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ всего-на-все было два дома; тогда раскидывали наусынные шатры, подобно цыганамъ, и терѣли не мало безпокойствъ. Я безпрестанно безпокоилъ кардинала просьбою убѣдить короля поскорѣе дать мнѣ работу. Но кардиналъ отвѣчалъ, что лучше всего дожидаться когда король самъ вспомнитъ обо мнѣ и совѣтовалъ почаще являться на глаза за его величества.

Однажды король позвалъ меня къ себѣ во время завтрака и объявилъ мнѣ, что задумалъ большія предпріятія, что скоро назначитъ мнѣ мѣсто для работы и озаботится обо всемъ, что мнѣ нужно. Кардиналъ Феррары находился при этомъ разговорѣ: онъ почти каждое утро завтракалъ съ королемъ. Когда е. в. всталъ изъ-за стола, то кардиналъ сказалъ ему, какъ это мнѣ передали въ послѣдствіи:

— В. величество, Бенвенуто такъ жаждетъ работы, что почти грѣшно заставлять такого искуснаго художника терять время.

Король отвѣчалъ, что это совершенно справедливо и поручилъ ему условиться со мною въ платѣ. Получивъ это порученіе утромъ, кардиналъ явился за мною вечеромъ послѣ ужина и объявилъ, что е. в. рѣшился употребить меня въ дѣло, но прежде всего ему угодно, чтобъ я узналъ какое будетъ мнѣ выдаваться жалованье.

— Мнѣ кажется, продолжалъ кардиналъ, что если е. в. положить тебѣ триста анно въ годъ, такъ и очень достаточно. Впрочемъ ты положишь на меня — я ужъ соблюду твои выгоды. Въ этомъ великомъ государствѣ всякой день представляются удивительные случаи къ обогащенію и повѣри, я употреблю все свое вліяніе....

— Святой отецъ, отвѣчалъ я, когда вы оставили меня въ Феррарѣ, то обещали, хотя я самъ не просилъ васъ, что мнѣ

ду изъ Италии лишь тогда, когда вы извѣстите меня объ условіяхъ моего поступленія въ службу изъ французскому королю. Въ-сего того, чтобы сдержать это обѣщаніе, вы изволили прислать мнѣ нарочное приказаніе отправиться на почтовыхъ. Если бы вы сказали мнѣ о трехъ стахъ экю, то я отвѣчалъ бы вамъ, что не тронусь съ мѣста и для шести сотъ. Но какъ бы то ни было, я благодарю небо и васъ, святой отецъ, который былъ орудіемъ Господа, чтобы извлечь меня изъ тюрьмы. Поэтому-то спѣшу объявить вашему высокопреосвященству, что обиды, которую вы мнѣ теперь причиняете, не стоятъ и тысячной части оказаннаго вами благодѣянія. Благодарю васъ отъ всего сердца, и теперь, прощаясь съ в. высокопреосвященствомъ, повторяю еще разъ, что гдѣ бы я ни былъ, я всю жизнь не перестану за васъ молить Бога.

— Такъ иди же куда хочешь! въ бѣшенствѣ сказалъ кардиналъ: — человѣку нельзя сдѣлать добра противъ воли.

Блюдолизы, таскавшіеся за нимъ, не преминули сказать:

— Смотри пожалуй! какое важное лицо — не хочеть трехъ сотъ экю!

Зато и имъ отвѣчали порядочные люди:

— Королю никогда не найти такого искуснаго артиста, а кардиналъ еще торгуетъ его какъ какую нибудь флейту!

Меня увѣряли, что это сказалъ мессеръ Лунджи Аламани. Сцена эта происходила послѣдняго числа октября, въ Дофинне, въ замкѣ, имя котораго не припомню.

Выйдя отъ кардинала, я пошелъ на свою квартиру, мильякъ въ трехъ отъ замка, въ сопровожденіи одного изъ его секретарей, жившаго подлѣ меня. Во всю дорогу онъ хотѣлъ у меня вывѣдать — что я намѣренъ дѣлать и какое бы желалъ получить жалованье.

— Я этого и ждалъ!

Вотъ все, чего онъ могъ отъ меня добиться. Дома я напелъ Паголо и Асканію: они замѣтя мое смущеніе, принудили рассказать все, что со мною случилось. Молодые люди остались въ совершенномъ изумленіи.

— Завтра утромъ, сказалъ я имъ, и дамъ вамъ денегъ, чтобы вы могли возвратиться на родину. Что до меня касается, то я отправлюсь одинъ по поводу важнаго дѣла, которое давно задумалъ.

Наша комната отдѣлялась отъ квартиры секретаря одною по-

регородкою: быть можетъ онъ слышалъ нашъ разговоръ и передалъ его кардиналу — я никогда не могъ узнать этого обстоятельства.

Ночью я ни на минуту не сомкнулъ глазъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ разсвѣта. Наконецъ день зарумянился; я велѣлъ осѣдлать лошадей, собрался на скорую руку, отдалъ Паголо и Асканію все, что привезъ съ собою и кромѣ того пятьдесятъ дукатовъ, себѣ оставилъ столько же, да еще брилліантъ, полученный отъ феррарскаго герцога. Молодые люди приступали ко мнѣ, чтобъ я ихъ взялъ съ собою. Наконецъ я сталъ надъ ними смѣяться.

— Эхъ, вы! говорилъ я, у одного ужъ борода растетъ, у другого скоро выростетъ; я выучилъ васъ всему, что самъ знаю, такъ-что теперь вы первые работники во всей Италіи, — и вы еще боитесь ходить безъ помочей! Какъ не стыдно! А еслибъ я васъ безъ денегъ оставилъ, что бы вы сказали? Ну, перестаньте же ребячиться! Поѣзжайте — да благословитъ васъ Богъ!

И я прищипнулъ лошадь, оставивъ ихъ въ слезахъ.

Я ѣхалъ по красивой дорогѣ, шедшей черезъ лѣсъ; въ этотъ день хотѣлось мнѣ сдѣлать миль сорокъ и добраться до самаго уединеннаго мѣста. Я твердо рѣшился не показываться въ странахъ, гдѣ меня знали, и не хотѣлъ ничего работать кромѣ Христа, величиною въ три брассы, въ намѣреніи придать ему, по возможности, ту непостижимую красоту, въ которой онъ мнѣ явился. Я хотѣлъ посѣтить святой гробъ... Вдругъ слышу лошадиный топотъ. Я немного струсилъ, потому-что эти мѣста были наполнены шайками разбойниковъ, не осмѣливавшихся убивать по большимъ дорогамъ: Не смотря на то, что не проходило дня безъ того, чтобы не вздергивали на висѣлицу по нѣскольку человѣкъ, эти молодцы и въ усь не дули. Когда всадники догнали меня, я узналъ въ одномъ изъ нихъ — королевскаго посла, въ другомъ — Асканію.

— Во имя короля, сказалъ гонецъ, приказываю вамъ явиться къ его величеству.

— Не повинуюсь, возразилъ я: — потому-что ты посланъ кардиналомъ.

Онъ отвѣчалъ, что если я не хочу слѣдовать за нимъ добровольно, то онъ уполномоченъ требовать помощи у окрестныхъ жителей, связать меня и привести какъ плѣнника. Асканію! молилъ меня не сопротивляться и напомнилъ, что если король рѣ-

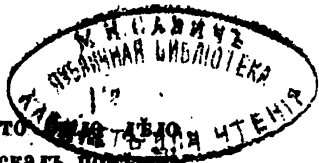
шается заключить когонибудь въ тюрьму, то уже выпустить оттуда не ранѣе, какъ лѣтъ черезъ пять. При словѣ — тюрьма мною овладѣлъ ужасъ: я вспомнилъ о римской темницѣ и немедленно послѣдовалъ за посланнымъ. Этотъ человѣкъ ворчалъ и ругался во всю дорогу.

Подъѣзжая къ помѣщенію короля, намъ нужно было миновать квартиру кардинала; онъ стоялъ у дверей. Подозвавъ меня, онъ сказалъ: «Нашъ всехристіаннѣйшій король положилъ вамъ жалованье такое же, какое давалъ живописцу Леонарду да Винчи, т. е. семьсотъ экю въ годъ. Кромѣ того онъ будетъ вамъ платить за каждую работу, мало того — онъ награждаетъ васъ, привѣтствуя ваше прибытіе, пятьюстами экю, которые вы немедленно получите.» —

Я отвѣчалъ, что такія милости вполне достойны великаго короля. Гонецъ, незнавшій кто я, услышавъ слова кардинала, рассыпался въ извиненіяхъ.

На другой день я отправился благодарить короля. Онъ поручилъ мнѣ сдѣлать модели двѣнадцати серебряныхъ статуй, назначавшихся для канделябровъ около его стола. Ему угодно было, чтобъ они изображали шесть боговъ и шесть богинь и были бы величиною съ его ростъ (около четырехъ брассъ). Потомъ онъ обратился къ казначею сохранныхъ суммъ и спросилъ его — вручилъ ли онъ мнѣ пять сотъ экю? Казначей отвѣчалъ, что онъ ничего не зналъ объ этомъ приказѣ. Король былъ очень недоволенъ: онъ поручилъ кардиналу сказать объ этихъ деньгахъ казначею, а тотъ ничего не сказалъ. Наконецъ е. в. велѣлъ мнѣ ѣхать въ Парижъ и отыскать себѣ приличную мастерскую. Получивъ пятьсотъ экю, я отправился въ Парижъ, гдѣ и помѣстился въ одномъ изъ домовъ ферраскаго кардинала. Призвавъ имя Господне, принялся я за работу и сдѣлалъ изъ воску четыре небольшихъ модели, изображавшія — Юпитера, Юнону, Аполлона и Вулкана.

Въ это время и король возвратился въ столицу. Я успѣвшигъ явиться къ нему вмѣстѣ съ Паголо и Асканіо, и принесъ модели. Е. в. остался чрезвычайно доволенъ и приказалъ заняться прежде всего Юпитеромъ. Я представилъ королю Паголо и Асканіо, сказавъ, что привезъ ихъ съ собою изъ Италіи потому, что они, будучи моими учениками, должны быть мнѣ полезнѣе, чѣмъ парижскіе работники. Король согласился съ этимъ и велѣлъ мнѣ самому назначить имъ жалованье. Я отвѣчалъ, что по сту экю

на каждого будетъ весьма достаточно. И такъ, это рѣшенное. Потомъ я объявилъ королю, что приказалъ помѣстивъ, весьма удобное для моихъ работъ.

— Отель эта называется Малою-Нелью, сказалъ я, и принадлежитъ в. величеству, а в. в. изволила уступить ее парижскому прево; но такъ-какъ прево ею не пользуется, то в. величество можете отдать ее мнѣ.

— Да, это мой замокъ, отвѣчалъ Францискъ, и я знаю, что тотъ, кому я его предоставилъ, не живетъ въ немъ. Ты можешь его занять.

И онъ тотчасъ приказалъ одному изъ своихъ офицеровъ вести меня во владѣніе. Офицеръ представилъ ему, что это не возможно; но король разсердился и сказалъ, что онъ имѣетъ право отдавать свое добро кому ему угодно, тѣмъ болѣе людямъ, которые работаютъ для него. Офицеръ пресовокупилъ, что придется употребить не много силы.

— Ступайте, возразилъ король, и если не достаточно будетъ не много силы, то употребите много.

Офицеръ проводилъ меня въ Малую-Нель. Дѣйствительно онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ силѣ, чтобы водворить меня; потомъ онъ предупредилъ меня, чтобъ я былъ на сторожѣ, если не хочу лишиться жизни. Получивъ отель, я окружилъ себя слугами и купилъ множество дротиковъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней мнѣ пришлось вытерпѣть много непріятностей: парижскій прево былъ человекъ могущественный; по этому-то другіе дворяне были ко мнѣ не благосклонны и наносили оскорбленія. Замѣчу, что въ то время, когда я поступилъ на службу къ французскому королю, шелъ 1540-й годъ, слѣдовательно мнѣ было ровно сорокъ.

Видя безпрестанныя оскорбленія, я пошелъ къ королю и просилъ его дать мнѣ другое жилище.

— Кто ты? сказалъ король: — и какъ тебя зовутъ?

Можете себѣ представить мое изумленіе! Я не понималъ, чтобы это могло значить и молчалъ. Король, почти въ гнѣвѣ, повторилъ вопросъ: я отвѣчалъ, что имя мое — Бенвенуто.

— Ну, если ты тотъ Бенвенуто, возразилъ Францискъ: — о которомъ я слышалъ, то можешь дѣйствовать какъ обыкновенно дѣйствуешь: я даю тебѣ полную свободу.

— Если в. в. не лишите меня своихъ милостей, отвѣчалъ я, то объ остальномъ я не беспокоюсь.

— Будь увѣренъ, отвѣчалъ король, сибясь подь своимъ плащомъ, — ты никогда не лишишься моихъ милостей.

Потомъ обратясь къ одному изъ своихъ секретарей, мессеру де-Виллеруа, онъ сказалъ, чтобы мнѣ выдали все необходимое. Виллеруа былъ закадычный другъ прево, которому принадлежала Малая-Нель. Это древнее и обширное зданіе имѣло форму треугольника и прилежало къ городскимъ стѣнамъ: оно было укрѣплено, только не было въ немъ гарнизона. Мессеръ де-Виллеруа совѣтовалъ мнѣ отказаться отъ Малой-Нели и поискать другого жилища, потому-что Малая-Нель принадлежала человѣку сильному и могущественному, который велитъ убить меня. Я отвѣчалъ, что прѣѣхалъ изъ Италіи во Францію съ тѣмъ, чтобы служить ея могущественному повелителю.

— Что же касается до смерти, прибавилъ я, то смерти не мнновать: а раньше или позже она приключится — мнѣ рѣшительно все равно.

Виллеруа былъ человѣкъ чрезвычайно богатый: онъ говорилъ медленно и, подь наружностію важной и благородной, скрывалъ тонкій умъ и необыкновенное искусство во всѣхъ дѣлахъ. Онъ готовъ былъ все сдѣлать, чтобы только повредить мнѣ, но никогда этого бы не выказалъ. Виллеруа передалъ меня другому дворянину — мессеру Марманю. Эта фигура начала съ того, что выбрала лучшія комнаты въ Малой-Нели и велѣла ихъ отдѣлать собственно для себя. Я объявилъ, что король отдалъ мнѣ замокъ для мастерской и что я не намѣренъ пускать другихъ жильцовъ. Марманъ, человѣкъ характера гордаго и дерзкаго, отвѣчалъ, что хочетъ поступать такъ, какъ ему угодно; что если я вздумаю съ нимъ бороться, то онъ разможитъ мнѣ голову о стѣну, и что онъ исполняетъ приказаніе Виллеруа.

— А я получилъ приказаніе отъ короля, возразилъ я, и никто — ни вы, ни Виллеруа — не можете тутъ распоряжаться.

Мой гордый противникъ разразился ругательствами и проклятіями, на французскомъ языкѣ; я отвѣчалъ ему, по итальянски, что онъ лжетъ. Въ бѣшенствѣ онъ схватился за кинжалъ, я за свой.

— Если ты осмѣлишься вынуть оружіе изъ ноженъ, закричалъ я: — такъ я тебя убью на мѣстѣ!

Съ нимъ было два служителя, со мною Паголо и Асканіо. Марманъ выходилъ изъ себя и не зналъ, на что рѣшиться. «Никогда не слесу я такой обиды!» бормоталъ онъ.

Видя что дѣло плохо, я рѣшился на все и сказалъ своимъ ученикамъ:

— Лишь только я вышу книжку, бросайтесь на лакеевъ и убейте ихъ, если можете, а съ этимъ я управлюсь самъ; потомъ, мы, съ помощію Божіей, уѣдемъ отсюда.

Марманъ, испуганный моею рѣшимостію, почелъ себя счастливымъ, что можетъ еще за-живо убраться изъ замка. Я описалъ все это происшествіе кардиналу, а онъ увѣдомилъ его величество. Король, раздраженный поведеніемъ Мармана, поручилъ меня другому придворному — виконту д'Орбекъ. Этотъ дворянинъ доставилъ мнѣ все, что было нужно, со всевозможною любезностію.

V.

Устроивъ жилище и мастерскую удобно и прилично, я принялся за три модели, размѣра, какой должны были имѣть серебряныя статуи. Онѣ изображали Юпитера Марса и Вулкана. Когда модели были окончены, я отправился къ королю, который далъ мнѣ, если я только не ошибаюсь, триста фунтовъ серебра на статуи.

Между тѣмъ я окончилъ тазъ и рукомойникъ и вызолотилъ ихъ. Эти двѣ вещи были признаны за лучшія, какія только бывали во Франціи. Я тотчасъ же вручилъ ихъ кардиналу Феррары, который много благодарилъ меня; онъ поднесъ ихъ королю. Король былъ въ восторгѣ и превозносилъ меня какъ не превозносилъ еще ни одного художника. Въ замѣнъ этого подарка, е. в. далъ кардиналу аббатство въ семь тысячъ экю годоваго дохода. Король и мнѣ хотѣлъ сдѣлать подарокъ, но кардиналъ отсоветовалъ, сказавъ, что еще рано, потому-что я ничего еще не сдѣлалъ для е. величества.

— Да это именно для того, чтобы его ободрить, отвѣчалъ Францискъ, отличавшійся щедростію.

— Ваше величество, возразилъ нѣсколько пристыженный кардиналъ, умоляю васъ — положитесь на меня: я назначу ему пенсіонъ по крайней мѣрѣ въ триста экю, лишь только вступлю во владѣніе аббатствомъ.

Этого пенсіона я никогда и въ глаза не видалъ! Впрочемъ много бы пришлось мнѣ исписать бумаги, еслибъ я вздумалъ разсказывать всѣ продѣлки этого кардинала со мною. И такъ займусь болѣе важными происшествіями.

Я возвратился въ Парижъ. Такъ-какъ король осъщалъ меня милостями, то всѣ стали мнѣ удивляться. Я принялся за серебрянаго Юпитера. Мнѣ необходимо было взять множество работниковъ; я трудился день и ночь, такъ что, когда модели Юпитера, Марса и Вулкана были окончены, а серебряная статуя Юпитера значительно подвинулась впередъ, моя мастерская сдѣлалась уже довольно богата.

Къ этому времени король пріѣхалъ въ Парижъ. Я отправился во дворецъ. Францискъ, увидя меня, весело подозвалъ къ себѣ и сказалъ, что пріѣдетъ ко мнѣ въ мастерскую, если у меня есть что показать ему. Я поспѣшилъ рассказать ему все, что у меня было: это увеличило его желаніе. Послѣ обѣда онъ взялъ съ собою г-жу д'Этампъ, кардинала доренскаго, короля наварресскаго, королеву сестру свою, дофина и цѣлѣ аристократинъ. Я, возвратясь домой, принялся за работу, никакъ не ожидая пріѣзта е. величества въ этотъ день. Услыхавъ у дверей замка стукъ молотковъ, король просилъ свою свиту не говорить ни слова. Онъ вошелъ въ большую залу и первый, кого увидалъ — былъ я, съ кускомъ серебра въ рукахъ. Одинъ изъ работниковъ трудился съ молоткомъ надъ головою Юпитера, другой надъ ногами, третій руками, такъ что стукотня была адская. Въ это время одинъ изъ маленькихъ учениковъ, французъ, сдѣлалъ какую-то глупость и я далъ ему пинка ногою, такъ что онъ отлетѣлъ на нѣсколько сажень и упалъ прямо на короля въ ту минуту, какъ тотъ входилъ въ залу. Я переконфузился, но король смѣялся отъ чистаго сердца. Онъ спросилъ меня, что я дѣлаю и требовалъ, чтобъ я продолжалъ работу. Потомъ онъ сказалъ мнѣ, что ему было бы пріятнѣе, еслибъ я не трудился самъ, а только бы надсматривалъ надъ работниками.

— Я хочу, чтобъ ты былъ здоровъ, прибавилъ Францискъ, и могъ бы долѣе служить мнѣ.

— Если у меня отнять работу, ваше величество, отвѣчалъ я, то я непременно сдѣлаюсь болячъ, къ тому же работа не вышла бы, быть можетъ, такъ удовлетворительна.

Король, довольный моими произведеніями, возвратился во дворецъ, осъшавъ меня милостями. На другой день онъ прислалъ за мною во время своего завтрака; феррарскій кардиналъ сдѣлалъ съ нимъ за столомъ. Францискъ сказалъ мнѣ, что къ прекрасному рукооѣйнику и тазу надо сдѣлать солонку и приказалъ мнѣ принести ему рисунокъ.

— Чѣмъ скорѣе, чѣмъ лучше, прибавилъ онъ.

— Вы увидите его, в. в., скорѣе нежели ожидаете: рисунокъ готовъ и если вашему величеству угодно, то я тотчасъ принесу его.

Король, притворно изумленный, обратился къ королю Наварры и къ кардиналамъ лорейскому и феррарскому и сказалъ: «Вотъ человекъ, заслуживавшій любви и уваженія всѣхъ, кто его знаетъ!» — Потомъ онъ изъявилъ желаніе видѣть рисунокъ. Скоро я возвратился и принесъ восковую модель солонки, сдѣланную иною еще въ Римѣ для феррарскаго кардинала.

— Божественно! божественно! повторялъ король въ удивленіи отъ модели — что за дивный человекъ! нѣтъ, онъ никогда не долженъ отдыхать! Сдѣлай мнѣ это изъ золота.

Кардиналъ пристально взглянулъ на меня, желая дать понять, что узнаетъ эту модель; я напомнилъ ему что вѣдь я общалъ эту работу исполнить для того, кто ея достоинъ. Кардиналъ припомнилъ мои слова; убѣдившись, что я хотѣлъ уколоть его, онъ взбѣлся. — Ваше величество, сказалъ онъ королю, работа эта громадная; я одного боюсь — она никогда не приведется къ концу. Эти некусные художники, богатые прекрасными идеями, охотно начинаютъ исполнять ихъ, но никогда не позаботятся о томъ, какъ и когда окончатъ.»

Король отвѣчалъ, что если все заниматься концемъ предпріятій, то никогда и начать нельзя. Слова короля ясно показывали, что онъ полагаетъ, что для такихъ предпріятій нужны люди избранные.

— Когда владыки, сказалъ я, ободряютъ своихъ слугъ, какъ в. величество, тогда все легко, и такъ какъ Богъ благоволилъ даровать мнѣ такого дивнаго покровителя, то я надѣюсь, что съ умѣю усѣбно привести къ концу большія и великолѣпныя работы для в. величества.

— Я въ этомъ и не сомнѣваюсь, отвѣчалъ Францискъ, вставая изъ за стола. Потомъ онъ увелъ меня въ свой кабинетъ и спросилъ сколько нужно золота для солонки. — Тысячу эку, отвѣчалъ я. — Онъ позвалъ казначея, виконта д'Обрека, и приказалъ выдать мнѣ эту сумму.

Отблагодарившись Его Величеству, я отправился къ нотаріусамъ, присутствовавшимъ при уплатѣ мнѣ денегъ за Юпитера и другія работы. Потомъ переправился я черезъ рѣку, взявъ дома сумку съ двумя ружьями, дающую мнѣ, во время моего проѣзда черезъ

Флоренцію, одною изъ кухнй. Полагая, что получу деньги еще днемъ, я не хотѣлъ безобразить работниковъ, не даялъ даже съ собою лакея. Являсь къ казначею, я засталъ его передъ эю. Негодяй этотъ, какъ мнѣ кажется, прибѣгъ къ различнымъ штукамъ, чтобы проволочить выдачу денегъ до третьяго часа ночи. Сумма была не маловажная, почему я и послалъ за нѣсколькими работниками. Видя, что работники не приходятъ, я спросилъ у посланнаго — исполнилъ ли онъ мое порученіе? Мошенникъ отвѣчалъ, что онъ передалъ все, что я приказалъ, но работники отвѣчали, что не могутъ явиться, почему и предлагалъ мнѣ свои услуги, но я отказался. Между тѣмъ подписали контрактъ и отсчитали деньги: я положилъ ихъ въ сумку и просунулъ руку въ ея ручки; рука входила плотно, почему эю были крѣпко притиснуты. На мнѣ была колючура, шпага и кинжалъ; я пустился въ путь; но передъ самымъ выходомъ замѣтилъ, что нѣсколько казначеевыхъ лакеевъ быстро вышли изъ дому, разговоривая потихоньку и повидному направившись въ другую сторону. Я шелъ большими шагами; миновавъ одинъ изъ мостовъ, я пошелъ внизъ по рѣкѣ, около маленькой стѣны, которая вела къ моему замку.

Скоро очутился я близъ августинскаго монастыря. Мѣсто было опасное, не смотря на то, что отстояло отъ Малой-Неви не болѣе, какъ на пятьсотъ шаговъ; но дѣло въ томъ, что до той части отела, въ которой жилъ я, оставалось еще шаговъ пятьсотъ, такъ-что еслибъ я вздумалъ кричать, меня бы не услышали. Вдругъ вижу я, ко мнѣ подступаютъ четыре человѣка, со шпагами въ рукахъ; я быстро спряталъ сумку подъ плащъ, выхватилъ шпагу и крикнулъ: «побѣдить солдата значитъ отнять у него плащъ и шпагу; предупреждаю васъ, что они вамъ не дешево достанутся.» — Размахивая шпагою, я нѣсколько разъ полу-открывалъ плащъ въ томъ намѣреніи, чтобы они, если только подосланы были мерзавцами лакеями, видѣвшими, что я получаю деньги, могли подумать, что денегъ со мною нѣтъ. Борьба продолжалась не долго. Разбойники отступили и стали разсуждать между собою по-французски: «да это не тотъ, кого намъ надо — это храбрый итальянецъ; а если и тотъ, такъ съ нимъ нѣтъ эю.» — Искусство, съ какимъ я владелъ шпагою, убѣдило ихъ, что я дѣйствительно солдатъ; видя, что они отошли отъ меня, я удвоилъ шаги; разбойники слѣдили за мною издали: опасенія мои возобновились, потому-что я боялся засады. Въ трехъ стахъ шагахъ отъ отела, я бросился бѣжать, крича во все горло: «ав

помощь! на помощь! рѣзнуть!» Тотчасъ же приближали четверо изъ толпы молодыхъ людей. Они хотѣли броситься за разбойниками, но я остановилъ ихъ.

— Эти трусы, сказалъ я:— и у одного не могли отнять тысячи эку; которая отпала мнѣ руку. Дайте же мнѣ прежде отнести эти деньги и потомъ пойдите куда хотите.

Молодые люди, опечаленные тѣмъ, что я подвергаю жизнь свою опасности, дѣлали мнѣ нѣжные упреки. — Вы слишкомъ самонадѣянны, говорили они: — ужъ вы заставите насъ горько плакать. — Между тѣмъ противники наши скрылись. Мы весело поужинали, смѣясь отъ всего сердца надъ насмѣшками судьбы, о которыхъ человекъ ни мало не забывается, если не подвергается имъ. Часто говорятъ: «это послужитъ урокомъ на будущее время», но мы часто ошибаемся, потому-что горе приходитъ различными путями, да еще такъ, что и не подозреваешь его.

Путру я принялся за большую солонку. У меня было въ это время много работниковъ какъ для скульптуры, такъ и для золотыхъ дѣлъ мастерства; одни изъ нихъ были итальянцы, другіе французы, третьи нѣмцы. Я мѣнялъ ихъ по мѣрѣ того, какъ находилъ болѣе искусныхъ. Собственный мой примѣръ побуждалъ ихъ къ работѣ, но они не могли противиться усталости подобно мнѣ, имѣвшему крѣпкое тѣлосложеніе. Нѣкоторые изъ самыхъ искусныхъ работниковъ, изъ нѣмцевъ, желая тягаться за мною, думали придать себѣ силу тѣмъ, что стали много ѣсть и пить, но это-то ихъ и доканало.

Когда Юпитеръ приходилъ къ концу, я увидѣлъ, что остается много серебра; тогда, безъ вѣдома короля, началъ я огромную вазу съ двумя ручками, вышиною брассы въ полтеры. Кромѣ того хотѣлъ я вылить изъ бронзы модель Юпитера. Для меня это была совершенно новая попытка я, совѣтовался со многими парижскими мастерами и объяснялъ имъ способъ, употребляемый въ Италіи. Они говорили, что никогда не руководствовались этимъ способомъ, но что они отольютъ мнѣ статую ничуть не хуже самой модели, если я позволю имъ дѣлать такъ, какъ они умѣютъ. Я сдѣлалъ съ ними условіе, по которому отвѣтственность за удачное исполненіе лежала на нихъ; я обещалъ имъ дать нѣсколько эку лишнихъ противъ того, сколько они просили. Только-что принялись они за дѣло, какъ я смекнулъ что взялись-то они не слишкомъ ловко. Я тотчасъ же принялся за бюстъ Юлія Цезаря, который я дѣлалъ съ мадежской копіи.

снѣтой съ дѣревянаго алѣтѣка и привезенной мною изъ Рима. Началь и другой бюстъ — молодой дѣвушки рѣдкой красоты, съ которою я находился въ связи. Голову эту я называлъ — Фонтенебло, именемъ любимой резиденціи короля.

Когда въ моей мастерской поставили превосходную печь для плавки бронзы и когда формы двухъ головъ и Юпитера были готовы, я сказалъ парижскимъ мастерамъ: «Надо думать, что вамъ Юпитеръ не удастся, потому-что вы снизу не оставили довольно мѣста для вольнаго воздуха; вы только время потеряете.» — Они отвѣчали, что отдадутъ мнѣ все забранное у меня серебро и вознаградятъ за всѣ расходы, если статуя не удастся. Потомъ они присовокунили, что тѣ двѣ прекрасныя головы, которыя я хочу отлить, никуда не будутъ годиться. Разговоръ этотъ происходилъ въ присутствіи казначеевъ и другихъ дворянъ, навѣщавшихъ меня по приказанію короля, съ цѣлью рассказывать ему все, что дѣлается и говорится въ моей мастерской. Два старыя литейщика были причиною того, что плавка замедлилась; они говорили, что хотѣли изготавить прежде формы моихъ двухъ головъ, что не возможно, чтобы онѣ удалась при моемъ способѣ и что чрезвычайно жаль испортить такіа прекрасныя статуи. Они довели это до короля, а король отвѣчалъ имъ, чтобъ они старались учиться, а не учить учителя. Литейщики опустили формы въ яму, смѣясь во все горло. Я, не смѣясь и не сердясь, хотя хотѣлось и смѣяться и сердиться, поставилъ два бюста по правую и лѣвую стороны Юпитера. Когда металлъ расплавился какъ слѣдуетъ, мы стали вливать его. Форма Юпитера наполнилась очень хорошо, равно какъ и двѣ головы, такъ-что всѣ мы были въ восторгѣ, убѣдившись, что напрасно порицали наши способы. Въ радости, французскіе литейщики, слѣдуя обыкновенію соотечественниковъ, попросили у меня вииа. Я охотно согласился дать имъ богатый завтракъ. Потомъ они стали требовать деньги, которыя я имъ былъ долженъ и которыя обѣщалъ дать сверхъ уговора.

— Господа, сказалъ я, вы смѣялись надъ тѣмъ, что васъ плакать заставитъ, потому-что въ вашу форму вошло серебра гораздо больше чѣмъ нужно: до завтрашняго утра я не намѣренъ дать вамъ ничего сверхъ того, что вы уже получили.

Слова эти заставили ихъ призадуматься, они ушли домой, не сказавъ ни слова. На другой день литейщики стали вынимать формы изъ ямы. Такъ какъ имъ невозможно было вытащить большую форму прежде моихъ двухъ головъ, то они и принялись спер-

ва за нихъ. Головы удались какъ нельзя лучше. Дошло дѣло до Юпитера; но не успѣли они открыть земли и на двѣ брассы, какъ страшно вскрикнули. Я услышалъ этотъ крикъ изъ своей мастерской, отстоявшей отъ того мѣста шаговъ на пятьсотъ; въ полной увѣренности, что то было радостное восклицаніе, я поспѣшилъ къ литейщикамъ. Но вмѣсто радости на лицахъ изображались печаль и смущеніе: литейщики представляли собою настоящихъ стражей при гробѣ Господнемъ. Я бросилъ взглядъ на свои два бюста — бюсты были превосходны: этотъ успѣхъ утѣшилъ меня въ той неудачѣ. Чтобы извинить себя, они всю вину сложили на неблагопріятствующую имъ судьбу.

— Не судьба виновата, возразилъ я, виновато ваше незнаніе. Мнѣ не трудно поправить срамъ, который ваше невѣжество причиняетъ моей репутаціи, а вы, вы и деньги теряете, и славу. Пусть это научитъ васъ впередъ работать, а не ухмыляться.

Сознавая, что я говорю дѣло, они просили меня сжаляться надъ ними, говоря, что имъ, вмѣстѣ съ своими семействами, придется по міру итти, если они одни понесутъ весь убытокъ. — «Если королевскіе казначеи заставятъ васъ заплатить всѣ издержки, какъ это стѣитъ въ уговорѣ, то я вознагражу васъ своими собственными деньгами, потому-что вы сдѣлали все, что могли».

Такимъ поведеніемъ я упрочилъ за собою расположеніе казначеевъ и министровъ. Его величество, узнавъ о случившемся, приказалъ, чтобы поступлено было рѣшительно такъ, какъ я хотѣлъ.

VI.

Въ это время прибылъ во Францію знаменитый и доблестный Піетро Строчи и напомнилъ государю объ обѣщанной ему грамотѣ на подданство. Его величество приказалъ изготовить грамоту и въ то же время сказалъ: «Приготовьте такую же грамоту и другу моему Бенвенуто и снесите ее ему отъ моего имени, бездешежно». Грамота Строчи стоила ему нѣсколько сотенъ дукатовъ; мнѣ принесъ эту бумагу одинъ изъ первыхъ секретарей короля — мессеръ Антуанъ Ле-Масонъ.

— Король даритъ вамъ эту грамоту, сказалъ онъ, для того, чтобы поощрить васъ усердно служить ему.

Онъ рассказалъ мнѣ, что знаменитый Строчи получилъ свою грамоту послѣ долгихъ просьбъ и ожиданій, тогда какъ мнѣ король прислалъ ее по собственному побужденію — знакъ милости,

которой не удостоивался еще ни одинъ человекъ. Услыхавъ эту пріятную новость, я изъявилъ живѣйшую благодарность за королевскія милости; потомъ просилъ секретаря объяснить мнѣ — что значить эта грамота? Этотъ дворянинъ, столько же образованный, сколько свѣтскій и учтивый человекъ, прекрасно изъяснялся по итальянски. Сначала онъ не могъ удержаться отъ смѣха, но скоро, принявъ серьезный видъ, растолковалъ мнѣ значеніе грамоты на подданство и объявилъ, что это самая высокая честь, оказываемая иностранцу.

Оставивъ меня, Ле-Масонъ отправился къ королю и передалъ ему нашъ разговоръ. Король много смѣялся, потомъ сказалъ:

— Пускай же узнаетъ Бенвенуто для чего я прислалъ ему эту грамоту: я дѣлаю его владѣтелемъ Малой-Нели — это, я думаю, онъ скорѣе пойметъ, чѣмъ грамоты на подданство.

Когда посланный привнесъ мнѣ это извѣстіе, я хотѣлъ наградить его, но онъ отказался, сказавъ, что онъ исполняетъ только волю его величества. Возвратясь въ Италію, я увезъ съ собою грамоту на подданство и актъ на владѣніе отелью, и гдѣ бы я ни былъ, куда бы ни занесла меня судьба, съ этими бумагами я никогда не разстанусь.

Стану однакоже продолжать повѣствованіе о своей жизни. Я съ жаромъ трудился надъ вышеупомянутыми работами, т. е. надъ Юпитеромъ, золотой соловкой, большой серебряной вазой и двумя бронзовыми головами. Кромя того я сдѣлалъ для Юпитера пьедесталъ изъ бронзы съ богатыми украшеніями, среди которыхъ выдѣлилъ барельефомъ съ одной стороны похищеніе Ганимеда, съ другой — Леду съ лебедемъ. Сдѣлалъ я и другой пьедесталъ, въ такомъ же родѣ, подъ Юнону, и ждалъ, когда король дастъ мнѣ серебра, чтобы начать эту статую. Еще сдѣлалъ я въ это время нѣсколько мелкихъ работъ для феррарскаго кардинала и маленькую серебряную вазу, съ удивительною рѣзьбою, которую хотѣлъ поднести мадамъ д'Этанпъ. Въ то же время сдѣлалъ я бездну вещицъ для вельможъ, между прочимъ для сеньора Пьетро Строцци, графа дель-Ангуиллара, графа Питильано и графа дела Мирандола. Но возвратимся къ моему великому королю.

Когда онъ возвратился въ Парижъ, то всѣ его заказы, какъ я уже сказалъ, сильно подвинулись впередъ. Спустя три дня онъ посѣтилъ меня со многими вельможами. Онъ былъ удивленъ количествомъ работъ, мною предпринятыхъ и приведенныхъ уже

Portrait de Pierre de Strozzi

Peint par Rouget.

*Pierre de Strozzi, Seigneur d'Espenay,
Maréchal de France, 1538.*

Gravé par Delannoy.

почти къ концу. Онъ заговорилъ съ мадамъ д'Этаннъ о Фонтенебло; мадамъ д'Этаннъ замѣтила королю, чтобы онъ заказалъ мнѣ что нибудь для украшенія своей любимой резиденци.

— Правда, правда, отвѣчалъ король, и мы сейчасъ же получимъ объ этомъ.

И въздъ за тѣмъ, обратясь ко мнѣ онъ спросилъ, что, по моему мнѣнью, всего приличнѣе для украшенія прекраснаго фонтана (sic). Я предложилъ нѣсколько сюжетовъ; король сказалъ, что онъ намѣренъ провести недѣли двѣ въ Сентъ-Жерменъ-въ-Ле, въ четырехъ лье отъ Парижа, и чтобы въ это время я приготовилъ для его прекраснаго фонтана (sic) самую роскошную модель, — потому-что это мѣсто Францискъ считалъ лучшимъ во всемъ королевствѣ, — однимъ словомъ, чтобы я придумалъ что-нибудь удивительное. Я обѣщалъ исполнить его волю.

— Ни одинъ артистъ, сказалъ Францискъ, обращаясь къ мадамъ д'Этаннъ, не доставлялъ мнѣ столько удовольствія и ни одинъ изъ нихъ не заслуживалъ столько наградъ, какъ Бенвенуто. Надо позаботиться о томъ, чтобы удержать его у насъ. Такъ какъ онъ много тратитъ, любить пожить и поработать, то намъ необходимо позаботиться обо всемъ этомъ; замѣьте — онъ самъ у меня никогда ничего не просилъ; видно, что Бенвенуто весь преданъ искусству. Да, надо оказать ему какія нибудь милости, чтобъ онъ не вздумалъ отъ насъ уѣхать.

— Я не премину напомнить объ этомъ в. величеству, возразила мадамъ д'Этаннъ.

Послѣ этого они уѣхали.

Я продолжалъ начатые работы и въ то же время трудился надъ вновь заказанною моделью.

Спустя полтора мѣсяца король возвратился въ Парижъ. Я понесъ ему модель, до того изящно выгнленную, что она сама за себя говорила. Я засталъ короля въ адскомъ безпокойствѣ по случаю войны, открывавшейся между Франціею и императоромъ. Въ увѣренности, что мои работы развлекутъ его, я просилъ кардинала Феррары доложить обо мнѣ. Король вышелъ ко мнѣ съ удовольствіемъ.

Прежде всего я занялся дверью фонтенеблоскаго дворца, которая, будучи сдѣлана въ дурномъ французскомъ стилѣ, была широка, низка, почти четырехъ-угольная, съ полукружіемъ на верху, въ которомъ королю хотѣлось изобразить фонтенеблоскую нимфу.

Чтобы исправить сколько возможно неуклюжесть этой двери,

*

я придалъ ей прекрасные размѣры и исправилъ полукругъ. Подлинки украсилъ я изящными выступами, лежащими на консоляхъ соответствующей капители, которую я помѣстилъ наверху. Потомъ, двѣ колонны я замѣнилъ двумя сатирами, почти выпуклыми. Одинъ сатиръ одною рукою какъ бы поддерживалъ капитель, въ другой у него была большая булава; съ виду онъ былъ гордъ и грозенъ, какъ будто для того, чтобы устрашить зрителей. Другой сатиръ былъ въ томъ же положеніи, но отличался отъ перваго головою и аксесуарамн. Я назвалъ ихъ сатирами; но надо замѣтить, что у нихъ общаго съ этими баснословными существами были только маленькіе рожки, да козлиныя фizioноміи; остальные части тѣла были человѣческія.

Въ полукружїи я изобразилъ женщину, лежащую въ чудномъ положеніи. Лѣвая рука ея опиралась на шею лани (одинъ изъ девизовъ короля). Съ одной стороны помѣстилъ я, въ видѣ барельефа, козлятъ, кабановъ и другихъ дикихъ звѣрей, съ другой — лягавыхъ и борзыхъ собакъ. Все это заключалось въ продолговатомъ четырехъ-угольникѣ, котораго каждый верхній уголъ вмѣщалъ по побѣдѣ (барельефами). Надъ большимъ барельефомъ изображена была саламандра (любимый девизъ Франциска I-го) и много другихъ украшеній, гармонировавшихъ съ остальною частью произведенія іоническаго ордена.

При видѣ этой модели радость показалаcя на лицѣ короля: эта новость разсѣяла скуку, которую навела на него двухъ-часовая конференція. Пригнѣтивъ, что е. в. въ хорошемъ расположеніи духа, я открылъ другую модель, которой онъ никакъ не ожидалъ: она изображала четырехъ-угольный фонтанъ, окруженный превосходными лѣстницами, которыя перекрещивались въ своихъ изгибахъ — вещь не извѣстная въ то время во Франціи, да и въ Италїи еще довольно рѣдкая. Среди фонтана, не много повыше бассейна, красовалась фигура прелести и изящества не подражаемыхъ! Правую рукою она поднимала на воздухъ переломленное копье; лѣвою она держала великолѣпную саблю. Женщина опиралась на лѣвую ногу, правая же покоилась на каскѣ, богато украшенной. На каждомъ углу фонтана сидѣло по фигурѣ, съ роскошными атрибутами. Король спросилъ меня, что означаетъ эта модель?—Я увѣренъ, присовокупилъ онъ, что ты не поступишь, какъ поступаютъ люди ограниченнаго таланта: сдѣлаютъ чтонибудь не изящное и даже не позаботятся придать значенія своему произведенію.

Я устроилъ дѣло такъ, что мое объясненіе поправыло королю также, какъ и модели.

— Прежде всего, сказалъ я, да позволено мнѣ будетъ объяснить в. величеству, что эта модель сдѣлана тщательно по масштабу, следовательно она несколько не потеряетъ своей измѣности, когда будетъ исполнена въ большихъ размѣрахъ. Фигура, стоящая въ срединѣ, представляетъ бога Марса: она будетъ въ пятьдесятъ четыре фута вышины.

Тутъ король не могъ удержаться отъ удивленія.

— Четыре фигуры, продолжалъ я, представляютъ доблести и таланты, любимые и горячо покровительствуемые в. величествомъ. Фигура на право представляетъ науку; атрибуты, какъ вы изволите видѣть, государь, напоминаютъ философію и все, что къ ней относится. Другая фигура — искусство рисованія т. е. тутъ подразумѣвается скульптура, живопись и архитектура. Третья — музыка, необходимая спутница всѣхъ искусствъ и знаній. Последняя, лицо которой дышетъ добродушіемъ и кротостью, представляетъ щедрость, безъ которой не можетъ процвѣтать ни одинъ изъ изумительныхъ талантовъ, даруемыхъ намъ Богомъ. Наконецъ колоссъ, стоящій въ срединѣ, о которомъ я уже упомянулъ, изображаетъ ваше величество, потому что вы богъ Марсъ, единственный достойный правитель во всемъ свѣтѣ, справедливо и свято употребляющій свою отвагу на защиту славы своей короны.

Не успѣвъ я окончить послѣднихъ словъ, какъ Францискъ воскликнулъ:

— Я нашелъ человѣка себѣ по сердцу!

Потомъ онъ позвалъ казначея и велѣлъ дать мнѣ все, что нужно, не смотря на издержки. Онъ ударилъ меня рукою по плечу и сказалъ: — Другъ мой, не знаю, кто счастливѣе: государь ли, который нашелъ человѣка себѣ по сердцу, или артистъ, встрѣтившій государя, который доставляетъ всѣ средства къ осуществленію высокихъ созданій его генія?

— Если я тотъ человѣкъ, о которомъ вы говорите, государь, возразилъ я: — то безъ сомнѣнія я счастливѣе.

— Ну, положимъ, что мы равно счастливы, отвѣчалъ король со смѣхомъ.

Я ушелъ въ восторгѣ и весело принялся за работу.

Судьбѣ не угодно было, чтобы я ту же комедію сыгралъ съ мадамъ д'Этанжъ. Когда король рассказывалъ ей вечеромъ о своемъ разговорѣ со мною и о моихъ моделяхъ, она до того раз-

говорила, что сказала съ неудовольствіемъ: — «Божьбы Бенеvenuto показалъ мнѣ свои прекрасныя провинціи, то и я бы не заботилась о немъ». — Король хотѣлъ извинить меня, но безъ успѣха! Меня не замедлили увѣдомить объ этомъ обстоятельстве. Спустился дѣвъ подлинъ, когда дверь возвратилась изъ Соль-Жермонъ въ-де, я взялъ прекрасную вазочку, сдѣланную мною для мадамъ д'Этаннъ и отправился къ ней, думая этия поддержки приобрести ея благорасположеніе. Придя въ отель, я показалъ вазу кормилицѣ и сказалъ, что хочу поднести ее мадамъ д'Этаннъ; кормилица приняла меня ласково и обѣщала доложить обо мнѣ своей барыни; но барыня отвѣчала съ негодованіемъ: «Пусть подождетъ». Дѣлать нечего: я вооружился терпѣніемъ, что для меня вовсе не легко. Ждалъ я долго; наконецъ къ вечеру я до того проголодался, что послалъ эту госпожу ко всѣмъ чертямъ и понесъ вазу къ лоренскому кардиналу, которому и подарилъ ее, прося его поддержать меня въ благорасположеніи государя. Кардиналъ отвѣчалъ, что мнѣ не нужна его протекція, но, въ случаѣ надобности, онъ будетъ за меня ходатайствовать. Сказавъ это, онъ позвалъ своего казначея и шепнулъ ему что-то на ухо. Когда я откланялся кардиналу и вышелъ изъ его комнаты, казначей сказалъ мнѣ: «Бенеvenuto, пойдѣте со мною, я вамъ предложу стаканъ хорошаго вина». Не понимая, что онъ подразумеваетъ подъ этия, я отвѣчалъ: «ради Бога, г. казначей, вмѣстѣ съ виномъ дайте мнѣ и хлѣба кусочекъ, потому-что я совершенно изнемогаю. Съ самаго утра до сихъ поръ я пресѣдѣлъ у дверей мадамъ д'Этаннъ, чтобы подарить ей эту серебряную позолоченную вазу, и не съѣлъ ни крошки. Она знала, что я ожидаю ее, но, чтобы отнестить мнѣ, не выходила. Наконецъ я проголодался, силы стали оставлять меня; тогда я рѣшился отдать плоды трудовъ моихъ человѣку, который достоинъ ихъ больше, чѣмъ эта женщина, и чувствую, что на то была воля Божія». Мнѣ принесли превосходнаго вина и роскошнаго блюда. Я удовлетворилъ голодь, а съ голодомъ прошла и злость. Казначей предложилъ мнѣ сто червонныхъ, но я рѣшительно отказался принять ихъ. Онъ побѣждалъ увѣдомить объ этомъ кардинала, который разбралъ его и велѣлъ принудить меня взять эти деньги, въ противномъ же случаѣ поручилъ сказать мнѣ, чтобы я болѣе никогда не являлся къ нему. Казначей возвратился ко мнѣ въ совершенномъ отчаяніи и говоритъ, что никогда еще кардиналъ не обходился съ мнѣ такъ дурно. Онъ

сталъ настаивать и наговаривать, видя, что я все не соглашался принять деньги, разошелся и объявилъ, что принудитъ меня къ тому силою. Я видѣлъ, что дѣлать ничего и взять сто эку. Король узналъ всю эту исторію и г-жа д'Этанпъ не могла отдѣлаться отъ ласкѣшекъ; за то, какъ же она и возненавидѣла меня! Отъ этой ненависти я чуть не лишился жизни. Но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Мнѣ давно уже слѣдовало бы сказать о дружбѣ, которая у меня возникла съ человѣкомъ самымъ образованнымъ, самымъ привязаннымъ, самымъ ласковымъ и самымъ добродѣтельнымъ. Дѣло идетъ о мессерѣ Гвидо Гвиди, знаменитомъ докторѣ и благородномъ гражданѣ Флоренціи. Безконечныя несчастія, посланныя на меня злою судьбою, причиною тому, что я, немного забывъ о немъ. Я полагалъ, что достаточно носить всегда образъ его въ моемъ сердцѣ, но вижу, что безъ него жизнь моя плоха, почему и рѣшаюсь прилестить имя его къ разсказу о своихъ бѣдствіяхъ, для того, чтобы оно напомнило здѣсь счастливое время, точно такъ, какъ некогда служило мнѣ утѣшительною подспорю.

Мессеръ Гвидо пріѣхалъ въ Парижъ козже меня. Едва я съ нимъ познакомился, какъ повелъ его въ свою отель и далъ ему квартиру. Такъ прожили мы съ нимъ нѣсколько лѣтъ подъ одною кровлею. Епископъ Павин, монсеньоръ Росси, братъ графа Санъ-Секоццо, тоже прібылъ въ Парижъ и я принудилъ его оставить гостиницу, гдѣ онъ остановился, и переѣхать въ мой замокъ, въ которомъ онъ и оставался нѣсколько мѣсяцевъ, вмѣстѣ съ своими людьми и лошадьми. Точно также пристроилъ я у себя на нѣсколько мѣсяцевъ мессера Луджи Аламани и его сыновей. Богъ былъ такъ милостивъ, что позволилъ мнѣ оказать услугу людямъ достойнымъ и замѣчательнымъ.

У меня въ отели было отдѣленіе для игры въ мячъ; это отдѣленіе заключало въ себѣ нѣсколько маленькихъ помѣщеній, которыя и занимались людьми различныхъ званій, между прочимъ искуснымъ типографщикомъ, помѣщавшимъ почти все свое заведеніе у меня въ замкѣ. Онъ напечаталъ первую медицинскую книгу, сочиненную мессеромъ Гвидо. Я удалилъ его, когда мнѣ понадобились запираемыя нѣтъ комнаты, удалить не безъ труда. Жилъ у меня еще сѣрный фабрикантъ, который ни какъ не хотѣлъ выѣхать, когда его квартира понадобилась мнѣ для помѣщенія добрыхъ дѣмскихъ работниковъ. Напрасно старался я выгнать его, со всевозможною кротостію, что комнаты необ-

ходимы мнѣ для королевской службы. Чѣмъ учтивѣ говорилъ я съ нимъ, тѣмъ грубѣ отвѣчалъ онъ. Наконецъ я объявилъ, что даю ему три дни сроку. Я не воображалъ, что ему покровительствуетъ мадамъ д'Этанпъ. По прошествіи трехъ дней, видя, что это животное не выбирается, я вооружилъ своихъ италянцевъ и французовъ и въ одно мгновеніе въ его комнатахъ все было истреблено и вся мебель очутилась за дверями замка. Я рѣшился на эту немножко рѣзкую мѣру единственно потому, что это чучело осмѣлилось сказать мнѣ, что не родилось еще такого итальянца, который бы осмѣлился гвоздь тронуть въ его квартиру. Послѣ этого быстрого маневра, я сказалъ ему: «Изъ всей Италіи я самый незначительный итальянецъ, а то, что я теперь сдѣлалъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что могу сдѣлать и что сдѣлаю, если ты хоть слово пиннешь».

Человѣкъ этотъ, пораженный удивленіемъ и ужасомъ, собралъ какъ могъ свою рухлядь и побѣжалъ къ мадамъ д'Этанпъ, которой описалъ адскими красками все, что случилось. Мадамъ д'Этанпъ, мой заклятый врагъ, рассказала эту сцену королю и еще прикрасила, тѣмъ болѣе, что у нея язычекъ былъ получше повѣшенъ, чѣмъ у моего противника. Е. в., какъ мнѣ рассказывали, разгнѣвался на меня и хотѣлъ наказать; но дофинъ Генрихъ, нынѣ король Франціи, и королева Наваррская, сестра Франциска I-го, получившіе нѣсколько обидъ отъ дерзкой фаворитки, такъ жарко стали защищать меня, что король обратилъ это все въ шутку. И такъ при помощи Господа Бога, я отдѣлался отъ этого происшествія. Также пришлось мнѣ отдѣлаться и другого жильца, только у него я ничего не переломалъ; жестокая моя непріятельница хотѣла этимъ воспользоваться и сказала королю: «Я думаю, что этотъ демонъ скоро весь Парижъ разграбитъ.» — Но король въ гнѣвѣ возразилъ г-жѣ д'Этанпъ, что я имѣлъ полное право такъ поступить съ негодяемъ, мѣшавшимъ мнѣ служить е. величеству.

VII.

Гнѣвъ моей жестокой непріятельницы возрасталъ съ каждымъ днемъ. Она вызвала къ себѣ живописца, жившаго въ Фонтенебло; живописецъ этотъ былъ итальянецъ изъ Болоніи, по имени Франческо Приматиччіо. Она уговорила Франческо просить¹⁾

¹⁾ Никколó Приматиччіо родился въ Болоніи въ 1490 году и умеръ въ 1570. — Онъ работалъ во дворцѣ Г, подъ надзоромъ Юлія Романа, истребитель

короли поручить ему повеление, «снана общалась съ своей стороны помогать ему. Франческо былъ въ восторгѣ и рассчитывалъ на успѣхъ, не смотря на то, что работа такого рода была чужда его профессіи. Тѣмъ не менѣе надо сказать, что онъ былъ искусный живописецъ, окруженный себя работниками, вышедшими изъ школы Россо, флорентинскаго истинно-талантливаго живописца; сво-то удивительной манерѣ обаянъ былъ Франческо всѣмъ, что дѣлалъ хорошаго. Г-жа д'Этаннъ днемъ и ночью не переставала жужжать въ уши с. величеству, такъ-что король согласился на просьбы monksъ противниковъ, особенно же послѣ того, какъ любимица сказала ему: «Возможно ли, государь, чтобы Бенвенуто успѣлъ сдѣлать двѣнадцать серебряныхъ статуй, изъ которыхъ ни одна еще не окончена? Если вамъ угодно, чтобы онъ занялся новымъ, огромнымъ предпріятіемъ, то необходимо, чтобы в. в. отказались отъ перваго, исполненія котораго такъ сильно желаете. Недостаточно цѣлой сотни самыхъ искусныхъ художниковъ, чтобы привести въ концы громаднаыя работы, за которыя берется этотъ предпримчивый человекъ. Видно, что у него много доброй воли, но его самонадѣянность скоро будетъ причиною тому, что в. в. лишитесь и работъ его и его самаго».

Король, пораженный такими ловкими фразами, согласился исполнить все, чего хотѣли любимица и Франческо; однакоже Франческо не показывалъ ни своихъ рисунковъ, ни своей модели.

Въ это время, послѣдній жидецъ, котораго я выгналъ изъ отеля, затѣялъ со мною процессъ. Онъ утверждалъ, что я укралъ у него множество вещей въ то время, какъ вытолкалъ его за двери.

Во Франціи привыкли рассчитывать на успѣхъ тѣхъ, если тлагаются съ иностранцемъ или вообще съ человекомъ, который

послать былъ герцогомъ Мантуи къ королю Франциску I, который просилъ у герцога молодого художника — живописца и мѣстѣ съ тѣмъ скульптура. Францискъ наградилъ его тѣмъ, что далъ ему санъ-картезское аббатство, приносящее въ годъ дохода 8000 червонныхъ. При Францискѣ II Приматиччіо сдѣлалъ былъ генеральнымъ управителемъ построекъ во всемъ государствѣ, эту же должность онъ исправлялъ и при Карлѣ IX. Искусный написание, богатый композиторъ, грандіозный скульпторъ, Приматиччіо безъ сомнѣній имѣлъ достоинствъ быть исправлять важныя должности, хотя другъ нашъ Челлини Богъ знаетъ что говорить о немъ. См. Вазари, *Жизель Приматиччіо*. т. IX, стр. 179.

защитается заранее. Если споре такое дело представлять какиянибудь выгоды, то его стараются продать. Есть даже люди, занимающиеся тѣмъ, что покупаютъ процессы или принимаютъ ихъ въѣсто приданого.

При этомъ есть еще плутовство другого рода: перманды, но болышой часомъ, занимаются тѣмъ, что лжесвидѣтельствуя, такъ-что покупной процессъ потчнсь же каиниметь пять, шесть такихъ свидѣтелей. Противникъ всегда бываетъ осужденъ, если онъ, не зная этого обыкновенія, не представитъ одинаковое число свидѣтелей. Вотъ это-то со мною и случилось. Вѣбшонный, я отправился въ большую залу парижскаго двorca, чтобы защититься. Тамъ увидалъ я гражданскаго королевскаго судью, сидящаго на возвышенномъ трибуналѣ. Это былъ человекъ высокаго, толстый и жарный, на взглядъ такой строгой. На правое и на лѣвое отъ него толпились прокуроры и адвокаты. Къ судью подходили разныя лица и излагали свое дело; иногда оспаривавшіе его говорили всё за разъ. Къ величайшему моему изумленію, этотъ чудный человекъ, настоящій портретъ Плутона, слушалъ то одного, то другого, отвѣчалъ то тому, то другому— съ необыкновеннымъ искусствомъ. Зала была преобширная; по народу набралось такъ много, что сторожъ не впускалъ болѣе людей, приходившихъ не по надобности и заперъ двери. Часто, отталкивая приходившихъ, беспокоилъ своей топотной ногою удивительнаго судью, который, приходя въ бѣшенство, ругалъ сторожа не слишкомъ деликатно. Я нѣсколько разъ нѣмѣлъ случай замѣтить это обстоятельство, а также и слова, которыя судья сказалъ однажды сторожу, когда тотъ вывелъ его изъ терпѣнія. Вотъ, что прокричалъ судья сильнымъ голосомъ: «*Sta 'cheto, sta 'cheto, Satanasso, levati dī coati, e sta 'cheto.*» По французски это значило: «Молчи, молчи, сатана! замолчи, сатана! ну, молчать.» Услыхавъ эти слова, я тотчасъ понялъ, что хотѣлъ сказать Дантъ, когда прошелъ въ адскія двери съ учителемъ своимъ Виргилиемъ. Дело въ томъ, что Дантъ живалъ вмѣстѣ съ живописцемъ Джіото, во Франціи и преимущественно въ Парижѣ, гдѣ судейская зала смѣло можетъ быть названа адомъ. Такъ-какъ Дантъ превосходно зналъ французскій языкъ, то и употребилъ это выраженіе. Удивляюсь, что никто до меня не толковывалъ словъ Данта такимъ образомъ; это убѣждаетъ меня, что комментаторы приписываютъ ему такія вещи, о которыя онъ и не думалъ.

Но возвратился къ тиббу. Дѣло моешло мною; мнѣ оставалась одна только способъ къ защитѣ — прибѣгнуть къ доктору клинику. Я началъ съ самаго вѣнчанаго, съ того, кто затѣялъ процессъ. Однажды вечеромъ я жаловалъ ему столько ранъ (я старался впрочемъ не убить его) по рукамъ и ногамъ, что онъ не могъ ходить. Тогда обратился я на другого, на того, кто купилъ процессъ, и такъ его отѣлалъ, что онъ остановилъ тиббу. Я благодарилъ Бога, что всегда дѣлалъ, и надѣялся нѣсколько времени быть въ покоѣ. Ученикамъ своимъ, въ особенности итальянцамъ, я велѣлъ работать приставнѣе, чтобы скорѣе окончить печатные заказы, и объявилъ имъ, что тотчасъ по окончании этихъ работъ намѣренъ возвратиться въ Италию, потому что не могу долге споесть научной французовъ и опасаясь, чтобы крайности, къ которымъ я долженъ былъ прибѣгать, не разгнѣвали добраго короля.

Ученики мои изъ итальянцевъ были слѣдующіе: первый и любимый Асканіо, изъ Талианцоце, селенія въ неаполитанскомъ королевствѣ; второй римлянинъ Паоло, человекъ происхожденія темнаго, не знавшій даже своего отца; оба они прѣѣхали во Францію вмѣстѣ со мною. Потому былъ у меня еще римлянинъ и тоже назывался Паоло, сынъ бѣднаго дворянина изъ дома Макарони; онъ нарочно прибылъ въ Парижъ, чтобы поступить ко мнѣ въ ученіе; ученикъ-то онъ былъ не искусный, за то превосходно владѣлъ оружіемъ. Еще былъ у меня феррарецъ, по имени Бартоломео, и флорентинецъ Паоло Миччери. У послѣдняго былъ братъ, превосходно знавшій письменную часть, но раззорившійся въ концѣ, когда завѣдывалъ дѣлами богатаго купца Томмазо Гвадани. Онъ привелъ въ порядокъ мои счетныя книги. Паоло, научившись у брата какъ должно вести счетныя книги, велъ мои счета, за что я платилъ ему хорошее жалованье. Такъ-какъ онъ казался мальчикъ честнымъ, безпрестанно борюталъ псалмы, то я и думалъ, что могу совершенно ему вѣрится. Однажды отозвавъ его въ сторону, я сказалъ:

— Паоло, милый братъ мой, ты видишь, какъ тебѣ хорошо у меня . . . вспомни, что прежде у тебя ничего не было . . . Такъ какъ ты мой соотечественникъ и человекъ въ высшей степени релігіозный, то я совершенно на тебя полагаюсь, болѣе, чѣмъ на кого другого. У меня есть до тебя двѣ просьбы: во первыхъ, заботись, чтобы у меня ничего не украли, не трогали и самъ; вторая просьба касается бѣднѣиши Катерини. Тебѣ извѣстно, что

я взял ее единственно для своего искусства и без нее ничего бы не сделал. Но все же я человек: она служила мнѣ и для чувственных наслажденій; можетъ случиться, что она родитъ мнѣ сына. Чужихъ дѣтей я не намеренъ воспитывать, не намеренъ свести и оскорбленія: если у когонибудь достанетъ дерзости за мною приволокнуться, то я убью его, да и его тоже. И такъ, любезный братъ, прошу тебя тотчасъ извѣстить меня, если чтонибудь пригвѣтншь; тогда я повѣшу Катерину, мать ея и виновнаго. Да смотри, ты и самъ не подумай....

— О, Госноди Иисусе! возразилъ этотъ негодяй, крестясь отъ головы до ногъ: — избави меня Богъ и подумай объ этомъ, а не то, чтобы.... Къ тому же я содрогался при мысляхъ о такомъ грѣхѣ, да и неужели же вы думаете, что я забылъ всѣ ваши благодѣянія?....

Въ словахъ его, повидимому, было столько истины, что я убѣдился въ его чистосердечіи.

Спустя два дня послѣ этого разговора насталъ праздникъ, въ который мессеръ Маттео дель-Назаро, итальянскій художникъ, находившійся въ службѣ у короля, пригласилъ меня и моихъ молодыхъ людей на пирושку въ свой садъ. Выходя изъ дому, я звалъ съ собою и Паголо. Онъ отвѣчалъ, что неблагоприятно всѣмъ отлучиться изъ отеля.

— Посмотрите, говорилъ онъ, сколько у васъ золота, серебра и драгоценныхъ камней.... Въ этомъ воровскомъ городѣ надо быть всегда на сторожѣ — и днемъ и ночью. Я лучше останусь дома и буду читать молитвы. Ступайте съ Богомъ и веселитесь хорошенько; въ другой разъ можно на мое мѣсто оставить когонибудь изъ товарищей.

Я ушелъ съ другимъ Паголо, Асканіо и Бартоломео, и мы првесело провели день въ саду Маттео дель-Назаро.

Вечеромъ вкралось ко мнѣ въ голову подозрѣніе.... Я сталъ разбирать, чтобы могли значить по видимому не значація слова поганнаго лицемера?....

Немедля сѣлъ я на лошадь и въ сопровожденіи двохъ служителейъ возвратился въ отель. Паголо и Катерину я засталъ почти на мѣстѣ преступленія. Не успѣлъ я еще сойти съ лошади, какъ низкая сваха, мать Катерины, закричала имъ: «Паголо! Катерина! хозяинъ пріѣхалъ!»

Они приближали; платье ихъ было въ безпорядкѣ, лица выражали смущеніе и какую-то глупость, они не знали, что говорить.

что дѣлаютъ — все показывало, что они расточали другъ другу слишкомъ нѣжныя ласки. Въ гнѣвѣ, я выхватилъ шпагу, въ намереніи изрубить преступныхъ въ куски. Паголо убѣжалъ, Катерина бросилась мнѣ въ ноги и просила о помилованіи. Мнѣ хотѣлось прежде убить мерзавца Паголо, но я немогъ скоро нагнать его и пока бѣжалъ за нимъ, то разсудилъ, что не лучше ли просто вытолкать ихъ за двери; потому-что собственная жизнь моя подверглась бы опасности, еслибъ къ прежнимъ моимъ приключеніямъ присоединилось еще убійство. И такъ, я сказалъ Паголо:

«Еслибъ я собственными глазами видѣлъ то, въ чемъ подозреваю тебя, мошенникъ, то десять разъ пропоролъ бы тебѣ брюхо. Сейчасъ вонъ отсюда! Да если станешь молитвы читать, то не забудь молитву св. Юліана». ¹⁾

За тѣмъ я пинками и кулаками выпроводилъ мать и дочь. Онѣ захотѣли отмстить мнѣ и пошли просить совѣта у одного нормандскаго адвоката, который и присовѣтовалъ Катеринѣ обвинить меня въ томъ, что я жилъ съ нею по итальянски. Подъ тѣмъ подразумѣвается противуестественный грѣхъ, называемый иначе грѣхомъ еодомскимъ.

— Только-что итальянецъ, продолжалъ адвокатъ, услышитъ о такомъ обвиненіи и узнаетъ, какія можетъ оно повлечь за собою послѣдствія, то увѣрю васъ, радъ будетъ дать вамъ нѣсколько сотъ дукатовъ, только бы вы замолчали: его испугаетъ одна мысль объ ужасномъ наказаніи, налагаемомъ во Франціи за это преступленіе.

Совѣтъ принять, жалоба подана и я получилъ позывъ въ судъ.

Чѣмъ больше старался я успокоить себя, тѣмъ сильнѣе становилось мое волненіе. Не проходило дня, чтобы меня оставили въ покоѣ. . . . Я серьезно сталъ размышлять — долженъ ли я оставить Францію или выдержать еще эту борьбу и посмотрѣть къ какому концу осужденъ я Богомъ. Послѣ долгихъ и мучительныхъ безпокойствъ я рѣшился уѣхать.

Все уже было готово: чего я съ собой не могъ взять, то отдалъ въ хорошія руки, мелкія вещи припряталъ на себѣ и

¹⁾ Ривальдо д'Астри каждое утро, выходя изъ трактира, читалъ «Отче Нашъ» и «Богородица» (Pater noster et Ave Maria) за отца и мать св. Юліана, прося сего блаженнаго послать ему къ вечеру хорошій ночлегъ. См. Боккатио (Vossaccio, Gior. II. nov. 44).

на своихъ служителяхъ . . . какъ вдругъ мною овладѣла страшная тоска . . . Я заперся въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, сказавъ ученикамъ, которые побуждали меня къ отъѣзду, что хочу еще разъ посоветоваться самъ съ собою, хотя увѣренъ въ основательности ихъ мнѣнiя; если меня не посадятъ еще въ тюрьму и если дать время остынуть злобѣ враговъ моихъ, разсуждалъ я, то мнѣ не трудно будетъ оправдаться передъ королемъ и объяснить ему письменно безбожный заговоръ моихъ злодѣевъ.

Результатъ однакоже моихъ размышленiй былъ тотъ; что я рѣшился привести въ исполненiе предпринятый мною планъ; но въ то время, какъ я хотѣлъ выйти изъ комнаты, меня схватилъ кто-то за плечо и сказалъ звучнымъ голосомъ: «Бенвенуто, дѣйствуй, какъ обыкновенно дѣйствуешь и не бойся ничего!» — Тогда вышелъ я къ моимъ ученикамъ итальянцамъ и сказалъ: — «возьмите оружiе и идите за мною; исполняйте лишь мои приказанiя и вамъ нечего будетъ опасаться; я рѣшился явиться въ судъ. Если я уѣду, вѣдъ вамъ плохо будетъ. И такъ послушайте меня».

Молодые люди отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ:

— Такъ-какъ Бенвенуто доставляетъ намъ средства къ существованiю, мы должны слѣдовать за нимъ всюду и даже пролить кровь, если нужно. Онъ правъ: только-что онъ уѣдетъ его враги вытолкаютъ насъ за-дверь. А что касается до начатыхъ огромныхъ работъ, то надо признаться — безъ него намъ ихъ никогда не окончить и тогда его противники не преминутъ сказать, что Бенвенуто уѣхалъ потому, что не сладилъ съ заказами.

Молодой римлянинъ Паголо Манарони воодушевлялъ товарищей и подговорилъ еще нѣсколькихъ нѣмцевъ и французовъ присоединиться къ намъ. Всего насъ было десять человекъ. Я вышелъ изъ дому съ твердымъ намѣренiемъ не попасться въ тюрьму живымъ. Являсь въ судъ, я увидалъ Катерину и мать ея: онѣ разговаривали другъ съ другомъ и смѣялись. Я смѣло спросилъ судью, жирную и надутую особу, важно возсѣдавшую на высокомъ стулѣ. Увидавъ его, я сказалъ съ цетерпѣнiемъ:

— Пожалуйста, объясните за чѣмъ позвали меня въ судъ и отпустите поскорѣй.

Судья обратился къ Катеринѣ и проговорилъ низкимъ басомъ:

— Катерина, объясни-ка чтѣ у васъ было съ Бенвенуто.

Катерина утверждала, что я жилъ съ нею по итальянскому способу.

— Слышишь, въ чемъ тебя обвиняютъ, Бенвенуто? возразилъ судья.

— Если бы я обращался съ нею по итальянски, отвѣчалъ я, то сдѣлалъ бы это лишь для того, чтобы имѣть сына, какъ и вы.

— Имѣть, она говоритъ, что ты ласкалъ ее совершенно не такъ какъ мы.

На это я возразилъ, что это не итальянскій обычай, а французскій, потому-что Катерина знаетъ его, а я не знаю, и потребовалъ, чтобы она объявила, какъ поступаютъ при этомъ сносахъ. Безстыдница разсказала весь процессъ, ни мало не стараясь выбирать болѣе приличныя слова. Когда развратница замолчала, я сказалъ судѣ:

— Г. судья, я требую правосудія; мнѣ извѣстно, что во законамъ всехристианнѣйшаго короля за такое преступленіе подвергаются сожженію и дѣйствующее и страдательное лица. Женщина эта признается, что она виновна; мнѣ преступленіе это вовсе неизвѣстно, мать ея точно также заслуживаетъ наказаніе за то или другое преступленіе: и такъ я требую правосудія. —

Я повторилъ это нѣсколько разъ громкимъ голосомъ, и поклялся, что если Катерину и мать ея не посадятъ въ тюрьму, то я побѣгу къ королю и объясню ему, какъ поступаютъ его судьи. Противники мои, видя, какъ я кричу и шумлю, понизили свой голосъ, а я сталъ говорить еще сильнѣе. Мать и дочь разревѣлись, я продолжалъ кричать: «сжечь ихъ, сжечь!» — Подлый адвокатъ, видя, что дѣло приняло вовсе неожиданный оборотъ, взялъ ноту поумнѣе и сталъ извинять слабость женщинъ. Я убѣдился, что побѣда осталась за мною и вышелъ изъ залы, не переставая угрожать этимъ негодьямъ. Оставивъ это мерзостное гнѣздо, я отъ всего сердца вознесъ молитву къ Богу и весело возвратился въ Малю-Нель.

VIII.

Если судьба или лучше сказать враждебная звѣзда начнетъ насъ преслѣдовать, то преслѣдованіемъ ея нѣтъ конца.

Избавясь отъ угрожающей мнѣ грозы, я думалъ что злобая звѣзда дастъ мнѣ нѣсколько времени покоя; но едва успѣлъ я опомниться, какъ она насала на меня двѣ новыя бѣды разомъ. Въ три дни случилось со мною два происшествія и оба подвергли мнѣ опасности. Вотъ, какъ это случилось:

Однажды утромъ отправился я въ Фонтенебло, чтобы переговорить съ королемъ Францискомъ, который писалъ мнѣ, чтобы я сдѣлалъ углы для всѣхъ монетъ, обращающихся въ его королевствѣ. Съ письмомъ онъ прислалъ мнѣ также нѣсколько рисунковъ, чтобы по возможности объяснить мнѣ свое желаніе; тѣмъ не менѣе онъ предоставилъ мнѣ на произволъ — слѣдовать ли этимъ рисункамъ или прибѣгнуть къ собственному вдохновенію. Я сдѣлалъ новые рисунки по своему вкусу. Въ Фонтенебло встрѣтилъ меня монсеньоръ де-ла-Фа, одинъ изъ казначеевъ, которому король поручилъ выдавать мнѣ матеріалъ.

— Бенвенуто, сказалъ казначей, живописецъ Приматиччіо получилъ приказаніе отъ короля исполнить вашего колоса. Это очень не хорошо со стороны вашего соотечественника, потому что онъ отнимаетъ у васъ, единственно по протекціи г-жи д'Этанпъ, работы, которыя вамъ доставили ваши модели. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ онъ получилъ этотъ заказъ и кажется еще не принимался за него.

— Да какъ же я до сихъ поръ ничего не зналъ объ этомъ? сказалъ я въ удивленіи.

— Онъ держалъ это въ тайнѣ; Франческо съ трудомъ выпросилъ эту работу: король долго не соглашался, но наконецъ просьбы г-жи д'Этанпъ удалили всѣ трудности.

Раздраженный такою ужасною обидой, я взялъ оружіе и пошелъ къ Франческо, который работалъ въ своей комнатѣ. Приматиччіо, сопровождая слова свои ломбардскими любезностями, спросилъ, что привело меня къ нему?

— Дѣло прекрасное и очень важное, отвѣчалъ я.

Приказавъ принести вина, онъ сказалъ мнѣ:

— Прежде чѣмъ говорить о дѣлѣ, мы съ вами выпьемъ, по французскому обычаю.

— Мессеръ Франческо, разговоръ, который мы будемъ имѣть, не требуетъ, чтобы мы выпили прежде: послѣ можемъ выпить.

И я рассказалъ ему цѣль моего прихода, показавъ всю низость его поступка.

— Ахъ, Боже мой! возразилъ Франческо, выслушавъ меня, кажется люди всѣми средствами заботятся о своихъ дѣлахъ. Къ тому же на это воля короля — такъ толковать нечего: заказъ достался мнѣ и я не намѣренъ отъ него отказаться.

Я измѣнился въ лицѣ.

— Вотъ, что я вамъ предлагаю, сказалъ я: — вы сдѣлаете мо-

доль и я сдѣлаю; мы, не говоря ни слова, обнесемъ ихъ къ великому королю и чье онъ признаетъ за лучшую, тотъ пусть и исполнитъ колоса. Если ваша работа будетъ лучше, то я забуду обиду нанесенную вами и еще поцалую у васъ руку, какъ болѣе моей достойную великой славы. Если вы согласны на это, мы останемся друзьями, если нѣтъ — будемъ врагами и я, съ помощью Господа Бога, покровительствующаго истинѣ и правотѣ

— Заказъ остался за мною, перебилъ Франческо и я не хочу упустить его.

— Ну, такъ объявляю же вамъ, что убью васъ, какъ собаку, если вы будете еще говорить объ этой работѣ. Мы не въ Римѣ, не въ Болоннѣ, не во Флоренціи; здѣсь другіе нравы. И такъ повторяю, что убью васъ, если вы замкнетесь еще разъ передъ королемъ или передъ кѣмъ другимъ; а тамъ будь, что будетъ!

Сказавъ это я вышелъ и отправился во дворецъ, гдѣ имѣлъ долгій споръ съ королемъ, который хотѣлъ, чтобы монеты сдѣланы были на манеръ французскій.

Не успѣлъ я возвратиться домой, какъ одна изъ тѣхъ добрыхъ душъ, которыя радуются несчастію ближняго, посѣщала извѣстить меня, что Паголо Митчери нанялъ домъ для негодной Катерины и ея матери, что самъ безпрестанно ходитъ къ этой пакостницѣ, и смѣется надо мною. Мошеникъ, принесшій мнѣ это извѣстіе, такъ разукрасилъ его, что у меня сдѣлалась лихорадка; неукротимый гнѣвъ душилъ меня, и задушилъ бы до смерти, еслибъ я не послушался побужденій, которыми онъ внушалъ мнѣ. Я пригласилъ съ собою феррарца Бартоломео, а слугѣ приказалъ слѣдовать за нами съ моею лошадыю.

Дверь дома Паголо была полуотворена; на немъ была шпага и кинжалъ; онъ сидѣлъ на сундукѣ, обивалъ одною рукою станъ Катерины, и разговаривалъ съ матерью — обо мнѣ. Я выхватилъ шпагу, быстро отворилъ дверь, вбѣжалъ въ комнату и приставилъ клинокъ къ горлу Паголо; все это сдѣлалось такъ скоро, что онъ о своей шпагѣ и вспомнить не успѣлъ.

— Гадина! закричалъ я, готовясь отдать душу Богу.

Паголо, не смѣя пошевеливаться, повторилъ три раза: «матушка, матушка, на помощь!»

Я рѣшился убить его; но это восклицаніе на половину уменьшило гнѣвъ мой. Однакоже я приказалъ Бартоломео никого не выпускать изъ комнаты; потому что, еслибъ я убилъ Паголо, то зарѣзалъ бы и мать съ дочерью. Паголо все еще былъ у меня

ходъ клинкомъ; я показывалъ его слегка, сопровождая это угрозами. Видя, что онъ нестарается защищать себя, я не зналъ наконецъ — что мнѣ дѣлать Какъ вдругъ пришла мнѣ мысль — заставить ихъ жениться .

— Сними кольцо съ своей руки, сказалъ я Паголо: — и женись на Катеринѣ; въ послѣдствіи я отмишу тебѣ, какъ ты того стоишь.

— Только не убивайте, завопилъ онъ, я сдѣлаю, все, что вы прикажете.

— Такъ отдай же ей кольцо.

Я отвелъ не много шагу отъ его горла; онъ снялъ кольцо и подалъ его Катеринѣ.

— Нѣтъ, этого мало, возразилъ я, надо привести двоихъ нотариусовъ и заключить сватѣбный контрактъ.

Приказавъ Бартоломео сходить за нотариусомъ, я обратился къ Катеринѣ и ея матери и сказалъ по французски: «Сейчасъ прійдутъ нотариусы и свидѣтели. Если кто изъ васъ хоть слово скажетъ, я того зарѣжу.» Потомъ сказалъ по итальянски Паголо: «если ты сдѣлаешь малѣйшее возраженіе на одно изъ моихъ распоряженій, то я такъ израню тебя кинжаломъ, что у тебя всё внутренности выскочатъ».

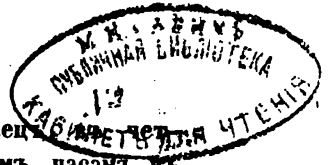
— Я все исполню, проворкоталъ Паголо, только не убивайте меня.

Пришли свидѣтели и нотариусы и заключили контрактъ по всей формѣ: гнѣвъ и лихорадка меня оставили и я ушелъ домой.

На другой день Франческо Приматиччио пріѣхалъ въ Парижъ и послалъ за мною Маттео дель-Назаро; Франческо принялъ меня съ веселымъ видомъ, просилъ считать себя моимъ братомъ и поклялся никогда не упоминать о колосѣ.

Еслибы я не признавался, что дурно поступалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, тогда не повѣрили бы тѣмъ, въ которыхъ я велъ себя какъ слѣдуетъ. И такъ признаюсь, что поступилъ дурно, отмстивъ такъ странно Паголо.

Я не удовольствовался тѣмъ, что заставилъ его жениться на развратной женщинѣ; для полной мести, заставлялъ я Катерину приходить къ себѣ и рисовалъ съ нею, за что давалъ ей по двадцати су въ день. Такъ-какъ она должна была стоять на натурѣ, то она на первый разъ спросила у меня денегъ впередъ; на другой разъ попросила хорошаго завтрака, а на третій, я, для мщенія, сѣлся и надъ нею, и надъ ея законнымъ мужемъ,

и надъ рогами, которые ему наставляю. Наконецъ вертѣтъ разъ я заставилъ ее простоять по цѣлымъ часамъ въ самыхъ трудныхъ позахъ, что ей сильно не понравилось. Видя, что я уже не занимаюсь ею какъ прежде, она сильно разсердилась и начала роптать. Потомъ по обыкновенію французенокъ, стала мнѣ грозить своимъ мужемъ, поступившимъ на службу къ капуанскому пріору, брату Піетро Строци. Когда я ушлышалъ имя мужа, мной овладѣла злость, однакоже я удержался, подумавъ, что не найду для себя лучшей натурщицы. У Катерины были чудныя формы. Но негодяйка не хотѣла замолчать, безпрестанно произносила имя Паголо, однимъ словомъ вывела меня изъ терпѣнія: я схватилъ ее за косу, таскалъ по комнатамъ и билъ кулаками и ногами до тѣхъ поръ, пока не утомился. Катерина побожилась, что никогда больше не прійдетъ ко мнѣ. Я разсудилъ что поступилъ неблагоразумно; съ одной стороны приходило мнѣ въ голову то, что теряю превосходную натурщицу, съ другой то, что мнѣ придется лечить ее отъ сныжковъ, царапинъ и опухолей, покрайней мѣрѣ недѣли двѣ, еслибъ она и согласилась возвратиться ко мнѣ. Чтобы помочь Катеринѣ одѣться, я прислалъ ей старую превосходную служанку — Руберту. Руберта принесла моей маленькой негодницѣ роскошный завтракъ и натерла ей ушибленные мѣста свинымъ саломъ. Наконецъ Катерина ушла проклиная всѣхъ итальянцевъ. Руберта стала упрекать меня.

— Вы очень жестоки, говорила она. Какъ можно такъ ужасно избить такую красивую дѣвчонку?...

Чтобы нѣсколько оправдать себя, я разсказалъ старухѣ подробности Катерины и ея матери, когда Катерина была еще моею любовницей.

— Ну, что за важность! замѣтила Руберта. Развѣ вы думаете, что во Франціи есть хоть одинъ муженекъ безъ рожекъ?

Я расхохотался и просилъ старуху сходить оведомиться о моей натурщицѣ.

— Жить-то вы не умѣете на свѣтѣ, возразила Руберта: завтра, чѣмъ свѣтъ она сама прибѣжитъ къ вамъ; а если теперь пошлете, такъ она заважничаетъ и не придетъ.

Такъ и случилось. На другой день Катерина стучала у моихъ дверей съ такою силою, что я самъ побѣжалъ отворить ихъ, полагая, что стучитъ какой нибудь сумасшедшій или кто нибудь изъ домашнихъ. Только-что я отперъ, этотъ чертенокъ бросился

миѣ на шею, обвилъ руками, поцаловалъ и спросилъ сержусь ли я или нѣтъ?

— Нѣтъ не сержусь, отвѣчалъ я.

— Ну, такъ дайте же миѣ хорошій завтракъ, подхватила Катерина.

Я согласился и въ знакъ примиренія ѣлъ вмѣстѣ съ нею. Послѣ завтрака принялся было я рисовать ее. Когда наступилъ часъ, въ который на кануѣ я наказалъ Катерину, она снова вывела меня изъ терпѣнія и снова я ее побилъ. Сцены эти повторялись нѣсколько дней съ ряду и походили одна на другую, какъ бюсты изъ одной и той же формы: варьяцій было не много.

Между тѣмъ солонка была окончена; я отнесъ ее къ королю, который вскрикнулъ отъ удивленія и удовольствія. Онъ долго любовался моимъ изящнымъ произведеніемъ, потомъ приказалъ миѣ отнести солонку въ мою мастерскую и держать ее до тѣхъ горъ, пока не получу отъ него приказанія, что съ нею сдѣлать. Возвратясь въ Малую-Нель, я созвалъ нѣсколькихъ друзей и мы отобѣдали чрезвычайно весело; солонка стояла на столѣ: слѣдовательно мы первые ею воспользовались.

Я оканчивалъ свою статую — верхъ изящества ¹⁾; кромѣ того трудился надъ Юпитеромъ и большою вазою, украшенною превосходными орнаментами и множествомъ фигуръ.

Въ это время живописецъ Франческо уговорилъ короля послать его, съ рекомендательными письмами, въ Италію, для сформировки лучшихъ антиковъ: Лаокоона, Клеопатры, Венеры, Комоды и Аполлона.

Окончательно прогнавъ Катерину, мужъ которой оставилъ Парижъ, я хотѣлъ поправить кое-что въ своей фонтенеблоской нимфѣ, отлитой уже изъ бронзы, и сформовать двѣ Побѣды, которыя должны были быть помѣщены по угламъ полукруга. Для этого взялъ я бѣдную дѣвчоночку, лѣтъ пятнадцати. У нея были чудныя формы тѣла, цвѣтъ кожи смуглый. Такъ-какъ права она была дикаго и молчаливаго, движенія были стремительны, взглядъ

¹⁾ Докторъ Платти, въ своемъ превосходномъ изданіи Челлини, спрашиваетъ — о колонѣ ли говоритъ здѣсь авторъ, или о нимфѣ, назначавшейся для дверей фонтенеблоскаго дворца? Очевидно, что дѣло идетъ о послѣдней. Бенвенуто упоминаетъ, что моделью для этой нимфы ему служила Катерина; не могла же она служить Бенвенуто для дѣлки колоса, который изображалъ бога Марса.

дуглави, то я и прозвала ее Скоццовой, давшее же ей имя было Жанна; она была чиста и дѣвственна, отъ меня она сдѣлалась тяжела и родила дѣвочку седьмого іюня 1544 г., въ тринадцатомъ часу дня; мнѣ было въ это время 44 года. Ребенка я назвала Констанцею; сколько могу припомнить, это было мое первое дитя. Я дала Констанцѣ приданое, которымъ удовольствовалась одна изъ ея тетокъ, которой я ее отдала на воспитаніе: съ тѣхъ поръ о Констанцѣ я никогда и неслыхала.

Работа кипѣла: Юпитеръ и ваза были почти окончены; фонтенеблоскія двери сильно подвинулись впередъ. Въ это время Францискъ возвратился въ Парижъ. Онъ посѣтилъ мою мастерскую, гдѣ было-таки что посмотреть. Король былъ чрезвычайно доволенъ. Припомнивъ, что феррарскій кардиналъ не далъ мнѣ пенсіона, да и ничего другого, Францискъ сказалъ въ полголоса своему адмиралу, что кардиналъ поступилъ дурно; что онъ самъ хочетъ это поправить, тѣмъ болѣе, что ему извѣстно, что я за человекъ — въ одинъ прекрасный день могу уѣхать, не сказавъ ни слова. За тѣмъ король со мною простился.

Послѣ обѣда е. в. поручилъ кардиналу распорядиться, чтобы мнѣ выдали семь тысячъ червонныхъ, разложивъ эту сумму на три или на четыре раза — какъ вздумается кардиналу, которому онъ сказалъ съ упрекомъ: «я поручилъ Бенвенуто вамъ, а вы его совсѣмъ забыли.»

Кардиналъ отвѣчалъ, что исполнить приказаніе государя, однакоже не исполнилъ. — Франціи въ это время грозила война: императоръ шелъ на Парижъ съ многочисленною арміею. Кардиналъ зная, что Франція нуждается въ деньгахъ, воспользовался какъ-то случаемъ и сказалъ Франциску: — государь, я не выдалъ Бенвенуто семи тысячъ экю во первыхъ потому, что деньги въ настоящее время нужны для войны, во вторыхъ потому, что такая сумма заставила бы васъ скорѣе лишиться такого артиста. Онъ вообразить, что богатъ, купить себѣ помѣстье въ Италіи и уѣхать изъ Франціи, какъ ему вздумается. Если вашему величеству угодно долѣе имѣть его у себя на службѣ, то нелучше ли дать ему что нибудь въ вашемъ королевствѣ? — Король согласился съ доводами кардинала, тѣмъ болѣе, что дѣйствительно ему была крайность въ деньгахъ; но онъ все-таки понялъ, что кардиналъ поступалъ такъ лишь для того, чтобы выказать себя, а совсѣмъ не въ желаніи пользы государству. На другой день Францискъ пріѣхалъ ко мнѣ. Я началъ показывать ему работы сначала не-

значительныя, потомъ привелъ въ комнату, гдѣ стоялъ Юпитеръ; король долго любовался имъ; потомъ я показалъ множество золотыхъ работъ.

Наконецъ, когда его величество, хотѣлъ уже уѣхать, я открылъ своего колоса, стоявшаго на дугу, принадлежавшемъ Малой-Нели. Король пришелъ въ совершенное изумленіе, осматривалъ меня похвалами и уѣхалъ чрезвычайно довольный мною.

IX.

Мадамъ д'Этанпъ, узнавши положеніе моихъ дѣлъ, разсердилась на меня хуже прежняго. — «Какъ говорила она, я правлю міромъ, а этотъ ничтожный человѣкъ ставитъ меня ни во что!» — И она всѣми силами начала стараться уничтожить меня. Орудіемъ же для достиженія своихъ цѣлей избрала она одного искуснаго химика, доставившаго ей какія-то умыванья для поддержанія свѣжести лица. Воспользовавшись во время представленія королю, благопріятной минутой, этотъ человѣкъ попросилъ себя у него игорную залу и нѣсколько небольшихъ комнатъ въ моемъ замкѣ, которыя, по его словамъ, были мнѣ вовсе не нужны. Король догадался откуда дуетъ вѣтеръ, и промолчалъ. Но госпожа д'Этанпъ повторила просьбу въ минуту любовнаго расположенія, и король согласился. Вскорѣ потомъ химикъ явился ко мнѣ въ сопровожденіи дѣлача Гролье; Гролье началъ было шутить, но замѣтивши, что я вовсе не расположенъ смѣяться, сказалъ: «именемъ короля ввожу я этого человѣка во владѣніе игорною залою и принадлежащими къ ней комнатами.» — Все принадлежитъ королю отвѣчалъ я; но вы могли бы войти въ замокъ приличнѣе, и внимательство приказныхъ заставляетъ меня видѣть въ этомъ поступкѣ обманъ, а не исполненіе воли его величества. Знайте же, что прежде нежели я пойду жаловаться королю, я стану защищаться самъ, основываясь на его же позволеніи; если вы мнѣ не представите приказа, подписаннаго его собственною рукою, я выброшу незваннаго гостя за окно.» Казначей вышелъ, бормоча угрозы; я тоже ограничился на этотъ разъ словами, и скорѣ потомъ пошелъ къ нотаріусамъ, бывшимъ при ввѣдѣ химика въ мой домъ. Они сказали, что форма эта соблюдена ими дѣйствительно по приказанію короля, но впрочемъ не имѣетъ никакого значенія, и что при малѣйшемъ съ моей стороны сопротивленіи химикъ не занялъ бы комнатъ, потому-что это пустая формальность,

исполненіе которой не имѣетъ ничего общаго съ повиновениемъ королю; и наконецъ, что если мнѣ удастся выгнать хенрика вонъ, такъ тѣмъ дѣло и кончится. Основываясь на ихъ словахъ, я на другой же день началъ войну, и не смотря на кой-какія трудности, находилъ въ ней даже удовольствіе. Каждый день штурмовалъ я моего гостя камнями, кошками и мушкетами; я стрѣлялъ разумѣется холостыми зарядами, но палба все-таки такъ ману-гала сосѣдей, что они перестали защищать осаждающаго. Наконецъ, въ одно утро когда онъ защищался слабѣе обыкновеннаго, я ворвался въ его жилище, выгналъ его вонъ и выбросилъ всѣ его вещи. Потомъ я поспѣшилъ къ королю, и сказалъ ему, что во всей точности исполнилъ его приказаніе сопротивляться тѣмъ, которые захотятъ помѣшать мнѣ служить его величеству. Король поспѣялся и далъ мнѣ новыя охранныя грамоты, чтобы впередъ меня не безпокоили такимъ образомъ.

Между тѣмъ я окончилъ моего серебряннаго Юпитера на золотомъ пьедесталѣ; пьедесталъ поставилъ я на незамѣтную деревянную подставку, которая легко каталась во всѣ стороны на четырехъ шарикахъ изъ твердаго дерева. Я привезъ ее въ Фонтенебло, гдѣ находился тогда король. Въ это же время живописецъ Болонья, привезшій слѣпки статуи изъ Рима, вылилъ ихъ изъ бронзы. Я ничего объ этомъ не зналъ, и когда спросилъ короля, гдѣ прикажетъ онъ поставить моего Юпитера, то мадамъ д'Этанъ подхватила, что лучше всего поставить его въ галлерей. Эта галлерей, длиною шаговъ 100 и шириною шаговъ 12, была украшена картинами нашего несравненнаго Россо, статуями и барельефами. Болонья искусно разставилъ въ этой галлерей на пьедесталахъ свои бронзовыя статуи, воспроизведенія лучшихъ твореній древняго Рима. Увидѣвши всѣ эти хитро рассчитанныя приготовленія для встрѣчи моего Юпитера, я подумалъ: «Надо прорубиться сквозь цѣлую армію! Съ Богомъ же, впередъ!» — Я поставилъ мою статую на назначенное мѣсто, и ждалъ прихода короля. Мой Юпитеръ держалъ въ лѣвой рукѣ земной шаръ, въ правой громовыя стрѣлы. Между пламенемъ ихъ скрытъ я огарокъ свѣчи изъ бѣлаго воску: я предвидѣлъ, что мадамъ д'Этанъ задержитъ короля до вечера, и онъ придетъ взглянуть на статую въ неблагопріятную пору. Но Богъ покровительствуетъ вѣрующимъ въ него, — и дѣло вышло совсѣмъ не такъ, какъ желалъ мадамъ д'Этанъ; вѣчеру я зажегъ свѣчу и лучи ея падали на статую сверху произвели такой эффектъ, каковаго не возможно

было ожидать отъ дневного свѣта; король возмесь съ мидиго д'Этангъ; за ними доехвъ, король Наваррскій, Маргарита, и много великожь, которыхъ мидиго д'Этангъ шоручила говорить претивъ меня. При входѣ король, работникъ мой Асканю дингуль статую ему на встрѣту, таку что, казалась, она ошля. Древняя статуя осталась позади, и моя первая бросилась въ глаза. Король тотчасъ же восклицуль: «Я не видалъ ничего прекраснѣе! Я знаю толкъ въ искусствѣхъ и признаюсь, что эта статуя во сто разъ лучше, нежели я могъ вообразить себѣ.» — Придворные, присидѣніе осуждать мое произведеніе, пустились взыуемъ хвалить его. — «Правое, подумаешь, что у насъ глазъ нѣтъ, смѣло сказала госпожа д'Этангъ. Неужели вы не видите этихъ чудесныхъ древнихъ статуй? Вотъ гдѣ искусство, а не въ этихъ бездѣлушкахъ новѣйшаго времени.» — Король посмётрѣлъ на древнія статуи, очень невыгодно освѣщенные снизу и сказалъ: — «Тотъ, кто хотѣлъ повредить Бенвенуто, оказалъ ему большую услугу: сравнивая эти превосходныя статуи съ его Юпитеромъ нельзя не сознаться, что его произведенія далеко изящнѣе и удивительнѣе. Должно отдать честь Бенвенуто: его статуи не только не хуже, онѣ лучше древнихъ.» — Мадамъ д'Этангъ возразила на это, что днемъ моя статуя утратитъ много своей красоты, и что кромѣ того драпировка скрываетъ ея недостатки. Я дѣйствительно драпировалъ слегка моего Юпитера, желая придать ему больше величія. Но услышавши замѣчаніе госпожи д'Этангъ, я сорвалъ драпировку и раскрылъ дѣтородныя части статуи. Мадамъ д'Этангъ подумала, что я сдѣлалъ это съ намѣреніемъ оскорбить ее. Король замѣтилъ ея негодозаніе. Я, въ сердцахъ хотѣлъ заговорить, но мудрый король, остановилъ меня словами: «молчи, Бенвенуто, и будь скромнее; я награду тебя въ тысячу разъ больше нежели ты желаешь.» — Король ушелъ раньше, нежели распологалъ, но уходя, произнесъ громко: «Я подитилъ у Италии величайшаго и всеобъемлющаго художника!»

Я оставилъ Юпитера въ галлерей. На другой день король приказалъ выдать мнѣ 1000 зноу золотомъ, и я весело возвратился въ Парижь.

Я съ жаромъ принялся опять за колоссальную статую Марса. Келати разскажу забавный случай, который дастъ понятіе о величій. Я строго запретилъ своимъ слушателямъ приводить въ зноу женщину, но уличникъ мой Асканю вывелъ изъ одну хетровенскую дѣвушку; дѣвушка тоже полюбила его, и одиждѣ

вечеромъ ушла отъ своей матери къ нему. Она не за что не хотѣла съ нимъ разстаться, но онъ не зналъ, куда ее спрятать; наконецъ вздумалъ отвезти ей квартиру въ моемъ Марсѣ и постлать постель въ самой головѣ. Тутъ пробываю она долго; Асканію выпускалъ ее изъ головы только ночью. Голова была почти окончена, и я раскрылъ ее, такъ что почти весь Паризъ могъ ее видѣть. Соотѣи вошли на кровли домовъ, и собрались толпа любозпытныхъ. Въ народѣ понесся слухъ, что въ землѣ моею съ незапамятныхъ временъ блуждаетъ духъ; что касается до меня, я не видѣлъ ничего такого, что могло бы подтвердить эту сказку. Народъ невольно видѣлъ иногда сквозь отверстія глазъ колоса движенія дѣвочки, не многіе стали утверждать, что духъ поселился въ моей статуѣ, и двигаетъ ея глазами и губами, какъ будто хочетъ что-то заставить ее сказать. Нѣсколько невѣрующихъ хотѣли разузнать дѣло, и принуждены были сознаться, что статуя дѣйствительно мигаетъ глазами. Всѣ увѣрились, что духъ точно вселился въ статую, и никто не подозревалъ, что этотъ духъ облеченъ въ оборожительное тѣло.

Между тѣмъ я собиралъ части двери, о которой говорилъ выше, и доканчивалъ одну большую вазу и двѣ поменьше. Мадамъ д'Этанпъ наговорила королю обо мнѣ столько дурного, что онъ далъ ей слово рѣшительно обо мнѣ не думать. Когда мнѣ пересказали эти слова, я съ досады бросилъ мои инструменты въ сторону и приготовился къ отъѣзду. Послѣ обѣда я пошелъ къ королю; онъ встрѣтилъ меня улыбкою, и это меня ободрило. Онъ спросилъ меня не имѣю ли я показать ему чтонибудь хорошее, и когда желаю принять его? Я отвѣчалъ, что могу исполнить его желаніе сейчасъ же и онъ приказалъ мнѣ отправиться домой, прибавивши, что посѣтитъ меня сегодня же. Я ушелъ. Но госпожа д'Этанпъ, узнавши, куда онъ собирается ѣхать, уговорила его отложить это посѣщеніе до другого раза. На другой день я явился къ королю въ тотъ же самый часъ; онъ встрѣтилъ меня словами, что собирается ко мнѣ, и пошелъ, по обыкновенію, просидѣть съ госпожою д'Этанпъ. Она же, вида, что не можетъ отклонить его отъ этого намѣренія, начала лавить и чернить меня какъ врага государства. Король сказалъ на это, что намѣренъ только застрашать меня угрозами, и, давши госпожѣ д'Этанпъ слово сдѣлать мнѣ перидозный выговоръ, уѣхалъ ко мнѣ.

Я ввелъ его въ залу нижняго этажа, гдѣ была собрана моя дверь. Эта вещь поразила его такъ сильно, что онъ не зналъ, какъ при-

ступитъ къ грозной рѣчи. Впрочемъ, онъ не хотѣлъ нарушить слова, данного г-жѣ д'Этангъ, и сказалъ: «Право удивительно, Бенвенуто, что вы, артисты, не хотите сознаться, что вы не въ состояніи показать своего таланта безъ нашей помощи. Вамъ не мѣшало бы побольше послушанія и поменьше гордости и упрямства. Я помню, я заказалъ тебѣ двѣнадцать серебрянныхъ статуѣ; вотъ все, чего я хотѣлъ. А тебѣ вздумалось сдѣлать солонку, вазы, бюсты, дверь и мало ли что еще. Если ты будешь продолжать поступать такимъ образомъ, я покажу тебѣ, какъ заставляю исполнять мою волю».

Выслушавши эти слова, я преклонилъ передъ нимъ колѣно, поцаловалъ край его одежды, и замѣтилъ, что получилъ денегъ только на одну статую, что солонка заказана имъ санингъ, что онъ же приказалъ поспѣшить окончаніемъ двери, что пьедесталы необходимо нужны для статуѣ, для которыхъ назначены. Въ заключеніе я попросилъ его уволить меня отъ службы, и позволить возвратиться въ Италію. Но король поднялъ меня, сказалъ, чтобы я остался при немъ, и прибавилъ, обращаясь къ своей свитѣ: «если въ раю должны быть двери, такъ лучше этихъ для него не найти».

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и я не получалъ ни денегъ, ни заказовъ; я принужденъ былъ распустить моихъ работниковъ, исключая двухъ итальянцевъ, которые работали надъ двумя серебрянными вазами. Когда вазы были окончены, я повезъ ихъ къ королю въ Армагтонъ. Его величество былъ болѣтъ; кардиналъ Феррары доложилъ ему обо мнѣ, но онъ ничего не отвѣчалъ, и я долженъ былъ прождать нѣсколько дней. Наконецъ однажды вечеромъ мнѣ удалось представить ему мои вазы, и онъ ему очень понравился. Видя, что король въ хорошемъ расположеніи духа, я попросилъ у него позволенія съѣздить въ Италію. Онъ выслушалъ меня, потомъ вдругъ всталъ и сказалъ мнѣ очень сердито: «Бенвенуто! ты сумасшедшій! Отвези эти вазы въ Парижъ, я хочу чтобы ихъ вызолотили.» — И онъ вышелъ. Тогда я подошелъ къ кардиналу, и началъ просить его, чтобы онъ выхлопоталъ мнѣ отпускъ въ Италію. Кардиналъ обѣщалъ поговорить въ мою пользу и велѣлъ мнѣ обождать въ Парижѣ восемь дней, прибавивши, что если король меня не отпуститъ, такъ онъ извѣститъ меня объ томъ, а молчаніе будетъ знакомъ согласія.

Я возвратился въ Парижъ, и заказалъ ящики для трехъ се-

ребриныхъ вазъ. Черезъ три недѣли все было готово, и я отправился въ дорогу, помѣстивши вазы на мулъ. Я выѣхалъ съ сеньоромъ Ипполитомъ Гонзаго, состоявшимъ на жалованьи у короля, и вмѣстѣ съ тѣмъ на службѣ у графа Галеотто-делла-Мирандола. Присмотрѣвъ за моимъ замкомъ и оставшимся въ немъ имуществомъ поручилъ я Асканію и Паголо.

Послѣ обѣда въ день моего отъѣзда, явились въ мой замокъ приказные, и осмѣлились утверждать, что я увезъ королевское серебро. Они объявили Гвидо и епископу павійскому, жившему въ моемъ замкѣ, что если они не пошлютъ отобрать отъ меня вазы, такъ они сами бросятся въ погоню, и тогда мнѣ будетъ худо. Гвидо и епископъ перепугались и отправили ко мнѣ Асканію, который нагналъ меня въ полночь, не спящего, но погруженного въ раздумье на счетъ домашнихъ дѣлъ. Услышавши голосъ Асканію, я соскочилъ съ постели и спросилъ, какія вѣсти привезъ онъ, хорошія или худыя? — «Хорошія, отвѣчалъ онъ, только вы должны отослать назадъ вазы; негодяи приказные такъ разшумѣлись и кричатъ о воровствѣ, что Гвидо и епископъ думаютъ: лучше всего отдать этѣ вещи назадъ. Впрочемъ вамъ нечего бояться, вы можете продолжать ваше путешествіе.» — Я тотчасъ же вручилъ ему три вазы, изъ коихъ двѣ были сдѣланы изъ моего собственнаго серебра. Говорили, будто я хотѣлъ увезти ихъ въ Италію, но я хотѣлъ оставить ихъ въ аббатствѣ феррарскаго кардинала въ Ліонѣ, да и кромѣ того всѣмъ извѣстно, что золота и серебра нельзя вывозить за границу безъ особеннаго на то разрѣшенія.

Намъ оставалось еще больше сутокъ ѣзды до Ліона, когда, около двадцать второго часа, страшные удары грома потрясли небо, вспыхнувшее яркими молніями. Я бѣжалъ на выстрѣлъ впереди моихъ спутниковъ. Въ облакахъ слышался такой неумолкаемый и страшный шумъ, что я подумалъ, не настала ли день суда? Я остановился. Началъ идти градъ, безъ дождя. Градины были величиною съ бобы и били очень больно. Градъ становился все крупнѣе и крупнѣе, такъ что достигъ величины пули самострѣла. Лошадь моя испугалась, я повернулъ назадъ и во весь опоръ помчался къ товарищамъ, въ ужасѣ укрывшимся подъ сосны. Скоро градъ доросъ до величины огромнаго лимона. Я началъ пѣть *misereere*, и во время молитвы моей упала возлѣ меня градина такой величины, что сломала толстую сосновую вѣтвь, подъ которой я укрывался; другая едва не свалила моей лошади,

удариле ее въ голову, третья слегка зацѣпила меня. Бѣдный Лионардо Тералли, одинъ изъ нашихъ спутниковъ, стоявшій на коѣнцахъ, былъ приближенъ градивою къ землѣ. Видя, что сосѣды не могутъ насъ защитить, и что недостаточно пить *misereere*, я обернулъ голову одеждою, и сказалъ Лионардо, зывавшему о помощи, что надобно дѣйствовать.

Буря длилась долго, но наконецъ прошла. Мы промокли насъвовъ; избитые, сѣли мы снова на коней, и пустились опять въ дорогу. За милою отсюда, увидѣли мы картину опустошенія, которую не возможно передать словами. Деревья стояли безъ вѣтвей или лежали на землѣ; животныя были убиты всѣ до одного, и та же участь постигла многихъ пастуховъ. Мы видѣли множество градивъ, которыя не помѣстились бы въ горсти обонкъ руки, и сочли за большое счастье, что отдѣлались такъ дешево.

На другой день мы прѣехали въ Лионъ, отдохнули тамъ недѣлю и перѣехали горы безъ особенныхъ приключеній. Мы были уже въ Италию, когда насъ нагналъ графъ Галеотто дела Мирандола, ѣхавшій на почтовыхъ. Онъ остановился вмѣстѣ съ нами, и сказалъ мнѣ, что я нехорошо сдѣлалъ, что уѣхалъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ возвратиться во Францію и разрушить козни моихъ враговъ, къ числу которыхъ принадлежатъ люди, пользующіеся моею полною довѣренностью. Онъ не сказалъ мнѣ ничего болѣе, но зналъ очень хорошо, что кардиналъ Феррары дѣйствуетъ противъ меня за одно съ негодяями, которымъ я поручилъ присмотрѣть за домою. Графъ уѣхалъ, убѣждая меня возвратиться въ Парижъ. Я былъ въ страшной нерѣшимости, но наконецъ рѣшился ѣхать во Флоренцію. Ипполитъ Гонзаго поѣхалъ на Мирандолу, а я на Парму и Пиаченцу. Въ Пиаченцѣ встрѣтился я съ герцогомъ Пиетро Лунджи, и онъ узналъ меня. Я не могъ видѣть его равнодушно, потому-что онъ, какъ мнѣ извѣстно, былъ единственною причиною моего заключенія въ Римѣ. Но здѣсь я по неволѣ долженъ былъ явиться къ нему на поклонъ. Онъ принималъ меня чрезвычайно ласково, сказалъ окружающимъ, что я первый художникъ въ мірѣ, и долго былъ въ Римѣ въ заключеніи. «Бедвенуто, сказалъ онъ, мнѣ очень жаль, что ты утверждалъ такъ много. Я зналъ, что ты невиненъ, но ничего не могъ сдѣлать въ твою пользу. На отца моего имѣли сильное вліяніе твои враги, и утѣряли его, что ты отзывался о немъ очень дурно.» — Онъ говорилъ объ этомъ такъ долго, что, казалось, вродетъ прощенія; потомъ распросилъ, какія работы

сдѣлать я для французскаго короля, и пригласилъ меня наконецъ поступить къ нему на службу. Я отвѣчалъ ему, что не могу этого сдѣлать теперь; но окончивши начатія для короля работы, предпочту службу у него всякой другой.

Во Флоренціи нашелъ я сестру мою, матерью шести дочерей, изъ которыхъ старшая была уже невѣста.

X.

Въ это время, т. е. въ августѣ 1545 года, герцогъ нашъ Косма жилъ въ виллѣ, миляхъ въ десяти отъ Флоренціи; я представился герцогу, единственно съ цѣлью соблюсти обязанность свою, а вовсе не изъ желанія поступить къ нему на службу. Герцогъ и герцогиня, осыпавъ меня безчисленными ласками, стали спрашивать, что сдѣлалъ я для французскаго короля. Я отдалъ точный отчетъ; герцогъ, слушавшій меня со вниманіемъ, замѣтилъ, что я говорю правду и ничего не преувеличиваю: герцогъ уже прежде слышалъ о моихъ работахъ для Франциска. Потому онъ прибавилъ съ видомъ соболѣзнованія:

— Плохая награда за столько мастерскихъ произведеній! А, Бенвенуто, если бы ты захотѣлъ работать для меня, то я наградилъ бы тебя не такъ какъ король, котораго ты хвалишь только по добротѣ души.

Тогда я началъ рассказывать все то, что сдѣлалъ для меня Францискъ. Герцогъ слушалъ меня съ напряженіемъ и виднымъ неудовольствіемъ. Когда я кончилъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Если ты захочешь сдѣлать что нибудь для меня, я осыплю тебя такими милостями, какихъ ты и не ожидаешь.

Соблазвившись мыслью показать знаменитой флорентинской школѣ, что я занимался, во время пребыванія во Франціи, новымъ искусствомъ, я отвѣчалъ герцогу, что готовъ сдѣлать для прекрасной площади статую изъ мрамора или изъ бронзы. Мнѣ заказанъ былъ Персей и, черезъ нѣсколько недѣль, я уже могъ представить герцогу восковую модель, отлично выдѣланную. Нѣсколько дней къ нему не было доступа, что показалось мнѣ дурнымъ предзнаменованіемъ. Наконецъ однажды, послѣ обѣда, модель была осмотрѣна. Герцогъ пришелъ въ восторгъ.

— Если эта статуя будетъ также хороша въ оригиналѣ, какъ въ модели, то она будетъ лучшею на площади.

— Ваша святость, на этой площади находятся работы Донателло и Микель-Анджелло — величайшихъ людей своего време-

ки. Но, если вы одобряете эту фигуру, то я могу обещать, что оригиналь будетъ въ-трое лучше модели.

Это повело къ жаркому спору. Герцогъ твердилъ безпрестанно, что онъ понимаетъ дѣло и знаетъ заранее чего можно ожидать. Я отвѣчалъ, что статуя разрѣшитъ всѣ его сомнѣнія, но, что успѣхъ дѣла зависить болѣе или менѣе отъ удобствъ, которыя мнѣ доставятъ для производства работъ. Герцогъ сказалъ, чтобы я изложилъ все то, что мнѣ нужно — въ просьбѣ. Я поступилъ неосмотрительно, не заключивъ съ нимъ контракта; тогда я не подвергся бы тѣмъ стѣсненіямъ, которыя ожидали меня впоследствии. Но кто же могъ подумать, что у этого герцога меркантильная душонка. Желая скорѣе приняться за дѣло, я объявилъ Косымъ, что мнѣ нуженъ домъ для помѣщенія мастерской и легкихъ вещей. Я прибавилъ, что у меня уже есть на примѣтѣ домикъ и, что, не желая брать денегъ заранее, прошу его свѣтлость взять въ обезпеченіе суммы на покупку дома, двѣ золотыя вещи превосходной работы, которыя я привезъ изъ Франціи. Герцогъ долго любовался ими и возвратилъ назадъ, говоря:

— Возьми ихъ назадъ, Бенвенуто; мнѣ нужно только тебя; домъ будетъ купленъ, что бы онъ ни стоилъ.

Потомъ онъ написалъ на моей просьбѣ: «осмотрѣть этотъ домъ, узнать, кто можетъ его продать и что возметъ; мы отдаемъ его Бенвенуто.» Я подумалъ, что съ этимъ предписаніемъ домъ не уйдетъ отъ меня.

Исполненіе предписанія было поручено герцогомъ одному, изъ маіордомовъ Піетро-Франческо-Риччіо ди Прато, бывшему его наставнику. Я обратился къ этому животному, съ просьбою доставить мнѣ все нужное, для превращенія сада при купленномъ домѣ въ мастерскую. Онъ отослалъ меня къ маленькому, тощенькому человѣчку — Латтанціо Горини. Этотъ микроскопическій господинъ прислалъ мнѣ матерьялу въ такомъ количествѣ, что его едва хватило бы на клетку. Я не отчаявался: «плохое начало ведетъ иногда къ большимъ результатамъ,» говорилъ я; при томъ меня обнадеживало воспоминаніе о тысячахъ дукатовъ, которыя герцогъ разтранжирилъ для отвратительныхъ работъ этой скотины Буаччіо ¹⁾ Бандинелли. Я задалъ гонку Горини и работникамъ, и съ помощью собственныхъ денегъ устроилъ мастерскую.

¹⁾ Буаччіо Бандинелли, скульпторъ, родился 1487, умеръ 1530 г. Челлини называетъ его Буаччіо (скверный быкъ) въ насмѣшку; но его осуждаютъ злоба: произведенія Бандинелли уважаются до сихъ поръ.

Работа подвигалась, какъ вдругъ меня потребовали къ маіордому. Я засталъ его послѣ обѣда въ залѣ Часовъ. Онъ спросилъ у меня, по какому праву, я расположился въ домѣ, который занимаю и началъ тамъ стронуться?

— Этотъ домъ — даръ его свѣтлости, отвѣчалъ я; — я былъ введемъ во владѣніе, по вашему приказанію, Латтанціо Горжини.

Едва произнесъ я послѣднее слово, какъ эта скотина грубо сказалъ мнѣ, что я вру.

— Господинъ маіордомъ, воскликнулъ я въ бѣшенствѣ: — я буду отдавать вамъ должное почтеніе, покуда вы будете говорить какъ прилично высокой должности, которую вы занимаете; но если вы принимаете другой тонъ, то я буду говорить съ вами, какъ съ Піетро-Франческо-Риччіо.

На это парень мой такъ озлился, что я подумалъ, что онъ сейчасъ сойдетъ съума и тѣмъ опередить срокъ, назначенный ему небомъ. ¹⁾ Сказавъ мнѣ нѣсколько грубостей, онъ прибавилъ, что удивляется, какъ рѣшился говорить съ такимъ человѣкомъ, какъ я. Меня взорвало.

— Слушайте же Піетро-Франческо-Риччіо, я вамъ скажу, кто я и кто вы: вы не годитесь даже къ тому, чтобы дѣтей азбукъ учить.

Онъ побагровѣлъ и, возвышая голосъ, повторилъ прежнія слова. Я нахмурилъ брови, принявъ наступательное положеніе и отвѣчалъ:

— Люди какъ я — достойны были говорить съ напами, императорами и великими королями. Во всемъ свѣтѣ вы не найдете и двухъ человѣкъ, мнѣ равныхъ; ну, а такихъ молодыхъ какъ вы, — ихъ у каждой двери по дюжину. — Не хочу служить вашему герцогу, а уѣду снова во Францію, гдѣ буду человѣкомъ независимымъ!

Я быстро обернулся и вышелъ.

За чѣмъ не исполнилъ я своего намѣренія? за чѣмъ уѣхалъ изъ Франціи? ... Какъ бы то ни было, а я продолжалъ работу для герцога, который впрочемъ оказывалъ мнѣ много милостей.

Часто получалъ я письма изъ Франціи отъ вѣрнаго друга — Гвидо Гвиди. Францискъ узналъ, что я работаю для герцога Флоренціи и не разъ говорилъ: «что же Бенвенуто, не возвращается?» Но мои ученики отвѣчали ему, что мнѣ очень хорошо, что...

¹⁾ Вазари говоритъ, что маіордомъ Піетро-Франческо-Риччіо умеръ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ сумасшествія.

однимъ словомъ, отвѣчали такъ, что Францискъ разсердился и сказалъ, что болѣе невызоветь меня, потому-что я убѣжалъ безъ всякой причины.

Я имѣлъ помощниками только нѣсколькихъ маленькихъ учениковъ, между которыми находился одинъ рѣдкой красоты; это былъ сынъ куртизаны Гамбетты. Онъ мнѣ служилъ моделью, потому-что природа есть единственная книга, изъ которой мы можемъ научиться искусству. — Такъ-какъ мнѣ невозможно было дѣлать все самому, я искалъ работниковъ, чтобы скорѣе окончить мою статую; но ни какъ немогъ найти, хотя во Флоренціи было много такихъ, которые бы охотно перешли ко мнѣ, если бы Бандиелли не мѣшалъ имъ въ этомъ. Онъ не только принуждалъ меня тянуть работу, но увѣрялъ герцога, что я стараюсь переманить къ себѣ его работниковъ, потому-что неумѣю безъ ихъ помощи соединить отдѣльныхъ частей большой фигуры. Я жаловался герцогу на притѣсненія этого негодяя и просилъ дать мнѣ нѣсколькихъ работниковъ изъ соборной церкви, — и эта просьба была причиною того, что герцогъ повѣрилъ клеветамъ Бандиелли. Замѣтя это, я рѣшился дѣлать все одинъ и принялся за дѣло, не отступая предъ самыми утомительными трудами, какіе только можно себѣ представить. — Между тѣмъ какъ я работалъ безъ отдыха, моего зятя поразила болѣзнь, которая похитила его въ нѣсколько дней. Онъ оставилъ на мое попеченье сестру, которая была еще довольно молода, и шесть дочерей разнаго возраста. Я остался главой и руководителемъ этого несчастнаго семейства, — и это было первымъ ужаснымъ бѣдствіемъ постигшимъ меня во Флоренціи. — Между тѣмъ мнѣ хотѣлось, чтобы все шло хорошо. — Я послалъ въ Понте-Веччіо нанять двухъ поденщиковъ, чтобы очистить мой садъ отъ сора, который его покрывалъ; одному изъ нихъ было 60 лѣтъ, другому 18. Прешло дни три съ тѣхъ поръ какъ они начали работать; молодой человекъ предложилъ мнѣ отослать старика, который, по его словамъ, не только самъ ничего недѣлалъ, но и ему мѣшалъ работать; онъ брался одинъ легко исполнить эту небольшую работу и тѣмъ избавить меня отъ лишнихъ издержекъ. Его имя было Бернардино Маннеллини изъ Мутелло. Видя какъ горячо онъ берется за дѣло, я предложилъ ему вступить ко мнѣ въ услуженье. Мы тотчасъ сошлись въ условіяхъ: онъ сталъ чистить мою лошадь, смотрѣть за садомъ, и сверхъ того, помогать мнѣ въ мастерской. Мало по малу онъ такъ хорошо помылъ тамъ

ны этого искусства, что я никогда не имѣлъ лучшаго помощника. Я рѣшился все дѣлать при помощи одного этого молодого человека и вконецъ на самомъ дѣлѣ могъ показать герцогу, что Биндинелли былъ лгуны.

Въ это время у меня сдѣлалась боль въ поясницѣ, — правда небольшая; но все-таки она мнѣ мѣшала работать. Чтобы развлечь себя, я проводилъ время въ галлерей герцога, въ обществѣ двухъ молодыхъ мастеровъ золотыхъ дѣлъ — Джіанпаоло и Доменико Поггини ¹⁾, которые чеканили подъ моимъ руководствомъ небольшую золотую вазу, покрытую фигурами и другими прекрасными украшеніями въ барельефѣ: эта ваза назначена была герцогинѣ, которая хотѣла пить изъ нея воду. Ея свѣтлость заказала мнѣ также великолѣпный золотой ножъ, покрытый драгоценными камнями, головками и множествомъ другихъ украшеній: ея приказанія были исполнены. Время отъ времени герцогъ приходилъ въ эту галлерей и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на работу и разговаривалъ со мною. Такъ-какъ моя боль въ поясницѣ начала немного утихать, я велѣлъ принести глины, и въ то время, какъ онъ оставался съ нами, лѣшилъ съ него голову болше, чѣмъ въ натуральную величину. Этотъ бюстъ чрезвычайно понравился его свѣтлости. Герцогъ сдѣлался ко мнѣ очень расположенъ: онъ сказалъ мнѣ, что былъ бы въ восторгѣ, если бы я помѣстилъ мастерскую у него во дворцѣ и прибавилъ, что помѣсть тамъ помѣщеніе достаточное для нечѣй и всего того, что мнѣ было нужно. Я отвѣчалъ его свѣтлости, что это невозможно, потому-что тогда я непринималъ бы работу и въ цѣлый вѣкъ.

Герцогиня осмыслила меня неощущенными знаками своей дружбы. Она хотѣла, чтобы я работалъ только для нея и чтобы потому оставилъ Персея и другія мои произведенія. Но посреди этихъ суетныхъ мыслей, я хорошо зналъ, что жестокая судьба моя не преминетъ сдѣлать мнѣ какую нибудь новую несправедливость. Керозъ не могъ простить мнѣ сильной досады, которую причинилъ ему мой отъѣздъ. Онъ желалъ, впрочемъ, чтобы я возвратился къ нему, по крайней мѣрѣ для того, чтобы вторичный отъѣздъ мой могъ удовлетворить его самолюбіе. Но я, увѣрен-

¹⁾ Джіанпаоло и Доменико Поггини съ уваженіемъ упоминаются у Вазари. — Первый, говоритъ онъ, удивительный медальонщикъ, отправился въ послѣдствіи въ Испанію ко двору Филиппа, гдѣ соперничествовалъ съ Помпео Леони. Второй, соединяла въ себѣ таланты гравера и скульптора, подходилъ чрезвычайно близко къ лучшимъ художникамъ.

ный, что справедливость была на моей сторонѣ, не хотѣлъ преклониться, боясь, чтобы французы не стали считать меня виновнымъ и не приняли бы за истину тѣхъ клеветъ, которыя распускали на мой счетъ, — если бы я написалъ письмо исполненное унизительныхъ извиненій. Вотъ почему я выжидалъ, и писалъ только наставника, челоуѣка, на сторонѣ котораго справедливость; но двумя пачками ученикамъ это доставило большую радость: такъ-какъ въ письмахъ моихъ къ нимъ, я хвалился тѣмъ, что прекрасно былъ принятъ герцогомъ и герцогинею, полными владѣтелями моего отечества — Флоренціи, они, тотчасъ по полученіи перваго моего письма, отправились къ королю и укривали его отдать мнѣ мой замокъ. Король, который былъ удивительно добръ, никакъ не хотѣлъ согласиться на дерзкую просьбу этихъ отъявленныхъ мошенниковъ и началъ замѣчать къ чему клонилась ихъ злость. Чтобы ихъ нѣсколько обнадѣжить, а мнѣ дать поводъ возвратиться, его величество написалъ мнѣ немного въ суровыхъ выраженіяхъ письмо, чрезъ одного изъ своихъ казначеевъ — Джуліано Буонакорси родомъ изъ Флоренціи. Въ этомъ письмѣ сказано было, что если я хочу сохранить репутацію честнаго челоуѣка то, послѣ отъѣзда, котораго ничто неоправдывало, долженъ отдать отчетъ его величеству во всемъ, что я для него сдѣлалъ. Это письмо доставило мнѣ живѣйшее удовольствіе: если бы я сталъ придумывать желаніе, то пожелалъ бы ни больше ни меньше! Поэтому я тотчасъ же сталъ отвѣчать и исписалъ десять листовъ бумаги большаго формата.

Я въ подробности изложилъ всѣ работы, которыя исполнилъ, все то, что съ ними случилось, и всѣ издержки, которыя они за собой повлекли. Потомъ я перечислялъ всѣ суммы, врученныя мнѣ двумя нотаріусами и казначеемъ его величества; къ этому я присоединилъ перечень матерьяловъ, полученныхъ мною отъ поставщиковъ и означилъ мастеровыхъ, въ руки которыхъ перешли эти суммы. Я показалъ, что изъ этихъ денегъ въ мою пользу не было ни копейки, что въ награду за мои оконченныя работы я рѣшительно ничего не получилъ, и въ Италію вывезъ только нѣсколько комплиментовъ и объщаній, вполне достойныхъ его величества. — «Мои труды, продолжалъ я, были вознаграждены только тѣми деньгами, которыя его величество назначилъ для моего содержанія и изъ которыхъ 700 экю еще мнѣ не доданы: эти деньги я нарочно оставилъ во Франціи для того, чтобы мнѣ ихъ прислали къ моему возвращенію. Не смотря на это, — не буду

подверженъ скуности, я могу только выхвалять его величество, узнавъ, что злые люди, побуждаемые ненавистью, замыслили продать меня черными ковы. Истина всегда торжествуетъ. Хотя я сдѣлалъ для его величества болѣе нежели обѣщалъ, а для меня не, сдѣлалъ и того, что обѣщали, — единственная моя забота состоитъ въ томъ, чтобы сохранить въ глазахъ его величества увѣренность въ моей честности и въ моемъ благородствѣ. Еслибы его величество имѣлъ хотя малѣйшее сомнѣніе въ моей искренности, я бы поспѣшилъ при первомъ знакѣ отдать отчетъ въ своемъ поведеніи, подвергая свою жизнь опасности. (Я не предлагалъ снова своихъ услугъ только потому, что ихъ мало цѣнили, и зная, что вездѣ, куда только ни пойду, достану себѣ хлѣба, — буду отвѣчать только тогда, когда меня позовутъ.) Это письмо я показалъ герцогу, который прочелъ его съ удовольствіемъ; послѣ же тотчасъ отослалъ во Францію, къ кардиналу Феррары.

Въ это время Бернадоне Балдини, ювелиръ его свѣтлости, привезъ изъ Венеціи большой алмазъ, вѣсившій болѣе 35 каратъ. Антонио, сынъ Витторіо Ланди, завшая ту же должность, желалъ, чтобы герцогъ купилъ его. Этотъ алмазъ сначала былъ граненъ; но такъ-какъ въ немъ не было вовсе такой игры, какой можно было ожидать отъ его величины, то грань его сдѣлали плоскою, — впрочемъ, по правдѣ, онъ и въ плоской и въ угловой грани стоялъ не много. Герцогъ, который былъ большой любитель драгоценныхъ камней, но малый знатокъ¹⁾ увѣрилъ отчаяннаго плута Бернардуччо въ томъ, что онъ непремѣнно у него купитъ этотъ камень. Бернадоне такъ хотѣлось одному имѣть удовольствіе обмануть герцога, что онъ ни слова не сказалъ объ этомъ Антонию Ланди. Антонио былъ другомъ моего дѣтства; онъ видѣлъ, какъ я былъ друженъ съ герцогомъ, и потому, однажды, около полудня, на углу Маркато-Нуово, отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «Бенвенуто, я увѣренъ, что герцогъ покажетъ вамъ большой алмазъ, который онъ желаетъ купить: помогите его продать. Его можно уступить за 17,000 эку. Я увѣжденъ, что его свѣтлость попроситъ вашего совѣта, и если вы замѣтите, что онъ рѣшился купить его, — мы постараемся устроить это дѣло.» — Антонию, казалось, имѣлъ всю необходимую власть, для заключенія этой сдѣлки; я обѣщалъ ему откровенно сказать мое мнѣніе, не удивляя цѣны камня, — если имѣ его покажутъ и спросятъ моего совѣта.

¹⁾ Эти три послѣднія слова вычеркнуты въ подлинной рукописи.

Я уже сказалъ выше, что герцогъ каждый день проводилъ нѣсколько часовъ въ мастерской чепанщиковъ, гдѣ я надзираю за работами Поггини. Болѣе недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ Антонио Ланди говорилъ со мною, когда, разъ, послѣ обѣда, его свѣтлость показалъ мнѣ алмазъ, о которомъ у насъ былъ разговоръ. Я тотчасъ узналъ его по указаніямъ полученнымъ отъ Ланди, — о его формѣ и вѣсѣ. Камень этотъ былъ нѣсколько мутной воды и грань его была сглажена, — и потому я никакъ не посоветывалъ бы купить его. Когда герцогъ показалъ мнѣ его, я спросилъ, какъ онъ хочетъ, чтобы я отозвался объ алмазѣ; — ювелиры имѣютъ обыкновеніе двойнымъ образомъ цѣнить драгоценный камень, прибавляя, смотря потому купленъ ли онъ — или еще продается. Герцогъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ уже купилъ алмазъ и желаетъ только знать о немъ мое мнѣніе. Я не хотѣлъ скрывать его передъ его свѣтлостью, и когда онъ велѣлъ мнѣ посмотреть на красоту грани и отбѣлки, я сказалъ ему, что этотъ камень далеко не такъ хорошъ, какъ его свѣтлость воображаетъ, потому что грань его обесчюва. При этихъ словахъ герцогъ, замѣтивъ истину, изморщилъ брови, приказалъ мнѣ рассмотреть ее вниманіемъ алмазъ и объявить его настоящую цѣну.

Такъ-какъ Антонио Ланди предлагалъ мнѣ этотъ камень за 17,000 эку, то я былъ удивленъ, что герцогъ купилъ его за 15,000; но замѣтивъ, что ему понравилась моя откровенность, и рѣшилъ не разрушать его мечты, — и сказалъ, отдавая алмазъ: «вы заплатили за него 17,000 эку». При этихъ словахъ, герцогъ вскрикнулъ, сдѣлавъ изъ своего рта букву о, величавою болѣе отвѣтствію колдеса. «Ну, сказалъ онъ, теперь я вижу, что ты въ этомъ ничего не смыслишь». — Нѣтъ, ваша свѣтлость, возразилъ я, вы ошибаетесь; постарайтесь поддержать репутацію нашего алмаза, а я, съ своей стороны, постараюсь узнать въ немъ толкъ; но крайней мѣрѣ — сдѣлайте одолженіе скажите мнѣ, что вы за него заплатили, для того, чтобы я могъ въ возъ знать толкъ по вашему, ваша свѣтлость.» — «Бѣнвенуто, я заплатилъ за него 25,000 эку, сказалъ герцогъ, вставая и улыбаясь съ состраданіемъ, — послѣ этого онъ вышелъ.

Джиапаголо и Доменико Поггини присутствовали при этомъ разговорѣ, равно какъ и золотошвей Баккіакка, который работалъ въ сосѣдней залѣ и приближалъ на шумъ. «Я никогда бы не посоветывалъ герцогу, сказалъ я имъ, покупать этого алмаза; но если уже ему этого хотѣлось непременно, я бы кажется могъ купить

его за 15,000 экио: дней восемь тому назад, Антонио Лавини предлагал мнѣ его за 17,000 экио. Чортъ возьми! Ужели же Бернардино смѣлъ обмануть герцога такимъ низкимъ образомъ!» Неудивительно было не посмѣяться надъ простотою добраго герцога.

Я уже сказала, что готовилъ большую статую Медузы съ остовомъ изъ желѣза. Герцогъ, часто приходившій смотрѣть ее, совѣтывалъ мнѣ призвать литейнаго мастера, чтобы вылить ее изъ бронзы: такъ онъ боялся, что я самъ не сдюжью этого сдѣлать.

Дворецкой герцога Пьетро-Франческо Риччио, разсерженный тѣмъ, что его свѣтлость безпрестанно хвалилъ мое искусство, пользуясь властью, которую онъ имѣлъ надъ многими должностными лицами несчастнаго города Флоренции, старался устроить мнѣ западню, въ которой я бы могъ сломать себѣ шею. Странное дѣло! Этотъ крестьянинъ изъ Прато, сынъ бочара, человѣкъ ничего несмыслящій, приобрѣлъ власть потому только, что былъ несчастнымъ наставникомъ Косьмы Медичи, до его вступленія на престолъ. Я уже сказалъ, что этотъ низкій педантъ пользовался всѣмъ; что могло мнѣ сдѣлать зло; но замѣтя, что я не подавалъ къ этому ни малѣйшаго повода, онъ вздумалъ обратиться къ Гамбеттѣ, матери моего ученика Ченчио и вмѣстѣ съ этой презрѣнной куртизанкой составилъ заговоръ, который испугалъ меня до того, что принудилъ бѣжать. Они подговорили одного баргелло, болонца, котораго въ послѣдствіи герцогъ выгналъ за участіе во многихъ подобныхъ плутняхъ. Однажды въ субботу, около третьяго часа ночи, Гамбетта, слѣдуя наставленіямъ этого подлеца пришла ко мнѣ съ своимъ сыномъ. Она сказала мнѣ, что въ продолженіи нѣсколькихъ дней держала этого ребенка дома, чтобы избавить меня отъ угрожавшаго мнѣ несчастія. Я отвѣчалъ ей, что она можетъ избавить себя отъ необходимости запереть его для меня. . . . Меня начинали смѣшить проски этой развратной женщины, и я обратился къ ея сыну. «Ты знаешь, Ченчио, правду, ли говорить мать твою!» — сказалъ я ему. Ченчио со слезами отвѣчалъ, что нѣтъ. Тогда мать, качая головой съ угрожающимъ видомъ, сказала ему. «А, негодяй! ты думаешь, что я не знаю, какъ это дѣлается!» Притомъ, обратясь ко мнѣ, она просила меня укрыть его въ моемъ домѣ, потому-что баргелло, который его искалъ, не посмѣлъ бы его тамъ тронуть. Я возражалъ ей, что нехочу скрывать никого въ моемъ домѣ, потому-что въ немъ живетъ сестра моя и ея шесть маленькихъ дочерей. Тогда она мнѣ объявила, что дворецкій отдалъ какія-то прика-

занія баргелло, и что, вѣроятно, я буду задержанъ. — «Впрочемъ, прибавила она, если вы отказываетесь принять моего сына, то дайте мнѣ сто экю, — и тогда вамъ нечего будетъ бояться; дворецкой мой искренный другъ и вы можете быть увѣрены, что я заставлю его сдѣлать все, что захочу; только дайте мнѣ эту сумму». Это безстыдство до такой степени меня взбѣсило, что и закричалъ: «пошла вонъ, безстыдная женщина. Если бы я не имѣлъ уваженія къ свѣту и къ невинности этого несчастнаго ребенка, я бы давно пырнулъ тебя кинжаломъ, къ которому не разъ протягивалась рука моя.» вмѣстѣ съ этимъ я далъ ей жестокий выговоръ, и вытолкнулъ ее вонъ съ ея сыномъ.

Когда я размыслилъ о злодѣйствѣ и могуществѣ проклятаго наставника герцога, я счелъ за лучшее уклониться отъ дьявольскаго заговора и потому, на другой день, рано поутру, поручилъ моей сестрѣ драгоценные камни и разныя вещи, стоившія около двухъ тысячъ экю, сѣлъ на лошадь и отправился въ Венецію. Я взялъ съ собою Бернардино изъ Мугелло. Прибывъ въ Феррару, я написалъ герцогу, что возвращусь безъ зову, хотя оставилъ Флоренцію, но простаясь съ нею.

XI.

Приѣхавъ въ Венецію, я не могъ не поразсудить хорошенько о томъ, съ какимъ удивительнымъ разнообразіемъ преслѣдуетъ меня жестокая судьба; но я не ослабѣвалъ ни душою ни тѣломъ, и потому рѣшился по прежнему бороться съ ней. Занимаясь своими дѣлами, я пріятно проводилъ время въ этомъ прекрасномъ и великолѣпномъ городѣ: посѣтилъ Тиціана, этого чуднаго живописца, нашего соотечественника, Джакомо Сансовино, знаменитаго скульптора и архитектора, которому правительство Венеціи давало самое роскошное содержаніе; я былъ знакомъ съ нимъ еще въ моей молодости, — въ Римѣ и Флоренціи. Эти два славные художника приняли меня чрезвычайно радушно.

На другой день я встрѣтился съ Лоренціо Медичи; онъ взялъ меня за руку и обошелся со мною самымъ дружественнымъ образомъ. Мы видѣлись съ нимъ сначала во Флоренціи, гдѣ я гравировалъ медали герцога Александра, потомъ въ Парижѣ, когда былъ на службѣ у короля. Онъ жилъ въ то время у Джуліано Буонаккорси, и, незная куда дѣваться, не подвергался опасности, проводилъ почти все время у него.

Эти прежнія отношенія были причиною тому, что онъ взялъ меня подъ руку и привелъ къ себѣ въ домъ, гдѣ я встрѣтилъ пріора дома Строцци, брата синьора Пиетро. Оба они были чрезвычайно рады меня видѣть и хотѣли знать, сколько времени я пробуду въ Венеціи; они думали, что я имѣлъ намѣреніе возвратиться во Францію. Я имъ открылъ причины, заставившія меня оставить Флоренцію и сказалъ, что для черезъ два или три надѣюсь возвратиться на службу къ великому герцогу. При этихъ словахъ пріоръ и Лоренцино посмотрѣли на меня съ такимъ гнѣвомъ, что я испугался.

— Ты сдѣлаешь лучше, сказали они, если возвратишься во Францію, гдѣ пріобрѣлъ себѣ состояніе и уваженіе. Возвратись во Флоренцію, ты потеряешь все, что пріобрѣлъ во Франціи, и не встрѣтишь тамъ ничего кромѣ неудовольствій и притѣсненій.» — Я имъ не отвѣчалъ ничего, но на другой день отправился во Флоренцію, какъ можно скрытнѣе.

Между тѣмъ адскій заговоръ, составленный противъ меня, разрушился самъ собою, когда я написалъ герцогу, что принудило меня уѣхать въ Венецію. Я пришелъ къ нему безъ всякой церемоніи. Сначала онъ встрѣтилъ меня съ своею обыкновенною осторожностію и даже нѣсколько сурово, но потомъ принялъ ласковый видъ и спросилъ меня, гдѣ я былъ. Я отвѣчалъ, что мысленно ни на минуту не отлучался отъ его свѣтлости, но что важныя причины заставили мое тѣло не много прогуляться. Послѣ этого герцогъ по прежнему сдѣлался веселъ, распрашивалъ много о Венеціи, и послѣ долгаго разговора, просилъ меня заняться дѣломъ и окончить его Персея. Я возвратился къ себѣ полный радости, которую раздѣляло со мною мое семейство, и принялся за работу со всевозможною дѣятельностію: прежде всего я вынулъ изъ бронзы колоссальный бюстъ его свѣтлости, вылитый мною изъ глины, въ мастерской золотыхъ работъ, въ то время какъ у меня болѣла поясница. Этотъ бюстъ имѣлъ большой успѣхъ, — хотя я началъ его единственно съ цѣлью попробовать глину для литья изъ бронзы. Я зналъ, что удивительный Донателло для отлитія своихъ произведеній бралъ глину во Флоренціи, но онъ встрѣчалъ при этомъ большія затрудненія; и приписывалъ ихъ свойству глины и потому хотѣлъ сдѣлать предварительныя опыты для отлитія Персея. Найдя, что глина была хороша, я заключилъ, что трудности, которыя встрѣчалъ Донателло, происходили оттого, что онъ не умѣлъ упо-

требовать ее. Я заметила также, что приготовила и эту глинку посредствомъ особенныхъ процессовъ, и она возлужила мнѣ превосходно при отлитіи моего колоссальнаго бюста. Такъ — какъ дѣйствительная вещь еще не была устроена, я употребилъ въ дѣло печь Заноби Пааньо, колоколнаго мастера. Когда бюстъ начался съ необыкновенною чистотою, я велѣлъ сделать маленькую печь въ мастерской, выстроенной мнѣ герцогомъ, по модели плавань и рвунканъ, въ дѣлѣ, для меня отведенномъ. Но окончаніи печи, я занялся съ новымъ жаромъ отлитіемъ Медузы, — женской фигуры, которая лежитъ у ногъ Персея. Отлить эту фигуру было чрезвычайно трудно; я принялъ все необходимыя предосторожности для избѣжанія неудачи. Первая часть фигуры, отлитая въ маленькой печи, вышла такъ хороша, такъ отчетливо чиста, что друзья мои совѣтывали мнѣ не выправлять ее. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые изъ нѣмцевъ и французовъ жаловались мнѣ, что нашли удивительное средство отливать фигуры изъ бронзы такъ, что ихъ потомъ не нужно исправлять; но это совершенные пустяки: послѣ отлитія, бронзу необходимо сглаживать молоткомъ и долотомъ, такъ, какъ это дѣлали знаменитые художники древнихъ и новыхъ временъ. — Моя статуя чрезвычайно понравилась его свѣтлости: онъ нѣсколько разъ приходилъ ко мнѣ съмотрѣть ее и ободрять меня.

Къ несчастію, Бандиерри съ такимъ ожесточеніемъ научилъ меня на мнѣ Его свѣтлости, что успѣлъ убѣдить его въ томъ, что если я и успѣю отлить нѣкоторыя изъ этихъ статуй, то никогда не буду въ состояніи соединить ихъ вмѣстѣ, потому что это искусство было для меня совершенно ново; и поэтому герцогъ не долженъ бросать своихъ денегъ по пустому. — Эти слова произвели такое дѣйствіе на достохвальныя уши его свѣтлости, что мнѣ перестали выдавать деньги, нужныя для платы работникамъ. Я принужденъ былъ пожаловаться герцогу; въ одно утро я дождался его на Віа де-Серанъ и сказалъ ему:

«Государь, не получая тѣхъ денегъ, которыя мнѣ слѣдуетъ, я долженъ подтвердить, что ваша свѣтлость не довѣряетъ мнѣ. Еще разъ повторю вамъ — я исполню мои произведенія въ-трие лучше, нежели модель, — какъ я уже обѣщалъ это.» Герцогъ хранилъ молчаніе, которое показывало, что слова мои не произвели на него своего дѣйствія; это сильно расдосадовало меня, и я продолжалъ:

«Государь, городъ этотъ всегда былъ школою великихъ та-

длинномъ; но, какъ скоро кто нибудь приобретаетъ въ наукѣ какіи нибудь новизны, тотъ долженъ удлиниться и работать въ другомъ мѣстѣ, если захочетъ увеличить славу своего отечества и своего знаменитаго государя: Это общераспространенная правда, государь. Вы; вамъ свѣдѣно, сами знаете, что такъ поступили Донателло, великій Леонардо да Винчи и блистательный Микель-Анджело Буонарроти, они своими талантами немало содѣйствовали къ распространению вашей славы. Я самъ надѣюсь замѣтить вамъ ту же дань; сдѣлайте же одолженіе, государь, отпустите меня. Но остерегитесь, ради Бога, отпущать отъ себя Бандиноллы: напротивъ, дайте ему болѣе, нежели онъ проситъ; потому что его величественное невѣжество можетъ обезчестить эту благородную школу, — если онъ отправится въ другое мѣсто. Отпустите же меня, государь; за всё мой трудъ я прошу одной только милости».

Герцогъ, замѣтивъ, что я говорилъ это серьезно, обратился ко мнѣ и сказалъ съ нѣкоторой досадою: «Бенвенуто, если тебѣ угодно окончить твою работу, то ты ни въ чемъ не будешь имѣть недостатка.» — Я поблагодарилъ его, и сказалъ, что мое единственное желаніе — доказать моимъ замѣстникамъ, что я способенъ сдержать свои обещанія. После этого я оставилъ его свѣтлость. Я получилъ нѣсколько денегъ, но такъ мало, что принужденъ былъ прибѣгать къ моему собственному кошельку для того, чтобы работы мои шли не много скорѣе. Я проводилъ вечера въ кабинетъ его свѣтлости, гдѣ два брата — Доменико и Джованнаго Ноттини работали для герцогини золотую вазу и другія кое-какія вещи, о которыхъ говорено было выше. Его свѣтлость поручилъ мнѣ также сдѣлать модель для большого амаза, купленнаго имъ у Бернардоне и Антоніо Ланди. Я вслѣдствіи отказывался отъ этой работы, но герцогъ своими просьбами заставлялъ меня заниматься ею до четырехъ часовъ ночи. Онъ даже пробовалъ всевозможными ласками заставить меня поспѣть ей часть дня; но я ни за что не соглашался на это, и, тѣмъ не менѣе, разсердился на него. Въ одинъ вечеръ, когда я пришелъ позже обыкновеннаго, онъ мнѣ сказалъ: «ты сегодня Мальвенуто.»

— Государь возразилъ я, я называюсь иначе, мое имя Бенвенуто; ¹⁾ но я полагаю, что ваша свѣтлость шутитъ, — и потому не буду возражать противъ этого.»

¹⁾ *Benvenuto* — означаетъ по итальянски — человека желаннаго; по русски говорятъ обыкновенно: милости просимъ, добре пожаловать. *Malvenuto* — слово совершенно противоположное *Benvenuto*; по русски не въ добрый часъ.

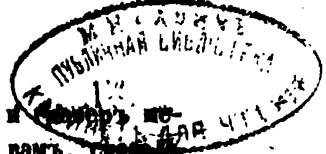
Герцогъ отвѣчалъ, что онъ нисколько не шутитъ, но говоритъ очень серьезно, и прибавилъ, что совѣтуешь мнѣ обратитъ вниманіе на мое поведеніе; до него дошли слухи, что я, пользуясь его расположеніемъ, присвоивалъ собственности то того, то другого. Выслушавъ это, я просилъ его свѣтлость сдѣлать мнѣ одолженіе назвать хоть одного человѣка, котораго я ограбилъ. Тогда герцогъ съ гнѣвомъ обернулся ко мнѣ и воскликнулъ:

«Уйди отъ меня, и возврати Бернардоне то, что ты у него взялъ: вотъ тебѣ человѣкъ, котораго ты ограбилъ».

— Благодарю васъ, государь, возразилъ я; теперь, будьте такъ добры, выслушайте нѣсколько словъ. Бернардоне, дѣйствительно, далъ мнѣ пару старыхъ вѣсовъ, двѣ наковальни и три молоточка; но вотъ уже болѣе двухъ недѣль, какъ я приказалъ его прикащику Джіорджіо Кортоне прислать за ними: Джіорджіо самъ приходилъ и взялъ ихъ. Если ваша свѣтлость можетъ доказать, что я, со дня моего рожденія до настоящей минуты, присвоилъ себѣ хотя соломинку чужую, то я готовъ подвергнуться самому жестокому наказанію».

Замѣтя мое негодованіе, герцогъ, какъ человѣкъ благоразумный, сказалъ мнѣ довольно тихо: «Слова мои не относятся къ тѣмъ, которые не виноваты; и потому, если дѣло произошло такъ, какъ ты говоришь, то я по прежнему всегда буду радъ видѣть тебя». — Злость Бернардоне, продолжалъ я, заставляетъ меня просить васъ сказать мнѣ, сколько вы заплатили за большой граненый алмазь. Я надѣюсь показать вамъ потомъ почему этотъ плутъ хочетъ возбудить противъ меня ваше негодованіе». — Алмазь мнѣ стоитъ 25,000 дукатовъ, отвѣчалъ герцогъ; но къ чему этотъ вопросъ?»

«Къ тому, возразилъ я, что въ такой-то день и въ такой-то часъ, на углу Меркато-Нуово, Антоніо, сынъ Витторіо Ланди, поручалъ мнѣ продать этотъ алмазь вашей свѣтлости, и съ перваго слова просилъ за него 16,000 дукатовъ; а вы за него сколько заплатили, ваша свѣтлость? Если хотите убѣдиться въ истинѣ моихъ словъ, то спросите Доменико Поггини и его брата, Джіанпаоло, которыхъ тогда же я рассказалъ все. Съ тѣхъ поръ я не говорилъ объ этомъ, потому-что вы мнѣ дали замѣтить, что я ничего не понимаю, изъ чего я заключилъ, что вы хотите, чтобы этотъ камень славился своимъ достоинствомъ. Нѣтъ, государь, я знаю въ этомъ толкъ, и считаю себя человѣкомъ добросовѣстнымъ. Я не украду у васъ восьми или десяти тысячъ экю, потому-что могу приобрести ихъ работою. Я вступилъ къ вамъ въ служ-

бу, ваша свѣтлость, какъ скульпторъ, чеканщикъ и ювелиръ, а не какъ дощичикъ. То, что я сказалъ вамъ, единственно съ дѣлюю защититъ себя. Объявляю: я отказываюсь отъ слѣдующей мнѣ четверти ¹⁾ и говорю это въ присутствіи всѣхъ здѣсь находящихся для того, чтобы вы, герцогъ, не вѣрили клеветамъ Бернардоне». — Герцогъ съ гнѣвомъ вскочилъ съ своего мѣста и послалъ за Бернардоне, который принужденъ былъ бѣжать въ Венецію вмѣстѣ съ Антіо Ланди. Ланди увѣрялъ, что онъ говорилъ мнѣ совершенно о другомъ камнѣ. Когда Бернардоне и Антіо возвратились изъ Венеціи, я отправился къ герцогу и сказалъ ему: «ваша свѣтлость, то, что я сказалъ вамъ справедливо, а то, что Бернардоне говорилъ ложно. Прикажите сдѣлать розыскъ; я отдаю себя во власть баргелло.» — «Бенвенуто, отвѣчалъ герцогъ, будь всегда, честнымъ человѣкомъ, — и не бойся ничего.» — Такъ кончилось это дѣло.

Окончивъ работу для герцогини, я самъ принесъ ее къ ея свѣтлости; она мнѣ сказала, что цѣнить мою работу на равнѣ съ алмазомъ проданнымъ Бернардоне, и заставила меня самаго прикрѣпить на ея груди брилліантъ. Въ послѣдствіи, впрочемъ, я узналъ, что какому-то нѣмцу, или какому-то другому иностранцу, поручено было оправить иначе этотъ алмазь, потому-что Бернардоне увѣрялъ, что онъ произведетъ болѣе эффекта въ простой оправѣ.

Я, кажется, говорилъ уже, что Доменико и Джіованпаоло Паггини чеканили съ моихъ рисунковъ небольшія золотыя вазы, покрытыя барельефными фигурками и великолѣпными украшеніями. Я нѣсколько разъ говорилъ герцогу: «ваша свѣтлость, если вамъ угодно будетъ нанять мнѣ нѣсколькихъ мастеровъ, то я вамъ выграввирую углы для монетъ и медали для вашей свѣтлости. Я могу соперничествовать въ этомъ отношеніи съ древними, и даже надѣюсь превзойти ихъ: потому-что я такъ усовершенствовался въ этомъ искусствѣ, что ни медали папы Климента, которыя я нѣкогда сдѣлалъ, ни монеты герцога Александра, которыя считаются еще лучше папскихъ, никогда не сравнятся съ тѣмъ, что я сдѣлаю теперь. Я вамъ сдѣлаю также изъ золота и серебра такія вазы, какія сдѣлалъ для короля Франциска I-го: это не отниметъ у меня времени нужнаго для исполненія статуи».

¹⁾ По законамъ того времени дощичикъ получалъ четвертую часть той суммы, которая по его доносу, возвращалась въ казну. —

— Герцогъ говорилъ: «Сдѣлай, я посмотрю»; но не давалъ никакого вспоможенія. Вазы, впрочемъ, онъ прислалъ мнѣ довольно фунтовъ серебра, приказавъ сказать, что это подарокъ изъ его рудниковъ, и чтобы я сдѣлалъ изъ него дорожную вазу. Не желая съ одной стороны оставить Персея, а съ другой опираться герцога отказомъ, я поручилъ одному серебрянику, по имени Пьетро Мартини, сдѣлать эту вазу по моему рисунку и съ моделью, которую я ему выдѣлалъ изъ воску. Онъ началъ работу плано, а потомъ совершенно ее оставилъ, чрезъ что я потерялъ время, въ которое могъ бы сдѣлать вазу самъ. Но продолживъ нѣсколькихъ мѣсяцовъ, видя, что Пьетро не работаетъ надъ нею и не заставляетъ другихъ работать, я взялъ ее назадъ, при чемъ мнѣ стоило большаго труда получить отъ него вмѣстѣ съ корпусомъ вазы остатки серебра. Герцогъ, узнавъ объ этомъ, прислалъ за вазой и моделью, и послѣ не говорилъ мнѣ оникъ ли слова. Нужно впрочемъ замѣтить, что по моимъ рисункамъ онъ заказалъ разнымъ художникамъ Венеціи и другимъ мѣсть множество вазъ, которыя они довольно плохо исполнили.

Герцогиня нѣсколько разъ просила меня сдѣлать для нея какую нибудь золотую работу, но я отвѣчалъ ей: «Въ Италіи очень хорошо знаютъ, что я хорошій золотыхъ дѣлъ мастеръ, но никто еще не видалъ произведеній моего ваянія. Нѣкоторые изъ нашихъ отчаянныхъ скульпторовъ смѣются надо мною и называютъ меня новымъ скульпторомъ, но я надѣюсь доказать имъ что я старый скульпторъ.» — Я работалъ день и ночь, и не показывался болѣе во дворцѣ. Впрочемъ, что бы поддержать себя въ милости герцогини, я сдѣлалъ ей нѣсколько маленькихъ серебряныхъ вазъ, величиною съ небольшою горшокъ въ двѣ квартиры, украшенныхъ прекрасными, драгоценными антиками. Когда я приносилъ ихъ къ герцогинѣ, то она принимала меня самымъ любезнымъ образомъ и платила мнѣ за золото и серебро, которыя я употреблялъ для этихъ работъ. Пользуясь этимъ, я просилъ ея свѣтлость замѣтить герцогу, что я получалъ слишкомъ мало для такой важной работы; умолялъ посоветывать ему не слушать Бандивелли, который мѣшалъ мнѣ только окончить Персея. Выслушавъ эти жалобы, герцогиня пожала плечами и сказала: «А кажется герцогъ долженъ бы былъ убѣдиться, что его Бандивелли ничего не стоитъ».

И такъ, во дворецъ ходилъ я рѣдко, а все работалъ надъ Персеємъ. Я принужденъ былъ платить жалованье работникамъ изъ своего собственнаго кошелька; потому-что герцога, приказавъ сначала Латтанціо Горини выдавать мнѣ денегъ для подобныхъ издержекъ, по прошествіи полугода, отиѣнилъ приказъ и не велѣлъ отпускать мнѣ болѣе денегъ. Я спросилъ Латтанціо, почему онъ мнѣ ничего не даетъ? Онъ замахалъ, какъ паукъ, своими маленькими руками, и отвѣчалъ пискливымъ голосомъ: «почему ты не кончишь работы? Кажется никогда я не кончишь?» — Чтобы чортъ взялъ тебя и всѣхъ тѣхъ, которые думаютъ это!» возразилъ я съ гнѣвомъ. Я возвратился къ моему несчастному Персею съ разтерзаннымъ сердцемъ и со слезами на глазахъ, и вспомнилъ о своемъ блестящемъ положеніи въ Парижѣ, на службѣ у славнаго короля Франциска I-го, который исполнялъ всѣ мои желанія, между тѣмъ какъ здѣсь я видѣлъ во всемъ недостатокъ. Часто, право, мнѣ приходило въ голову рѣшиться на что нибудь отчаянное. . . .

Однажды, взявъ съ собою сто эку, я отправился на маленькой лошади въ Фіезолъ повидаться съ побочнымъ своимъ сыномъ, котораго кормила моя кума, жена одного изъ моихъ работниковъ. Я нашелъ ребенка здоровымъ, и, не смотря на свою печаль, нѣжно поцаловалъ его. Когда я сталъ уѣзжать, онъ не хотѣлъ меня оставить, изо всѣхъ силъ удерживалъ своими маленькими ручонками, и крикомъ и слезами выражалъ печаль, въ которой было что-то необыкновенное: ребенку не было и двухъ лѣтъ.

Я оставилъ его въ слезахъ, и отправился въ городъ. Въ отчаяніи я рѣшился убить Бандинелли, который обыкновенно каждый вечеръ ѣздилъ на свою мызу за Санъ-Доменико. Въ то время какъ я подъѣхалъ къ площади, онъ въѣзжалъ на нее съ противоположной стороны. Я ѣхалъ прямо на Бандинелли, въ твердой рѣшимости исполнить кровавый замыселъ; но, поднявъ глаза, я замѣтилъ, что онъ былъ безъ оружія, на жалкомъ мулѣ, походившемъ на осла, и въ сопровожденіи мальчика лѣтъ десяти. Увидя меня, онъ поблѣднѣлъ какъ мертвецъ и затрясся всѣмъ тѣломъ. Напасть на него при такихъ обстоятельствахъ было бы низко, и потому я только сказалъ ему: «Не бойся, презрѣнный мошенникъ, я считаю тебя недостойнымъ моихъ ударовъ.» Онъ посмотрѣлъ на меня съ самымъ униженнымъ видомъ и не сказалъ

ни слова. Тогда чувства мои успокоились и я поблагодарил Бога за то, что Онъ не допустилъ меня совершить преступленіе. Мое страшное бѣшенство утихло, разумокъ возвратился, и я сказалъ самъ себѣ: «надѣюсь, что мое произведеніе, если Богъ поможетъ, только его окончить, унизить всѣхъ моихъ враговъ: это мнѣніе будетъ выше и достойнѣе того, которое бы я могъ совершить надъ однимъ изъ нихъ».

Три дни спустя, меня извѣстили, что кормилица задушила моего единственнаго сына. Это происшествіе причинило мнѣ самую живѣйшую печаль, я бросился на колѣни и, весь въ слезахъ, благодарилъ Бога, по своему обыкновенію. — «Боже, говорилъ я, Ты далъ мнѣ его, Ты же и взялъ».

Въ это время одинъ молодой работникъ, по имени Франческо, сынъ кузнеца Маттео, оставилъ Бандинелли, и прислалъ спросить меня согласенъ ли я дать ему работу. Я согласился и заставилъ его выправлять фигуру Медузы. Недѣли черезъ двѣ Франческо сказалъ мнѣ, что его учитель Бандинелли поручилъ ему предложить мнѣ кусокъ великолѣпнаго мрамору, если я захочу сдѣлать изъ него статую.

«Скажи ему, что я принимаю, отвѣчалъ я тотчасъ же. — Можетъ быть этотъ камень сдѣлается для него камнемъ преткновенія: потому-что онъ самъ вызываетъ меня; Бандинелли забылъ опасность, которой онъ подвергался на площади Санъ-Доменико; забылъ, что я его помиловалъ. Скажи-же ему, что теперь я требую отъ него мраморъ. Кажется, я не трогаю этого животнаго, а между тѣмъ онъ не перестаетъ мнѣ надоѣдать. Я даже въ состояніи подумать, что ты пришелъ работать ко мнѣ по его приказанію, — что бы наблюдать за мною: возвратись же къ нему, и разтолкуй ему хорошенько, что теперь я требую камень».

Разъ какъ-то пришло мнѣ въ голову отправиться во дворецъ, гдѣ уже давно не былъ. Когда я пришелъ, герцогъ кончалъ обѣдъ. Мнѣ сказали, что утромъ онъ отзывался обо мнѣ съ большими похвалами и особенно хвалилъ мое искусство оправлять драгоценные камни. Замѣтя меня, герцогиня подозвала меня черезъ мессера Строщи и просила вставить ей въ кольцо маленькій гра-неный алмазь, прибавивъ, что она будетъ носить его постоянно. Потомъ она дала мнѣ мѣру съ своего пальца и брилліантъ, который стоилъ, я думаю, около ста экю, и попросила кончить эту бездѣлушку какъ можно скорѣе. Но герцогъ сказалъ ей: «хотя Бенвенуто не имѣетъ себѣ равнаго въ этомъ искусствѣ, но онъ имѣ

но занимается теперь; я боюсь, чтобы онъ не сослушалъ, работая надъ такимъ маленькимъ кольцомъ, какое вы ему заказали. Прому васъ не отягощайте его бездѣлушкой, которая будетъ стоить ему много труда: вѣдь онъ не имѣетъ привычки къ такого рода работамъ.» — Я поблагодарилъ герцога, но просилъ его позволить мнѣ оказать эту легкую услугу герцогинѣ. Я тотчасъ же занялся кольцомъ, и въ нѣсколько дней его кончилъ. Оно было назначено для мизинца: я представилъ на немъ четыре вышуклыя фигурки дѣтей и четыре маски, перемѣшанныя съ плодами и другими украшениями подъ эмаль, такъ что камень и оправка украшали другъ друга. Я тотчасъ отнесъ это кольцо къ герцогинѣ, которая нашла его прекраснымъ и сказала, что не забудетъ меня. Она отослала эту бездѣлушку королю Филиппу. Съ тѣхъ поръ ея свѣтлость мучила меня своими порученіями; но она дѣлала это съ такою любезностью, что я нещадилъ никакихъ усилій, чтобы удовлетворить ее, хотя вся эта дребедень доставляла мнѣ очень мало денегъ, а между тѣмъ онѣ были мнѣ нужны! Желая окончить Персея, я нанялъ нѣсколькихъ молодыхъ работниковъ и платилъ имъ жалованье изъ своего собственнаго кошелька.

Я сталъ показываться при дворѣ гораздо чаще прежняго. Въ одинъ изъ праздничныхъ дней отправился я во дворецъ послѣ обѣда, вошелъ въ залу Часовъ, и замѣтилъ, что дверь, ведущая въ слѣдующую комнату, гдѣ находился герцогъ, отворена. Когда я подошелъ къ ней поближе, герцогъ увидалъ меня и позвалъ, сказавъ весьма милостиво: «милости просимъ. Вотъ лицикъ, который мнѣ прислалъ сеньоръ Стефано де Падестрина; отвори его, и посмотримъ, что тамъ такое.» — «Государь, сказалъ я, исполнивъ приказаніе, это удивительная статуя изъ греческаго мрамору. Я никогда не видалъ между антиками фигуры ребенка — столь прекрасной и въ такомъ совершенномъ стилѣ. Позвольте мнѣ, ваша свѣтлость, придѣлать къ ней голову, руки и ноги. Я одѣлаю также орла, для того, чтобъ изъ этого могъ выйти Ганимедъ. Хотя не мое дѣло поправлять статуи, потому что этимъ занимаются извѣстные пачкуны, которые дѣлаютъ это очень плохо, но это произведеніе такъ превосходно, что я охотно готовъ предложить свои услуги.» — Герцогъ, восхищенный тѣмъ, что статуя была хороша, засыпалъ меня вопросами. «Послушай, Бенвенуто, сказалъ онъ мнѣ, объясни мнѣ потолковѣе, въ чемъ состоитъ превосходство этого мастера, возбуждающаго въ тебѣ такое удивленіе?» — Тогда я сталъ объяснять ему, какъ

умѣлъ, красота, смыслъ, гвартество и удивительное мастерство: авторами блистало это произведение. Я долго говорилъ объ этомъ предметѣ, тѣмъ болѣе, что герцогу это доставляло большое удовольствіе. Во время такого пріятнаго разговора, одинъ пажъ вышелъ изъ комнаты и Бандинелли воспользовался этимъ случаемъ, чтобы войти въ нее. Замѣтя его, герцогъ заморщилъ брови, и сказалъ: «что вамъ здѣсь угодно?» — Бандинелли ничего не отвѣчалъ, посмотрѣлъ на ящикъ, въ которомъ лежала статуя; потомъ, обратясь къ герцогу, сказалъ смѣясь и качая головою: «вотъ вещи, о которыхъ я такъ часто говорилъ вашей свѣтлости. Знайте, что эти древніе ничего не смыслили въ анатоміи: за то въ ихъ произведеніяхъ и безчисленное множество ошибокъ.» — Я хранилъ молчаніе, не обращая никакого вниманія на слова безсовѣтнаго челоуѣка; я даже сталъ къ нему спиною.

Когда онъ окончилъ свою великолѣпную болтовню, герцогъ сказалъ мнѣ: «Бенвенуто, это совершенно противорѣчитъ тому, что ты доназывалъ мнѣ такими прекрасными доводами: защищайся немножко.» — Послѣ этихъ словъ, сказанныхъ мнѣ герцогомъ такъ шлоутивно, я отвѣчалъ:

«Ваша свѣтлость должны знать, что Бандинелли всегда былъ и теперь есть челоуѣкъ расположенный ко злу: какъ скоро онъ видитъ какую нибудь вещь, то будь она вполнѣ совершенна — она тотчасъ же превращается въ его глазахъ въ дурную. Я, напротивъ, расположенъ во всемъ видѣть только доброе, и потому лучше его распознаю истину. То, что я сказалъ вашей свѣтлости, объ этой великолѣпной статуѣ, есть чистая истина, а возраженія Бандинелли происходятъ отъ злости, которая составляетъ его главное свойство.»

Герцогъ слушалъ меня съ большимъ удовольствіемъ. Что же касается до Бандинелли, то съ нимъ происходили чрезвычайно страшныя судорги и лицо его, безобразное отъ самой природы, безобразилось еще болѣе противными гримасами. Между тѣмъ герцогъ пошелъ въ нижніе покои, Бандинелли послѣдовалъ за нимъ. Придворные подхватили меня и увлекли съ собою. Въ одной изъ залъ, его свѣтлость остановился и сѣлъ. Бандинелли и я, мы помѣстились одинъ по правую его сторону, другой по лѣвую. Я хранилъ молчаніе, придворные, окружавшіе насъ, смотрѣли на Бандинелли и украдкой смѣялись надъ тѣмъ, что я сказалъ ему наверху. Бандинелли первый прервалъ молчаніе: «ваша

дѣлать, сказалъ онъ, когда я выставилъ мою группу Геркулеса и Какуса, мнѣ посвящено было, я думаю, болѣе сотни ирландскихъ стихотвореній, въ которыхъ о ней относились такъ худо, какъ только возможно.» — «Ваша свѣтлость, возразилъ я, когда нашъ Микель-Анджело-Буонарроти открылъ свое святилище, гдѣ было столько прекрасныхъ статуй, наша удивительная и славная школа, посвятила ему болѣе сотни сонетовъ, которые непрерывно восхваляли его. И какъ группа Бандинелли заслуживала порицанія, такъ точно статуи Микель-Анджело заслуживали похвалы.» При этихъ словахъ Бандинелли едва не допнулъ отъ бѣшенства. — «А ты, закричалъ онъ, что ты въ ней осудишь?» — «Я тебѣ скажу пожалуй, возразилъ я, если ты будешь имѣть терпѣннѣе меня выслушать.» — «Ну, говори, отвѣчалъ онъ.» — Герцогъ и всѣ присутствовавшіе, приготовились слушать съ величайшимъ вниманіемъ. Я началъ такъ:

«Знай, что мнѣ было бы очень непріятно перечислять тебѣ недостатки, которые я нахожу въ твоёмъ произведеніи; удержусь отъ этого и ограничусь только тѣмъ, что говорить о немъ наша ученая школа.» — Между тѣмъ этотъ негодяй бормоталъ ругательства, грозилъ руками и ногами, и до того взбѣсилъ меня, что я сталъ продолжать такимъ тономъ, какого бы никакъ не употребилъ, если бы онъ велъ себя иначе. — «Вотъ что, продолжалъ я, говорить эта благородная школа: если твоему Геркулесу обрѣть волосы, то у него не останется столько головы, сколько нужно для помѣщенія мозга. Неизвѣстно, чье у него лицо, человѣка или чудовища, занимающаго середину между львомъ и быкомъ; кромѣ того, въ немъ нѣтъ никакого движенія. Голова соединена съ шеею дурно, совершенно безъ всякаго искусства, безъ всякой граціи, такъ-что ничего нельзя представить себѣ хуже этого. Грудь и мускулы сконированы не съ человѣка, а съ мѣшка изъ-подъ дынь. Спина кажется мѣшкомъ съ колбасами. Нельзя постигнуть, какимъ образомъ это безобразное туловище держится на своихъ ногахъ...»

Я хотѣлъ продолжать, но у Бандинелли не достало терпѣнія выслушать перечень недостатковъ его статуй; онъ видѣлъ, что я говорю правду, что открываю глаза герцогу и всѣмъ слушателямъ, которые своими движеніями выражали удивленіе и соглашались съ моими словами. Онъ прервалъ меня, вскричавъ: — «О! низкій языкъ! а мой рисунокъ? зачѣмъ ты забываешь о немъ?» — «Тотъ, кто хорошо рисуетъ, отвѣчалъ я, не можетъ дурно исполнять,

и потому я думаю, что твой рисунок походить на твоё произведение.» — Тогда мой молодецъ, заживо задѣтый взглядомъ и движеніемъ герцога и всѣхъ присутствовавшихъ, предался ярости и закричалъ, оборотя ко мнѣ свое безобразное лицо: «замолчишь ли ты наконецъ, развратникъ!..» При этой ужасной дерзости, герцогъ въ гнѣвѣ наморщилъ брови; негодование сдѣлалось всеобщимъ. Я взбѣсился, но подавилъ бѣшенство и сказалъ ему: «безумецъ! ты выходишь изъ границъ!» Всеобщее негодование обратилось наконецъ въ смѣхъ: насмѣшкамъ надъ Бандинелли не было конца; чтобы прекратить ихъ, онъ перебилъ разговоръ. «Бенвенуто увѣряетъ, сказалъ онъ, что я ему обещалъ кусокъ мрамору!..» — «Какъ! воскликнулъ я; развѣ ты не предлагалъ мнѣ черезъ твоего работника Франческо, сына кузнеца Маттео, кусокъ мрамору, если я захочу изъ него что нибудь сдѣлать? Я принялъ его и требую, что бы ты мнѣ его прислалъ.» — «Ого! сказалъ онъ, будь увѣренъ, что ты его не получишь.» — При этой новой обидѣ бѣшенство мое снова пробудилось, я не слушалъ болѣе голоса разсудка, забылъ о присутствіи герцога, и сказалъ негодю:

«Я тебѣ объявляю безъ обиняковъ, что если ты не пришлешь ко мнѣ кусокъ мрамору, то можешь отправиться отыскивать другой свѣтъ, потому-что я, во что бы то ни стало, распорю тебѣ брюхо.»

Но тотчасъ вспомя, что нахожусь въ присутствіи государя, и скромно обратился къ его свѣтлости, и сказалъ:

«Государь, одинъ дуракъ дѣлаетъ сто человекъ дураками: Нелѣпости, которыя говоритъ этотъ человекъ, заставили меня забыть уваженіе къ вашей свѣтлости и къ самому себѣ. Умоляю — простите меня.» Тогда герцогъ спросилъ у Бандинелли, правда ли, что онъ обещалъ мнѣ кусокъ мрамору? Когда Бандинелли сознался въ этомъ, герцогъ сказалъ мнѣ:

«Ступай въ соборъ, гдѣ производятся работы, и возьми тотъ кусокъ, который тебѣ понравится.»

Я отвѣчалъ, что Бандинелли обязался самъ прислать мнѣ мраморъ, и не хотѣлъ принять его ни на какихъ другихъ условіяхъ.

На другой день мнѣ принесли мраморъ. Я спросилъ, кто прислалъ его? — отвѣчали, что Бандинелли. Помѣстивъ его въ мастерской, я началъ его обтесывать и въ тоже время составлять модель. Желаніе начать работу изъ мрамору было во мнѣ такъ сильно, что я не имѣлъ терпѣнія сдѣлать модель такъ отчетливо,

Камъ этого требовало искусство. Скоро я заметилъ, что мраморъ подъ рѣзцомъ трескается, и началъ сожалѣть, что принялся за эту работу. Впрочемъ, я сдѣлалъ изъ него все, что могъ: групу Аполлона и Гіацинта, которые и теперь еще стоятъ неоконченными въ моей мастерской. Герцогъ, часто приходившій ко мнѣ, нѣсколько разъ говорилъ: «брось, пожалуйста, твоя работа изъ бронзы; мнѣ хочется посмотреть, каково ты работашь изъ мрамору». Тогда я бралъ инструменты, и принимался за работу. Когда герцогъ спросилъ, гдѣ моя модель, я отвѣчалъ ему:

«Ваша свѣтлость, этотъ мраморъ весь въ щеляхъ, но изъ него еще можно кой-что сдѣлать; я продолжаю надъ нимъ работать такъ, какъ умѣю, но окончить модели никакъ немогу собраться».

Герцогъ велѣлъ привезти мнѣ изъ Рима кусокъ греческаго мрамору, чтобы воспроизвести Ганимеда — антикъ, который былъ причиною спора между мною и Бандиелли. Но когда мраморъ былъ привезенъ, мнѣ стало жаль раздробить его на части, чтобы изъ нихъ придѣлать голову, руки и ноги Ганимеду. Я досталъ для этого другой кусокъ. Для того, чтобы употребить въ дѣло греческій мраморъ, я приготовилъ изъ воску маленькую модель и далъ ей названіе Нарцисса. Разъ утромъ, приготовляя и маленькій рѣзецъ, чтобы работать Нарцисса; одна изъ стальныхъ пластинокъ чрезвычайно тонкая отскочила и вонзилась мнѣ въ правый глазъ. Она вошла такъ глубоко въ бѣлокъ, что ее никакъ не могли вынуть оттуда. Я былъ увѣренъ, что окривѣю; однакоже послалъ за хирургомъ Рафаэлло Пилли. Онъ положилъ меня на столъ и взялъ двухъ живыхъ голубятъ, открылъ мнѣ маленькимъ ножикомъ жилу подъ крыломъ такъ, что кровь брызнула мнѣ прямо въ глазъ. Я тотчасъ же почувствовалъ облегченіе. Черезъ нѣсколько дней пластинка вышла, я выздоровѣлъ и зрѣніе мое сдѣлалось лучше прежняго.

XIII.

Послѣ удачнаго отлитія Медузы, я занялся бончачиенъ востковой модели Персея. Я надѣялся, что онъ будетъ также хороше, какъ и Медуза. Когда модель была кончена, она показалась всѣмъ столь прекрасною, что герцогъ вообразилъ, будтобы въ бронзѣ она не будетъ такъ совершенна. Въ одно изъ своихъ посѣщеній, которыя стали гораздо чаще прежняго, онъ сказалъ мнѣ: «Бенвенуто, эту фигуру нельзя вылить изъ бронзы; правила

искусства не позволяют этого». Эти слова так живо меня тронули, что я отвѣчалъ: «государь, вы имѣете ко мнѣ очень мало довѣренности; это происходитъ или оттого, что вы слушаете тѣхъ, кто обо мнѣ говоритъ худо, или оттого, что вы сами не знаете въ этомъ толку». — Нѣтъ, знаю толкъ, сказалъ герцогъ съ досадою, и еще какъ знаю!» —

«Да, отвѣчалъ я ему, да, знаете какъ государь, а не какъ художникъ; въ противномъ случаѣ вы имѣли бы ко мнѣ полную довѣренность. Развѣ я не сдѣлалъ изъ бронзы прекрасный бюстъ вашей свѣтлости, который вы отослали на островъ Эльбу? Развѣ я не возстановилъ Ганимеда, — эту прелестную мраморную статую, которая мнѣ стоила столько труда? Наконецъ, выливъ изъ бронзы Медузу, находящуюся передъ вашими глазами, я превозмогъ страшныя трудности и сдѣлалъ то, чего никто еще не дѣлалъ. Взгляните, государь, литейную печь я сдѣлалъ совершенно по новому способу: и всѣмъ этимъ обязанъ лишь своему искусству. Знайте, ваша свѣтлость, что всѣ большія и трудныя работы, исполненныя мною во Франціи для чуднаго короля Франциска I-го, были мною удачно окончены только потому, что этотъ добрый государь всячески старался ободрить меня, давалъ мнѣ роскошное содержаніе и столько работниковъ, сколько я требовалъ; число ихъ доходило иногда до сорока, и всѣ они были выбирасы мною самими. Вотъ почему я сдѣлалъ такъ много въ такое короткое время. И такъ, ваша свѣтлость, имѣйте ко мнѣ довѣренность, давайте мнѣ то, что нужно, и я вамъ окончу это произведеніе и оно вамъ понравится. Но если вы будете отнимать у меня охоту и перестанете давать мнѣ все нужное, то не дождетесь ничего хорошаго».

Герцогъ слушалъ меня съ нетерпѣніемъ; онъ вертѣлся то въ одну то въ другую сторону. А я, бѣдный, я былъ въ отчаяніи, думая о блестящемъ положеніи, въ которомъ находился во Франціи. Вдругъ герцогъ сказалъ: «Ну, Бенвенуто, скажи-же мнѣ, какимъ образомъ можешь удачно отлиться эта чудесная голова Медузы, которую Персей держитъ въ рукахъ, и которую онъ такъ высоко поднялъ? «Если бы вы, ваша свѣтлость, возразилъ я, знали толкъ, то не боялся бы за эту голову; побезпокойтесь лучше за эту ногу, которая тамъ — внизу». — При этихъ словахъ, герцогъ почти съ гнѣвомъ обернулся къ сопровождавшимъ его вельможамъ и сказалъ имъ: «Мнѣ кажется, что Бенвенуто находитъ удовольствие дерзко отвѣчать мнѣ». — Потомъ онъ прибавилъ, обра-

твѣ ю мнѣ съ видомъ насмѣлки: «Ну хорошо, я буду нѣтъ терпѣнія выслушать доказательства, которыя ты придумаешь, чтобы только поддержать свое мнѣніе».

«Я вамъ приведу такое доказательство, свидѣлая я, которое убедитъ вашу свѣтлость. Знайте, государя, что огонь обыкновенно стремится вверхъ, и потому обѣщаю, что голова Медузы выйдетъ превосходно. Но огонь не можетъ опускаться внизъ, и потому его нужно искусственными средствами понизить на 6 брасей глубины; я впередъ утверждаю, что нога не удастся, но ее легко будетъ потомъ поправить».

— «Для чего же, возразилъ герцогъ, ты не помыслилъ ее такъ, чтобы и она могла удасться?»

«Тогда бы нужно было, отвѣчала я, устроить печь гораздо больше и провести въ ней трубу ширкою въ мою ногу. Тогда бы, при отлитіи, металлъ отъ своей собственной тяжести падалъ внизъ, съ большою силою, чего не можетъ случиться теперь. Но это ничего, можно все выправить».

Герцогъ удалился, качая головою. Я вооружился мужествомъ и старался отогнать отъ себя мысли, безпрестанно приходящія мнѣ въ голову.... горько сожалѣлъ я о томъ, что оставилъ Францію. Во Флоренцію, свое милое отечество, прибылъ я единственно только для того, чтобы помочь племянникамъ; но это доброе дѣло становилось источникомъ многихъ золъ. Впрочемъ я надѣялся, что съ окончаніемъ Персея всѣ мои безпокойства обратятся мнѣ въ радость и доставятъ мнѣ достойное вознагражденіе. Воодушевленный новымъ жаромъ, я собралъ всѣ свои силы, и, на немногія деньги, оставшіяся еще въ кошелькѣ, — торговалъ нѣсколько сосновыхъ бревенъ изъ лѣса Серристары, подлѣ Монте-Луно.

Я приказалъ работникамъ сатопить печь этими дровами. Благодаря удивительному устройству печи и смолѣ, которая вытекала изъ дерева, огонь дѣйствовалъ такъ сильно, что я долженъ былъ подмогать и надирать то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ; это меня страшно утомляло. Къ довершенію несчастія, огонь обнявъ мастерскую, угрожалъ обрушиться намъ на голову кровлю, а вѣтеръ со стороны сада приносилъ крупный дождь, который охлаждал мою печь. Послѣ нѣсколькихъ часовъ борьбы съ этими препятствіями, я такъ утомился, что, не смотря на крѣпкое тѣлосложеніе, изнемогъ. Летучая лихорадка, самая сильная, какую только я когда нибудь испытывалъ, овладѣла мною и заставила ме-

на личннхъ. Едвакъ проширивъ это дачалкво средство, я обратилъ къ прощенику, котораго было десять человекъ, и поручилъ имъ смотрѣть хорошенько за работой; потомъ, подойдя къ Бернардино Манвелани, находившемуся у меня въ сколько лѣтъ, я сказалъ ему:

«Милый Бернардино, продолжай дѣйствовать по плану, который я тебѣ далъ, и дѣйствуй какъ можно скорѣе, потому что металлъ скоро будетъ готовъ. Будь увѣренъ, что эти молодыя устроятъ каналы очень скоро. Вотъ эти два фальконета, вы отшибѣте у горна затычку, и моя форма, надѣюсь, наполнится превосходно. Что же касается до меня, — то я чувствую себя очень дурно; со дня своего рожденія я не былъ такъ боленъ и вѣрно черезъ нѣсколько часовъ меня не станетъ.»

Послѣ этого я ихъ оставилъ съ печалью на сердцѣ, и легъ въ постель.

Я приказалъ служанкамъ накормить и напоить тѣхъ, которыя были въ мастерской, и говорилъ имъ: «Увы! завтра уже меня не будетъ въ живыхъ!» — Онѣ ободряли меня, увѣряли, что эта сильная боль произошла отъ усталости и что она скоро пройдетъ. Лихорадка постоянно усиливалась въ продолженіи двухъ часовъ; я не переставалъ повторять, что умру. Одна изъ служанокъ, управлявшая домою, по имени Мона Фиоре да Кастель дель-Рио, самая заботливая и преданная изъ женщинъ, — окружала меня самыми нѣжными пощеченіями и говорила мнѣ, что отчаяваться просто — сумасшествіе. Однакоже мои страданія и уныніе раздирали ей сердце и она немогла удерживать слезъ, которыя отъ меня скрывала. Во время этихъ ужасныхъ мученій мнѣ казалось, что въ мою комнату вошелъ человекъ изогнутый въ видѣ большой буквы S, и голосомъ такимъ жалобнымъ и унылымъ, какъ голосъ людей, объявляющихъ смерть осужденнымъ, сказалъ мнѣ:

«Увы! Бенвенуто, твое произведеніе погибло, и ничто въ мірѣ не можетъ помочь этому!»

При этихъ ужасныхъ словахъ, я закричалъ такъ, что меня можно было услышать на седьмомъ небѣ; соскочилъ съ постели, схватилъ платье и началъ одѣваться, осыпая градомъ ударомъ служанокъ, мальчиковъ и всѣхъ тѣхъ, которые подавали мнѣ помощь. — Ага! измѣнники, завистники, кричалъ я имъ жалобнымъ голосомъ, — это заговоръ; но кланусь Богомъ, я знаю, что мнѣ должно дѣлать и передъ смертію покажу вамъ, кто я таковъ, — и покажу это такимъ страннымъ образомъ, что вы всѣ перену-

происхожденья. — Одни изъ нихъ бросились въ воду, въ мастерской, гдѣ находилъ инструментъ и какъ бы уничтоженными тѣхъ семей людей, которыхъ оставилъ несоданными и исполненными мушкетерами.

«Эй, закричалъ я имъ, слушай: такъ-какъ вы неумѣли какъ нѣкоторые слѣдовать поставленнымъ, которыя я вамъ далъ, то я самъ буду распоряжаться работами, и потому повинуйтесь. Никто не смѣй разсуждать; въ подобныхъ обстоятельствахъ нужны руки, а не совѣты.»

Однимъ изъ нихъ, маэстро Алессандро Ластригати, мнѣ отвѣчалъ: «Послушайте, Бенвенуто, вы хотите рѣшиться на дѣло, которое противорѣчитъ во всемъ правиламъ искусства и которое никакъ не можетъ имѣть успѣха». — Услышавъ это, я взглянулъ на него въ странной ярости; тогда Алессандро и всѣ тутъ бывшіе закричали:

«Хорошо! приказывайте, мы будемъ повиноваться вашимъ приказаніямъ до послѣдняго дыханія жизни». Они мнѣ сказали это думая, вѣроятно, что я скоро упаду мертвымъ. Я тотчасъ же побѣдалъ къ печи, и замѣтилъ, что металлъ сгустился; онъ имѣлъ, какъ говорятъ литейщики, форму лопатки. Я послалъ двухъ работниковъ на дровяной дворъ, находившійся напротивъ мастерской, купить вязанку дровъ желтаго дуба. Какъ скоро принесли ихъ, я наполилъ ими горнило. Дубъ производитъ огонь сильнѣе всѣхъ другихъ родовъ дерева (для отлитія пушекъ, которыя требуютъ меньшей температуры, употребляютъ тополь и сосну), и потому моя лопатка начала растопляться и блистать, какъ только адскій огонь охватилъ ее. Въ то же время я велѣлъ открыть каналы и послалъ нѣсколькихъ изъ моихъ людей загасить загорѣвшуюся крышу. Со стороны сада я поставилъ доски и повѣсилъ ковры и парусину, что бы защитить себя отъ дождя. Скоро я устранилъ всѣ препятствія. Громкимъ голосомъ я кричалъ своимъ людямъ: принесите мнѣ это, уберите то; — и вся моя команда, видя, что металлъ начиналъ растопляться, повиновалась мнѣ съ тѣмъ усердіемъ, что каждый работникъ работалъ за трины. Тогда я велѣлъ взять кусокъ мѣди, вѣсившій фунтовъ шестьдесятъ, и бросилъ его въ печь на лопатку, которая, благодаря дубовымъ дровамъ, нагрѣвавшимся ее снизу, и рычагамъ, которыми мы вѣшали ее сверху, — начинала дѣлаться жидкою. Въ это время силы мои возвратились и я не чувствовалъ ни джорадки, ни страха смерти. Вдругъ страшный взрывъ поразилъ нашу слухъ, и пламя подоб-

ное молніи блеснуло предъ нашими глазами. Невыразимый ужасъ овладѣлъ всѣми и мною болѣе, чѣмъ другими. Когда трескъ затихъ и пламя погасло, мы долго смотрѣли другъ на друга; наконецъ мы замѣтили, что заслонка у печи треснула и что бронза выходила черезъ края. Я тотчасъ приказалъ открыть устье формы и отбить затычки у горна. Замѣтя, что металлъ бѣжалъ не съ такою быстротою, какъ обыкновенно, я приписалъ это тому, что сила огня, которому его подвергли, уничтожила лигатуру. Что бы помочь этому, я приказалъ принести всѣ мѣдные блюда, ложки и тарелки, числомъ около двухъ сотъ; изъ нихъ одну часть я положилъ въ каналы, а другую бросилъ въ печь. Работники видя, что бронза сдѣлалась совершенно жидкою и наполнила форму, помогали мнѣ и повиновались съ радостью и мужествомъ. Приказывая имъ то то, то другое, я думалъ: Будь благословенъ, о Господи! ты, который своимъ всемогуществомъ воскресилъ себя изъ мертвыхъ и вознесся во славу на небо! — Въ эту минуту форма наполнилась. Я упалъ на колѣни и отъ всей души благодарилъ Бога. Потомъ, замѣтя на скамьѣ блюдо салату, я началъ ѣсть его съ большимъ аппетитомъ и пилъ со всѣми моими людьми. Это было около двухъ часовъ ночи; я былъ веселъ, чувствовалъ себя гораздо лучше и легъ въ постель, гдѣ спалъ такъ тихо, какъ будто бы никогда не былъ болѣнъ. Добрая моя служанка, безъ моего приказанія, приготовила мнѣ жирнаго канлуна. Когда я проснулся, она весело прибѣжала ко мнѣ и сказала:

«Такъ это тотъ самый человекъ, который думалъ умереть? ... Молодецъ! Право я думаю, что удары ногами и руками, которыхъ вы въ вашемъ дьявольскомъ бѣшенствѣ надавали мнѣ въ прошедшую ночь, испугали лихорадку, и она скрылась отъ страха получить тоже самое».

Послѣ обѣда, всѣ мои помощники пришли ко мнѣ. Они поздравляли другъ друга и благодарили Бога за все случившееся. Они говорили, что теперь научились дѣлать то, что другіе художники считали за невозможное. Съ своей стороны, я не могъ не гордиться нѣсколько искусствомъ, которое показалъ въ этомъ случаѣ. Наконецъ, я вынулъ кошелекъ и заплатилъ и наградилъ всѣхъ.

Мой смертельный врагъ, проклятый мессеръ Піетро Франческо Риччю, сгоралъ нетерпѣніемъ узнать чѣмъ кончилось это дѣло. Два плута, которыхъ я подозрѣвалъ, между прочимъ, въ томъ, что они были причиною, что металлъ оступился въ лещи-

ку, сказали ему, что я не человекъ, а просто волшебный дьяволъ, потому-что достигъ того, чего не можетъ произвести одно искусство. Мало того: они говорили, что я сдѣлалъ такое дѣло, какое просвѣтому чорту не въ мочь.

Когда бронза въ продолженіи двухъ дней остыла, я началъ ее мало по малу открывать. Прежде всего я нашелъ, что голова Медузы удалась превосходно, благодаря продуманнѣмъ и свойству олова, который стремится вверхъ, — какъ я это говорилъ герцогу. Голова Персея, отлилась также хорошо: это меня очень удивило, потому-что она находится несравненно ниже головы Медузы. По несдѣланному счастью, въ моей печи было именно столько бронзы, сколько ей нужно, чтобы докончить эту голову: страшная вещь! ни одной капли не осталось въ каналахъ и ни одной капли больше мнѣ не было нужно. — Я считалъ это чудомъ, устроеннымъ самимъ Богомъ. — Дойдя до правой ноги, я замѣтилъ, что вся ее пятка отлилась. Это меня обрадовало и огорчило: мнѣ было досадно, что я увѣрялъ герцога, что нога неудастся. Но когда я открылъ ее всю, то увидѣлъ, что у ней не доставало не только пальцевъ, но и половины ступни. Эта неудача увеличивала нѣсколько мою работу, но я былъ отъ нея въ восторгѣ, потому-что она должна была показать герцогу, что я знаю свое дѣло. Если же металлъ проникъ въ форму дальше, чѣмъ я ожидалъ, то это произошло отъ слишкомъ высокой температуры и отъ мѣдной посуды, которую я бросилъ. Когда я увѣрился, что мое произведеніе все прекрасно отлилось, то отправился въ Пизу къ герцогу и герцогинѣ, которые приняли меня самымъ любезнымъ образомъ. Не смотря на то, что дворецкіи извѣстия ихъ обо всемъ, рассказъ мой очень удивилъ ихъ. Наконецъ, когда я сталъ говорить, что нога у статуи не удалась, какъ я это предсказывалъ, герцогъ былъ снова удивленъ и повторилъ герцогинѣ то, что я ему говорилъ прежде. Ихъ свѣтлости показали ко мнѣ такое милостивое расположеніе, что я попросилъ у герцога позволенія отправиться въ Римъ. Онъ легко на это согласился, но приказалъ возвратиться, какъ можно скорѣе, чтобы окончить Персея; кромѣ того онъ далъ мнѣ рекомендательныя письма къ Аверардо Серрнатори, своему посланнику. Это происходило въ первые годы первосвященства папы Юлія де Монти. —

Передъ отъездомъ въ Римъ, я далъ приказаніе своему рабочику какъ поступать во всемъ по-своему, который я ему указалъ. Я предпринялъ это путешествіе вовсе не какою причиною: я сдѣлалъ изъ бронзы, въ натуральную величину, бюстъ Биндо, сына Антоніо Альтовити, и отослалъ его къ нему въ Римъ. Биндо оставилъ этотъ бюстъ въ кабинетѣ, роскошно украшенномъ антиками и другими драгоценностями, но устроенномъ вовсе не для статуй, а еще менѣе для картинъ: окна кабинета находились ниже образцовыхъ произведеній, такъ что свѣтъ, падающій на нихъ снизу, лишалъ ихъ той красоты, которую они могли бы имѣть, если бы были хорошо освѣщены.

Разъ, Микель-Анджело Буонарроти проходилъ мимо дома Биндо въ то время, какъ тотъ стоялъ у дверей; Биндо попросилъ его зайти къ нему посмотрѣть его кабинетъ. Микель-Анджело согласился и войдя въ кабинетъ, воскликнулъ: «кто вамъ сдѣлалъ этотъ чудный портретъ? Эта голова мнѣ нравится столько же, сколько эти антики, и даже болѣе, хотя и они необыкновенной красоты. Еслибы эти окна, вмѣсто того, чтобы быть въ низу, находились на верху, то ваши антики выиграли бы черезъ это очень много, и бюстъ красовался бы во всемъ своемъ блескѣ посреди образцовыхъ произведеній». — Простясь съ Биндо и возвратясь домой, Микель-Анджело написалъ ко мнѣ очень любезное письмо, состоявшее въ слѣдующемъ:

«Бенвенуто, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я васъ знаю за «самаго искуснаго рѣзчика, какой только когда нибудь существовалъ: теперь же я узналъ, что вы такой же искусный скульпторъ. Знайте, что мессеръ Биндо Альтовити показывалъ мнѣ «свой бронзовый бюстъ, и сказалъ мнѣ, что это ваша работа. «Онъ мнѣ доставилъ необыкновенное удовольствіе; но мнѣ жаль, «что онъ такъ дурно освѣщенъ; еслибы онъ былъ освѣщенъ «такъ, какъ должно, то казался бы такимъ прекраснымъ, каковъ «на самомъ дѣлѣ».

Это письмо было исполнено самыми лестными для меня выраженіями. Передъ отъездомъ въ Римъ, я показалъ его герцогу, который, прочтя его съ большимъ вниманіемъ, сказалъ мнѣ: «Бенвенуто, если ты успѣешь уговорить Микель-Анджело возвратиться во Флоренцію, я сдѣлаю его сенаторомъ». — Я написалъ объ этомъ къ Микель-Анджело и обѣщалъ ему со стороны герцога,

не кто, развѣ больше того, что тотъ мнѣ дѣлать обещалъ. Не чтобы въ послѣдствіи перемѣлъ не могъ отказаться отъ этого письма, я показала его ему; говоря: «государь, можетъ быть я обещала слишкомъ много». — «Ничѣмъ, отвѣчалъ онъ, все это нисколько того, чего онъ слѣдуетъ; и дамъ ему гораздо больше». — Микель-Анджело оставилъ это письмо безъ отвѣта, что очень разсердило герцога.

Пріѣхавъ въ Римъ, я поселился у Биндо Альтоланти. Онъ тотчасъ же сказалъ мнѣ, что показывалъ своей бюстъ Микель-Анджело, и что Микель-Анджело весьма хвалилъ его: мы долго говорили объ этомъ. — Биндо былъ мнѣ долженъ 1200 эку, которые онъ далъ взаими герцогу, вмѣстѣ съ 4,000 эку своихъ собственныхъ денегъ; онъ мнѣ платилъ проценты съ этой суммы. Эта сдѣлка была причиною тому, что я сдѣлалъ его бюстъ. Когда онъ увидѣлъ модель, то велѣлъ своему матариусу Джулиано Паччалли, выдать мнѣ пятьдесятъ золотыхъ эку. Я не хотѣлъ взять этихъ денегъ, и возвратилъ ему ихъ черезъ Джулиано. Спустя нѣсколько времени, я сказалъ Биндо: «я буду совершенно доволенъ, если вы мнѣ опредѣлите проценты съ моихъ денегъ, и если они будутъ мнѣ хоть что нибудь приносить». — Но когда мы стали расчитываться, я замѣтилъ, что намѣренія его не совсѣмъ чисты; вмѣсто того, чтобы обращаться со мною также радушно, какъ прежде, онъ сдѣлался очень холоденъ, и, не смотря на то, что я у него жилъ, постоянно показывалъ мнѣ кислую мину. Впрочемъ мы окончили наше дѣло въ немногихъ словахъ: работа моя надъ его бюстомъ и моя бронза пропала, онъ удержалъ мои деньги, обязавшись платить мнѣ въ продолженіе всей моей жизни проценты съ нихъ — пятнадцать со ста.

Однимъ изъ первыхъ моихъ дѣлъ, по прибытіи въ Римъ, было облобызать ноги папы. Въ то время, какъ я разговаривалъ съ его святѣйшествомъ, пришелъ мессеръ Аверардо Серристорн, посланникъ герцога. Мой разговоръ съ папой принялъ такой оборотъ, что мнѣ бы легко было, я думаю, уговориться съ нимъ о переходѣ къ нему въ службу. Я испыталъ во Флоренціи столько жестокихъ безпокойствъ, что она мнѣ наскучила, и я съ большимъ удовольствіемъ снова поселился бы въ Римѣ; но я замѣтилъ, что посланникъ сдѣлалъ уже все, чтобы помѣшать этому.

Я отправился къ Микель-Анджело и повторилъ ему все то, что писалъ къ нему изъ Флоренціи отъ имени герцога. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что занимается постройкою св. Петра, и потому не мо-

жесть хватя. Я возражал на это, что такъ-какъ онъ окончилъ ильнъ этого зданія, — то ему стоить только предоставить его Урбино,¹⁾ который въ точности исполнить всё его приказанія. Въ то же время я надавалъ ему тысячу обещаній отъ имени герцога. Онъ на меня пристально посмотрѣлъ, и сказалъ съ лукавой улыбкой: «А вы ииъ довольны?» Я увѣрялъ его, что очень доволенъ и что со мной прекрасно обходится, но онъ возражалъ, что знаетъ большую часть моихъ не удовольствій. Я представлялъ ему, что онъ поступитъ благоразумно, возвратясь въ свое отечество, гдѣ царствуетъ государь самый справедливый и самый ревностный покровитель искусства. Я уже сказалъ выше, что у Микель-Анджело былъ ученикъ, родомъ изъ Урбино, который уже нѣсколько лѣтъ исполнялъ при немъ—скорѣе роль лакея или служанки, чѣмъ помощника въ его работахъ, потому-что онъ у него ни чему не выучился. Когда я наконецъ различными доводами довелъ Микель-Анджело до того, что онъ не зналъ, что мнѣ отвѣчать, то онъ обернулся къ своему Урбино, какъ бы желая спросить его мнѣнія. Этотъ молодецъ тотчасъ отвѣчалъ грубо:

«Я тогда только разлучусь съ моимъ милымъ мессеромъ Микель-Анджело, когда онъ мнѣ оставитъ свою кожу или возьметъ себя мою».

При этомъ глупомъ отвѣтѣ я не могъ удержаться отъ смѣха, и не прощаясь съ нимъ, ушелъ, пожимая плечами.

Послѣ неудачной сдѣлки съ Биндо Альтовити, принудившей меня потерять бронзу и оставить ему на всю жизнь деньги, я понялъ, что значитъ вѣрить на слово купцамъ и возвратился во Флоренцію очень недовольный. — Я тотчасъ же отправился во дворецъ, чтобы видѣться съ герцогомъ, но онъ былъ въ Кастелло, близъ Понто а-Рифредо. Я встрѣтилъ во дворцѣ дворецкаго мессера Пиетро-Франческо Риччю. Въ ту минуту, какъ я подходилъ къ нему, чтобы поздороваться съ нимъ, онъ вскричалъ голосомъ, выразившимъ самое глубокое удивленіе: «Какъ, ты возвратился!» Потомъ, все еще не освободясь отъ смущенія, онъ сказалъ мнѣ, потирая руки: «Герцогъ въ Кастелло». — Послѣ чего обернулся ко мнѣ спиною и ушелъ. Я не могъ ни узнать ни придумать, что значили поступки этого животнаго, и тотчасъ же отправился въ Кастелло. Я вошелъ въ садъ; герцогъ былъ тамъ, я его узналъ

¹⁾ Франческо Анатори, болѣе известный подъ названіемъ Урбино, былъ самымъ искреннимъ другомъ Микель-Анджело.

идали. Замѣтя меня, онъ тоже удивился и приказалъ мнѣ увидѣться. Я надѣялся, что его свѣтлость увидитъ меня съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ прежде, и потому это странное обхожденіе меня очень огорчило. Я возвратился во Флоренцію печальный и тотчасъ же занялся окончаніемъ статуи. Не постигая причины такого страннаго приѣма, я сталъ замѣчать, какимъ образомъ меня принимали сеньоръ Сфорца и другіе приближенные герцога. Я не могъ даже удержаться, чтобы не спросить у Сфорца, что все это значило. Онъ только отвѣчалъ мнѣ съ улыбкою: «Бенvenuto, старайтесь быть честнымъ человѣкомъ и не беспокойтеся ни о чемъ». — Черезъ нѣсколько дней мнѣ доставили случай говорить съ герцогомъ. Онъ мнѣ сказалъ нѣсколько теплыхъ привѣтствій, потомъ спросилъ, что я дѣлалъ въ Римѣ. Я поддерживалъ разговоръ, какъ умѣлъ, говорилъ о бюстѣ Биндо Альтовитти и о томъ, что случилось по поводу этого бюста. Замѣтя, что онъ слушалъ меня съ большимъ вниманіемъ, я рассказалъ ему также то, что произошло между мною и Микель-Анджело. Это его нѣсколько раздосадовало, но онъ расхохотался во все горло, когда я ему привелъ слова Урбино. — «Тѣмъ хуже для Микель-Анджело!» — вскричалъ онъ потомъ. Послѣ чего я его оставилъ.

Вѣроятно, дворецкій Піетро Франческо тайно наговорилъ на меня герцогу; но его проски не имѣли успѣха, потому что Богъ, любящій правду, до сего дня покровительствовалъ мнѣ во всѣхъ опасностяхъ, которымъ я подвергался. Я надѣюсь, что Онъ будетъ подавать мнѣ помощь до конца моей тревожной жизни. Опирался на Него, я мужественно иду впередъ, и не боюсь ярости судьбы или жестокой звѣзды моей; моя единственная забота быть въ милости у Бога.

Теперь, добрый читатель, выслушай рассказъ объ ужасномъ событіи. Я употребилъ всѣ усилія, чтобы скорѣе окончить мою статую. Вечеромъ я ходилъ помогать чеканщикамъ его свѣтлости, которые исполняли свои произведенія большей частью по моимъ рисункамъ. Иногда я приходилъ туда и днемъ, потому что замѣтилъ, что герцогъ съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на золотыя работы, и болталъ со мною. Однажды мы разговаривали съ нимъ чрезвычайно весело, герцогъ былъ въ прекрасномъ расположеніи духа. Въ это время, вошелъ одинъ изъ его секретарей и сказалъ ему что-то на ухо; дѣло было, вѣрно, важное, потому что его свѣтлость тотчасъ же всталъ и ушелъ съ нимъ въ другую комнату. За минуту до этого гер-

герцогиня присматривала узла, что делают герцога. Тамъ сидѣлъ ей, что онъ разговаривалъ и сѣлся со мною. Она тотчасъ же прибѣжала къ намъ, но герцогъ уже вышелъ. Герцогиня сѣла возлѣ насъ, нѣсколько времени смотрѣла, какъ мы работаемъ, потомъ очень мило обернулась ко мнѣ и показала ожерелье изъ большихъ перловъ, рѣдкой красоты, спрашивая, что я объ немъ думаю. Я отвѣчалъ ей, что оно очень хорошо. — «Мнѣ хочется, продолжала она, чтобы герцогъ купилъ это ожерелье; и потому, Бенвенуто, расхвали его ему, какъ можно больше». — Послѣ этихъ словъ, я рѣшился быть откровеннымъ, и сказалъ герцогинѣ со всевозможнымъ уваженіемъ: «Синьора, я думаю, что оно принадлежитъ вашей свѣтлости: теперь я узналъ противное, и потому принужденъ открыть вамъ то, что законы учтивости заставили меня скрыть отъ васъ. Я вамъ скажу, что опытность, которую я приобрѣлъ, указываетъ мнѣ на столько недостатковъ въ этихъ перлахъ, что я никогда не посоветовалъ бы вашей свѣтлости покупать ихъ».

«Купецъ, продолжала она, уступаетъ ихъ за шесть тысячъ экю; если бы въ нихъ не было маленькихъ недостатковъ, они стоили бы двѣнадцать тысячъ».

— Если бы въ этомъ ожерельѣ и не было недостатковъ, отвѣчалъ я, то и тогда я не посоветовалъ бы никому заплатить за него 6,000 экю; перловъ не нужно считать драгоценными камнями; это просто рыбы кости, которыя портятся по прошествіи извѣстнаго времени. Но алмазы, рубины, изумруды и яхонты никогда не старѣются: это настоящіе драгоценные камни. Вотъ ихъ-то и нужно покупать».

«А мнѣ очень хочется купить эти перлы, продолжала герцогиня, съ нѣкоторой досадою, — прошу тебя отнести ихъ къ герцогу и расхвалить какъ можно больше; если нужно будетъ солгать, то сдѣлай это для меня: тебѣ самому будетъ лучше».

Я всегда любилъ правду и ненавидѣлъ ложь, но былъ принужденъ принять это порученіе, чтобы не потерять расположеніе великой государыни. Я нехотя взялъ проклятые перлы, и вошелъ въ ту залу, въ которую удалился герцогъ. Замѣтя меня, онъ сказалъ: «Ты за чѣмъ пришелъ сюда, Бенвенуто? — «Синьоръ, отвѣчалъ я, показывая ему перлы, я пришелъ показать вамъ великолѣпное ожерелье, совершенно достойное вашей свѣтлости; я не думаю, чтобы возможно было собрать двадцать четыре перла, которые бы производили болѣе эффекта; купите ихъ, госу-

дери, — толи удивительно хорошии — «Найтъ», но пошу, вскрывалъ герцога, они вовсе не такъ хороши, какъ ты рассказываешь; и ихъ видѣлъ и они мнѣ не понравились. — «Извините, сеньоръ, возразилъ я, эти перлы превосходятъ всѣ тѣ, которые когда нибудь служили для ожерелья». — Въ это время герцогиня встала и подошла къ двери, чтобы слышать нашъ разговоръ. — Я настаивалъ, и когда переговорилъ, въ тысячу разъ болѣе того, что адѣсь написалъ — герцога криво сказалъ мнѣ:

«Безсмысло, я знаю, что ты отличный знатокъ; если бы эти перлы были такъ хороши, какъ ты уверяешь, то я немедля купилъ бы ихъ, что бы сдѣлать удовольствіе герцогини; тѣмъ болѣе, что можешь дѣлать они также нужны».

Главное было сдѣлано; я солгалъ и пошелъ по этому пути герцога смѣло, стараясь придать своимъ словамъ какъ можно болѣе вѣроятности, надѣясь, что герцогиня меня защититъ въ свое время. Она мнѣ обѣщала двѣсти дукатовъ, если я заключу торгъ, но я рѣшился не брать изъ нихъ ни копейки, чтобы не дать герцогу повода подумать, будто бы дѣйствую — изъ комнаты.

«Мнѣ извѣстно, что ты заешь толкъ въ этомъ, повторилъ герцогъ ласковымъ голосомъ; скажи же мнѣ всю правду, если ты честный человекъ, какими я всегда тебя считалъ».

При этихъ словахъ я непроизвѣлъ, а на глазахъ навернулись слезы. «Государь, воскликнулъ я, если я скажу всю правду вашей свѣтлости, герцогиня смертельно меня возненавидитъ: я буду принужденъ оставить Флоренцію и бросить Парола, котораго обѣщалъ этой благородной школѣ. Враги мои будутъ мнѣ дѣлать неприятности. Я предаю себя на волю вашей свѣтлости». — Герцогъ, узнавъ, что я говорилъ по принужденію, отвѣчалъ мнѣ: «Если ты имѣешь ко мнѣ довѣренность, то не бойся ничего на свѣтѣ!» — «Увы! государь, возразилъ я, какимъ бы образомъ сдѣлать такъ, чтобы герцогиня ничего не знала?» — Тогда герцогъ сказалъ мнѣ, поднявъ торжественно руку: «Будь увѣренъ, что я сохрани твою тайну также хорошо, какъ бы ее сохранилъ дароцъ, сдѣланный изъ алмаза». — Успешный его обѣщаніемъ, я тотчасъ сказалъ ему то, что думалъ объ этомъ ожерельѣ, и объявилъ, что оно не стоитъ болѣе двухъ тысячъ эску; Между тѣмъ герцогиня, на слышя нашего разговора, потому что мы говорили голосомъ, вошла и сказала:

«Сеньоръ, умоляю вашу свѣтлость купить мнѣ это ожерелье»;

мнѣ очень хочется имѣть его; и замѣть Бенвенуто утѣраетъ надежду что онъ никогда не выдастъ ничего лучше этихъ перловъ».

— Нѣтъ, я не хочу его покупать», отвѣтила герцогиня.

«Почему же Ваша Свѣтлость не хотите сдѣлать мнѣ этого удовольствія?»

— Потому что я не хочу бросать по пустому денегъ».

«Какъ, бросать по пустому! возразила герцогиня, по замѣть Бенвенуто, къ которому вы справедливо имѣете такую добротность, сказалъ мнѣ самъ, что оно стоитъ тремя тысячами дороже».

— Снѣбора, сказалъ герцогъ, Бенвенуто мнѣ сказалъ, что купить это ожерелье — значитъ бросить деньги. Въ самомъ дѣлѣ, эти перлы не такъ круглы и не такъ ровны; между ними находится даже много старыхъ; что бы убѣдиться въ этомъ, посмотрите на этотъ, взгляните вотъ сюда... Короче, это вовсе не то, что мнѣ нужно». — При этихъ словахъ, герцогиня бросила на меня страшный взглядъ и вышла, сдѣлавъ мнѣ головою угрожающій знакъ.

Судите о жестокомъ положеніи, въ которомъ я находился! Герцогъ при мнѣ приказалъ своимъ привратникамъ впускать меня во всякое время въ его покои; но герцогиня съ своей стороны, велѣла мнѣ всегда отказывать. Когда я подходилъ ко двору, то привратники оставляли свой постъ у дверей и на отрѣзъ отказывали мнѣ, но такъ, чтобы герцогъ не могъ замѣтить этого; когда же его свѣтлость успѣвалъ увидѣть меня прежде этихъ негодниковъ, то звалъ къ себѣ или дѣлалъ знакъ, чтобы я вошелъ.

Герцогиня послала отыскать ювелира Бернардоне. Хотя она сама сильно жаловалась мнѣ на нивость и злость этого человѣка, однакоже поручила ему окончить это дѣло. — «Положитесь на меня, снѣбора», — сказалъ ей этотъ плутъ и тотчасъ же отправился къ герцогу, съ ожерельемъ въ рукахъ. Герцогъ увидя, Бернардоне приказалъ ему удалиться. Но мерзавецъ своимъ жалкимъ голосомъ, выходявшимъ изъ толстаго ослинаго носа, началъ говорить: «а, снѣборъ купите ожерелье для бѣдной снѣборы; она умираетъ отъ желанія имѣть его». — Онъ присоединилъ къ этому множество подобныхъ глупостей и кончилъ тѣмъ, что надоѣлъ герцогу, такъ-что тотъ сказалъ ему: «послушай, ступай вонъ, или подурачься немножко». — Безсовѣстной нищій не задумался ни на минуту; онъ зналъ, что ему стоитъ только надуть щеки или пропѣть *la bella Franceschina* ¹⁾, чтобы заставить гер-

¹⁾ Старая народная пѣсня во Флоренціи.

онъ заключилъ торгъ, и черезъ те приобрѣдеи доброе расположеніе герцогини и нѣсколько сотенъ ея въ награду за службу. Онъ надулъ себѣ щеки, и герцога влѣпилъ ему нѣсколько добрыхъ пощечинъ, немного сильнѣе обыкновеннаго, чтобы заставить его уйти. Отъ этихъ милыхъ любезностей толстая щека Бернардо небагровѣла и на глазахъ его навернулись слезы; но это не помѣшало ему закричать: «зотъ видго, синьоръ, вѣрный слуга не отступаетъ ни передъ чѣмъ, и считаетъ себя счастливымъ, претерпѣвая все это; пусть только герцогиня будетъ довольна». Тогда герцогъ, потомули, чтобы отдалиться отъ этого пошрона, или для того, чтобы вознаградить его за пощечины, или изъ любви къ герцогинѣ, которой онъ всегда старался угождать, — сказалъ ему: «зортъ тебя воиши! убирайся вонъ и купи ожерелье; я согласенъ на все, чего желаетъ герцогиня».

Преслѣдовала ли когда иибудь злая судьба бѣднаго человѣка въ такомъ ожесточеніи? Прекровительствовала ли она когда иибудь такимъ постыднымъ образомъ безсовѣстному погодлю? — Я потерялъ доброе расположеніе герцогини, которая вѣлчески старалась любить меня иилюсти герцога. Бернардо, напротивъ, получилъ огромное награжденіе и расположеніе къ свѣтлостей.

Быть человѣкомъ честнымъ и талантливимъ очень недостаточно!

XV.

Въ это время началась Сиенская война. Герцогъ, желая укрѣпить Флоренцію поручилъ это дѣло своимъ скульпторамъ и архитекторамъ; каждому были назначены особенныя ворота. На мосту дождо досталось ворота аль Прато и еще другія, маленькія ворота д'Арно, ведущія къ полянцамъ. Ворота Санъ-Фрэнцо поручены Баддиолли; Санъ-Метро-Гаттолискіи Инскаллино Анноскому; ворота Санъ-Джорджіо архитектору Джулио, сыну Баттіо д'Альоло; Санъ-Никольскія Партачино; ворота аль-Проче скульптору Франческо-де-Санъ-Галло, прозванному ле-Марголли, а ворота Ницца Джіованбаттисто Тассо. Прочіе бастіоны и ворота были предоставлены разнымъ инженерамъ, имена которыхъ я забылъ.

Герцогъ, человѣкъ даровитый, самъ обшелъ городъ. Рассмотрѣвшя все съ должнымъ вниманіемъ, призвавъ онъ казначея Латтанціо Горни, также замѣчавшагося немного военной архитектурой, и поручилъ ему начертить пошего указанію планы укрѣпленій

воротъ. Эти планы были рождены не въ принадлежності. Платя мнѣ воротъ не казался мнѣ плохъ, и я тотчасъ же отиравлялся къ герцогу, чтобы показать ему ошибку въ чертежѣ. Но герцогъ съ первыхъ же словъ прервалъ меня съ гнѣвомъ: «Безсмысло, сказалъ онъ, когда дѣло коснется статуи, — можешь говорить, сколько угодно; въ нихъ ты знатокъ; но тутъ я хочу, чтобы ты держался дикаго тебѣ чертежа». — На это отвѣчалъ я, какъ можно скромнѣе:

— Я многому научился, бесѣдуя съ вами свѣтлостямъ о скульптурѣ. Позвольте же и мнѣ сказать нѣсколько словъ объ укрѣпленіяхъ города, предметъ поважнѣе вашия. Разговаривая съ вашею свѣтлостію я лучше пойму, какъ могу быть вамъ полезенъ. — Благодаря этой ловкой выходкѣ, герцогъ вступилъ со мною въ тихій разговоръ, и я доказалъ ему, ясно и неопровержимо, что проектъ его ошибоченъ. — Такъ сдѣлай же мнѣ другой планъ, сказалъ онъ; посмотримъ, будетъ ли онъ годенъ. — «Я составилъ для моихъ воротъ планы укрѣпленія по всѣмъ правиламъ искусства, представилъ ихъ герцогу и его свѣтлости, ссознываясь, что я былъ правъ, сказалъ мнѣ очень ласково: «ступай и дѣлай, какъ самъ знаешь. Я согласенъ». Я тотчасъ же съ жаромъ принялся за дѣло.

Постройки мои были уже почти окончены, когда приверженцы Пьетро Строцци сдѣлали набѣгъ на Прато, и до того перепугали жителей, что они сложили все свое добро на повозки и двинулись изъ селъ и деревень къ городу. Повозокъ было такое множество, что онѣ мѣшали другъ другу двигаться. Замѣтивши этотъ безпорядокъ, я приказалъ стражѣ наблюдать, чтобы н здѣсь не случилось того же, что у туринскихъ воротъ, гдѣ рогатка зацѣпидась, когда се хотѣли опустить, за повозку.

Около этого времени близъ Арцино нашли кое-какія древности; въ томъ числѣ бронзовую кинеру, находящуюся теперь въ одной изъ кончатъ возлѣ большой залы дворца, и множество другихъ бронзовыхъ статусокъ и покрыткѣ землею и ржавчиной. У однихъ не доставало головы, у другихъ рукъ или ногъ. Герцогъ самъ принялся чистить ихъ посредствомъ маленькаго рѣзца. Посвятивши нѣсколько вечеровъ этому занятію, онъ поручилъ мнѣ придѣлать къ нимъ недостававшіе члены. Эти бездѣлушки полюбились ему до такой степени, что онъ заставлялъ меня работать надъ ними даже днемъ. Если я, бывало, замѣткаюсь, онъ присылаетъ звать меня. Нѣсколько разъ замѣчалъ я ему, что должно

заниматься мнѣ Персеемъ, иначе это повлечетъ за собою дурныя слѣдствія. — «Всего больше опасуюсь я, сказала я, чтобы ваша свѣтлость не наскучили долгимъ ожиданіемъ; а работа не можетъ быть окончена скоро (это опасеніе оправдалось потомъ на дѣлѣ). Кромѣ того, работники мои портятъ во время моего отсутствія статую, и лѣнятся. — Герцогъ позволилъ мнѣ приходить, къ нему только по захожденіи солнца,

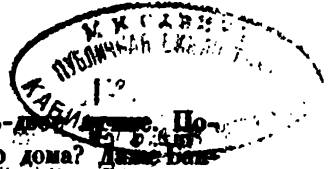
Въ это время строили новыя залы въ сторонѣ Львовъ. Герцогъ велѣлъ устроить себѣ тамъ маленькій кабинетъ, куда могъ бы удалиться, когда ему вздумается остаться наединѣ; мнѣ же приказалъ приходить туда тайкомъ черезъ гардеробъ и скрытые корридоры. Но черезъ нѣсколько дней герцогиня приказала закрыть эти ходы, и лишила меня такимъ образомъ моей привилегіи; всякій разъ, когда я являлся во дворецъ, мнѣ приходилось терять много времени, потому что герцогиня, больная, была въ комнатахъ, черезъ которыя мнѣ надо было проходить, и я принужденъ былъ ее беспокоить. За это ли, или за что другое, только она меня невзлюбила до такой степени, что не могла выносить моего присутствія. Не смотря однакоже на всѣ эти непріятности, я терпѣливо продолжалъ ходить во дворецъ. Герцогъ отдалъ на счетъ меня такія приказанія, что мнѣ отворили двери по первому стуку и впускали всюду безъ малѣйшаго прекословія. Мнѣ не разъ случалось входить въ секретныя комнаты герцогини очень не кстати. Она сердилась на это такъ сильно, что мнѣ становилось страшно. Она всякой разъ повторяла мнѣ: «Кончатся ли ты наконецъ поправку этихъ статуэтокъ? Бѣготня твоя начинается меня выводить изъ терпѣнія». — «Синьора, отвѣчалъ я ей почтительно, единственное желаніе мое служить вамъ вѣрно и усердно. Работа, порученная мнѣ его свѣтлостью, требуетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ; скажите, что вамъ неудобно, чтобы я сюда приходилъ, и я никогда больше не явлюсь; если позоветъ меня герцогъ, я скажусь больнымъ, и ни что не заставитъ меня тронуться съ мѣста». — Герцогиня отвѣчала:

«Я не хочу, чтобы ты ослушался герцога, только работа твоя кажется мнѣ безконечною». — Узналъ ли объ этомъ герцогъ, или была на это другая причина, только онъ опять началъ присылать за мною при наступленіи ночи.

Окончивши четыре бронзовыя фигурки для пьедестала моей статуи — Юпитера, Меркурія, Минерву и Данаю съ молодильнъ Персеемъ у ногъ ея, я приказалъ отнестъ ихъ, однажды вече-

ромъ въ мою рабочую залу. Я поставилъ ихъ рядомъ немного выше глазъ зрителя, такъ что онѣ дѣлали превосходный эффектъ, и герцогъ извѣщенный объ этомъ, пришелъ ранѣе обыкновеннаго. Ходившій извѣстить его расхвалилъ мои статуэтки какъ нельзя больше, утверждая, что онѣ лучше древнихъ, и герцогъ пришелъ очень въ духѣ, разговаривая съ герцогиней о моихъ произведеніяхъ. Я всталъ и пошелъ имъ на встрѣчу. Герцогъ подалъ мнѣ большую прекрасную грушу и сказалъ: «возьми, Бенвенуто, посади эту грушу въ саду твоего дома». — «Вы серьезно говорите, ваша свѣтлость, спросилъ я, чтобы я посадилъ эту грушу въ саду моего дома?» — «Да, отвѣчалъ онъ, въ саду дома, который принадлежитъ тебѣ; понимаешь ты меня?» — Я поблагодарилъ герцога и герцогиню. Потомъ они сѣли противъ моихъ статуэтокъ и разговаривали объ нихъ больше двухъ часовъ. Герцогиня такъ захотѣлось имѣть ихъ, что она сказала мнѣ: «жаль, если эти прекрасныя статуэтки затеряются на пьедесталѣ, среди площади; ихъ тамъ испортятъ. Поставь ихъ въ одну изъ моихъ комнатъ, гдѣ онѣ будутъ сохранены, какъ заслуживаетъ того ихъ рѣдкая красота. — Я представилъ множество возраженій, но увидѣлъ, что герцогиня рѣшилась не дать мнѣ поставить ихъ на пьедесталѣ. Я дождался слѣдующаго дня. Пришедши во дворецъ около 22-го часа, и узнавши, что герцогъ и герцогиня поѣхали кататься верхомъ я велѣлъ отнести мои статуэтки на пьедесталъ, уже совершенно оконченный, и прикрѣпилъ ихъ къ нему какъ слѣдуетъ свинцомъ. Герцогиня узнавши объ этомъ разгнѣвалась такъ сильно, что мнѣ было бы плохо еслибы не вступился за меня герцогъ. Послѣ этого случая герцогиня начала дѣйствовать противъ меня такъ ловко, что герцогъ пересталъ принимать участіе въ моей работѣ, и мнѣ по прежнему стало трудно проникать во дворецъ.

Герцогъ, услышавши, что мой Персей почти оконченъ, пришелъ посмотреть его. Изъявивши свое удовольствіе, онъ сказалъ, обращаясь къ сопровождавшимъ его господамъ: «Эта статуя кажется мнѣ прекрасна, но надо, чтобы она понравилась и народу; прежде нежели ты сдѣлаешь послѣдній ударъ рѣзцомъ, мнѣ хотѣлось бы, Бенвенуто, чтобы ты раскрылъ ее на полдня со стороны площади. Послушаемъ, что скажетъ публика. Здѣсь, въ тѣснотѣ, она конечно произведетъ не то впечатлѣніе, что на свободѣ, открытая со всѣхъ сторонъ, все таки сдѣлай это изъ любви ко мнѣ». — «Въ послѣднемъ случаѣ, ваша свѣ-

ждость, отдавала я, она наивно кажется въ-дальше. Помните, вы видели ее въ просторномъ саду моего дома? Давидъ Бандиелли, не смотря на его скверный нравъ, не могъ не похвалить ее, — онъ, который никогда никого не хвалитъ! А вы дозрете ему, ваша свѣтлость, кажется слишкомъ много». — Герцогъ сдѣлалъ недовольную мину, но впрочемъ сказалъ мнѣ довольно ласково: «сдѣлай это, Бенвенуто, единственно для меня».

По уходѣ герцога я велѣлъ открыть статую. Кое-гдѣ не доставало еще позолоты, политуры и другихъ необходимыхъ мелочей, — я проклялъ день возвращенія моего во Флоренцію. Я видѣлъ ясно, что потерялъ я, оставивши Францію, а что выиграю я у герцога, это было для меня еще загадкою.

На другой день я раскрылъ моего Персея, и въ ту же минуту въ народѣ раздался говоръ одобренія. Это меня нѣсколько утѣшило. Толпа тѣснилась у дверей, которыя я украшалъ занавѣсомъ, и болѣе двадцати советовъ въ похвалу моей статуи были прибиты у входа. Когда статуя опять была закрыта, не прошло ни одного дня, чтобы профессоры и студенты Пизанскаго университета не привѣщивали къ ней множества советовъ и латинскихъ и греческихъ стиховъ. Но больше всего льстили мнѣ отзывы художниковъ: живописцы и скульпторы наперерывъ хваливали мое твореніе, и это пробудило во мнѣ надежду, что герцогъ отдастъ мнѣ справедливость. Я гордился похвалами искусства живописца Джаккопо де Понтормо, и еще больше похвалами знаменитаго ученика его Бронзино.

Не смотря на лестные отзывы нашей знаменитой школы, герцогъ сказалъ однакоже: «я очень радъ за Бенвенуто: эти похвалы заставляютъ его работать послѣднѣе и съ большимъ стараніемъ, но пусть онъ не думаетъ, что статуя его возбудитъ такой же восторгъ, когда будетъ совершенно раскрыта, т. е. когда ее можно будетъ разсматривать со всѣхъ сторонъ. Ни одна ошибка не ускользнетъ тогда отъ глазъ наблюдателей; откроютъ даже и такія, которыхъ вовсе не существуетъ. Пусть же запасется онъ терпѣніемъ». — Герцогъ говорилъ это со словъ Бандиелли, который, въ подтвержденіе своего мнѣнія, указывалъ на твореніе Андрея дель Вероккио — прекраснаго Христа и Св. Фому изъ бронзы, украшающихъ фасадъ Орсаиникеле. Бандиелли упоминалъ и о многихъ другихъ статуяхъ, даже о Давидѣ божественнаго Микель-Анджело, говоря, что онъ хорошъ только съ лица. Потомъ заговорилъ о своей группѣ Геркулеса и Какуса, браня утѣсив-

шихъ ее писквильными советами. Герцогъ доверялъ ему въ высшей степени, и думалъ, что все сбудется, какъ предсказываетъ ему этотъ завистникъ.

Наконецъ, благодаря Бога, я совершенно окончилъ мою статую, и открылъ ее, въ четвергъ утрѣмъ, для взоровъ всей публики. Было еще довольно рано, а вокругъ Персея толпилось уже невѣроятное множество любознательныхъ, и всѣ хвалили его въ одинъ голосъ. Герцогъ, спрятавшись за низенькимъ окномъ надъ входомъ во дворецъ, могъ слышать все, что говорили въ народѣ. Онъ наблюдалъ нѣсколько часовъ сряду, и ушелъ потомъ, довольный до такой степени, что сказалъ Сфорцѣ: «ступай къ Бенвенуто, и скажи ему отъ моего имени, что я доволенъ свыше ожиданія. Прибавь, что я готовлю ему награду, которая его удивитъ, и чтобы онъ, слѣдовательно, не беспокоился».

Въ числѣ зрителей были два дворянина, присланные къ герцогу вице-королемъ сицилійскимъ для окончанія какихъ-то дѣлъ. Имъ указали меня, когда я проходилъ по площади; они тотчасъ же подошли ко мнѣ и произнесли, съ обнаженной головою, рѣчь, которая была бы слишкомъ лестна даже и для папы. Какъ я ни скромничалъ, они продолжали разсыпаться въ комплиментахъ такъ что я принужденъ былъ попросить ихъ уйти со мною съ площади, ибо народъ начиналъ уже обращать на меня больше вниманія, нежели на моего Персея. Эти господа предложили мнѣ отправиться съ ними въ Сицилію. Они сказали, что я останусь ими доволенъ, что они обогатили уже Фра Джіовананоло, сдѣлавшаго для нихъ только фонтанъ, украшенный статуями, далеко не такой прекрасный, какъ мой Персей. Я отвѣчалъ имъ: «мнѣ очень странно слышать въ сердцѣ моего отечества, этой школы всѣхъ искусствъ, предложеніе оставить службу великодушнѣйшаго изъ покровителей искусствъ. Еслибы я имѣлъ въ виду деньги, я остался бы во Франціи, при дворѣ Франциска I, который давалъ мнѣ по тысячѣ скуди въ годъ и кромѣ того платилъ за всѣ мои произведенія, такъ что я пріобрѣталъ ежегодно больше 4000 скуди золотомъ. Но я оставилъ Парижъ, и отказался отъ платы за четырехлѣтніе труды».

Я поблагодарилъ ихъ за лестные о моемъ талантѣ отзывы, сказалъ, что художнику, не надо лучшей награды, и что черезъ нѣсколько лѣтъ я надѣюсь окончить твореніе, которое поправится знаменитой школою еще больше Персея. Такъ мы расстались.

Черезъ два дни, слыша, что статуя моя дѣлать все больше и больше, рѣшился я представиться герцогу. — «Бенвенуто, сказалъ онъ мнѣ чрезвычайно ласково, я тобою доволенъ, и въ свою очередь даю слово порадовать тебя сверхъ ожиданія, и притомъ завтра же». — Я подошелъ къ герцогу, поцаловалъ полу его одежды, и сказалъ со слезами радости на глазахъ: «государь! великодушный покровитель искусства и художниковъ! Дайте мнѣ отпустить на восемь дней, которые я намѣренъ посвятить на благодареніе Богу, укрѣпшащему меня на тяжкій трудъ. Восемь дней проведу я благочестивому странствованію, въ свидѣтельство моей благодарности къ Тому, Который не оставляетъ молящихся ему отъ всего сердца» — Герцогъ спросилъ, куда я намѣренъ идти. — «Завтра утромъ, отившая я, пойду я въ Валломброзу, оттуда въ Камальдоли и въ Эрмо, а потомъ въ Баньо-ди-Санта-Марія, и можетъ быть въ Сестиле, потому-что тамъ, какъ слышно, есть прекрасныя древности. Оттуда я возвращуеъ къ вашей свѣтлости черезъ Санъ-Франческо-дела-Вернія». — Ступай, я согласенъ, сказалъ герцогъ; только напиши мнѣ прежде двустинію; объ остаткомъ же не заботься». — Я тотчасъ же написалъ четыре стиха, и вручилъ ихъ Сфорцъ для передачи герцогу.

XVI.

Я вышелъ изъ Флоренціи, пѣвая псалмы и гимны во славу Божию, что и продолжалъ дѣлать во все время моего странствованія. Было прекрасное лѣтнее время, и я наслаждался живописными видами страны, совершенно мнѣ неизвѣстной. Я взялъ въ проводники одного изъ моихъ работниковъ, Чезаре, молодого человека, родомъ изъ Баньо. Отецъ его и все семейство приняли меня очень радушно. Дядя его, почтенный старикъ лѣтъ семидесяти слишкомъ, былъ медикъ, и занимался между прочимъ и алхіміей. Онъ показалъ мнѣ золотые и серебряные рудники близъ Баньо, и множество другихъ достопримѣчательностей. Познакомившись со мною покороче, онъ сказалъ мнѣ однажды: «я хочу сообщить вамъ одно замѣчаніе, кажется не бесполезное: близъ Камальдоли есть ущелье, такъ мало защищенное, что Піетро Строцци не только можетъ проникнуть въ него безъ надѣйшей опасности, но и преспокойно овладѣть Поппою». — Старикъ не ограничился словами: онъ досталъ начерченный мнѣ планъ окрестностей, на которомъ очень ясно было видно, что тѣснина эта

представляет свободный доступъ. Я началъ этотъ путь и поспѣшилъ съ нимъ какъ можно скорѣе во Флоренцію. Едва аббатства встрѣтилъ я герцога. Онъ, казалось, обрадовался и удивился, увидѣвши меня въ городѣ. «Что это?» сказалъ онъ. Я ждалъ тебя не раньше недѣли; отчего ты воротился такъ скоро?». — «Для службы вашей свѣтлости, отвѣчалъ я». — «Ну, что новаго?» продолжалъ онъ. — «Синьоръ, я имѣю сообщить вамъ вещи чрезвычайно важныя». — Онъ увелъ меня во дворцы и заперся наединѣ со мною. Я рассказалъ, въ чемъ дѣло, и показавъ ему планъ. Онъ, казалось, рассматривалъ его съ большимъ вниманіемъ. Я сказалъ, что надо немедленно распорядиться защитою ущелья, но герцогъ, после минутнаго колебанія, отвѣчалъ мнѣ: «Знай, что я сдѣлалъ на счетъ этого уложивъ съ герцогомъ Урбинскимъ; онъ будетъ принимать за этия мѣстома; по крайней это въ тайнѣ». — Онъ осыпалъ меня ласками, и я ушелъ домой.

На слѣдующій день я опять явился къ герцогу. Онъ свидѣлъ мнѣ очень весело: «завтра, непременно, я покончу твое дѣло; будь спокоенъ». — Я вѣрилъ его слову и ждалъ слѣдующаго дня съ нетерпѣніемъ. День этотъ насталъ, и я отправился во дворцы; но дурныя вѣсти узнаешь всегда скорѣе хорошихъ: Джакомо Гвиди, секретарь герцога, подозвалъ меня къ себѣ, и гордо вытянувшись во весь ростъ, сказалъ мнѣ: «герцогу угодно узнать, сколько требуешь ты за своего Персея». — Это меня поразило; однако же я отвѣчалъ ему не запнувшись, что не имѣю привычки назначать цѣну своимъ произведеніямъ, и что два дня тому назадъ герцогъ общалъ мнѣ со всѣмъ не то. Секретарь, еще болѣе возвысивъ голосъ, приказалъ мнѣ именемъ герцога, и подъ обаяніемъ заслужить немилость его свѣтлости, объявить, сколько я требую за мою статую. Обласканный герцогомъ, я ожидалъ, что онъ не только вознаградитъ меня за трудъ, но будетъ ко мнѣ вообще милостивъ; такой запросъ взбѣсилъ меня, и я отвѣчалъ этой ловитой жабы, секретарю: «Если герцогъ дастъ мнѣ десять тысячъ скуди, такъ и этого будетъ мало; еслибы я зналъ, что такая ждетъ меня награда, никогда не согласился бы я служить его свѣтлости». — Гвиди наговорилъ мнѣ множество дерзостей, которыя и возвратилъ ему съ лихвою.

На другой день, когда я былъ во дворцѣ, герцогъ подозвалъ меня знакомъ къ себѣ. Я подошелъ. — «Знаешь ли ты, сказалъ онъ мнѣ сердито, что за десять тысячъ скуди можно поотратить городъ или дворецъ?» — «Или и сама свѣтлость, отвѣчалъ я; дай-

дате безчисленное множество людей, способных построить вамъ дворецъ или дворецъ; но сдѣлать такого Персея, какъ мой, не можетъ никто въ мірѣ. — И съ этими словами я ушелъ.

Черезъ нѣсколько дней герцогиня предложила мнѣ свое посредничество. Я отвѣчалъ, что въ награду моихъ трудовъ желалъ только благорасположенія герцога, и что следовательно не для чего мнѣ скоро обращаться къ милости ихъ свѣтлости. Я прибавилъ, что былъ бы доволенъ грошею, еслибы только не лишился благосклонности герцога. — «Бенвенуто, возразила герцогиня, съ легкой улыбкою, советую тебѣ принять мое предложеніе». — Съ этими словами она отворотилась и вышла. Я думалъ, что выражаясь какъ можно почтительнѣе, дамъ дѣлу хорошій оборотъ, но вышло совсѣмъ другое; герцогиня была добра, и несмотря на нелюбовь свою ко мнѣ, приняла бы на себя роль великодушной заступницы.

Я былъ тогда въ короткихъ связяхъ съ Джироламо дель Альбини, комиссаромъ милиціи его свѣтлости. «Бенвенуто, сказалъ онъ мнѣ однажды, не бѣшало бы тебѣ помириться съ герцогомъ? Если ты мнѣ доверяешь, я могъ бы покончить это дѣло. Герцогъ начинаетъ сердиться серьезно, и тебѣ будетъ худо. Больше я не могу тебѣ сказать». — Я отвѣчалъ Джироламо дель Альбини, что предоставляю ему распорядиться въ этомъ дѣлѣ по своему усмотрѣнію, лишь бы только не лишился мнѣ милости герцога. Джироламо былъ превосходный офицеръ, но человѣкъ безъ всякаго вкуса, профанъ въ искусствѣ.

«Синьоръ, сказалъ онъ герцогу, Бенвенуто предоставилъ мнѣ полномочіе объ его дѣлѣ и просилъ замолвить вамъ о немъ словечко». — «Я согласенъ признать васъ судьей въ этомъ дѣлѣ и заранѣе подчиняюсь вашему рѣшенію, отвѣчалъ герцогъ. — Джироламо составилъ ловкую записку, въ которой выхвалялъ мои дарованія и заслуги, опредѣлялъ мнѣ только 3500 скуди золотомъ въ видѣ слабого вознагражденія за трудъ. Онъ прибавилъ, что я доволенъ этою суммой. — Герцогъ, къ великой моей досадѣ, подписалъ эту бумагу съ большимъ удовольствіемъ, и приказалъ выплачивать мнѣ по сту скуди въ мѣсяцъ, до полной уплаты. Антонио де Небли, которому поручено было производить и выдачу, платилъ мнѣ нѣсколько мѣсяцевъ сразу аккуратно, потомъ началъ давать только по пятидесяти скуди, потомъ по двадцати пяти, и наконецъ вовсе ничего не давалъ. Я спросилъ его учтиво о причинѣ такой неаккуратности. Сначала онъ убѣждалъ меня, что

во дворцѣ не достаетъ денегъ, и что при первомъ полученіи онъ меня не забудетъ. Я повѣрилъ было его словамъ, но были только слова. Замѣтивъ, что онъ меня дурачить, я наговорилъ ему много непріятнаго. Между тѣмъ, онъ умеръ, и теперь, къ концу 1566 года, мнѣ должны еще 500 скуди золотомъ. Кромѣ того мнѣ слѣдовало получить еще часть моего жалованья, на которое я пересталъ уже и рассчитывать; но герцогъ, впадши въ тяжкую болѣзнь, и видя, что медики не въ состояніи помочь ему, обратился къ Богу, и приказалъ выплатить всѣмъ задержанное жалованье. Я получилъ его, наравнѣ съ прочими, но остатокъ суммы назначенной за Персея, пропалъ.

Я почти рѣшился не упоминать больше объ этой несчастной статуѣ; но одно замѣчательное обстоятельство, о которомъ я нехочу умолчать, заставляетъ меня сказать о ней еще нѣсколько словъ. Я долженъ возвратиться въ разсказъ нѣсколько назадъ.

Когда я отвѣчалъ герцогинѣ, что буду доволенъ всѣмъ, что ни дастъ мнѣ герцогъ, я думалъ заслужить этимъ отвѣтомъ благосклонность его свѣтлости и разсѣять гнѣвъ, павшій на меня за нѣсколько дней передъ рѣшеніемъ Альбици, по поводу жалобы моей на грабительство Альфонса Квистелло, Джакомо Польверино, и въ особенности Джіованбаттиста Бандини. Я выразился горячо, и это раздражило герцога до невѣроятной степени. — «Это дѣло, воскликнулъ онъ съ яростью, похоже на дѣло Персея, за котораго ты требовалъ десять тысячъ скуди. Тебя ослѣпляетъ сребролюбіе. Но я велю оцѣнить твою статую и заплачу тебѣ по оцѣнкѣ». — «Можно ли оцѣнить ее, отвѣчалъ я, когда ни одинъ человекъ во Флоренціи не въ состояніи изваять такой статуи!» — При этихъ словахъ гнѣвъ его удвоился, и между прочимъ онъ сказалъ мнѣ: «а я такъ знаю во Флоренціи человека, который въ состояніи сдѣлать такую статую, и который слѣдовательно можетъ оцѣнить твое произведеніе». — Онъ говорилъ о Бандинелли. — «Синьоръ, отвѣчалъ я ему, вы дали мнѣ возможность исполнить великій трудъ, который заслужилъ безпримѣрное удивленіе нашей школы. Всего лестнѣе для меня похвалы избранныхъ художниковъ, каковъ Бронзино. Онъ сочинилъ въ мою честь четыре сонета, и весь городъ хвалилъ мое произведеніе можетъ быть съ голоса этого артиста. Признаюсь даже, что еслибы Бронзино занимался скульптурой какъ живописью, то можетъ статься изваялъ бы Персея не хуже моего. Учитель мой, Микель-Анджело Буонарротти, могъ бы, безспорно, въ молодости своей, создать та-

кую же статую, хотя и не съ меньшимъ трудомъ. Но теперь, удрученный старостью, онъ не осмѣлѣлъ бы такого предпринятія. Я не безъ основанія смѣю думать, что теперь въ цѣломъ мнрѣ нѣтъ человѣка, способнаго создать что нибудь подобное. Трудъ мой заслужилъ лучшую награду, какой я только могъ желать: ваша свѣтлость хвалили статую больше, нежели кто нибудь. Можно ли желать вознагражденія больше? Я вознагражденъ вполнѣ, и благодарю вашу свѣтлость отъ всего сердца»: — «Можетъ быть ты думаешь, что мнѣ нечѣмъ заплатить тебѣ за твою статую? Такъ знай же, что я заплачу тебѣ больше, нежели она стоитъ» — Я ожидалъ такой награды отъ вашей свѣтлости отъвѣчалъ я; но съ меня слишкомъ довольно уже похвалъ нашей школы; — я рѣшился уѣхать и никогда больше не возвращаться ни во Флоренцію, ни въ подаренный вами домъ»: — Мы были въ это время близъ Санта Феличита, и герцогъ шелъ домой. — «Нѣтъ, не уѣзжай», сказалъ герцогъ такъ грозно, что я испугался и пошелъ за нимъ во дворецъ. Пришедши домой, герцогъ велѣлъ позвать пизайскаго архіепископа, Бартолини и Пандольфо делья Стуфа. Онъ приказалъ имъ сказать Баччіо Бандинелли отъ его имени, чтобы онъ хорошенько разсмотрѣлъ и оцѣнилъ Персея, потому-что онъ, герцогъ, хочетъ заплатить за него настоящую цѣну. Баччіо отъвѣчалъ мнѣ, что онъ очень хорошо знаетъ цѣну моему произведенію, но что будучи со мною въ дурныхъ отношеніяхъ, не хочетъ вышниваться въ мои дѣла. Посланные однакоже продолжали требовать положительнаго отвѣта, и Баччіо отъвѣчалъ, что моя статуя стоитъ, по его мнѣнію, тысячь шестнадцать скуди золотомъ, и даже больше. Посланные немедленно передали этотъ отвѣтъ герцогу. Это его разсердило. Что касается до меня, то, услышавши отвѣтъ Бандинелли, я сказалъ, что не принимаю похвалъ его, «потому-что этотъ злой человѣкъ ни о комъ не отзывался хорошо!» — Когда эти слова были пересказаны герцогу, герцогиня предложила мнѣ свое посредничество. И лучше бы было принять его: мнѣ заплатили бы скорѣе и больше.

Герцогъ поручилъ Леліо Торелло сказать мнѣ, что онъ желаетъ, чтобы я украсилъ бронзовыми барельефами балюстраду вокругъ алтаря въ Санта-Марія дель-Фіоре. Эту балюстраду строилъ Бандинелли и я не хотѣлъ украшать его плохого произведенія, котораго даже и планъ принадлежалъ не ему, потому-что онъ ровно ничего не смыслилъ въ архитектурѣ. Чертежъ набросалъ для него Джуліано, сынъ Баччіо д'Аньоло. Балюстрада не

опытатель не одних доводившихъ до я, рѣшился не касаться ея, вслѣдъ впрочемъ сказать герцогу, что готовъ исполнить всё его приказанія. Герцогъ поручилъ церковнымъ старостамъ Санта-Марія-дель-Фіоре уладиться со мною на счетъ работъ; онъ обѣщалъ давать мнѣ по 200 скуди въ годъ, а остальные издержки чтобы уплачивались изъ церковной суммы. Я пришелъ къ старостамъ, и объяснилъ имъ, что столько бронзовыхъ барельефовъ будутъ стоить огромной суммы, и что эта сумма будетъ брошена по пустякамъ: я показавъ имъ всѣ недостатки балюстрады, и замѣтилъ что барельефы будутъ такъ дико, что ихъ и не размотришь. — «Но я все-таки желалъ бы употребить остатокъ лучшей поры моей жизни на службу его свѣтлости, прибавилъ я; пусть онъ позволитъ мнѣ сдѣлать среднюю дверь въ Санта-Марія-дель-Фіоре. Это произведеніе будетъ по крайней мѣрѣ видно, и прославитъ герцога. Я же готовъ обязатся контрактомъ, что не возьму ни копейки, если эта дверь не окажется лучше самой лучшей двери въ Санъ Джіованни. Согласенъ даже, чтобы трудъ мой подвергся оцѣнкѣ и заплатили мнѣ тысячу скуди меньше противъ того, во что оцѣнятъ его художники.

Это предложеніе очень понравилось старостамъ. Они поручили Піетро Сандриати доложить объ этомъ герцогу. Они думали, что проектъ ему понравится, но вышло иначе. Герцогъ отвѣчалъ, что я вѣчно дочу дѣлать все наперекоръ ему, и Піетро долженъ былъ удалиться ничего не порѣшивши. Узнавши объ этомъ, я отправился къ герцогу. Онъ принялъ меня довольно сурово, но уважилъ мою просьбу и позволилъ мнѣ говорить. Я изложилъ ему дѣло такъ ясно и доказательно, что онъ дѣйствительно увидѣлъ бесполезность траты на барельефы. Наконецъ мнѣ удалось примирить его предложеніемъ воздвигнуть въ этой же церкви двѣ необходимыя каюды; я замѣтилъ, что такъ-какъ два такихъ значительныхъ памятника умножатъ его славу, то я покрою ихъ бронзовыми барельефами и множествомъ украшеній. Лицо герцога прояснилось, и онъ приказалъ мнѣ немедленно заняться моделими. Модели стоили мнѣ много труда; я сдѣлалъ ихъ нѣсколько, и въ томъ числѣ одну, восьмигранную, отдѣлалъ съ особеннымъ стараніемъ. Эта модель была, по моему, лучше всѣхъ. Я нѣсколько разъ приносилъ мен модели во дворецъ, но не могъ добиться свиданія съ герцогомъ; наконецъ онъ приказалъ мнѣ сказать черезъ Чезари, чтобы я дѣлъ оставилъ во дворцѣ, а потому, разсмотрѣвши ихъ, выбралъ самую дурную. Однажды, будучи къ дому

привезти, я старался доказать ему превосходство восьмигранной модели, но онъ отвѣчалъ, что четырехъ-угольная нравится ему больше.

XVII.

Около этого времени привезли огромный кусокъ мрамору, изъ котораго изсѣченъ Нептунъ. Я измѣрилъ его во всѣхъ направленіяхъ и тотчасъ же сдѣлалъ нѣсколько моделей, хотя и зная, что, благодаря покровительству герцогини, этотъ мраморъ былъ назначенъ для Бандинелли. Мною руководила не зависть къ этому человѣку, но сожалѣніе къ мрамору.

Окончивши мои модели, я отправился въ Поджіо-а-Кайано, гдѣ находились тогда герцогъ, герцогиня и сынъ ихъ. Я засталъ ихъ за столомъ. Герцогъ и герцогиня обѣдали отдѣльно, такъ что я могъ говорить наединѣ съ принцемъ. Герцогъ, услышавши мой голосъ изъ другой комнаты, велѣлъ позвать меня. Герцогиня встрѣтила меня очень ласково. Мало по малу навелъ я разговоръ на новопривезенный мраморъ, и замѣтилъ, между прочимъ, что школа наша достигла такой славы оттого, что встарину художникамъ давали возможность состязаться въ искусствѣ, объявляли конкурсъ. — Герцогиня прервала меня раздраженнымъ голосомъ: «я знаю, къ чему ведетъ эта рѣчь, сказала она; и запрещаю тебѣ говорить при мнѣ объ этомъ мраморѣ. — Итакъ, я заслуживаю гнѣвъ вашихъ, защищая ваши интересы? отвѣчалъ я. Вы положили отдать этотъ мраморъ Бандинелли; но если вы позволите всѣмъ артистамъ дѣлать модели Нептуна, не заставитъ ли это Баччіо употребить всѣ усилія, и сдѣлать то, чего онъ не сдѣлалъ бы, можетъ статься, безъ соперничества? — Герцогиня отвѣчала мнѣ, что я ей надоѣлъ, и что мраморъ будетъ отданъ Бандинелли. — «Спроси герцога, прибавила она; онъ тогоже мнѣнія». — Но я изложилъ герцогу выгоды конкурса такъ ясно, что онъ всталъ изъ-за стола съ словами: «сдѣлай же модель, Бенвенуто, и завоюй себѣ этотъ мраморъ; доводы твои справедливы».

Возвратясь во Флоренцію, герцогъ осмотрѣлъ мои модели, и нашелъ, что они лучше моделей Бандинелли и другихъ художниковъ. Кардиналъ Санта-Фіоре, пріѣхавшій сюда изъ Рима, видѣлъ проѣздомъ этотъ мраморъ, и спросилъ у герцога: кому онъ назначенъ? — «Моему Бенвенуто, отвѣчалъ ему герцогъ: онъ сдѣлалъ превосходную модель».

Эти слова были мнѣ переданы людьми, которымъ можно по-

взрѣть; основываясь на этомъ извѣстїи, рѣшился я пойти къ герцогинѣ и поднести ей нѣсколько бездѣлушекъ моей работы. Она приняла ихъ и спросила, чѣмъ я теперь занятъ? — «Снѣгера, отвѣчалъ я, я работаю надъ произведеніемъ чрезвычайно важнымъ; это будетъ Христосъ, въ натуральную величину, изваянный изъ бѣлаго мрамора, и распятый на крестѣ изъ чернаго мрамора». — Герцогиня пожелала узнать, чтѣ я намѣренъ дѣлать съ этимъ произведеніемъ, и я сказалъ ей: «я не отдалъ бы этого распятія даже за двѣ тысячи червонцевъ, и никогда не согласился бы дѣлать его по заказу какого нибудь государя, опасаясь неудачнаго выполненія. Я купилъ мраморъ на собственные деньги, два года занималъ работника, такъ что это распятіе обходится мнѣ больше 300 скуди, — а я все-таки не отдалъ бы его и за 2000 червонцевъ. Но я охотно принесу его въ даръ вашей свѣтлости, если вы согласитесь не принимать ни чьей стороны въ конкурсѣ объявленномъ его свѣтлостью для статуи Нептуна». — Такъ ты значить ставишь мое покровительство ни до что? спросила герцогиня. — «Напротивъ того, снѣгера, отвѣчалъ я; иначе зачѣмъ бы дарить мнѣ вамъ произведеніе, стоящее больше 2000 червонцевъ? — Герцогиня встала разсерженная, а я ушелъ заняться моею моделью.

Нѣсколько недѣль спустя умеръ Бандинелли, какъ говорятъ, отъ безпорядочной жизни и съ горя, что привезенный мраморъ достанется, но всей вѣроятности, не ему. Зависть была въ этомъ человѣкѣ такъ велика, что, услышавши о моемъ распятіи, онъ поспѣшилъ изваять успѣшаго Христа, который находится теперь въ церкви Благовѣщенія. — Я отдалъ мое распятіе, церкви Санта-Марія-Новелла, вблизи уже необходимые для его поддержки гвозди, и попросилъ, чтобы меня позволено было похоронить подъ этимъ распятіемъ; это была единственная награда, какую я желалъ получить за него, но мнѣ отвѣчали, что этого нельзя сдѣлать безъ разрѣшенія старостъ. Я же не захотѣлъ, вслѣдствіе этого, подарить моего Христа церкви Санта-Марія-Новелла, и обратился къ причту церкви Благовѣщенія съ предложеніемъ взять распятіе на тѣхъ же условіяхъ. Они согласились дать мнѣ мѣсто для моей гробницы.

Герцогиня сказала, что если она защищала Бандинелли при жизни, то не забудетъ его и послѣ смерти, и что я могу быть увѣренъ, что мраморъ достанется не мнѣ. — «Несчастный мраморъ! сказалъ я, худо было бы тебѣ въ рукахъ Бандинелли, но

еще хуже будетъ въ рукахъ Амманато!» — Вирфчезъ, герцогъ приказалъ мнѣ сдѣлать модель изъ глинны, въ размѣрахъ будущей статуи. Въ то же время сдѣлали модели: Фіаминго, Винченціо Данти, сынъ Москкино и Бартоломео Амманато.

Около этого времени, Богу, защитнику вѣрующихъ, угодно было свести меня съ однимъ разбойникомъ изъ Вискіо, Пьермаріе д'Антерголи, по прозванію Сбіетта. Однажды онъ явился ко мнѣ, и я принялъ его какъ близкаго родственника врача Гвидо Гвиди. Онъ предложилъ мнѣ кушать у него въ пожизненное владѣніе ферму. Мнѣ хотѣлось поскорѣе окончить модель Нептуна, и нѣкогда было осматривать эту ферму. Впрочемъ, осмотръ былъ безполезенъ, потому что Сбіетта продавалъ мнѣ собственные доходы съ своей земли, и далъ мнѣ записку съ означеніемъ, сколько получается съ нея хлѣба, вина, масла, овса, капиталовъ и прочаго. Разсчитавши, что все это, по тогдашнимъ цѣнамъ, стоило гораздо больше ста скуди золотомъ, я купилъ аренду за 650 скуди; онъ же далъ мнѣ письменное ручательство во ста скуди ежегоднаго дохода въ продолженіе всей моей жизни. По этому я не считалъ нужнымъ осматривать ферму, а справился только доводно ли богаты Сбіетта и братъ его, священникъ Филиппо, и можно ли на нихъ положиться. Многие, знавшіе ихъ, увѣрили меня, что я могу быть совершенно спокоенъ. Мы призвали нотариуса Бертольди, и я вручилъ ему ручательство Сбіетты, полагая, что оно должно быть включено въ контрактъ. Но во время составленія контракта, Сбіетта умѣлъ заговорить нотариуса, такъ что онъ забылъ упомянуть въ бумагѣ объ этомъ ручательствѣ. Когда мы подписали контрактъ, Сбіетта рассыпался передо мною въ утѣвостяхъ, и потомъ безпрестанно дѣлалъ мнѣ подарки, такъ что мнѣ стало даже наконецъ совѣстно принимать ихъ.

За то я не позволялъ ему останавливаться въ гостинницѣ; часто я принималъ у себя даже пріѣзжавшихъ съ нимъ родственниковъ. Однажды онъ сказалъ мнѣ шутя: «Какъ вамъ не стыдно? купили ферму и не рѣшитесь пожертвовать тремя днями, чтобы пріѣхать посмотреть ее!» Словомъ, онъ уговорилъ меня, и я поѣхалъ къ нему. Онъ и жена его приняли меня какъ герцога. Эти отношенія продолжались между нами до тѣхъ поръ, пока все было готово для исполненія заговора, составленнаго противъ меня Сбіеттою и Филиппомъ. — Я между тѣмъ продолжалъ трудиться надъ моделью Нептуна, и, будучи увѣренъ, что мраморъ доста-

нется не мнѣ, хотѣлъ выставить модель на площади единственно для своего собственнаго удовольствія.

Однажды въ среду меня уговорили воспользоваться прекрасною погодою, и съѣздить изъ моей Треспианской виллы въ Виккіо. Позавтракавши, я отправился, и былъ встрѣченъ въ Виккіо Филиппомъ, который, по видимому, зналъ, что я пріѣду. Онъ принялъ меня чрезвычайно ласково и проводилъ къ Сбьеттъ. Сбьетты не было дома, но безстыдная жена его осыпала меня ласками. Вечеру мы весело поужинали; потомъ мнѣ отвели прекрасную комнату, гдѣ я уснулъ на мягкой постелѣ. Двухъ слугъ моихъ тоже хорошо угостили. Я отправился осматривать мою ферму и остался ею очень доволенъ. Мнѣ отиѣряли извѣстное количество пшеницы, и Филиппо сказалъ мнѣ на возвратномъ пути: «не безпокойтесь, Бенвенуто, что нашли не все, что было обѣщано: мы васъ не обочтемъ, вы имѣете дѣло съ честными людьми. Мызникъ нашъ—мошенникъ, да мы его смѣнили.» — А мызникъ этотъ, Маріано Розельи, не разъ говорилъ мнѣ: «Смотрите, берегитесь. Вы скоро увидите, кто настоящій мошенникъ.» — и онъ покачивалъ при этихъ словахъ головою и улыбался такъ лукаво, какъ будто хотѣлъ сказать: «постой, ты самъ увидишь, что это за люди». Эти отзывы не обѣщали ничего добраго, но все-таки я не ожидалъ того, что случилось. Возвращаясь съ моей фермы, я встрѣтилъ Филиппо. Мы позавтракали, и я отправился погулять въ Виккіо. Вскорѣ я замѣтилъ, что всѣ бывшіе на рынкѣ люди смотрятъ на меня съ какимъ-то любопытствомъ; пристальнѣе всѣхъ глядѣлъ одинъ добрякъ, старинный житель мѣстечка, мой постоялецъ. — Я не вытерпѣлъ, и спросилъ его, что значатъ его пристальные взоры?» — «Извольте, я вамъ скажу, отвѣчалъ онъ, только дайте мнѣ честное слово, хранить это въ тайнѣ». — Я обѣщалъ. — «Знайте же, продолжалъ онъ, что Филиппо рассказывалъ недавно о ловкости своего брата, который продалъ будто бы свою ферму въ пожизненное владѣніе старикѣ, который не доживетъ и года. Вы связались съ негодяише; постарайтесь же прожить какъ можно дольше, и будьте осторожны. Это не пустое предостереженіе. Больше я не скажу вамъ ничего».

На рынкѣ встрѣтилъ я Джіованбаттиста Сантини, и насъ пригласили ужинать къ Филиппо. За столъ сѣли около 20-го часа, потому-что я въ тотъ же вечеръ хотѣлъ возвратиться въ Треспиано. Ужинъ приготовили, слѣдовательно, на скоро; жена Сбьет-

ты и въ особенноти нѣкто Чеккино Бути, много суетались. Когда мы сѣли за столъ, проклятый Филиппо сказалъ: «вы меня извините, — я не могу ужинать съ вами, потому-что долженъ отлучиться по важному дѣлу, вмѣсто брата Сбиетты». — Мы никакъ не могли уговорить его остаться. Послѣ салада, поданнаго въ обыкновенномъ салатникѣ, передъ каждымъ изъ насъ поставили по тарелкѣ вареной говядины. Салтиня, сидѣвшій противъ меня, замѣтилъ: «васъ угощаютъ не изъ такой посуды, какъ насъ, видѣли ли вы когда нибудь такія прекрасныя тарелки?» — Жена Сбиетты и Чеккино Бути безпрестанно между тѣмъ то выбѣгали, то возвращались. Но наконецъ я упрямилъ ее сѣсть за столъ. — «Вы кушаете такъ мало, сказала она; ужинъ вашъ не по вкусу». — Я увѣрялъ ее, что напротивъ того, очень по вкусу, только я емъ. Никогда не отгадалъ бы я, зачѣмъ она такъ упрямилась меня ѣсть. Мы встали изъ-за стола около 21-го часа. Я прѣстился и поѣхалъ въ Тресциано.

Не поѣхавъ я и трехъ миль, какъ вдругъ почувствовалъ страшную боль въ животѣ. Каждая минута казалась мнѣ вѣкомъ, пока я не доѣхалъ домой. Я легъ, но во всю ночь не могъ сомкнуть глазъ. Тогда мнѣ пришло въ голову что я должно быть съѣлъ что нибудь ядовитое; я вспомнилъ, что жена Сбиетты угощала меня не съ такихъ тарелокъ какъ прочіихъ гостей, и что Филиппо, осыпавшій меня вѣжливостями при встрѣчѣ, отказался поужинать вмѣстѣ съ нами. Я вспомнилъ также и слова Филиппо, что «купившій у брата его ферму не живетъ и года». Изъ всего этого, и по признакамъ моей болѣзни я заключилъ, что меня угощали сулиной. Къ счастью, я ѣлъ говядину обыкновенно безъ великой подливы, просто съ солью, и на этотъ разъ взялъ очень не много соуса, въ который, безъ всякаго сомнѣнія, была подмѣшана сулина.

Не смотря на все это, я продолжалъ заниматься моделью Нептуна; черезъ нѣсколько дней мои страданія усилились однакоже до такой степени, что я принужденъ былъ лечь. Едва только узнала объ этомъ герцогиня, какъ приказала предсудить несчастный мраморъ, безъ кожурса, Бартоломео Анканато.

Пріемъ яда былъ однакоже не великъ, и не могъ ослабить моего крѣпкаго сложенія. Меня лечилъ Франческо де Монтеварки и Габриелло де Пелли; леченіе продолжалось полгода и я не могъ оправиться совершенно даже за цѣлый годъ.

XVIII.

Прешло болѣе года со времени покупки формы у Сбиетты. Видя, что она не приноситъ и половины того дохода, какой мнѣ обещали, я обратилась съ жалобою въ судъ, и представила, въ подтвержденіе справедливости моихъ требований, контрактъ и собственноручную записку Сбиетты, которую онъ обезпечивалъ мнѣ опредѣленный доходъ. Судьи эти были Альфонсо Кастелли, Аверардо Серристорн, Федерико де Риччи и Алессандри; имена прочихъ я забылъ. Выслушавши дѣло, они тотчасъ же сказали, что Сбиетта долженъ возвратитъ мнѣ мои деньги. Одинъ только Федерико де Риччи, не согласился съ общимъ мнѣніемъ, потому что Сбиетта былъ ему въ то время нуженъ. Судьи не желали мнѣ свое сожалѣніе, что Федерико де Риччи имѣаетъ мнѣ рѣшить дѣло въ мою пользу; Аверардо Серристорн и Алессандри, нунтъ-ли больше прочихъ, но Федерико умѣлъ протянуть дѣло до закрытія засѣданій суда, и оно осталось нерѣшеннымъ.

Герцогъ былъ въ Ливорно, и я отправился туда просить у него отпуска; я выздоровѣлъ, но дѣла мнѣ не поручали никакого, а терять времени даромъ мнѣ не хотѣлось. Герцогъ принялъ меня очень милостиво. Мы часто вадли съ нимъ верхомъ по морскому берегу, и однажды, когда онъ былъ особенно ко мнѣ ласковъ, я вздумалъ воспользоваться минутою, и рассказать ему мое дѣло съ Сбиеттой. — «Синьоръ, сказалъ я, я долженъ рассказать вамъ странный случай, который объяснитъ, почему я не могъ окончить модел Нептуна». — Я я рассказалъ ему дѣло во всей подробности и истинѣ. Говоря объ отравленіи, я прибавилъ, что если служба моя пріятна его свѣтлости, то онъ долженъ не наказатъ, а наградить Сбиетту за его угощеніе, потому что малый пріемъ яду, вмѣсто того, чтобы умертвить меня, рѣшилъ хроническое накопленіе слизи въ кишкахъ, и спасъ меня отъ болѣзни, которая года черезъ два кончилась бы смертію. Герцогъ слушалъ меня внимательно, изрѣдка прерывая рассказъ мой восклицаніемъ: «негодля!» — Я повторилъ въ заключеніе, что они мнѣ оказали услугу, и заговорилъ о другомъ.

Въ другой разъ, пользуясь веселымъ расположеніемъ герцога, я попросилъ у него отпуска, сказавши, что не желаю терять времени даромъ. Я прибавилъ, что его свѣтлость можетъ заплатитъ мнѣ остальную сумму за Персея, когда ему будетъ угодно. Герцогъ не отвѣчалъ ничего, и слова мои казались его разгѣ-

авла. На другой день одинъ изъ секретарей его, Бартоломео Кенччи, пришелъ ко мнѣ и сказалъ: «Если ты требуешь отпуска, можешь получить его; если желаешь занятій, герцогъ дастъ тебѣ работу. Дай только Богъ, чтобы ты въ состояніи былъ исполнить все, что тебѣ поручатъ!» — Я отвѣчалъ, что желаю только не оставаться празднымъ, и что охотнѣе готовъ служить герцогу изъ-за ланкетки, нежели всякому другому изъ-за червонца. — «Если такъ, такъ о чемъ же и говорить? Отправляйся во Флоренцію в будъ повоенъ; герцогъ желаетъ тебѣ добра. — Я возвратился во Флоренцію.

Въ это же время, я сдѣлалъ большой промахъ, заключивши съ Сбиготтою новую контрактъ и купивши у него еще полонину другого мѣтнія. Но да будетъ это предоставлено Богу.

Окачивши мое мраморное распятіе, я разсудилъ, что, будучу поднято, оно произведетъ гораздо выгоднѣйшее впечатлѣніе, нежели лежа на землѣ. Я повѣсилъ его на стѣнѣ и, увидѣвши, что не ошибся въ расчетъ, началъ показывать его всѣмъ желающимъ видѣть. Слухъ о немъ дошелъ и до герцога и герцогини, возвратившихся изъ Пизы; они пришли ко мнѣ неожиданно, въ сопровожденіи большой свиты. Распятіе очень имъ понравилось, и они осъпали меня похвалами, на которыя, разумеется, не носкунялся и придворные. Я поблагодарилъ и сказалъ, что лишніи меня возможности извать Нептуна, они пребудутъ во мнѣ рѣшимость совершить трудъ, за который до меня никто не осмѣливался приняться. — «Это распятіе стоило имъ невыразимаго труда, сказалъ я, но слыша ваши похвалы, я не жалѣю о томъ. Я думаю, что не найду ничего достойнѣе быть принесену въ даръ вашимъ свѣтлостямъ, и потому прошу васъ принять это распятіе.» Изъ рабочей пошли мы всѣ ко мнѣ въ домъ. Первое, что поразило взоры герцога и герцогини, была моя модель Нептуна. Герцогиня, увидѣвшая ее въ первый разъ, неволью вскрикнула отъ удивленія: — «Никогда не могла бы я себѣ вообразить такую прекрасную вещь», сказала она. На что герцогъ отвѣчалъ ей нѣсколько разъ: «не говорилъ ли я вамъ?» Герцогиня подозвала меня къ себѣ и наговорила мнѣ множество комплиментовъ, очень походившихъ на извиненія. Въ заключеніе она сказала, что я могу самъ выбрать себѣ кусокъ мрамору и сдѣлать изъ него, что мнѣ угодно. — Они ушли; но протекло много послѣ того недѣль, а обо мнѣ не помянули ни словомъ. Это привело меня почти въ отчаяніе.

Въ это время королева французская прислала во Флоренцію Баччіо дель Бене занять у герцога денегъ. Я былъ съ нимъ когда-то въ короткихъ отношеніяхъ, и мы тотчасъ узнали другъ друга. Однажды онъ спросилъ меня: какими важными трудомъ занять я теперъ? Я рассказалъ ему, всё продолженіе съ статуею Нептуна, и несправедливость герцогини. Тогда онъ объявилъ мнѣ отъ имени ея величества, что она очень желала бы окончить мавзолей супруга своего Генриха, для котораго Даніелло де Вальтерра взялся сдѣлать колоссальнаго бронзоваго коня, но пропустилъ назначенный срокъ, и не представилъ его; что кромѣ того этотъ памятникъ требуетъ еще многихъ украшеній, и что если я хочу возвратиться во Францію, то королева согласна на всякія условія. Я отвѣчалъ, что объ этомъ надо поговорить съ герцогомъ, и, если онъ позволитъ, такъ я охотно готовъ возвратиться во Францію.

На другой день Баччіо, при свиданіи съ герцогомъ, спросилъ, позволитъ ли онъ мнѣ поступить на службу ея величества, но герцогъ отвѣчалъ: «Бенвенуто человекъ даровитый, но не хочетъ работать.»—И съ этими словами онъ перебилъ разговоръ.—Все это пересказалъ мнѣ самъ Баччіо. Я не выдержалъ, и сказалъ: «его свѣтлость не поручалъ мнѣ никакой работы, а между тѣмъ я собственными средствами исполнилъ труднѣйшія въ мірѣ работы, на которыя, не смотря на мою бѣдность, издержалъ больше двухъ сотъ скуди. Что же сдѣлалъ бы я при помощи его свѣтлости? О, ко мнѣ очень несправедливы!» — Баччіо передалъ эти слова герцогу; но тотъ отвѣчалъ, что это шутка, и что онъ не хочетъ меня отпустить. Это раздражило меня до такой степени, что я хотѣлъ уѣхать безъ спросу, но королева, не желая оскорбить герцога, замолчала о моемъ приѣздѣ во Францію; и я принужденъ былъ остаться.

Около этого времени герцогъ оставилъ Флоренцію со всѣмъ своимъ дворомъ и со всѣми дѣтьми, исключая принца, бывшаго въ это время въ Испаніи. Они отправились въ Пизу черезъ сіенскія болота. Кардиналъ первый испыталъ на себѣ вліяніе нездороваго воздуха, и въ нѣсколько дней умеръ отъ гнилой горячки. Онъ былъ правою рукою герцога; всё жалѣли о немъ. Я ожидалъ нѣсколько времени, и, когда могъ предполагать, что скорбы уже поутихла, отправился въ Пизу.

Туть кончаются собственноручныя записки Бенвенуто Чел-

дни. Онъ прожилъ еще 8 лѣтъ, и происшествiя остальной жизни его дошли до насъ въ немногихъ отрывкахъ. Важнѣйшiя событiя этихъ годовъ: постриженiе въ монахи, возвращенiе къ свѣтской жизни и женитьба. Читатель замѣтилъ въ немъ конечно борьбу религiозныхъ идей съ страстною натурою. Переходъ къ монашеству свидѣтельствуетъ о чистосердечномъ желанiи его подавить въ себѣ такъ называемыя земныя страсти, но возвратъ къ миру доказываетъ, что идеи не могли ослѣпить крови, и природа взяла свое. — Онъ женился на 60-томъ году своей жизни; умеръ въ 1570-томъ, оставивши двухъ дочерей и сына.

